

РОДНОЙ ЛАНДШАФТ

Мария и Виктор Котляровы

Занимательное путешествие
с авторами и героями книг по республике,
которую называют жемчужиной Кавказа

взгляд в прошлое

Баксанское ущелье

исторические экскурсии

Приэльбрусье

обычаи и традиции

Приэльбрусье: Джилы-су

памятники культуры

Чегемское ущелье

достопримечательности

Хуламо-Безенгийское ущелье

археологические находки

Черекское ущелье

базы туризма и отдыха

Нальчик и его окрестности

геопатогенные зоны, необычные явления

Кабардинская равнина

знаковые личности

Живописная Кабардино- Балкария

2-е издание,
исправленное

Нальчик 2011

«Живописная Кабардино-Балкария» – книга-путешествие по республике, которую называют жемчужиной Кавказа. В ней рассказывается о природных достопримечательностях, памятниках – древних крепостях, могильниках, наскальных рисунках, археологических находках, встречах с необычными явлениями и фактами, базах туризма и отдыха, этнографических моментах быта титульных народов республики, людях, знаковых для кабардинцев и балкарцев.

В своей работе авторы используют многочисленные публикации путешественников, исследователей Кавказа. При описании истории, обычаев и традиций народов, населяющих республику, приводятся сведения европейских и русских авторов XVIII–XIX веков, чьи труды в основном известны специалистам, а если и переиздавались, то небольшими тиражами. Дается расшифровка географических и топонимических названий. Каждая из глав книги снабжена кратким резюме на английском языке, списком объектов, на которые следует обратить внимание, вкладкой цветных фотографий.

Авторы не стремились объять необъятное, а хотели лишь одного – показать хоть часть тех удивительных богатств, которыми Создатель наделил благословенную землю – Кабардино-Балкарию, поделиться своей любовью к малой родине, зажечь искру восхищения в тех, кто еще незнаком с ее природой и людьми.

Это не учебник истории или географии и не сборник статистических или иных сведений. Это Кабардино-Балкария, которую авторы любят и которой гордятся. Республика, чудеса которой им хотелось поделиться с другими – бескорыстно, как делятся счастьем, если оно переполняет...

© М. А. и В. Н. Котляровы, 2011
© Ж. А. Шогенова. Фото, 2011
© Н. А. Смирнова. Перевод, 2011
© Издательство М. и В. Котляровых
(«Полиграфсервис и Т»), 2011

УДИВИТЕЛЬНЕЙШИЙ УГОЛОК ПЛАНЕТЫ ЗЕМЛЯ

«Живописная Кабардино-Балкария» назвали мы свою книгу и этим, с одной стороны, приняли на себя немалую ответственность, а с другой – вызвали определенное недоумение: все-таки «живописность» – термин искусствоведческий, применяемый для характеристики особого рода стилистических явлений в области живописи, графики, скульптуры. Но прилагательное «живописный» синонимично не только понятиям, достойным кисти художника, но и таким, как «красивый», «яркий», «образный». У изданий с подобным определением давняя, апробированная история. Еще в 1839 году в Санкт-Петербурге вышла книга, содержащая извлечения из записок великих мореплавателей, которая называлась «Живописное путешествие в Южную и Северную Америку». В 1877–1879 годах типография «Общественная польза» выпустила четырехтомник, отнеся прилагательное «живописный» к частям света – Америке, Африке, Европе, Азии и Австралии.

А на исходе века девятнадцатого был осуществлен монументальный проект – «Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении».

20 большеформатных книг (некоторые из 12 томов состоят из двух частей), вышедших в Санкт-Петербургской типографии М. О. Вольфа под редакцией П. П. Семенова (того самого, открывшего в 1906 году Тянь-шаньскую горную страну), – это популярный рассказ о природе и людях страны нашей, снабженный множеством великолепных иллюстраций. Девятый том (кстати говоря, самый дорогой по каталогам-прейскурантам и наиболее ценимый библиофилами), изданный в 1883 году, называется «Кавказ».

Перелистывая страницы этого солидного фолианта бордового цвета, посвященные титульным народам нашей республики – кабардинцам и балкарцам, невольно сожалеешь: как мало отведено достопримечательностям Кабардино-Балкарии. Что вполне объяснимо: Кавказ – большой, обо всех и обо всем в одной книге не расска-

жешь. А ведь нашу республику называют жемчужиной Кавказа. И в этом нет никакого преувеличения.

Наоборот, любой человек, знающий о КБР не понаслышке, не мимоходом, галопом, так сказать, ознакомившийся с ее природными достопримечательностями, а прошедший ее тропинками, вьющимися по удивительной красоте ущельям, взбиравшийся на ее могучие, разрывающие небесную оболочку, пятитысячники, встречавший алый рассвет у подножия Эльбруса, любовавшийся ее бурливыми реками и не знающими усталости водопадами, бездонной голубизны горными озерами и переливающимися всеми цветами радуги альпийскими лугами, согласится с нами: это мировая жемчужина, один из самых удивительнейших уголков на нашей планете.

Наверно, не совсем правомерно было бы сравнивать один живописный ландшафт с другим, ибо как нет у природы плохой погоды, так нет на Земле мест хуже или лучше – каждое божья благодать. Поэтому мы и не хотели, рассказывая о Кабардино-Балкарии, сравнивать ее, допустим, со Швейцарией – хотя такие параллели для определенного круга лиц могут показаться даже лестными. Тем более что в подобного рода сравнениях мы далеко не первопроходцы: в первом томе «Вестника Европы» за 1886 год заинтересовались очерком И. Иванюкова и М. Ковалевского, озаглавленным «У подошвы Эльборуса». И наткнулись на такие слова: «Нерон не мог бы избрать себе лучшего места, сказал один из наших товарищей. Все члены нашего общества были хорошо знакомы со Швейцарией, и все мы соглашались, что таких красот, такого величия природы, какие мы видели в последние два дня, не найдешь в Швейцарии».

Так вот, значит, откуда пошло словосочетание «Швейцария отдыхает», ставшее своего рода знаком высшего признания в молодежной среде.

Она действительно отдыхает – облагороженная, чистенькая, приглаженная, уютная, исхоженная вдоль и поперек европейская страна. Вы можете представить в отношении нее определения «дикая природа», «нехоженые тропы», «первозданная красота»? А коль мы говорим о нашей республике, все это воспринимается естественно, как само собой разумеющееся. Родившись в Кабардино-Балкарии, прожив здесь более полувека, не раз побывав в ее дальних и близких уголках, задумав этот проект, мы вдруг поняли, что толком-то ничего не знали о местах, в которых живем, что непостижимый край этот нам предстоит еще открывать и открывать. И даже если мы будем

заниматься этим ежедневно, то жизни человеческой не хватит, чтобы увидеть и поведать – рассказав, показав – обо всем, что здесь есть, что достойно внимания и лицезрения.

И тем не менее мы решили приступить к составлению зримого художественного образа нашей республики. С этой целью совершили десятки поездок по ее достопримечательным местам – солнечным утром и дождливым днем, в летний полдень и весенний вечер мы раз за разом бывали как будто в одних и тех же местах и не переставали удивляться их новизне и непохожести. Мы взбирались на горные кручи и срывались (что скрывать, бывало и такое) с немыслимой крутизны, но провидение было с нами и оно дало увидеть и донести.

Мы пробирались сквозь заросли луговых трав, вымахавших выше человеческого роста – точь-в-точь как в майнридовских киноэкранизациях об исследователях, пробивавших топориками дорогу через джунгли, и спускались в подземные пещеры, со стен которых свисали сталактиты; мы десятки раз переходили бурливые речки, взбирались по кручам, забывшим о ногах человеческих, чтобы увидеть, приблизиться, дотронуться до рисунков первобытных людей, еще сохранившихся, несмотря на время, ветра и дожди в укромных уголках горных пещер; мы застревали на дорогах, заносимых снежными вихрями, штурмовали горные перевалы, подталкивая свой непривычный для бездорожья транспорт; мы утоляли жажду шипучим нарзаном и бродили по развалинам заброшенных аулов; любовались изумрудом водопадов, слетавших с многометровой высоты и падавших не отвесно вниз, а уносимых ветром далеко в сторону, опоясанных коромыслом радуги, до которой можно было дотронуться руками...

Впрочем, обо всем этом более подробно рассказано в каждом из изданных нами альбомов-путешествий, а в книге – в каждой из восьми составляющих ее глав. А пока о самом издательском проекте «Родной ландшафт», в рамках которого вышли фотоальбомы «Кабардино-Балкария: природная жемчужина», книга-путешествие «Живописная Кабардино-Балкария», энциклопедическое издание «Кабардино-Балкария: жемчужина Кавказа». Из восьми фотоальбомов четыре посвящены ущельям: Чегемскому, Черекскому (Балкарскому), Хуламо-Безенгийскому и Баксанскому. В само Баксанское ущелье вошли материалы, воссоздающие виды Тызыла, Урды, Канжола, Бедька, Тютюсу и других не менее живописных мест.

Два альбома рассказывают о Приэльбрусье – один полностью отдан видам, пожалуй, одного из самых удивительнейших уголков

республики – урочища Джилы-су, а другой как местам широко популярным (Терскол, Азау, Чегет, Адыл-су, Адыр-су), так и не столь известным (Кыртык, Сылтран).

Седьмой альбом посвящен столице Кабардино-Балкарии – городу Нальчику и его окрестностям. Восьмой – путешествию по равнинной Кабарде...

В процессе подготовки материала было решено рассказать не только о природных памятниках и достопримечательностях Кабардино-Балкарии, но и о базах туризма и отдыха, археологических находках, флоре и фауне; воспроизвести этнографические детали быта титульных народов республики, поведать о людях, знаковых для кабардинцев и балкарцев. Не обошли мы вниманием и таинственные места, так называемые геопатогенные зоны. В своей работе мы опирались на многочисленные публикации путешественников, исследователей Кавказа, просмотрев для этой цели сотни самых разных книг – научных, художественных, публицистических. Выдержки из них рассказывают как о природных объектах Кабардино-Балкарии, так и археологических находках, памятниках – древних крепостях, могильниках, наскальных рисунках, достопримечательностях, встречах с необычными явлениями и фактами.

Не могли мы обойти вниманием историю, обычаи, традиции, ментальность народов, населяющих республику, – в помощь здесь привлечены европейские и русские авторы XVIII–XIX веков, чьи труды в основном известны только специалистам, а если и переиздавались, то небольшими тиражами, многие же так и остались не востребуемыми в архивах и библиотеках. Все цитаты снабжены ссылками на первоисточники и их авторов. По возможности дается расшифровка географических и топонимических названий. Каждый альбом, а в нашем случае – главы книги снабжены кратким резюме на английском языке. За это наша огромная благодарность доктору филологических наук Наталье Смирновой.

Мы не стремились объять необъятное, а хотели лишь одного – показать хоть часть тех удивительных богатств, которыми Создатель наделил благословенную землю – Кабардино-Балкарию, поделиться своей любовью к нашей малой родине, зажечь искру восхищения в тех, кто еще незнаком с ее природой и людьми. Естественно, наша работа во многом личностная, да она и не могла быть иной, ибо писали мы прежде всего о том и о тех, что дорого именно нам и кто нам близок. Поэтому заранее просим прощения у всех, кого разоча-

рует наш труд, кто не найдет в нем описания каких-то событий, лиц, деяний, объектов – перед вами не учебник истории или географии и не сборник статистических или иных сведений. Это наша Кабардино-Балкария, которую мы любим и которой гордимся. Республика, чудесами которой нам хотелось поделиться с другими – бескорыстно, как делятся счастьем, если оно переполняет... И поэтому мы взяли в это путешествие множество людей – влюбленных в наш край, посвятивших ему немало вдохновенных страниц, оставивших здесь частичку своего сердца. Надеемся, что они не будут в обиде за столь обильное цитирование их трудов. В цитатах сохранено авторское написание географических названий.

Построение книги идет в какой-то мере от альбомов, входящих в серию «Кабардино-Балкария: природная жемчужина» – с Баксанского ущелья, с которого и начинается знакомство с республикой для большинства прибывающих к нам гостей. Далее их путь лежит в Приэльбрусье, где чаще всего и заканчивается. К сожалению, маршруты по таким ущельям, как Чегемское, Черекское, Хуламо-Безенгийское, не так популярны, но вовсе не менее занимательны и интересны. Продолжает книгу рассказ об истории, памятниках, достопримечательностях столицы КБР – городе Нальчике. А завершается краткий экскурс по так называемой Кабардинской равнине.

Но перед началом пути – короткое знакомство. Кабардино-Балкарская Республика расположена в центральной части Большого Кавказа и примыкающей к ней Предкавказской равнины, носящей название Кабардинская. Ее площадь составляет 12 470 квадратных километров. Она граничит: на востоке – с Республикой Северная Осетия–Алания, на западе – с Карачаево-Черкесской Республикой, на севере – со Ставропольским краем, на юге – с Грузией, где по Главному Кавказскому хребту проходит государственная граница Российской Федерации. Территория республики составляет 160 километров с востока на запад и 110 километров с севера на восток.

Из семи пятитысячников (вершин, превышающих 5000 метров над уровнем моря) Кавказа шесть (за исключением Казбека) находятся на территории Кабардино-Балкарии: Эльбрус (западная вершина – 5642,7 м, восточная – 5621 м, седловина – 5322 м), Дых-тау (5204 м), Коштан-тау (5151 м), Шхара (5068 м), Джанги-тау (5085 м), Пик Пушкина (5100 м).

Горы занимают более 60 процентов территории республики, образуя пять параллельных хребтов: Лесистый (Меловой), Пастбищ-

ный, Скалистый (Юрский), Боковой (Передовой), Главный (Водораздельный). Хребты эти, за исключением Главного, прорезаны семью ущельями – Малкинским, Баксанским, Чегемским, Черекским, Хуламо-Безенгийским, ущельем Псыгансу и Лескенским (Хазнидон). Именно по ним протекают реки Малка, Баксан, Чегем, Черек, Псыгансу, Лескен, питая равнину водами с тающих ледников Главного и Бокового хребтов и впадая в Каспийское море. Наиболее живописны Скалистый хребет, сложенный из пород розовато-желтого оттенка, образующих каньоны и теснины, прорезанные бурливыми реками; Боковой и Главный, образованные цепью белоснежных вершин, на которых никогда не тает снег, и, естественно, двуглавый великан Эльбрус, с чьей идеальной красотой форм не может сравниться ни одна из вершин Европы и Кавказа.

Итак, наше путешествие начинается...

THE MARVELOUS CORNER OF OUR PLANET

Kabardino-Balkaria is called the pearl of the Caucasus. There is no exaggeration at all. More than that. Everybody who knows our republic not at random, occasionally but directly, even intimately, i.e. through its canyons, mountains, rivers, the highest in Europe peaks, waterfalls, alpine meadows, lakes, fresh mountainous air and its sky, will agree that it is a world masterpiece.

Perhaps, it's not correct to compare and to rank speaking about Earth landscape creations because every place is a kind of God's grace. But there is no place like home. And when this home is Kabardino-Balkaria you don't compare and rank: you are simply delighted.

Being the natives of this land, seeming to have got everywhere, the authors one day (in 2004, when we planned this edition) realized that our home land is somewhat *terra incognita* and it requires discovery. At the same time we understood that it is a boundless task.

Nevertheless we decided to set to work just to make some indisputable visual image of our republic – a kind of *self-portrait* in photos. Intending to do it we made a lot of journeys. But each time one and the same place seemed different depending on weather, time and our inner state. It's unbelievable but each place is some simultaneous co-existence of instant and eternity, unique and everyday life, of available and unavailable to sight and feelings. Colours, hues, shades. Nuances beyond expression: cliffs and underground caves, eagles in the sky and pebbles in the transparent water of streams, rainbows of waterfalls and snow on the mountain summits, crossings just on the very top of the world and springs of mineral water coming from the very core of the earth...

Well, you'd rather become acquainted with the project "Home Landscape" including seven photo albums under the title "Kabardino-Balkaria: the masterpiece of nature".

4 albums are devoted to such picturesque canyons as Chegem, Chereck, Khulam-Bezengy and Baksan ones. The album describing Baksan canyon contains views of Tizil, Urda, Kanjol, Bedik, Tjutjusu as well as the views of other wonderful places.

2 next albums give a detailed picture of the Elbrus region. The first is entirely given to Jili-Su – one of the most amazing corners of Kabardino-Balkaria. The second album is the collection of photos of such popular places as Terskol, Azau, Cheget, Adil-Su, Adir-Su, as well as the presentation of the places less known which, however, are worth seeing: they are Kirtik, Siltran and others.

The last album is devoted to the capital of Kabardino-Balkaria. It is in particular Nalchik, its vicinities (the canyon Kheo), the plains of Kabarda, an ancient town-fortress Julat, sacred hills of Kizburun...

In the process of making the illustrative part of the albums we decided to represent not only the nature places of interest and remarkable sights of Kabardino-Balkaria but tourist centers and rest houses, archeological finds, flora and fauna as well. Then we added some ethnographic data concerning the title nations of the republic, i.e. Kabardinian and Balkarian. The same aim has the photo retrospective of the works by pre-revolutionary (i.e. before 1917) photographers from the museums of Nalchik, Vladikavkaz, St.Peterburg and drawings from the books by European and Russian researchers of the Caucasus.

The numerous sources – books and articles by travelers and scientists, including historical, sociological, cultural editions and works of fiction – became the basis of our own work. The quotations from them tell about natural phenomena along with cultural events and artifacts.

The albums are supplied with maps. The most important geographical names and toponames are deciphered.

We don't want to embrace the unbounded. Our only wish is to reveal only a small part of our home land wonders – wonders of the Country of Elbrus.

Let us make a short introduction before starting. Kabardino-Balkaria is situated in the central part of the Great Caucasus and adjoining plain called Kabardinian plain. Its area is 12 470 sq. km. It borders on Alania in the East, Karachay-Cherkess Republic in the West, Stavropol land in the North and Georgia – in the South. The last mentioned is at the same time the state frontier of Russia. Kabardino-Balkaria stretches from east to west for 160 km and from north to east – for 110 km.

Six highest (above 5000 m) Caucasian peaks from the seven (except Kazbek) are in Kabardino-Balkaria. They are: Elbrus (5642,7 and 5621), Dich-Tau (5204), Koshtan-Tau (5151), Shkhara (5068), Djangy-Tau (5085), Pushkin Peak (5100 meters high correspondingly).

Mountains occupy more than 60 per cent of the republic's territory forming five parallel ranges: Woody, Pasturable, Rocky, Lateral, Main. These ranges, except Main, are cut by seven canyons with the rivers Malka, Baksan, Chegem, Chereck, Psigansu, Lesken with the water from the mountains of the Main and Lateral canyons. These rivers flow into Caspian Sea.

Rocky, Main and Lateral ranges are considered to be the most picturesque with their cliffs of yellow-pink shades, turbulent rivers, chains of white tops with never melting snow. And, of course, we should mention Elbrus – the marvelous giant with its two summits, the highest mountain in Europe. It is really beyond any comparison. It is even above imagination. So, we begin our journey... Enjoy it!

You are welcome!

БАКСАНСКОЕ УШЕЛЬЕ

БАКСАНСКОЕ УЩЕЛЬЕ:

это стоит увидеть

Скала Кызбурун

Гора Махогапс

Священные кызбурунские холмы

Памятник Жабаги Казаноко

Тызыльское ущелье:

наскальные рисунки,
озеро в горе,
рунические надписи,
развалины поселка Солнечный

Урочище Урды

Канжол:

место битвы с крымцами,
Алеготова скала

Грот «Сосруко»

Мавзолей Камгута

Развалины крепости княгини Гошаях

Кырткская долина:

могильники,
нарзаный источник

Собственно Баксанское ущелье как таковое начинается за селением Лашкута, но вот дорога в него – из города Баксана. И поэтому вполне закономерно начать наше повествование именно отсюда – с родины классика кабардинской литературы поэта Али Шогенцукова, родившегося в селении Старая Крепость, ныне слившемся с Баксаном. В 1964 году здесь, в Баксане, поэту установлен памятник (скульптор М. Тхакумашев).

...На всех известных фотографиях Али печален, скорбные складки у рта рельефны и реальны. В жизни, говорят, он улыбался редко, но то была особенная улыбка, освещавшая лицо нежностью и сердечностью, застенчивым выражением потаенных глубин души. Он глубоко чувствовал своих собеседников, а не только понимал их. Поэтому в общении был разным, но неизменно внимательным и выдержанным. Этикетным, одним словом. Ведь адыгство сильно своими этикой и этикетом, создающими особый взгляд на мир, свою неповторимую культуру и нравственный стержень этноса. В данном смысле Шогенцуков именно адыгский поэт, однако значение его творчества выходит далеко за рамки чисто национального явления.

Он хорошо знал не только историю, но и быт, нравы своего народа. Учение и путешествия по другим землям подарили ему возможность сравнения и трезвости оценок. Двадцатые-тридцатые годы прошлого века в их противоречивости рождали энтузиазм, оптимизм, но в той же мере, как оказывается на самом деле, лицемерие и страх. Балансируя между подобными нравственными установками окружающей традиции моральные ценности, единственно доступным ему путем: через поэзию. Он не мог не учитывать сравнительно низкий уровень просвещенности народа – язык его произведений и характеристики персонажей ясны, доступны пониманию и подражанию им. Такое стало возможным не только благодаря особенному воображению Али-поэта, но и прежде всего глубоко страдающей душе Али-человека. Сила его переживаний была столь велика, что из обыденной истории о девушке, проданной богатею, выросла поэма «Мадина», потрясшая читателей трагизмом, безысходностью и волевым отнятием не только счастья, но фактически и самой жизни женщины. Перед властью денег бессильны адаты... Читательское сознание озаряется ясным пониманием плохого и хорошего, оно неизбежно становится более человечным, развивается сострадание.

Психология лежит в основе всех произведений Али. К. Юнг сказал бы, что независимо от художественной формы содержание их «про-

исходит неизменно из областей человеческого опыта, из психического переднего плана, наполненного наиболее сильными переживаниями». Такое творчество находится в границах понятного, здесь жизнь и природа людей с их красотой и ужасами. Поэтому Али так любим народом. С детства читанные строки западают в память, красота и выразительность поэзии Али ведут по жизни многих кабардинцев, понимают они это или нет.

«Камбот и Ляца» в переводе Семена Липкина подобна песне. Эпические мотивы усиливаются лирическим видением материала, эмоциональная сила воздействия возрастает. В мировой литературе есть темы посильнее, но есть ли истории трогательнее, чем эта?.. Наивным кажется человек, добывающий того, что ему кажется справедливым. Возвышенный сказ Али в защиту маленьких людей, отстаивающих всеми доступными средствами свое право на свободу, на счастье, на право быть любимым, заканчивается смертью героев. Это вызывает протест читателя, но такова историческая правда, и здесь поэт объективен. Он не идет на поводу у собственных чувств, он регистрирует внеличный человеческий процесс. Светлейшая грусть остается в душе каждого, кто прочитал или увидел на сцене «Камбота и Ляцу». Конечно, сейчас другое время. Волны знаний и информации захлестывают не только умы, но и сердца, делая привычными, повседневыми атрибутами страдания, гибель тысяч людей. Локальные войны и атмосфера насилия, национальное и конфессиональное недоверие и конфронтация отодвигают для взрослого человека явление литературы на второй или третий план. Но дети рождаются и воспитываются всегда, они легко воспринимают идеи и образы не только национальные, но и вселенские, всечеловеческие. Та святость чувств, что есть в «Камботе и Ляце», будет доступна и кабардинцу, и любому другому. А какое сердце не содрогнется от горя матери из «Зимней ночи», продавшей волосы, чтобы спасти больного ребенка! На этом фоне меркнет святочная история из «Дара волхвов», поведенная О'Генри, где девушка лишается своих роскошных кос, чтобы купить рождественский подарок избраннику.

Али был от природы наделен не только богатым воображением, обаянием, но и даром просветителя. «Два дня моей жизни» – поэтическая квинтэссенция его мечты о просвещении народа. Школ сегодня в общем-то хватает, как и хороших учителей. Нужны просветители, как и всегда. Они редки, почти как пророки. Али был таким редкостным человеком. Он рано покинул землю – мы не знаем, что он мог

еще совершить. Мы не знаем всего созданного им – утрачена поэма «Кызбурун», исчезла синяя папка с его лирическими стихотворениями. Мы знаем, что Али был кому-то как кость в горле, и его посадили в эшелон, прямиком отправившийся в вечность.

...Его могилы нет ни в пойме реки Нальчик, ни на родовом кладбище в Баксане¹. Как сын человеческий он повсюду, а как мученик уже давно обрел святость. В день предполагаемой его кончины, 29 ноября, мы зажигаем свечу и молимся. Как делаем это для родных и близких, перешедших в иные миры, но живущих с нами и в нас... Гори, свеча... Живи, Али...

Дорога в Баксанское ущелье – одна из самых благоустроенных в республике, но, право, не стоит разгоняться: здесь так много интересного и необычного. Вот прямо над шоссе нависла скала Кызбурун (расположенное напротив нее селение Исламей до недавнего времени называлось Кызбурун Второй). Обиходным стал перевод этого названия как «девичья скала». В путеводителях советского времени писали, что «во времена седой старины с ее вершины, как свидетельствуют предания, по приговорам фанатиков-мулл сбрасывали в бурные реки непокорных женщин-горянок»². В постсоветских уточняли, ссылаясь на те же предания, – «с этой скалы сбрасывали в Баксан неверных жен»³.

Впрочем, идеологические акценты не отражались на итоговой судьбе прекрасного пола. Кстати говоря, многие переводят *кызбурун* как «красный нос». А скала эта действительно чем-то похожа на человеческий нос и сложена из красных горных пород. Здесь же уместно будет сказать, что впервые легенда о происхождении названия Кызбурун (у публикатора – Кыз-Бурун) была обнародована И. Т. Раджицким во втором томе журнала «Отечественные записки» за 1827 год. Вот что сообщает барон Карл Сталь в работе «Этнографический очерк черкесского народа», написанной им в 1846–1852 годах: «Каз-Буруном называется возвышенность правого берега реки Баксана при выходе этой реки из ущелья на плоскость. Она известна также и под названием Кыз-Бурун (т. е. девичий мыс) и на наших старых картах именуется Девичьим рынком. Песня о Каз-Бурунской битве приведена Ш. Б. Ногмовым в его «Истории адыгейского народа» (Тифлис).

...«Каз-Бурун» составлена размером наподобие гекзаметров, и она поется с аккомпанементом пшины, как пели «Илиаду» древние рапсоды. Содержание «Каз-Буруна» следующее: князя Большой Кабарды, потомки Кабарда, старшего сына Инала, хотят посадить для княжения над бесленеевцами одного из своих князей, но у бесленеевцев

остался наследником малолетний князь, потомок Беслана, младшего сына Инала, и потому бесленеевцы сопротивляются. Князя Большой Кабарды вооружаются. Бесленеевцы, как слабейшие, приглашают в помощь все закубанские черкесские племена и крымского хана. Собираются все закубанские воители. Здесь поэт делает описание всех народов и князей, участвующих в союзе, вычисляет дворянские роды. Скопище поднялось и двинулось в Большую Кабарду. Кабардинцы также собрались, заняли позицию на реке Баксане и укрепили ее опрокинутыми арбами. Завязывается бой, темиргоевцы и бжедухи показывают чудеса храбрости, растаскивают арбы, врываются в укрепление. Победа остается за закубанскими черкесами, и кабардинцы отказываются от своих притязаний. Этим кончается поэма»⁴.

...Здесь же, неподалеку, можно непосредственно соприкоснуться еще с одним из преданий – якобы именно на находящейся поблизости горе Махогапс покоится прах Кабарда Тамбиева. Вот что писал М. Владыкин, побывавший здесь в 1872 году, в своем знаменитом «Путеводителе и собеседнике в путешествии по Кавказу»: «Переправившись через Баксан и проехав в аул Атажукина, мы скоро стали взбираться, как велел Измаил, на гору Махогапс. Взобрались на вершину и увидели кучу камней, обнесенную полуразвалившимся плетнем.

– Здесь! – сказал Бек-мурза.

– Это могила, – пояснил Джамбот, – Кабарды Тамбиева, родоначальника кабардинцев.

Я оглянулся кругом и был поражен внезапно открывшейся панорамой. Лучшего места для могилы своего родоначальника не могла выбрать народная фантазия. Перед нами, внизу, как на ладони, была вся прежняя Кабарда, из которой, как острова из моря, выросли пятигорские горы: Бештау, Машук и др.; вправо было Чегемское ущелье, за которым тянулась бесконечная линия Черных лесных гор; впереди их необозримая равнина сливалась с горизонтом, по ней бежали кабардинские речки и Терек, терявшийся у Моздока (около 150 верст от Пятигорска); влево, полное грозовой тучей, чернело Баксанское ущелье, а над ним возвышался Эльбрус, от которого тянулась бесконечная снеговая цепь, замыкавшая южную сторону панорамы. Кругом была мертвая тишина. Я сел на камень и любовался картиной»⁵.

Кстати говоря, из данного путеводителя практически ничего нельзя узнать о быте, обычаях и традициях местного населения – никаких систематизированных знаний, одни поверхностные наблюдения, категорические выводы, взгляд, так сказать, поверх голов. Суждения,

вступающие в явное противоречие с авторской преамбулой: «Кавказ для каждого русского путешественника представляет одну из самых интересных стран мира. Здесь все интересно: и природа, и люди». И поэтому более к путеводителю М. Влдыкина мы не обратимся.

Места здесь не только живописные, но и таинственные, особенно когда речь заходит о так называемых кызбурунских холмах. Вот что писала одна из центральных газет: «Холм Кызбурун – возвышенность, которую в Кабардино-Балкарии считают чудодейственной. С некоторых пор сюда тянутся паломники и археологи. Одни уверены, что это кладбище мусульманских праведников. Другие – что скифские захоронения. Установить истину не позволили местные жители, не желающие, чтобы кто-то осквернял усыпальницу. Люди оберегают красивую легенду холма.

Местная жительница Зурияна Кунашева с детства видела ангелов. Они «сообщали», какие ритуалы следует соблюдать во время намаза. Однажды Зурияна увидела сон: курган около селения светился. А потом как-то утром, перед рассветом, на Кызбурун пришла группа людей, которые заметили, что он горит неземным огнем. Люди усердно стали молиться, и большинство избавилось от болезней! Очень скоро весть о чудесных исцелениях на холме разнеслась по республике. Экстрасенсы зафиксировали над Кызбуруном мощное положительное поле. Правда, научных исследований вблизи холма не проводилось. И все-таки есть у него вполне «ощутимые» особенности: земля всегда теплая. А по весне, когда вокруг все зеленое, курган выделяется желтым цветом травы»⁶.

Как и всегда бывает, действительность оказалась несколько иной. Место, о котором так много писалось, мы искали достаточно долго – сельчане посылали нас то в одну сторону, то в другую, кое-кто вообще не мог понять, о чем идет речь, пока, наконец, не нашелся «краевед», знающий всё и обо всем.

Внешне так называемый священный холм мало отличим от других – такой же поросший зеленой травой, с достаточно пологим верхом. Взобраться на него совсем просто, на вершине видны следы раскопок. Из книги «Древности Кабардино-Балкарии» можно узнать, что кызбурунские курганы ученый Б. Е. Деген-Ковалевский, исследовавший их в 1932 году, относит к XIV–XV векам.

Земля на кургане действительно теплая, но и день, когда мы побывали здесь, был отнюдь не холодным...

По дороге в Баксанское ущелье расположен один из самых протяженных населенных пунктов Кабардино-Балкарии – Заюково. По-

смотрите на цифры на спидометре при въезде в него и выезде – 12 километров! Именно на столько протянулось ныне это кабардинское селение. Кстати говоря, в путеводителе по Кабардино-Балкарии, вышедшем в 1971 году, цифра эта ровно в два раза меньше, то есть уже в ближайшем времени селения, лежащие по трассе, сольются, превратившись в единый мегаполис. (Хотя понятно, что употребление второй составляющей этого слова – *полис* с греческого «город» – не совсем уместно.)

Само название Заюково (Зеикъуэ) в переводе с кабардинского означает «Кизиловая долина», и до своего переименования в 1920 году данный населенный пункт назывался Атажукино. С чем было связано переименование, понятно – князя у новой власти были не в чести, хотя один из носящих эту фамилию – Измаил-бей Атажукин – личность поистине легендарная. Участник взятия знаменитой турецкой крепости Измаил (1790), отмеченный «за храбрость и усердие» великим полководцем Александром Суворовым, в совершенстве знавший несколько языков, в том числе французский, он обрел бессмертие благодаря поэтическому гению Михаила Лермонтова, создавшего поэму «Измаил-Бей». «Между кизиловых дерев / Аул рассыпан над рекою; / Стоит отдельно каждый кров / В тени под дымной пеленою», – это об Атажукино и одновременно о Заюково.

Представляют интерес слова врача Ф. П. Газа, чье имя связано с исследованиями Кавказских минеральных вод: «...Во время моего вторичного посещения Константиногорска узнал от черкесского князя Измаила-бея, что позади Бештау действительно существует горячий источник, что он сам купался в нем и что он охотно меня бы туда проводил. Я очень обязан князю Измаилу-бею и всякий, кто будет пользоваться этими водами, также будет благодарен за любезность и обязательность в доставлении необходимых проводников и устройстве поездки к этим водам»⁷.

Именно Измаил Атажукин является автором выражения, ставшего крылатым: «Благоразумие наших предков, которых память нам любезна, советовало нам жить под защитой великого государства Российского». Живут в народной памяти и многие высказывания другого знаменитого атажукинского мудреца – Жабаги Казаноко. Вот что пишут известные кабардинские ученые Заур Налоев и Адам Гутов, составители монументального труда «Сказания о Жабаги Казаноко»: «История знает немало национальных героев, которые с наибольшей полнотой воплощали в себе прогрессивные тенденции эпохи, и од-

ним из них был знаменитый кабардинский мудрец Жабаги Казаноко, чей образ вошел в устное творчество многих народов Северного Кавказа как эталон мудрости, справедливости и рыцарской доблести и до сих пор продолжает оказывать благотворное влияние на мышление и поведение людей. Еще при жизни он так полюбился простому народу, что после его смерти разноязыкие племена региона стали причислять его к своим этническим героям. Характерно в этом смысле балкарское предание, согласно которому Чегемское и Баксанское ущелья оспаривали честь считаться родиной мудреца. В Кабарде же слово, приписываемое ему, всегда пользовалось авторитетом истины: чтобы прекратить самый жаркий спор, было достаточно привести соответствующее казаноковское изречение»⁸.

Жабаги Казаноко (чьи даты жизни ученые определяют лишь примерно – 1685–1749) в истории отведено место гражданского реформатора, дипломата, но в первую очередь – народного мудреца, моралиста. «Жабаги – мыслитель, аналитик и знаток человеческих душ. Он объединяет в себе черты многих героев мирового фольклора: мудрый судья, как Соломон; остроумный и неподкупный борец против зла и глупости, как Ходжа Насреддин; справедливый законодатель, как Ману, глубокий философ, как Сократ. ...Сверх того – находчивый посол, великий воин, мудрый семьянин и опытный крестьянин»⁹.

...Рассказывают, как-то построили в Кабарде большой красивый склеп и искали того, кто скажет о нем лучший хох. Победителем признали Жабаги, произнесшего следующее: «Пусть этот склеп будет всегда красивый снаружи и пустой внутри».

...Рассказывают, когда Жабаги проезжал мимо одного аула, из него выскочила ватага всадников. На предложение побережся их, высказанное попутчиками, мудрец ответил: «Среди них нет ни одного, кому бы я сделал добро, чтобы потом он меня преследовал».

...Рассказывают, что к Жабаги приехал гость, искавший ответ на вопрос: что закон, что правда. Вот как ответил Казаноко: «Если в селе живут две тысячи человек и если тысяча пятьсот человек остались без штанов, а остальные пятьсот ходят в штанах, бесштанная нельзя срамить. Срамны те, кто в штанах, потому что они не похожи на большинство. Что большинство делает, то и закон, что большинство говорит, то и правда. Народ всегда прав».

Вот такие хабары (с кабардинского – «рассказы»), не потерявшие и поныне своей актуальности. Так что остановитесь у памятника кабардинскому провидцу, установленному на окраине Заюково, прикос-

нитесь к прошлому, взглядевшись в лицо мудреца, твердо убежденно-го: «Кто со временем в ладу, тот и есть доблестный муж».

Много доблестных мужей воспитало Заюково. Один из постоянных авторов нашего издательства, уроженец селения Мухажид Кушхов написал целую книгу о своих земляках, перечислив большинство из них поименно (Портрет Заюково в миниатюре. Нальчик: Эль-Фа. 2004). Нашлось в ней место и близким нашим друзьям – Нурби Жилиеву, страстному книголюбу, сделавшему свою личную библиотеку народной, создавшему сельский музей. И Мухамеду Хафицэ, знакомство с которым для авторов этих строк почти 40 лет назад оказалось, как впоследствии выяснилось, судьбоносным. Свою жизнь Мухамед посвятил адыгским репатриантам, установлению связей с зарубежными соотечественниками; созданные им книги, редактируемая им национальная газета внесли особый, поистине неизмеримый вклад в воссоздание подлинной истории кабардинского народа.

...Буквально сразу за памятником Жабаги еще один величественный монумент – «Скорбящий горец» (скульптор Х. Крымшамхалов), он установлен у поворота, ведущего в балкарское селение Кёнделен (слово это означает «поперек» – от одноименной речки, впадающей в Баксан практически под прямым углом).

Поверните вправо, уверяем, не пожалеете, ибо, проехав селение по верхней дороге, уходящей влево, вы попадете в Тызыльское ущелье, столь величественное, потрясающе красивое и неповторимое, что, побывав здесь раз, впоследствии постоянно ловишь себя на живущем где-то внутри желании вернуться. Еще раз вслушаться в шум гремячей кипенно-белой речки, поразиться величию горных великанов, полюбоваться водопадами, спадающими с невероятной – в десятки, а то и сотни метров – высоты.

Их, водяных ручьев, с правой стороны ущелья, практически отвесно уходящей в небесную синь, так много, что в иные моменты – когда блестящую на солнце мельчайшую капельную пелену ветер разносит на десятки метров – кажется, они, находящиеся на значительном расстоянии друг от друга, вот-вот сомкнутся. Зрелище это чем-то напоминает производство воздушной ваты, когда из сахарных крупинок (в нашем случае – водяных капель) на глазах возникает неизвестно откуда огромный, постоянно меняющийся шар (вернее было бы сказать – веер) – блестящий, хрупко-беззащитный, радостно-сверкающий. Радуги, так удобно примостившиеся на струях водопадов, в какой-то момент сходятся, перекрещиваются, и кажется, что они, словнодвигающиеся по водяной пелене, живые.

Жаль только, что лицезреть эту волшебную картину могут немногие. Функционировавшая в советские времена турбаза «Тызыл» заброшена, ее двухэтажные корпуса разрушаются буквально на глазах, дорога во многих местах перекрыта оползнями. И если небольшие из них еще как-то расчищали, то последний – перекрывший дорогу на десятки метров – оказался не под силу бульдозеру местного сельхозпредприятия.

Приходится оставлять машину и добираться до интересующих тебя объектов пешком. А их здесь немало. Подмывающая отвесные берега река то и дело обнажает могилы, в которых чаще всего находят кувшины с солярными знаками, свидетельствующими, что люди жили в этих местах многие столетия назад. Сказать нечто большее достаточно сложно, так как научные археологические изыскания здесь практически не велись. В книге «Древности Кабардино-Балкарии» отмечены Гунделенские 1-е катакомбы, которые «расположены в нескольких километрах западнее с. Гунделен, восточнее г. Кинжал, в урочище «Тызыл» (ущелье р. Тызыл). Судя по документации Кабардино-Балкарского краеведческого музея, в разрушенных здесь еще в довоенные годы катакомбах найдено несколько предметов (глиняные кружечки с сосцевидными налепками, серолощенный кувшинчик с оттянутым венчиком-сливом и др.), характерных для середины – 2-й половины I тыс.»¹⁰.

А ведь есть в Тызыле места поистине удивительные, изучение которых могло бы раскрыть немало тайн прошлого. Чего стоят одни наскальные рисунки, выполненные густой коричневой краской (охрой?). Вот как описывает их ученый Исмаил Мизиев: «...На самом верху – круг, разделенный на четыре равные части. Ниже, чуть левее, всадник с луком, справа какое-то фантастическое животное. Немного поодаль от них, уже у стыка склона с отвесной скалой, на потолке небольшого навеса, высотой едва больше метра, нарисованы той же краской шеренгой выстроенные какие-то непонятные животные. Напоминают они фантастических «петушков»¹¹.

Мы давно мечтали воочию увидеть рисунки древних живописцев – знали место их расположения, были уверены, что сможем добраться до скального карниза самостоятельно, тем более, что до него от дороги казалось совсем близко – на глаз, какие-то две-три сотни метров; одолеть их можно за полчаса, час от силы. Но уже практически первые шаги показали: предстоит нелегкое и весьма опасное восхождение. Начиная от дороги, склон так круто уходит вверх, что

взбираться по нему можно, только цепляясь за траву. Удовольствия от такого подъема немного, но главное – скорость увеличить весьма проблематично; и спустя время, отведенное нами на весь путь, мы оказались лишь под козырьком горы. Над этим своеобразным гротом – сырым, сочащимся, с ракушками, впающимися в каменные стены, отделяемым от внешнего мира узкой пеленой воды, спадающей с многометровой высоты, – и располагались интересующие нас рисунки. Чтобы добраться до них, надо было пойти вправо, пролезть через узкий – сантиметров 35–40 – лаз в скале, уходящий отвесно вверх – что-то около двух метров, которые можно одолеть, если кто-то тебя подтягивает сверху. И дальше двигаться по сплошным зарослям мощных лопухов и жгучей крапивы, вымахавших выше человеческого роста.

Двоим из нас, наиболее худощавым, после ряда попыток сие удалось, а третий, в силу своей более широкой комплекции, застрял и в конце концов решил двинуться в обход, минуя лаз снизу. То, что решение было ошибочным, ясно стало практически сразу – лаз обойти удалось, но дорога наверх оказалась отрезана скальным выступом, да к тому же столь отвесным, что преодолеть его без альпинистского снаряжения не было никакой возможности. Оставалось идти вправо по отвесному козырьку, который, как оказалось, и не думал пропускать наверх. Уходя все дальше от цели, один из авторов этих строк в какой-то момент очутился над такой пропастью, что сердце усиленно запрыгало от открывшейся внизу бездны. Резкий, в большей степени неосознанный рывок вверх внезапно привел туда, откуда, как вскоре выяснилось, не было хода ни вправо, ни влево, ни выше, ни, что удивительно, вниз.

Оказавшись в роли озверевшего попа Федора, оставалось перебирать возможные варианты спасения. Понятно, что пожарники, вызволившие неудачливого искателя двенадцати стульев, отпадали сразу – жаль, но лестниц длиной в сотни метров еще не изобрели. На дельтапланеристов, как подсказывала практика, рассчитывать не приходилось. На спутников, ушедших весьма далеко, тоже – на жалобные призывы если уж не о помощи, то сочувствии никакого отклика не последовало. Оставалось вызволять себя самому. Впрочем, в те мгновения было отнюдь не до иронии. Особенно в момент, когда, нащупывая возможный спуск, начал потихоньку двигаться вниз и не заметил, что склон, внезапно закончившийся отвесным скальным выступом, продолжался лишь где-то метрами пятью-шестью ниже. Со-

вершив невероятный кульбит через себя, – ползучие травяные растения, облепившие спортивные штаны и так сковывавшие продвижение, самортизировали в какой-то мере падение, – покатился, подминая под себя шляпы лопухов и передергиваясь от крапивных ласк. До многометрового обрыва, под которым бурлила река, оставалось всего ничего, когда удалось зацепиться за торчащий острый камень. Видно, провидение было действительно на нашей стороне.

Честно говоря, после таких приключений не хотелось больше испытывать судьбу, тем более, что и спутники, хоть и пошли единственно возможной дорогой, заплутали в лопухово-крапивных джунглях и также не смогли подняться на скальной козырек. Но сопровождавший нас в следующей поездке по Тызылу уроженец селения Кёнденел Аниуар Життеев, чья увлеченность историей, бережное, поистине сыновнее отношение к прошлому достойны всяческого уважения, убедил, что добраться до рисунков нам вполне по силам. Уже знакомая дорога до лаза, которую, следуя за проводником, мы одолели куда как быстрее. Сам лаз, так же достаточно просто покорившийся и... отвесная, над глубокой пропастью, узкая тропка, вьющаяся по прилепившемуся козырьку, идти по которой можно только боком, прижавшись спиной к стене. И так с добрый десяток метров. А потом тропка просто обрывается и продолжается через метр или что-то около того. То есть, чтобы оказаться на другой стороне, надо поднатужиться и перепрыгнуть, забыв о глубине бездны, открывающейся внизу.

Здесь весь наш героизм вмиг куда-то улетучился, сменившись неистребимым желанием как можно скорее двинуться в обратный путь. Убеждения Аниуара, что потом будем жалеть, ведь осталось пройти каких-то 15–20 метров, что пережитое и увиденное сегодня останется в памяти навсегда, что это совсем не страшно – перешагнуть через пропасть, не находили отклика. И когда его рука, протяннутая все это время в сторону одного из пишущих, готова была уже опуститься, вытянул свою и сам не заметил, как оказался по ту сторону козырька. Действительно, рисунки оказались совсем рядом. Вернее то, что от них осталось. За те тридцать лет, что прошли с момента, как их описал Исмаил Мизиев, многие из них практически слились с текстурой скалы, иные исчезли совсем, но несколько по-прежнему хорошо различимы. И это удивительно – столетиями выжигаемые солнцем, поливаемые дождевыми струями, выбиваемые колкой снежной крошкой – они являют миру взгляд художника прошлого. Почему он оставил свое послание потомкам именно здесь, в месте, столь недоступ-

ном для людей, так подверженном воздействию природных сил? Какими, побеждающими время, красками пользовался? Как, с помощью чего творил, ведь некоторые рисунки расположены на высоте от 2 до 3 метров от высоты скального выступа? Что, какие сведения, мысли, чувства хотел донести до нас? К сожалению, вслед за ученым остается констатировать, что «эти рисунки весьма загадочны, и мы вряд ли сможем понять их, потому что уж больно скудны подобные памятники в наших районах... относительно же времени этих рисунков говорить чрезвычайно сложно. Можно только полагать, что они относятся к эпохе средневековья»¹². С последним мы поспорим чуть ниже.

Здесь, на многометровой высоте, на узком козырьке, прилепившемся посредине грандиозной скалы, прошлое так явственно и зримо открылось перед нами, что, казалось, где-то рядом, только посмотри внимательно (не под тем ли низким пещерного типа лазом?), притаилась невидимая дверь, ведущая через века в удивительный тоннель, позволяющий совершить путешествие во времени. Солнце освещало желтое полотно скалы с разбежавшимися по нему фигурками неведомых животных, силуэтом всадника, и от этой композиции невозможно было оторвать взгляд, она притягивала и будоражила... «Вот видите, – сказал Аниуар, – какую картину вы могли не увидеть?». И, хитровато улыбнувшись, добавил: «А в соседнем ущелье есть целая стена подобных рисунков. И их еще никто не описал». «Где?» – воскликнули мы чуть ли не в унисон, подавшись вперед, забыв о высоте, на которой находимся. «В Урды. Но добираться туда намного труднее. Многие годы там никто не бывал. Троп нет, все заросло...» – «Мы согласны, мы справимся...».

Впрочем, здесь авторы несколько забегают вперед. Из знаменитого отчета братьев Нарышкиных известно, что «в ущелье реки Гунделен, в 20-ти верстах приблизительно от впадения ее в Баксан, есть остатки старинных памятников, кладбище и развалины на самом берегу реки. Местность эта едва доступна пешеходам, ибо к ней ведут тропинки, давно размытые весенними водами и весьма опасные. Снизу видно на скале, спускающейся совершенно отвесно, отверстие вроде пещеры, которая заложена камнями или кирпичами. К этому месту ни снизу, ни сверху нет никакого доступа»¹³.

Таких пещер, как описанная Нарышкиным, в Тызыльском ущелье несколько; до большинства из них действительно добраться очень и очень затруднительно. Знаем (правда, только со слов местных жителей), что в одной из них весь потолок исписан руническими надпися-

ми. Руны, как известно, символы древнейшего письма, во многом заимствованные из латинского алфавита и отражающие религиозные и памятные надписи. Одно из таких посланий запечатлено на каменной скале, что на противоположной стороне турбазы «Тызыл». О чем в нем говорится, нам неизвестно, хотя надпись, по имеющимся сведениям, опубликована в научном сборнике одной из европейских стран. Уже знакомый читателю Аниуар Життеев показал нам места, где река Кёнделен вымыла из своих берегов человеческие останки, керамические изделия, которые, вероятнее всего, принадлежат сарматам, жившим, как известно, примерно с III века до нашей эры до III века нашей эры. Останки мы присыпали землей, а кувшины передали в музей.

Он же, Аниуар, отвел нас к пещере, буквально потрясшей своей волшебной красотой. По тропинке – скользкой, глинистой, со следами от лошадиных копыт, заполненными водой, – через вымахавшие выше человеческого роста безвредные лопухи и весьма жгучие борщовники надо подняться на гору, что невдалеке от турбазы «Тызыл» по правую сторону течения реки. Восхождение, скажем, не из самых приятных – в некоторых местах трава настолько разрослась, что каждый шаг давался с трудом, да к тому же свирепый гнус, который бросался в атаку, пренебрегая страхом смерти и невзирая на самые хваленые противомоскитные средства (правда, такое наблюдается только с 15 июля по 27 августа).

Но, спустившись к пещере (это можно сделать только сверху, цепляясь за деревья и кустарники), забываешь обо всем, буквально теряя дар речи. Вход внутрь горы зарос мхом, по которому, переливаясь на солнце, струится множеством струй и струек вода. Человек, приложив всю свою неумную фантазию, не смог бы создать столь необычную картину – ощущение, что вода сочится изо рта горы, который, если взглянуть под разными углами, то приоткрывается в улыбке, то хмурится, выражая свое недовольство. Зрелище это возможно рассмотреть только вблизи, так как горный склон настолько зарос зеленью, что издали ничего незаметно.

Но самое необычное внутри горы. Обойдя водопад справа, обнаруживаешь еще один, достаточно узкий вход, ведущий вначале прямо, а потом уходящий отвесно вниз. Мало того, по нему потоком струится вода. Так что если хочешь попасть в саму пещеру, изволь искупаться в ледяной воде. Спуститься вниз одному трудновато – только по веревке, страхуемой сверху. Преодолев эти 5–6 метров, оказываешься на небольшой ровной площадке и видишь перед собой

озеро пронзительной голубизны. Мы не ставили целью вычислить его глубину (она впечатляет – свет от мощного фонаря теряется где-то внизу, так и не достигая дна) и размеры (резиновая лодка позволила проплыть лишь несколько метров до нависающего прямо над водой каменного полога), пусть этим займутся спелеологи. Мы были поражены возникшей перед взором картиной: отблеск света на сочащихся влагой стенах, остатки свисающих сталактитов (печально, но кто-то уже успел отбить их), грохочущая в замкнутом пространстве струя водопада, череп неизвестного животного, буквально впаянный в каменное основание (бедное, как его угораздило сюда попасть!), голубой бриллиант озерной глади, манящей и сверкающей...

Зуб на зуб не попадал от холода, а уходить не хотелось, столь завораживающей была картина.

...В Урды, хранящем тайну неизвестных науке наскальных рисунков, мы направились поздней осенью – в середине октября. Надо сразу сказать, что добраться сюда можно только весной, пока не вымахала трава, или осенью, когда она уже полегла. Раньше в ущелье пасли скот, заготавливали сено, но вот уже более десятилетия здесь практически никто не бывает. Помимо Аниуара нас сопровождали еще двое жителей Кенделена – Музафар и Крал, добродушные, улыбочивые, заботливые и само собой выносливые. Выносливость и терпение – первое, что понадобится путешественникам, ибо дороги как таковой в ущелье нет. Кое-где еще сохранилось что-то вроде подобия узкой тропки, но в подавляющем большинстве мест она исчезла – заросла травой, деревьями, завалена буреломом, снесена частыми оползнями, своенравной речкой, много раз за это время менявшей свое русло. Так что приходится почти все время идти по краю речного берега, а где он непроходим – по воде, постоянно переходя с одной стороны на другую. Хорошо, если воды в речке мало, как в нашем случае, но и то сухими не остался никто. И если при первых переправах мы еще пытались найти более-менее мелководное место, чтобы не зачерпнуть воды в сапоги, то при последующих обращать на это внимание было просто некогда. Ведь таких переправ-переходов было не пять и даже не десять, а около сорока! Естественно, оставалось только снимать сапоги и выливать из них литры холодной воды, а если не хотел отстать, то идти, не обращая внимания на хлюпающую воду и неимоверную тяжесть в ногах. Только теперь мы поняли, почему у одного из наших спутников сапоги были дырявыми. Вначале подумалось-посочувствовалось: как же он

сможет идти, а потом даже зависть определенная проснулась к такой обувке, да желание появилось: изрешетить свои. Да вот действительно останавливаться было нельзя – хоть и вышли мы достаточно рано, но предстояло пройти куда как более десяти километров по бездорожью, осыпям, кручам, кустарникам, чтобы успеть засветло вернуться домой. Ночью двигаться по ущелью невозможно – гляди не гляди, расщелины, выемки между камнями не усмотришь и сломать ногу, а то и покалечиться – секундное дело.

Честно скажем, мы выдохлись уже где-то через пару часов – постоянные переходы с одного берега речки на другой, бесконечные подъемы и спуски, цепляющиеся за одежду кустарники и ветки деревьев, напряжение от вновь и вновь возникающих препятствий довольно быстро погасили наше желание постичь неизвестное, сделать – чем черт не шутит! – мировое открытие. К тому же день выдался на редкость сумрачным, серым, холодным. Урды – ущелье узкое, лесистое, влажность в нем повышенная, а солнце если и заглядывает, то не задерживается. Скалы то практически смыкаются, то немного расходятся, но ни о каких полянках речи не идет: косогоры да обрывы. Есть места, где невозможно подняться ни по одному из берегов – столь они отвесны и неприступны, ни по самой реке – вода стремительно мчится между огромных валунов: почерневших, скользких, безжалостных к человеку. Хорошо, что наши спутники предвидели подобные трудности – захватили страховочные веревки, помогли обойти неприступные на первый взгляд препятствия.

Урды действительно одно из самых суровых ущелий Кабардино-Балкарии, но его недоступность позволила в первозданном виде сохранить величие дикой природы. На сгнивших пнях разместились колонии опят: не сходя с места можно набрать полный рюкзак, да вот как его потом донести домой? Ведь руки постоянно должны быть свободными, чтобы вовремя ухватиться за ветки на опасных обрывах, а тело не напряжено излишним грузом, дабы вовремя перепрыгнуть через расщелины и поваленные деревья, то и дело преграждающие путь вперед.

А какой величины форель мы видели в речке! Черные, более чем полуметровые рыбины косяками ходят в недоступных для человека заводях – играют, резвятся, а то и выпрыгивают на поверхность воды. Зрелище потрясающе-завораживающее!

Да и ружье – один из наших спутников его предусмотрительно захватил, – как мы убедились в дальнейшем, здесь будет нелишним:

непуганый зверь, в частности рыси, то и дело дают знать о своем близком присутствии. Правда, оружие нам в тот день не понадобилось, но с ним было, право, как-то спокойнее.

...После примерно километров десяти ущелье начинает расширяться: с одной стороны (левой по течению) неприступные скалы буроватого цвета поднимаются чуть ли не на сотни метров, достаточно отвесный склон, густо заросший травой, упирается в них, протянувшись так же на сотню-другую метров. Где-то далеко внизу шумит речка, противоположный берег которой покрыт лесом, в основном высокогорным березняком. Но это еще далеко не конец ущелья – до него не километр и не два, а намного больше. Именно здесь расположены древние могильники, именно здесь на одной из скал и размещалась та самая галерея древних художников. К огромному сожалению, за последнее время она подверглась сокрушительному воздействию природных сил и от сырости, выветривания, отслаивания плиточника практически исчезла. Аниуар, побывавший здесь какие-то два десятка лет назад, был искренне расстроен увиденным – от доброй сотни рисунков сегодня не осталось и следа, а те, что еще видны, вряд ли сохранятся уже через пару-другую лет. Это тем более обидно, что рисунки эти неизвестны ученым, мало того, они никем не зафиксированы, не описаны, и, естественно, не атрибутированы и именно сегодня впервые вводятся нами в научный и общественный оборот. А ведь есть среди них поистине удивительные – красной охрой на достаточно большой высоте нарисованы птица, человек... Интересно, что подобного изображения птицы мы не нашли в доступной нам искусствоведческой литературе. Поражает точная графическая схема пернатого существа, символизирующего Небо. Такая познавательность предполагает наличие у художника высокого интеллекта, стремление передать другим людям какие-то важные сведения.

Силуэтный же человек, изображенный рядом на скале, похоже, был частью какой-то сценки. Такие наскальные рисунки, писаницы, как их называют ученые, характерны для эпохи неолита, нового каменного века, когда совершался переход к земледелию и скотоводству, когда уже появилась глиняная посуда, а орудия из камня сверлились и шлифовались. Можно только предполагать, какие сведения о той эпохе мы могли бы почерпнуть из утраченных изображений. Но и сама птица полна странной силы, выразительности и притягательности, какого-то намека на зашифрованную, ведомую только ее Создателю, тайну. Вглядитесь в нее – сразу возникает великое множество ассоциаций!

Само место это, окаймленное скалами с одной стороны, и лесистыми горами с другой, с виднеющимися в отдалении травянистыми склонами, напоминает обжитой дом, хотя, как мы говорили выше, в последние годы люди здесь бывают очень и очень редко. Прозрачная речка и лесок в лощине, обширный подскальный нагревающийся солнцем склон – отличное место для жилья. И люди здесь жили, по крайней мере, несколько тысяч лет назад, если отталкиваться от датировки наскальных рисунков. Только вот какой осколок древней цивилизации они представляли? Хочется верить, что когда-нибудь мы сможем получить доказательный ответ на этот вопрос...

Задерживаться в Урды было нельзя – день стремительно клонился к вечеру, не успеем выбраться до темноты – придется ночевать под открытым небом: удовольствие не из самых приятных, тем более что день нашего путешествия – 17 октября – являлся днем рождения одного из авторов этих строк. Не стоит описывать обратную дорогу, скажем только, что она заняла в два раза меньше времени: мы буквально летели домой, забывая о крутых обрывах, скользких тропях. Переходили речку не по мелководью – его в сумерках все равно не видать, а где придется, – иногда в прямом смысле оказываясь по пояс в ледяной воде. Вымокшие, полностью обессиленные, мы вышли из ущелья в полной темноте, освещаемые лишь светом луны. Естественно, в часы эти думалось не о самом лучшем: о том, что больше никогда в жизни никто не сможет вытянуть в такого рода авантюру, что октябрьские купания не самые полезные для организма процедуры и хорошо еще, если отделаемся воспалением легких, а не чем-нибудь более серьезным...

Нестерпимо хотелось пить, что было вполне объяснимо – через пот каждый из нас потерял в этот день несколько литров жидкости (в частности, один из авторов этих строк, отягощенный лишними килограммами, – 6,5!), обезвоживание организма было столь мощным, что утолить жажду удалось лишь после принятия нескольких стаканов горячего чая. Да-да, мы не сразу на машине помчались в Нальчик, чтобы принять горячую ванну, как об этом грезилось в Урды, а остановились в гостеприимном доме Аниуара: ели горячие, пышущие жаром хичины, наслаждаясь радостью человеческого общения.

Добрались мы домой только к полуночи, горячей воды, естественно, уже не было, так что о ванне оставалось только мечтать, но тем не менее никто из нас, людей, скажем честно, физически закаленных, не заболел даже элементарной простудой, а усталость ушла уже на следующее утро. И мы снова собираемся в эти дикие места,

обладающие удивительной притягательной силой. Что влечет сюда? Возможность преодолеть себя? Зов крови? Желание прикоснуться к прошлому, которое здесь, в Урды, Кенделене, Канжоле, столь ощутимо, зримо и доступно...

Уместно вспомнить, что об Урды авторы впервые узнали из труда Шоры Ногмова «История адыгейского народа», описавшего знаменитую Канжальскую битву (правильнее было бы сказать – Канжольскую), ставшую переломной в многовековой борьбе кабардинцев с крымско-турецкими захватчиками. Как пишет ученый Валерий Сокуров, наиболее полно ответивший на вопросы когда, где, как и при каких обстоятельствах проходило это сражение, «кабардинского похода Каплан Гирея I касались многие авторы: Э. Кемпфер, А. де ла Мотрэ, Сейид Риза, Мехмет Фундуклулу, Дм. Кантемир, К. Главани, И.-Г. Гербер (20-е годы XVIII в.), позднее – П.-С. Паллас (1794), И. Вакербарт (1798), С. Броневский (1823) и И. Хаммер (1831), Ш. Б. Ногмов (1844)» и последний «в ряду перечисленных авторов особое место занимает»¹⁴. Вот что конкретно сообщает адыгский летописец: «...Года два или три спустя случилось, что живший в Большой Кабарде с войском крымский паша, сидя на траве и куря трубку, беседовал со своими приближенными, в числе коих был и князь Кургоко Хатожуков. Обращение его с последним было до того дерзко, что, выкуривши трубку, он стал ее выбивать об голову князя Кургоко. Поступок этот сильно огорчил князя, однако же он не подал паше ни малейшего вида неудовольствия, но, простившись с ним, он в тот же день собрал многих князей и почетных узденей и, рассказав им о случившемся, объявил им свое намерение: в следующую ночь умертвить всех турок и крымцев, где бы они ни находились. Не исполнившим сего повеления назначен был значительный штраф и сверх того, в знак трусости, черный шерстяной колпак. Все единодушно согласились на предложение Кургоко и в следующую же ночь привели его в исполнение, причем ни одного неприятеля не осталось в живых.

На следующий год посланные крымским ханом для собрания подарков, узнав на половине пути об этом происшествии, поспешили с возвращением для донесения о том хану. Разгневанный хан, в свою очередь, уведомил султана, который спустя два или три года прислал хану многочисленное войско под начальством Алегот-паши, к которому, присоединивши свое войско со многими муллами, эфендиями, хаджи и с припасами отправился на поражение кабардинцев, строя при этом в некоторых местах мечети и крепости.

...По прошествии некоторого времени крымский хан с войском подступил к границам кабардинским. Предупрежденные еще во время прибытия хана за Кубань, кабардинцы все свое имущество, жен и детей отправили в горы и сами ожидали приближения неприятеля в ущелье *Урда*. Хан, узнав об этом, изменил путь и расположился лагерем на бугре *Канжала*. В тот же день пришел в кабардинский стан Халелий, лазутчик из татар, живший прежде у князя Кургоко. Он уведомил князя подробно о намерении хана, упомянув при этом, что если кабардинцы в следующую же ночь не нападут на крымцев, то в другую или в третью ночь на них самих непременно будет сделано нападение. Кургоко тотчас же велел собрать около 300 ослов и к каждому привязать по две вязанки сена. Наступила ночь, он отправился на неприятеля и, приблизившись к нему, велел у всех ослов зажечь сено и гнать их на неприятельский лагерь с несколькими выстрелами. Ослы ужасным криком своим до того перепугали неприятеля, что он в беспамятстве и смятении стал рубить друг друга, с рассветом же стремительно бросились на них кабардинцы и совершенно их разбили, взяв много пленных и большую добычу. Толстый паша *Алегот* в бегстве упал со скалы, на половине которой, зацепившись за дерево, повис и кончил жизнь в таком положении. Место это теперь называется *Алегот гум и шухупа*, т. е. Алеготова скала. В этом сражении убито было несколько крымских ханов. Прогнавши остальных крымцев к Кубани, кабардинцы возвратились в свои пределы»¹⁵.

А вот еще одно описание Канжальской битвы. Автор его Дмитрий Кантемир, чья фамилия известна большинству благодаря стихам его сына – русского поэта Антиоха Кантемира. Но и Дмитрий Константинович (1674–1743) личностью был в свое время знаменитой – сподвижник Петра I, участник Персидского похода, автор четырехтомного труда «История роста и упадка Оттоманской империи», написанного им на латыни и изданного в Париже в 1743 году. Вот что он, в частности, сообщает: «...Я предлагаю моему читателю только один пример, свидетельствующий об их (черкесов) храбрости, который случился около шести лет назад и не так невероятен, насколько невероятны подвиги, прославленные древними греками.

Когда Селим-Гирею (впоследствии крымскому хану, личности большой мудрости и доблести, старому солдату) не была уплачена ежегодная дань, он послал в следующем году своего сына Шахбаз-Гирей-Султана, чтобы он потребовал невольников за два года. Последний был принят с почетом, поскольку пришел без грозной свиты, и князья, как положено, немедленно выдали ему положенную дань.

Но случайно он увидел прекрасную дочь одного черкеса, которая не была внесена в список невольников, и тем не менее она была насильно захвачена, против обычая, и вынесена из дома. Ее братья, двое храбрых юношей, сначала притворялись, что не огорчены происшедшим, успокоили отца и смягчили его горе, приукрасив ее будущее тем, что она будет иметь честь взойти на ложе султана. Выждав же благоприятный момент, они неожиданно напали на принца, когда он спокойно пребывал наедине с похищенной девушкой, а стража была отпущена и уже успела напиться, ранили его и сестру и перебили охрану этого человека.

Отец султана, услышав о случившемся, сдерживает свое негодование и объявляет, что черкесы поступили справедливо, наказав человека, который таким образом пытался обесчестить девушку, похищенную против правил.

Когда султан умер, ему наследовал его старший сын Девлет-Гирей, немного позже свергнутый с трона Великим синьором и отправленный в ссылку. Но Каплан-Гирей, его младший брат и преемник, с разрешения турецкого правительства отправился против черкесов во главе 80 000 татар, угрожая им разрушительным вторжением. Когда он переправился через Танаис (Дон), к нему присоединились 15 000 кубанцев.

Князь Кабард, получив эту новость от своей разведки, с 7000 пеших солдат и 300 лошадей ушел к вершине высокой горы, украшенной руинами большого старого города, и укрепил расселины и стены деревьями и земляными валами. Каплан-Гирей, предвидя трудность штурма этой горы, к которой не было никаких подступов, отправляет к князю доверенного посла, чтобы тот сказал князю, что султан предпринял поход против узбеков и приглашает с собой 3000 черкесов. Кроме того, он желает лично встретиться с князем, поэтому и просит его спуститься с горы.

Кабард, разгадав ложь врага, отвечает послу, что сейчас он не имеет возможности спуститься, так как скован сильным приступом подагры, но через три дня посетит султана, спустившись на лошади или на носилках.

Когда посол ушел, Кабард созвал черкесов и обратился к ним со следующими словами: «Каково ваше мнение, друзья и соотечественники, о нынешнем состоянии наших дел? Что, по вашему мнению, лучше для нас: заковать самих себя в цепи султана, быть перерезанными им и допустить, чтобы наши жены и дети были уведены в вечное

рабство, или, как мы, победили или погибли? Если погибнем, то мы избежим отвратительного зрелища издевательства тирана над нами; если победим, одним ударом освободимся от нестерпимой жестокости татар». Ответ был единодушный, что лучше умереть, чем предать себя в руки врага. Тогда он требует, чтобы они, согласно обычаю, принесли клятву мечами и оружием.

После того как дело было решено таким образом, Кабард послал вечером одного человека сказать хану, что его подагра полегчала и что он мог бы прийти к нему в качестве просителя вместе с командирами своей армии. Это известие привело Каплан-Гирея в восторг. Он приказал отправить лошадей на пастбище и принял решение всю ночь посвятить отдыху. Черкесы, узнав об этом, проникли в татарские орды, связали древесную кору в небольшие, хорошо просмоленные связки и, привязав их к хвостам нескольких лошадей, погнали их (лошадей) вниз в величайшем молчании к кошу или палаткам татар, и там подожгли связки. Лошади, испуганные сразу и пламенем, и болью, помчались со всей возможной скоростью и в темноте ночи бросились, как молния, в гущу татарских лошадей, которые также перепугались, оборвали путы и с величайшим шумом понеслись в разные стороны.

Татары проснулись от этого шума, но, не видя и не слыша ничего, кроме пламени, носящегося по долине (в темноте страх возрастал оттого, что лошадей не было видно), и, думая, что огонь ниспослан с небес, обезумели и побежали в беспорядке. Увидев это, черкесы бросили все свое оружие, кроме мечей, и стали убивать каждого, кто попадался им. Когда наступил день, черкесы собрали почти 10 000 лошадей противника, потеряв едва 5 человек, и вернулись назад с триумфом.

Каплан-Гирей убежал с горстью своих людей в Крым, бросив позади себя 40 000 убитыми и остальных рассеянными»¹⁶. Вот такое несколько романтизированное описание Канжальской битвы. Другие здесь приводить вряд ли стоит. Всех интересующихся отсылаем к уже упомянутой выше работе Валерия Сокурова, основные положения которой можно свести к следующему – поход ханского войска, состоящего из 20–30 тысяч крымских и турецких солдат, ногайцев и темиргоевцев, начался весной 1708 года, достигло оно Кабарды в самый разгар лета – в пору созревания хлеба, и состоялась знаменитая битва. Как повествует предание «О свержении кабардинским народом ига крымских татар», «войско хана... расположилось в местности при впадении р. Кичмалки в реку Малку... татары не выдержали первого

дружного натиска кабардинцев и отступили; кабардинцы погнали их по хребту горного кряжа Аурсентх, вплоть до горы Кинжал-Инал, где бой и прекратился»¹⁷.

«Алеготову скалу», с которой открывается вид на пропасть глубиной в сотни метров, стоит обязательно посмотреть, как и проехать на знаменитые летние пастбища Аурсентх – той самой дорогой, которую называли кровавой. Ведь Канжол в переводе с тюркского означает именно это – «кровавая дорога».

Эта земля в прямом смысле пропитана людской кровью, кровью воинов, участвовавших в многочисленных битвах и сражениях. Особенно в годы Кавказской войны. Вот как описывает одно из них Платон Зубов в своей работе «Подвиги русских воинов в странах кавказских с 1800-го по 1834 год»: «11 марта (речь идет о 1822 годе. – Авт.) подполковник Коцарев выступил с отрядом из лагеря при реке Баксане, соединясь с отрядом, на реке Малке находящемся. ...Коцарев следовал к горам по ущелью Баксанскому. Сколь было скрытно движение его, но ехавший для разбоя на линию с партией владелец Тау-Султан Атажуков открыл его и немедленно разослал людей своих предупредить кабардинцев о приближении отряда, дабы успели они скрыть табуны свои и скот в ущельях гор. Находившиеся в авангарде казаки, прибыв на рассвете 12-го числа к реке Гунделен, имели наблюдение за партией Тау-Султановой; но многолюдство собравшихся кабардинцев препятствовало им сделать решительное нападение. В полночь на 13-е число батальон кабардинского полка и 50 казаков посланы были за реку Баксан к ущелью Лоискатов, а две роты Тенгинского полка с артиллерией, переправясь реку Гунделен, следовали до аула Хутатова, по коему был открыт огонь из орудий для отвлечения внимания неприятеля до тех пор, пока батальон займет высоты, над ущельем Лоискатов лежащие. Тогда роты с артиллерией обратились туда же и, под прикрытием пушечного огня, вошли в оное. Аул, принадлежащий владельцам Касаевым, был сожжен; не успевшие скрыться кабардинцы были переколоты, и много скота и лошадей отбито. 14-го сожжен аул узденя Хутатова; 15, 16 и 17-го на высотах гор Арталка и Ергиока сожжены многие аулы и хутора, принадлежащие узденям владельцев Тау-Султана-Атажукова, и Мисоустовой фамилии владельцев, Касаевых и Наврузовых...»¹⁸.

Кавказская война – особая страница в истории Кавказа. Продолжавшаяся почти 150 лет, она закончилась в 1864 году выселением около полумиллиона горцев, прежде всего адыгов, в пределы Осман-

ской империи. Еще в XVIII веке «границы Кабарды на западе простирались до рек Большой Зеленчук (приток Кубани) и Кумы, а на востоке – до Сунжи»; «под колониальным нажимом кабардинцы были вытеснены из района Пятигорья – традиционного центра Кабардинских земель». «Население, составляющее к середине XVIII века около 300 тыс. человек, к последней четверти XIX века насчитывало всего 35 тыс., т. е. оно сократилось в девять раз»¹⁹.

В 1994 году, к 130-летию окончания Кавказской войны, авторами этих строк, работавшими тогда в издательском центре «Эль-Фа» (название это представляет собой стяжение первых слогов слов «Эль-брус» – не столько вершина, как журнал, редактируемый одним из авторов, и «Фатум» – книжной серии, с какой центр как таковой и начался), была задуман выпуск сериала «КЛИО». Долго бились над его названием, пока четыре буквы, составляющие имя греческой музы истории Клио, не получили новую расшифровку – «Кавказский литературно-исторический Олимп». Предполагалось собрать все лучшее, интересное, познавательное, написанное учеными, писателями, путешественниками мира о Кавказе, Кабардино-Балкарии, опубликовать работы, неизвестные современному читателю, не дошедшие до него в основном по идеологическим соображениям.

В процессе подготовки открылась картина поистине потрясающая: оказалось, что из многих сотен имеющихся по означенной тематике книг в советский период были переизданы лишь единицы. За короткое время энтузиастами (всю работу осуществляли Рашад Туганов – научный редактор, авторы этих строк – составление, литературное редактирование, и художник Михаил Горлов – оформление) были найдены, выверены, переведены тексты, открывающие широкой публике не просто новые имена, а скорее неизвестный взгляд живших до нас на современную историю, нравы, духовную историю народов Кавказа. К трем задуманным разделам – «История», «Литература», «Этнография» – через два года добавились еще два – «Архив» и «Библиография».

Редакторская работа – это «невидимые миру слезы»: ночные сверки наборов с оригиналами, многочасовые сидения в архивах и библиотеках, бесконечные переговоры с владельцами текстов, авторами комментариев и предисловий, настоящие бои с идеологическими противниками... Чего стоила одна кампания, развернутая против литературного редактора после публикации книги Теофила Лапинского «Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских», выход

которой совпал с началом событий в Чечне. Каких только обвинений не довелось выслушать – в подрыве целостности России, в пропаганде национализма, в стремлении дестабилизировать мирный процесс на Кавказе. Именно так оценивалось желание воссоздать подлинное историческое прошлое народов, проживающих в республике и регионе Северного Кавказа, раздвигающих привычные рамки представлений о них, углубляющих знание их менталитета. Но все удалось пережить. Совместными творческими усилиями вскоре серия набрала необходимый вид и вес, чтобы стать явлением не только полиграфического, но и историко-познавательного, духовного плана. Эти книги в строгой темной «одежке» востребованы, на них ссылаются, их изучают, о них говорят, спорят, пишут. Причем те, кто продолжает выпуск, даже не упоминают имен тех, кто выпустил первые 20 книг серии и подготовил к печати еще с десятков (всего вышло 50 томов)²⁰. Печально, конечно, но главное все же видится в другом: с помощью книг, вышедших в «КЛИО», история Кабарды и Балкарии стала куда более полной и объективной. О той же Кавказской войне, ознакомившись с рядом томов – Т. Лапинского, М. Кандура, Ф. Торнау, В. Н. Немировича-Данченко, И. Бларамберга, – можно узнать все или практически все.

А теперь обратимся к книге большого любителя путешествий по Кавказу, автора нескольких путеводителей, вышедших как в дореволюционные годы, так и в советское время, Сергея Анисимова, чье имя ныне, к сожалению, незаслуженно забыто. А ведь его объемный путеводитель «Кавказский край» издавался в двадцатых годах прошлого века трижды; вышедшая в 1937 году и по этой причине, к сожалению, сверхидеологизированная книга «Кабардино-Балкария»²¹ тем не менее остается до сих пор одним из лучших путеводителей по нашей республике. Поэтому мы решили привлечь С. С. Анисимова к участию в нашем путешествии по Приэльбрусью и другим достопримечательным местам КБР. И уместно сказать хотя бы пару слов об этом подвижнике Кавказа, для чего воспользуемся сведениями, почерпнутыми из альманаха «Ветер странствий»²². Сергей Сергеевич Анисимов родился в 1876 году. Закончил в 1902 году юридический факультет Петербургского университета, работал в Курске, за участие в революционной деятельности был сослан в Тюмень, впоследствии выступал в качестве защитника на многих политических процессах, о чем лучше всего говорят названия написанных им книг: «Бунт в Тобольской каторжной тюрьме», «Как это было. Записки по-

литкаторжанина на судах Столыпина», «Во Владимирке». Но главной его любовью был и остался Кавказ. Будучи студентом, в конце XIX века попал он сюда и был буквально потрясен, о чем свидетельствует его первая туристская книга «Вечный снег и лед» (1901). Чуть ли не каждое лето он проводил в горах, совершил путешествие по Сванетии, исходил вдоль и поперек нашу республику, написал о ней ряд книг, в том числе «От Казбека к Эльбрусу» (1928), «Поход на Эльбрус» (1936). Умер Сергей Анисимов в 1948 году – в Гаграх, у подножия Кавказских гор, а похоронен на Ваганьковском кладбище – его могила рядом с могилой В. И. Даля.

При этом напомним, что описываемое Сергеем Анисимовым соответствует реалиям тридцатых годов прошлого века и нуждается в кое-каких уточнениях и поправках: «На всем пройденном пути долина Баксана довольно широка. Она особенно привольна и просторна в районе селения Заюково и в котловине Гунделена. Но выше она сразу суживается. Здесь шоссе уходит в теснины Скалистого хребта из очень крепких юрских известняков. Кажется, что там нет никакой дороги и горы замыкают всякий путь дальше. ...Выше долина Баксана врезывается в горло ущелья, разрезающего мощную толщу юрских пластов, из которых сложен Скалистый хребет Большого Кавказа. Эта теснина носит название Тотуртар. Прямо над шоссе нависают скалы в виде полутуннеля, и дорога вьется под ними по карнизам, разработанным взрывами аммонала, в обрывах, которые снизу подмывает Баксан. Река ревет. У самых ног разверзается пропасть. Полотно шоссе выглядит жуткой узкой ленточкой, которая извивается змеей и то скрывается из глаз, то вновь показывается на высоких выступках над водами Баксана. Путь совершенно безопасен, так как породы очень тверды и не угрожают обвалами.

Место здесь очень красивое. Ущелье глубоко вырезано водами Баксана в розовых и желтых породах юрских известняков. Над головою поднимаются в самое небо великолепные грандиозные башни и светлые пики.

Основной породой являются светло-серые, крупнозернистые, то розоватые, то желтые сахаровидные известняки. Они располагаются пластами и слоями с общим наклоном на северо-восток в среднем под углом до 35°. Они дают представление о всей грандиозности геологических процессов, поднявших горы Большого Кавказа.

Северный склон всего Скалистого хребта в целом пологий и в верхней своей части покрыт альпийскими, а в более низких местах

субальпийскими лугами, которые обильно цветут и поражают разнообразием и роскошью цветов. ...В этом замечательном, очень глубоком ущелье совершенно особую прелесть создают лепящиеся по крутым затененным склонам леса и кустарники. Деревья захватывают здесь горные громады до самого верха. А там уже, в недосыгаемой выси, виднеются скалистые пики. Внизу же, как на всем пути, ревет и воеет мощная река»²³.

Река Баксан... Она сопровождает нас на всем пути по ущелью. Неистовая, не знающая усталости, рвущаяся из узких берегов, она тысячами лет несет свои кипенно-белые воды. Вот что писал русский историк, автор широко известной шеститомной работы «История войны и владычества русских на Кавказе» (1871–1888) Николай Дубровин: «С правой стороны Малка принимает Баксан, самую значительную реку в Кабарде, вытекающую с южной покатости горы Эльбруса. От истока и до Баксанского укрепления река эта течет то в тесном скалистом ущелье, то в горной долине, а ниже укрепления поворачивает на восток, извивается по Кабардинской плоскости, течет широким руслом в невысоких берегах и разделяется на рукава, которые в низовье своем окружены лесом. Воды Баксана обильны и чрезвычайно быстры, особенно в половодье; тогда река ворочает большие каменные глыбы, и переправа через нее невозможна.

Как в Баксанском ущелье, так и по выходе своем из Черных гор Баксан принимает множество ручьев и речек, из которых некоторые, как, например, Черек и Чегем, впадающие с правой стороны, весьма значительны»²⁴.

Его дополняет врач Антон Дроздовский, опубликовавший в сборнике Кавказского медицинского общества (Тифлис, 1870) «Краткий медико-топографический очерк Кабардинского округа Терской области»: «Все воды кабардинских горных рек, имея слишком крутое падение, текут вообще очень быстро, с шумом по каменисто-песчаному ложу. В жаркое время года от усиленного таяния снегов они значительно прибывают, и некоторые из них увеличиваются также и от продолжительных дождей. С прибылью воды эта последняя хотя и становится мутной, но она остается холодной, с температурой от +6 до +12° и для питья всегда здоровая. Совершенно чистая речная вода на вкус приятная, охлаждающая и мягкая. Она содержит в себе много атмосферного воздуха и незначительное количество хлористых и других солей. Зимой реки в Кабарде и в горах замерзают большей частью у берегов. Вода в них в это время бывает чистая и прозрачная

с очень низкой температурой. Нужно заметить, что русла самых значительных рек, преимущественно в тех местах, где они текут по узким ущельям, загромождены на большом протяжении огромной величины камнями и скалами, упавшими с вершин крутых гор. Обстоятельство это представляет собой непреодолимые препятствия для туземцев к развитию торгового промысла, как, например, сплавление соснового леса, произрастающего в громадных размерах в верховьях реки Баксан и отчасти Малки»²⁵.

Тем не менее были попытки и стремительный Баксан оседлать. Одну из них предприняла в начале семидесятых годов прошлого века группа энтузиастов, решивших спуститься по реке на понтонах. Как это происходило, можно узнать из публикации «Неистовый Баксан»²⁶: «Первый отрезок – Верхний Баксан – Тырнауз. Быстрый светло-бирюзового оттенка поток, изредка вспенивающийся искристыми белыми барашками, петляет между галечными отмелями, рассыпается вдруг веером мелких проток и снова собирается в неширокую светлую ленту.

...Светлая мягкой породы стенка левого берега с множеством вкрапленных больших и малых камней, изъеденная, изрезанная длинными бороздами их падений, отвесно уходит вверх на многие десятки метров.

...Нужно пройти вдоль левого берега несколько коротких сливов между валунами, затем резко, круче струи, уйти вправо, прижимаясь к большой светлой глыбе, в белую кипень потока, и снова влево, влево, так как две гряды валунов перекрывают реку, оставляя лишь слева, у самого берега, узкую лазейку слива.

Плот прошел четко, как задумали. Зачапались в лабиринте камней слева за сливом – подстраховать лодку. Лодка тоже шла хорошо, правда, на одном из сливов лоцмана бросило с кормы на колени на дно лодки как раз в тот момент, когда она шла над камнем. Просмотрели реку дальше. Камни, камни, камни... Но есть и вода! Скептики оказались не правы – плыть можно. Хоть и не везде. Через три километра первый непроходимый участок. Сплошной каменный лабиринт кончился тупиком – Баксан с трудом продирается сквозь каменный заслон узкими клочущими протоками.

...Плот едва протискивается в узкие проходы, вспаханная валунами река бурлит, взбучает буграми вода, низвергается вниз то сплошным потоком, то тонкими радужными струйками.

Порог «Нижняя челюсть» назван по очень похожему белому пятиметровому камню в середине порога. Порог – круто падающий уча-

сток ниже километрового столба 39/69. Обилие камней. ...В начале порога – острый зуб в струе в метровом сливе. Очень красив левый берег. Над дорогой поднимаются огромные скальные обломки, оторвавшиеся от отвесной стены, причудливые очертания которой вверху напоминают бойницы и бастионы крепости.

Порог «Излучина». Река за автомобильным мостом и километровым столбом 41/67 подходит вплотную к обрывистой скале левого берега и выгибается у ее подножия крутой дугой. В воду со скалы здесь упало несколько больших глыб, перегородивших реку. На первый взгляд плыть некуда. Три огромных камня оставляют слева и в центре проходы в метр, к тому же в левой протоке застряло бревно. Под правый берег трудно уйти из-за камня в центре реки. Может быть, все-таки попробовать? Лодка насккивает на первый камень у левого берега, ее разворачивает, но ребята мощными гребками резко уходят вправо. Плотовикам отбиться вправо не удалось – плот медленно, боком, полез на средний валун, его накренило, корму стало заливать водой, кормовые выскочили на валун и столкнули плот в воду.

...Третий участок, от поселка Былым до поселка Жанхотеко, пожалуй, самый интересный кусок реки. Тесное ущелье, набравшая силу река, сложные препятствия, требующие четкой, слаженной работы экипажа. Малейшая ошибка тут же наказывается. Именно на этом участке трое из плотовой четверки поочередно побывали в воде. Но наибольшее впечатление оставляют все же последние пороги участка. Километра за два до балкарского селения Лашкута Баксан наваливается на отвесную известняковую ячеистую стенку с острыми кромками. Все русло забито валунами и скальными обломками. Мы обнесли участок стенки, спустили плот в каменистую протоку, и вот он, подхваченный потоком, ринулся вперед. Мы ушли от одного камня, от другого, наскочили на третий – у одного из кормовых потоком вырвало из рук весло – оно плыло сзади, последовала нестандартная команда «на камень» – плот притормозило, весло выхватили из воды. Плот сваливается в слив, затем во второй, и, уже набрав воды, на непослушном плоту мы валимся вниз с водной бушующей горы. Косые, почти продольные мощные валы бросают плот в разные стороны, складывают его, жуют, норовят поставить боком.

Лашкутинский порог, или порог «Западня», спрятан за излучиной реки и открывается, когда плот уже подходит к отвесной стенке левого берега. Здесь уловцо, расширение реки, перегородженной белыми глыбами известняка, а справа вся река низвергается вниз в узкий

проход двухметровым сливом. Уйти из улова вправо очень трудно, так как вода наваливается на глыбы, уходя в щели между ними. Осторожно подгребая веслами и нащупывая пальцами неровности стены, держась за нее, мы отводим плот подальше назад...».

Здесь, в районе селения Лашкута, мы прервем рассказ о попытке оседлать Баксан, заметив при этом, что других впоследствии не предпринималось, так что судходство по неистойой реке откладывается до лучших времен. Они не за горами – летом 2005 года на соседней реке Чегем проводились международные соревнования по экстремальному рафтингу – спуску на байдарках, называемых спортсменами между собой каяками.

Юго-западнее селения Лашкута, на террасе левого берега Баксана, на высоте 60 метров от реки, можно осмотреть грот, носящий имя легендарного нарта Сосруко. Чем руководствовались нальчикские ученые С. Н. Замятнин и П. Г. Акритас, давая в 1954 году гроту это имя, сейчас трудно сказать. Но туристская братия уже в семидесятых годах определила мифического героя сюда на постоянное место жительства, да так и оставила. Нам же остается привести сведения из книги «Древности Кабардино-Балкарии»: «Длина грота – 30 м. В мощных культурных напластованиях толщиной 12,5 м обнаружены предметы различных периодов», среди которых предметы среднекаменного века – мезолита: «...мелкие ножевидные пластинки, микролиты удлинённой формы, различные скребки, костяной нож с пазом для вставки кремневых пластинок, фрагмент костяного дротика, костяное шило»²⁷. Датируется грот XII– V тыс. до н. э. Похожий – «Кала-Тюбю» – можно осмотреть в районе селения Верхний Чегем.

Кстати говоря, археологические находки, сделанные в этих местах, довольно необычны. Вот что, в частности, сообщает Исмаил Мизиев о найденной в этих местах коллекции: «Она состоит из подвески, изображающей кругорогую баранью голову с чертами грифона. Рога изображения украшены литым орнаментом в виде тройных (с промежутками) ложно витых полос, в целом создающих иллюзию колоса.

Не менее интересна и вторая подвеска, изображающая фантастическую птицу с широким хвостом, высокой шеей и длинным клювом. Торчащие уши, изгиб шеи и клюв напоминают морду лошади или собаки. Последние детали особенно подчеркивают фантастичность изображения. Третий предмет представляет собой увесистую крупную булавку – фибулу с хорошо сохранившейся иглой и пружиной.

Фибула украшена треугольным геометрическим орнаментом, выполненным мелкими точками. Но особенно интересной является подвеска – литая бронзовая статуэтка «Богини плодородия», выполненная в виде обнаженной женской фигурки с утрированными элементами пола и вытянутыми вперед руками. Подобные изображения связаны с культом земледелия – культом плодородия. Такие изображения, но изготовленные из глины и камня, известны во многих пунктах Северного Кавказа, в том числе и в Нальчике уже в IV тыс. до н. э. На рубеже II и I тыс. до н. э. их отливают из бронзы и ее сплавов. К I тыс. до н. э. относятся и упомянутые находки. Голова, шея и талия статуэтки украшены колосообразными венками, которые в сочетании с признаками пола особенно подчеркивают, что «лашкутинская богиня» – великолепный образчик культа плодородия. Ей поклонялись далекие жители берегов Баксана»²⁸.

В районе селения Былым (еще в середине прошлого века здесь активно добывали уголь, отчего все вокруг лежащие горы пронизаны штольнями, а сам поселок так и назывался – Угольный) немало подземных могильных склепов, датированных VI–VIII веками нашей эры, сложенных из небольших плит. Они неоднократно подвергались ограблению как в дореволюционное время, так и в постсоветское (см. главу «Чегемское ущелье»). О памятниках этих мест, в частности развалинах крепости на вершине горы у начала ущелья Кала-Кол, писали А. Фиркович (1849) и братья Нарышкины (1867). К их трудам мы и обратимся. Вот что можно узнать из описания первого из них: «Следуя по реке Баксан по весьма трудной и едва проходимой дороге, мы прибыли в аул кабардинского князя Наурузова. Тут, в двух верстах от аула к западу, на горе, мне указано было разрушившееся строение на сводах из тесаного камня, спаянного известковым цементом и бывшее, вероятно, могилою, где, по словам местных жителей, один из кабардинцев нашел серебряный крест величиною в четверть аршина с надписью. Но крест этот, вместе с другими вещами, найденными, по его словам, в этом же склепе, переплавлен.

Следуя оттуда вдоль по Баксану, не доезжая с версту, в аул Озурклар, на вершине едва доступной горы, заметна развалина каменного строения, называемого туземцами Каллколу. Взобравшись туда, я нашел разрушившееся строение, из которого уцелела одна западная стена, высотой около 6, шириною 10, а толщиной 1 1/2 арш., с небольшим окном. Из развалин этого здания выстроены обширные коши.

Только в Чегеме я узнал одно предание об этом месте, хранимое в тайне туземцами, что будто бы в подошве той горы, над которою стоит упомянутое строение, есть отверстие, ведущее в пещеру, находящуюся под самим строением. В этой пещере хранятся книги, разные вещи и оружие под проклятием, а потому никто не решается прикоснуться к ним и даже открывать тайну эту другим под опасением дурных последствий»²⁹.

Ниже мы еще поговорим об исторических памятниках этих мест. А пока вернемся к дороге – «дальше шоссе выходит в горную котловину Сары-Тюз, склоны которой раздаются, и перед глазами раскрываются снова широкие виды. Слева от дороги видна вечно-снежная вершина Тихтенген-тау, она встает на Главном хребте в виде пирамиды с острыми гребнями в строгих готических линиях. (Тихтенген-тау, или, как принято ныне писать, Тихтенген-баши, своим внешним видом напоминает конус потухшего вулкана – отсюда и название, переводимое с балкарского как «успокоившаяся вершина». – Авт.)

Справа видны скалы, пики и башни двух вершин Скалистого хребта – Алмалы-кая и Науждзе, или «зубья бабушки». (Алмалы-кая в переводе с балкарского «яблочная скала»: *алмалы* – «яблочный», *кая* – «скала»). Желтые скалы этого горного отрога, расположенного в районе поселка Былым, при освещении ярким солнцем и впрямь ассоциируются со спелым яблоком. Ну а другое название – «зубья бабушки» – во второй половине пятидесятих годов прошлого века трансформировалось в «тещины зубы». (Осыпавшиеся пики отрога действительно чем-то напоминают гнилые зубы, вызывающие кое у кого вполне обоснованные сравнения. – Авт.)

Эта новая, самая широкая на пути горная котловина Сары-Тюз разработана Баксаном и двумя его притоками — левым Гижгит и правым Гестенты. Ее большие речные террасы падают уступами. Работа трех названных рек в течение геологических эпох создала оригинальный ландшафт этой горной котловины. Вместо зеленых живых долин, выше и ниже по течению Баксана, в этой котловине разворачиваются суровые и дикие виды. В то время как и севернее, и южнее в долине Баксана выпадает осадков в среднем от 600 до 700 мм в год, котловина Сары-Тюз крайне засушлива. Она является частью той общей продольной долины или цепи котловины, которая располагается на северных склонах Большого Кавказа, между Скалистым и Боковым хребтами, на всем протяжении от Эльбруса на западе до Военно-Грузинской дороги на востоке. Оба названные хребта настолько вы-

соки, что преграждают движение облаков, идущих с севера и юга. А сама долина между двумя хребтами очень глубока. Поэтому здесь всю летнюю пору года стоит ясная погода»³⁰.

О городе горняков Тырнаузе, проблемах некогда процветавшего горно-металлургического комбината, добывавшего вольфрам и молибден, коротко сказано в главе «Приэльбрусье». Едем дальше по Баксанскому ущелью. Сразу за Тырнаузом долина довольно резко сужается, и вскоре перед нами предстает во всей своей красе «дикая и глубокая теснина — Эльджурту, тождественная с Дарьяльским ущельем Терека на Военно-Грузинской дороге. По своей мрачной красоте это одно из интереснейших мест на всем пути. Кажется, что гранитные стены совсем преграждают впереди дорогу. Стены ущелья так смыкаются, что глаз не различает просвета. Они встают километра на полтора вверх. Изломы скал и их скульптурные формы одна интереснее другой, строги и гармоничны. Великолепным украшением всей картины служат сохранившиеся на всех недосыгаемых для человека местах горные сосны»³¹.

Далее автор упоминает укрепление, которое замыкало проход через Эльджурту, уточняя, что в нем «сидели средневековые хищники. С этим замком в балкарском эпосе связывается сказание о княгине Гошага, в чем-то перекликающееся с легендой Лермонтова о замке Тамары». Нам остается лишь посочувствовать путешественнику Сергею Анисимову, вынужденному давать идеологические оценки историческим памятникам, но по-иному в те «светлые» тридцатые писать было просто нельзя. Мы же обратимся к запискам братьев Нарышкиных: «...На правом берегу Баксана виднеются груды камней, обозначающих старинные кладбища и другие следы прежнего жительство; поэтому можно предполагать, что местность эта гораздо более была населена в старину. По преданию туземцев, предки их балкарцы, уступая натиску кабардинцев, постоянно занимали эти ущелья, продвигаясь все выше и выше к перевалу и не встречая нигде никакого населения, а только в некоторых местах развалины укреплений или жилищ, большей частью на высотах.

Около этих груд находится небольшое здание каменной постройки в виде часовни, сложенное из крупного булыжника, связанного известковым цементом, а внутри обмазанное известкой. Крыша с сильною покатостью составлена из тонких каменных плит наподобие черепицы, но сложенных весьма неправильно. Здание это имеет вид прямоугольника. Длина его до двух сажень, ширина около сажени.

На полтора аршина от земли в нем пробиты два продолговатых окна, одно в аршин вышиною, другое же поменьше треугольной формы. ...С трудом проникнув во внутрь этого здания, я увидел, что оно построено над склепом, теперь уже в одном месте проломанном, но, несмотря на это, довольно хорошо сохранившемся. В самом склепе, так же сложенном из камня, связанного цементом и имеющем глубину одну сажень, а длиною около полторы, я нашел хорошо сохранившиеся выдолбленные из соснового дерева гробы, из которых кости были вынуты и лежали в беспорядке в разных местах посреди груд обвалившейся извести, камня и прочего. Несмотря на все старания, я не нашел здесь ничего замечательного кроме нескольких железных гвоздей от гробов. Одна только человеческая берцовая кость поразила меня своею необыкновенною величиною. Мне хотелось взять ее с собою и показать специалистам, но, видя, что окружающие меня туземцы не сочувствуют моей любознательности, я оставил это намерение. Внутри памятника на стене в некоторых местах я заметил изображение оленей, сделанных весьма неправильно, и очевидно, в то время, когда известка не успела еще высохнуть. Снаружи возле самого окна (большого) заметно такое же очертание руки. К этому памятнику относится следующее, сообщенное мне туземцами, предание: Здесь жил и в этом склепе был похоронен богатырь Камгут. Жилище его или замок, следы которого заметны на противоположном берегу Баксана, господствует над окружающею местностью. Камгут принадлежал к фамилии Крым-Шамхаловых, потомки которых и теперь находятся в Карачае. В тогдашнее же время Баксанское ущелье было населено карачаевцами, которые еще не были магометанами. Камгут славился одинаково красотою, удалством и необыкновенною силою. В честь его, а также и брата его Ханчау-Бия и невесты его Кошеях, сложены народом песни, которые до сих пор сохраняются. Он умер от оспы в молодых годах и был похоронен в том склепе, который я осматривал. Долгое время этот памятник служил предметом всеобщего уважения, и никто не осмеливался дотрагиваться до него. Рассказывали, что в минуты, опасные для жителей ущелья, Камгут являлся верхом в полном вооружении и тем наводил страх на врагов, а по миновании опасности неизвестно куда исчезал...»³².

Мавзолей князя Камгута Крымшаухалова, как и развалины крепости, принадлежащей княгине Гошайя, можно видеть и сегодня.

Как пишет исследователь Юрий Асанов, книгу которого к печати готовил один из авторов этих строк, «в прошлом у ряда народов

Северного Кавказа широко была распространена и пользовалась большой популярностью лирико-эпическая песня, известная в карачаево-балкарском фольклоре как «Каншоубий», или «Плач княгини Гошаях», в адыгском – «Песня скорби Гашагах», «Песня Гашагаг». Ряд ее персонажей – «реальные лица, имена которых в связи с теми или иными имевшими место событиями упоминаются в документах первой половины XVII века». И самое главное – «произведение это, представляющее собой лирико-эпическую повесть, в жанровом отношении сродни «Слову о полке Игореве». А «плач» княгини Гошаях стоит в одном ряду с «плачем» Ярославны»³³. Не здесь и не нам уточнять этническую принадлежность тех или иных персонажей, главное другое – по своей внутренней сути произведение, отражающее глубинные человеческие чувства, наднационально. Вот лишь один из фольклорных вариантов.

...К Гашагаг, жене Каншаубия, приехала в гости ее младшая сестра, которую за светло-зеленые очи звали Гашанага. Увидела она Каншоубия – красивого, опрятного, отлично владеющего конем и оружием – и полюбила его. Попросила Гашанага у Гашагаг ее платье, чтобы поглядеть, узнает ли ее муж сестры. В первый день Каншаубий отошел в сторону, и во второй не коснулся родственницы жены, а на третий раз не сдержался, провел с ней ночь. Перед отъездом плеснула Гашанага на бороду Каншаубия наговорным зельем и стали выпадать у него волосы, слезать кожа. Поехал тогда Каншаубий к сестре жены, желая излечиться, да и остался с ней навсегда. А Гашагаг, оплакивая свою судьбу, сложила горестную песню...

А вот что явствует из публикации Н. П. Тульчинского³⁴. Второй сын Бекмурзы Крымшамхалова Камгут воспитывался в Кабарде у князей Бибертовых и «был пленен необыкновенной красотой малолетней дочери своих воспитателей по имени Гошиах, которую он во что бы то ни стало решил похитить, вырастить, а потом жениться на ней». В одну из конных прогулок Камгут «вместе с Гошиах умчался к себе, в аул Эль-Джурт», устроил для малолетней красавицы хижину в земле, поручил ее попечению одной старушки и вскоре она «расцвела в пышную розу». Но счастье обошло стороной Камгута, чьи «доблести прогремели по всей окрестности», – сразила его черная оспа...

После смерти Камгута «прельстился необыкновенной красотой Гошиах» Каншоубий, но и ему не суждено было обрести счастье с красавицей... История эта длинная, приводить ее не здесь, главное, что злосчастная Гошиах провела свою недолгую жизнь в сплошных

страданиях, отразила их в своей песне, заслужив сочувствие. Посочувствуйте и вы ей, проезжая мимо этих мест...

На скрещении притоков Баксана Адыр-су и Сылтрана расположена альпийская котловина, на которой и разместилось селение Верхний Баксан, бывшее Урусбиево. И наверное, именно сейчас уместно сделать небольшой экскурс в историю этих мест. Вот что писал знаменитый кавказовед Леонид Лавров: «Нынешнее население Баксанского ущелья было известно до революции под названием урусбиевцев, так как во главе их стояли феодалы Урусбиевы, выведившие свой род от бизингиевских феодалов Суншевых. Старейшим известием об урусбиевцах является балкарская надпись 1715 г., вырезанная на каменной плитке. Надпись гласит, что кабардинский князь Аслан-бек Кайтуко вместе с некоторыми дигорскими и, кажется, балкарскими феодалами согласился на предоставление Исмаилу Урусбию некой территории в восточной части нынешней Кабардино-Балкарской АССР, скорее всего в районе горы Кашкатау, где еще недавно стоял мавзолей, который приписывали предку Урусбиевых. Среди балкарских «волостей», перечисленных и частично описанных в документе 1743 г., нет известий об урусбиевцах, но зато говорится о какой-то «волости Хусыр», которая упоминается между «волостями» Хулам и Малкар. Дальнейшие исследования покажут: не скрывается ли под Хусыром область, которую тогда занимали урусбиевцы? Во всяком случае, их еще не было в Баксанском ущелье, которое в 1743 г. оказалось временно занято сванами. О появлении урусбиевцев в этом ущелье становится известно в начале 1780-х годов, когда Я. Рейнеггс в своем сочинении отметил: «На баксанских горах... пасут (скот) 160 бедняков племени Орузпи».

Я. Рейнеггс сообщает, что урусбиевцы в это время платили дань кабардинским князьям. По сведениям, после переселения Урусбиевых на р. Баксан были переселены туда же оставшиеся в Бызынги их подвластные. К ним присоединились выходцы из других районов, и население скоро увеличилось. Вскоре возник конфликт между урусбиевцами, с одной стороны, и кабардинскими князьями Атажукиными – с другой. Начались военные действия. Атажукиным помогали чегемские таубии Баресбиевы и Келеметовы. Предания рисуют гибель в этой борьбе Тугузака Келеметова, ранение Басията Баресбиева и отступление Атажукиных. По другому преданию, чегемцы во главе с Балкароковым отвоевали у урусбиевцев нынешнее с. Былым, которое с тех пор стало считаться владением Балкароковых. Очевидно, борьба закончилась не в пользу урусбиевцев»³⁵.

Как совершенно справедливо отмечает Исмаил Мизиев, «ни один рассказ об Эльбрусе и его окрестностях не может быть сколь-нибудь полным без хотя бы беглого рассказа о старинном и влиятельном семействе Урусбиевых, владевших Баксанским ущельем. Дом Урусбиевых получил широкую известность в культурно-просветительских и научных кругах на Кавказе и в России. ...Активная деятельность Урусбиевых может быть начата с Мырза-кула, который вместе с правителем Карачая (Олием Карачая) Исламом Крымшаухаловым помог Емануелю организовать группу проводников для покорения Эльбруса.

Дело своего отца достойно продолжали его сыновья — Хамзат, Магомет и Исмаил Урусбиевы, мать которых была сестрой Ислама Крымшаухалова»³⁶. Наиболее известен из них Исмаил Мирзакулович, чья личность запечатлена в трудах многих путешественников, ученых, писателей, композиторов, художников, побывавших во второй половине XIX века в Приэльбрусье. Благодаря исследованиям Тамары Биттировой, составителя, комментатора, автора предисловий интереснейшего двухтомника «Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в.», мы сегодня знаем, что И. М. Урусбиев родился в 1829 году, «получил образование в медресе – читал по-арабски. Знал, помимо родного, кабардинский, сванский, осетинский, русский языки. С юных лет Исмаил живо интересовался жизнью, бытом, культурой соседних народов... был прекрасным знатоком фольклора, истории, культуры народов Северного Кавказа и придавал исключительно большое значение ознакомлению других народов с духовным богатством карачаевцев и балкарцев. Эти цели он и преследовал, когда, услышав о приезде на воды известных деятелей культуры России, встречался с ними, знакомил их с музыкой, песнями, легендами Балкарии, Карачая, Кабарды»³⁷.

А вот с каким восторгом описывают «могучую, как бы из железа скованную фигуру Исмаила Урусбиева» неоднократно уже цитируемые нами авторы очерка «У подошвы Эльбруса» И. Иванюков и М. Ковалевский: «Его статная фигура дышит жизнью и цветущим здоровьем. Князь не помнит, был ли он когда болен. Вся жизнь его прошла на Кавказе; в Петербург и Москву ездил один раз и ненадолго. Ни в какой школе князь не учился, читает только по-арабски и тем не менее имеет весьма обстоятельные сведения по истории. Книжки читают ему сыновья, когда приезжают в аул. Князь отличный знаток народных преданий и легенд, и голова его кишит гипотезами о заселении

Кавказа и об его прошлых судьбах. Память у князя феноменальная; однажды, беседуя с нами о русской литературе, он, в доказательство своей мысли, цитировал несколько мест из Добролюбова. У горских татар нет имени более популярного, как имя Исмаила Урусбиева. «Кто может сделать лучше Исмаила», «во всем Исмаил первый» – вот выражения, которые мы обыкновенно слышали от татар, когда речь заходила о князе. Он первый джигит, первый танцор, первый музыкант, первый кузнец, первый сапожник, столяр и токарь и мн. др. Особенно же преклоняются татары пред его находчивостью и умом. Князь любит горских татар и несколько идеализирует их. В отношении его к народу необычайная простота. Двери его дома всегда настежь, и в день перебивает несколько десятков человек для совета с князем по самым пустым житейским делам. Однажды, в дождливый вечер, князь играл на кобузе, а С. И. Танеев переводил его игру на ноты; в комнату входил всякий, желавший послушать музыку; к концу вечера набралось человек до сорока; слушатели с любопытством и недоумением смотрели на нотные знаки и приходили в неописанное изумление и восторг, когда С. И. Танеев напевал, по записанным им нотам, только что сыгранную князем мелодию»³⁸.

Сергей Иванович Танеев (1856–1015) – тот самый знаменитый русский композитор, пианист, профессор Московской консерватории, автор оперы «Орестея», музыкально-теоретических трудов по проблемам полифонии. С семьей Урусбиевых его связывали теплые и дружеские отношения. Вот отрывок из его датированного летом 1891 года письма к Петру Ильичу Чайковскому, привести которое здесь видится вполне уместным: «Трудно себе представить, до какой степени восхитительна эта поездка. Баксан в начале очень широк. Дорога идет то по одному, то по другому из его берегов. Мы множество раз должны переезжать через мосты, сложенные из нескольких бревнышек, в то время как река ревет, как дикий зверь, увлекая и переворачивая в своем течении огромные глыбы камней. Лошади наши будут лепиться по скалам, перед нами будут открываться зияющие пропасти, мы постоянно будем испытывать приятное чувство человека, благополучно избежавшего грозившей ему опасности. Налево от нас будут горы, покрытые вечными снегами. Впереди – Эльбрус, то скрывающийся за склонами, то вновь обнаруживающийся и, по мере нашего к нему приближения, принимающий все более и более чудовищные размеры. Мы едем то голыми скалами, то лесами, где деревья необычного для нас роста, то пространствами, сплошь усеянными как бы драго-

ценными камнями самых ярких красок, усыпанными золотыми блестками и, как искры, рассыпающимися под ногами лошадей. Прибавь к этому горный чистый воздух, который вбираешь в себя и не можешь им надыхаться, ключевую воду, в обилии попадающуюся по дороге, шашлык, который жарится из тут же зарезанного барана, и ты будешь иметь слабое представление о тех прелестях, которые представляются путникам, решившимся предпринять это путешествие»³⁹.

Известный русский художник Н. А. Ярошенко летом 1882 года работал над пейзажными этюдами, которые назвал «Путевые заметки из путешествия по Кавказу». Есть среди них и созданные в Баксанском ущелье; а на карандашной зарисовке «Дом в ауле Курхуджан» даже уточнено – «Дом князя Урусбиева». Но нам в большей степени интересна работа «Песни о былом», явившаяся своеобразным итогом кавказских впечатлений художника. Вот что пишет искусствовед Владимир Прытков: «Как всегда у Ярошенко, картине предшествовала эскизная и этюдная подготовка. Весь этот подготовительный материал, хранящийся в Русском музее в Ленинграде и Полтавском художественном музее, показывает упорную работу Ярошенко, его стремление к лаконичной, выразительной композиции и поиски типичных образов горцев.

Первоначально – в наброске «Кавказский хор» (Русский музей) – Ярошенко задумал картину как простую жанровую сцену. Князь сидит в мягком кресле и поет вместе со стоящими позади него горцами. Мальчик-горец подает ему длинную трубку. В этом эскизе, представляющем чисто этнографический интерес, сквозит лишь слабый проблеск будущей картины. Далек еще от картины и эскиз Полтавского музея. И только в третьем эскизе, хранящемся в Русском музее, Ярошенко сумел преодолеть узкий бытовизм первых эскизов. Здесь князь сидит уже не в мягком, а в широком деревянном кресле, как-то тяжело опустившись в него и глубоко задумавшись. Сидящий, скрестив ноги, народный певец поет героические песни о былом, которым внимают и князь, и группа горцев позади него, и старец в чалме, сидящий у очага. Пламя очага освещает колеблющимся светом их лица и фигуры, отбрасывая на стены сакли длинные тени. Найдя удовлетворившее его решение композиции, художник делает этюды (два карандашных этюда к фигуре князя находятся в Полтавском художественном музее), а в 1894 году заканчивает картину.

На картине изображена большая сакля князя, скудно украшенная висящим на стене оружием. В центре сидит, поджав под себя ноги,

народный певец и, мерно покачиваясь в ритм песни, сопровождая исполнение выразительными жестами, поет про былую славу Кавказа, о героических подвигах предков. За ним стоит группа горцев в национальных костюмах, с кинжалами у пояса; на переднем плане, в широком деревянном кресле, сидит князь, а справа от него, у самого очага, – старый горец с белой чалмой на голове. Пламя очага живописными пятнами освещает всю группу людей, бросая на стены и низкий потолок сакли гигантские колеблющиеся тени. Выдержанная в мрачном, коричневом тоне, своеобразная по освещению картина романтична по самому своему замыслу. Вольнолюбивые мечты кавказских народов о свободе, о сохранении и развитии своих национальных особенностей, не осуществимые в условиях развивающегося капиталистического царского строя, выразил, как нам кажется, художник в этом произведении. Можно поразиться и проявившейся в творчестве Ярошенко характерной чертой русской культуры – чувством глубокого уважения к другим народам, умением понять их национальный характер, их быт и обычаи»⁴⁰.

Краевед Е. Польская, материалы которой в середине семидесятых годов прошлого века один из авторов этих строк не раз готовил к печати на страницах газеты «Советская молодежь», убеждена, что в образе князя художник запечатлел Исмаила Мирзакуловича Урусбиева, завершившего свой земной путь, по данным Т. Биттировой, 8 мая 1888 года.

Селение Верхний Баксан расположено в устье реки Кыртык. По невероятно крутому подъему, извиляющемуся серпантинном, на «Ниве», вначале рычащей от негодования, а потом и закипающей от бессилия, надо подняться наверх – к перевалу, ведущему в долину реки Малка. Интересно, что у него два названия – со стороны Баксана Су-Арык (от балкарского *су айры* – «водораздел»), со стороны Малки – Кыртык-Ауш (*кырдык* с балкарского «трава», *ауш* – «перевал»). Действительно, это перевал через водораздел рек Баксан и Малка, и идет он по заросшим травостоем горным склонам. Практически сразу вас ожидают непередаваемые впечатления. Открывшееся травянистое плато поражает своим волшебным изумрудием, вкраплениями самых невероятных цветов – пастбища здесь обильные и неистощимые, использовались людьми с незапамятных времен. Об этом свидетельствуют многочисленные пещеры, которыми зияют склоны горы, носящей имя Уллукай (*уллу* с балкарского – «большой»). Во многих из них, как и в расположенных у подножия каменных меш-

ках, чем-то напоминающих склепы, видны следы очага, встречаются человеческие кости. В эти подобия жилища пролезать надо чуть ли не ползком, зато внутри можно даже распрямиться практически в полный рост. Огромный каменный жернов также убеждает, что люди жили здесь постоянно – выращивали хлеб, пасли скот, пили нарзан, источник которого, расположенный в нижней части осыпи, не иссякает веками. Открывающаяся взору кипенно-белоснежная панама Эльбруса отсюда кажется лежащей на травяной зелени пастбищ. Сразу вспоминается описание И. Иванюкова и М. Ковалевского, побывавших в этих местах в восьмидесятых годах XIX века: «К девяти часам утра мы были на высшей точки перевала. Перед нами стояла вторая линия вечных снегов и Эльбрус во всем своем величии и великолепии. Чем ближе подходишь к этому гиганту, тем сильнее он захватывает. Кажется, будто с куполообразных шатров его виден весь мир. Как ни изумительно эффектна с Кертыкского перевала снежная цепь, с ее тысячами многогранных конусов, с ее глубокими, разнообразных форм и положений глетчерами, а все-таки Эльбрус более приковывает к себе ваш взор и как-то фантастически настраивает ваше воображение. Казалось, вечно сидел бы перед ним.

Спуском средней крутизны по дикому ущелью, окаймленному высокими горами, въехали мы к полудню в Кертыкскую долину. Правую сторону долины составляет виденная нами с перевала цепь вечных снегов, почти отвесно спускающаяся к извиляющейся реке Кертык. Горы левой стороны долины покрыты роскошными бархатистыми пастбищами, над которыми высятся по крутым склонам могучие хвойные леса. С запада долину замыкает величественная гора Су-баши, грозящая сбросить с себя громадный глетчер. Из-под глетчера с шумом вырывается масса воды – это начало Кертыка, вбирающего в себя в дальнейшем течении сотни падающих с гор ручейков.

...Затем Кертык круто поворачивает на юг, и бежит в тесном ущелье вплоть до Урусбиевского аула, где впадает в Баксан. Дорога здесь, то подымаясь над пропастями, то опускаясь к реке, извиляется узкою тропою в каменной стене. Нависшие над ущельем скалы едва пропускают солнечный луч. Грозно смотрят эти скалы, и кажется, вот-вот грохнутся они и раздавят вас. Ощущение жуткости от грандиозно-мрачного характера ущелья еще более усиливалось глухим ревом яростно-мечущейся реки.

...Под нами широкая Баксанская долина и множество саклей урусбиевского аула, лежащего на высоте 5200 ф. Впереди, в пурпуровом

свете от заходящего солнца, цепь вечных снегов, прорываемая двумя круто подымающимися с долины ущельями рек Адыр-су и Адыл-су. С ледяных великанов сползают глетчеры сюда. Справа долина замыкается горами Тхотитау и Эльборусом; а прямо пред нами уходила в небо семью острыми конусами одна из самых красивых и высоких гор Кавказа – Курмычи-баши»⁴¹.

Еще одним описанием Эльбруса, увиденным с этих мест натуралистом Георгием Подъяпольским, мы и завершим свое путешествие по Баксанскому ущелью: «Я с восхищением смотрел на величественную картину, наблюдая волшебные превращения горного колосса под лучами восходящего солнца. Краски постепенно, но непрестанно менялись, словно стекали с вершин Эльбруса одна за другой. Перехваченная седловиной, сглаженная мягкими очертаниями, огромная гора стала розоветь, несколько ниже она уже окрасилась в пурпурный цвет, а ближе к основанию – в лилово-синий. Подножье, между тем, было еще скрыто во мраке ущелья – там густо темнела ночь. А небо! Оно тоже не хотело оставаться вне этой великолепной игры красок: из бледно-бирюзового оно становилось все ярче и прозрачнее и вскоре приобрело изумительно чистый темно-голубой цвет. Но и Эльбрус, казалось, не хотел уступать – его вершина была уже оранжевой. ...В ущелье повисла синь, и кое-где у утесов, словно к ним причалили белые парусники, забелели клочки утреннего живого тумана. Некоторые из этих белых облачков отрывались от утесов, плыли мимо скал и, цепляясь за них, развевались, как седые усы великанов. Воздух был чист и прозрачен, казалось, он имел не только запах, но и вкус. В это время Эльбрус начал золотиться. Время текло, и когда, наконец, порозовели стволы березок и лучи солнца, брызнув из-за горизонта, пронизали лес, ...«волшебная» гора покрылась серебром, а через мгновение стала белой как сахар. Белизна снегов великолепно подчеркивалась фоном чистейшего синего неба, венчавшего всю панораму гор в этой изумительно нежной цветовой гамме»⁴².

...Баксанское ущелье неотделимо от Приэльбрусья, но при подготовке этой работы (прежде всего фотоальбомов) нам пришлось пойти на такое искусственное деление, так как имеющиеся материалы не ложились в один том. Надеемся, читатель не будет излишне строг к авторам, стремящимся показать удивительное своеобразие и Баксанского ущелья, и Приэльбрусья как можно полнее, глубже, всеохватнее.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Жизнь поэта оборвалась в 1941 году в Бобруйском концлагере (См.: Котлярова М., Котляров В. Ты создал мир. И он велик. Книга о поэте Али Шогенцукове. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2003).

² Путеводитель по Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1971. С. 53.

³ Афов А. Кабардино-Балкария. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2005. С. 59.

⁴ Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик: Эль-Фа, 2001. Т. 1. С. 250.

⁵ Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу М. Владыкина в двух частях. 2-е изд., доп. и исправ. М., 1885. Ч. 2. С. 139–140.

⁶ Священный Кызбурун // Комсомольская правда. 2002. Январь.

⁷ Андреев-Кривич С. А. Кабардино-черкесский фольклор в творчестве Лермонтова // Ученые записки КНИИ. Нальчик, 1946. Т. 1. С. 250–251.

⁸ Сказания о Жабаги Казаного. Нальчик: Эль-Фа, 2001. С. 6.

⁹ Там же. С. 15.

¹⁰ Чеченов И. М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1969. С. 56.

¹¹ Мизиев И. М. Туристскими тропами в глубь веков. Нальчик: Эльбрус, 1976. С. 46.

¹² Там же. С. 46–47.

¹³ Отчет гг. Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ (в Сванетию) с археологической целью в 1867 г. // Балкария: страницы прошлого. Вып. I. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2005. С. 21–22.

¹⁴ Сокуров В. Н. Канжальская битва и ее отражение в кабардинском фольклоре // Актуальные вопросы кабардино-балкарской фольклористики и литературоведения. Нальчик, 1986. С. 48.

¹⁵ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 145, 146–147.

¹⁶ Цит. по: Аталиков В. М. Наша старина. Нальчик: Эльбрус, 1996. С. 150–152.

¹⁷ Цит. по: Сокуров В. Н. Канжальская битва... С. 58.

¹⁸ Зубов П. А. Подвиги русских воинов в странах Кавказских с 1800-го по 1843 год // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик: Эль-Фа, 2001. Т. 2. С. 91–92.

¹⁹ Кумыков Т. Х. Выселение адыгов в Турцию – последствие Кавказской войны. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 8.

²⁰ Кузьминов П., Добагова Р. Кавказский литературно-исторический Олимп // Литературная Кабардино-Балкария. 2005. № 4. С. 127–145.

²¹ Анисимов С. Кабардино-Балкария. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937.

²² Бондарев Н. Связь времен // Ветер странствий. Вып. 20. 1985. С. 45–52.

²³ Анисимов С. Кабардино-Балкария. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. С. 42–43.

²⁴ Дубровин Н. Ф. О народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик: Эль-Фа, 2002. С. 47.

²⁵ Дроздовский А. И. Краткий медико-топографический очерк Кабардинского округа Терской области // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик: Эль-Фа, 2001. Т. 2. С. 339.

²⁶ Митрофанов В. Неистовый Баксан // Ветер странствий. 1974. Вып. 9. С. 66–70.

²⁷ Чеченов И. М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1969. С. 15.

²⁸ Мизиев И. М. Туристскими тропами в глубь веков. Нальчик: Эльбрус, 1976. С. 48

²⁹ Фиркович А. Археологические разведки на Кавказе // Труды Восточного отделения Императорского археологического общества. СПб., 1858. Ч. 3. С. 127–128.

³⁰ Анисимов С. Кабардино-Балкария. С. 43–44.

³¹ Там же. С. 46.

³² Отчет гг. Нарышкиных... С. 7–9.

³³ Асанов Ю. Н. «Песня-поэма «Каншаубий», или «Плач княгини Гошая». Нальчик: Эль-Фа, 1996. С. 4, 97, 114.

³⁴ Тульчинский Н. П. Поэмы, легенды, песни, сказки и пословицы горских татар Нальчикского округа Терской области // Терский сборник. Владикавказ, 1904. Вып. 6. С. 249–259.

³⁵ Лавров Л. И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX века // Балкария: страницы прошлого. Вып. 2. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2005. С. 60–61

³⁶ Мизиев И. М. Следы на Эльбрусе. Ставрополь, 2000. С. 112–113.

³⁷ Урусбиевы и история культуры Балкарии // Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в.: Избранное в двух томах. Нальчик: Эльбрус, 1993. Т. 1. С. 27–28.

³⁸ Ивановков И., Ковалевский М. У подошвы Эльбруса // Балкария: страницы прошлого. Вып. 1. Издательство М. и В. Котляровых. Нальчик, 2005. С. 37–38.

³⁹ Цит. по: Мизиев И. М. Следы на Эльбрусе. С. 126–127.

⁴⁰ Прытков В. А. Николай Александрович Ярошенко. М.: Искусство, 1960. С. 161–162.

⁴¹ Ивановков И., Ковалевский М. У подошвы Эльбруса // Балкария: страницы прошлого. Вып. 1. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2005. С. 35–36.

⁴² Подъяпольский Г. Н. От весны до весны. Нальчик: Эльбрус, 1984. С. 8–9.

BAKSAN CANYON

Baksan canyon is considered to be a visiting card of Kabardino-Balkaria because it is the straight way to the main treasure of our land – the Elbrus. This canyon gets its beginning just over the settlement Lashkuta but the starting point of the Elbrus itinerary is Baksan – one of the towns of Kabardino-Balkaria. The canyon – as all other canyons – got the name of the river flowing through it. The road in Baksan canyon is one of the best in our republic but we think that even those who prefer great speed we'll choose slow travelling just not to miss something interesting.

The first sightseeing is connected with the legendary figure of Kabarda Tambiev – the man who is called the forefather of the Kabardinian people. In the old guide book (1872) there is an interesting description of the place of his burial which was chosen faultlessly by the folk fantasy. It couldn't be better. The view from the Makhogaps mountain is stunning: the whole Kabardinian plain, as well as the mountain chains on the horizon are open to your sight from here.

This place is not only picturesque and impressive but mysterious at the same time, especially when Kizburun hills are meant. The locality is said to be miraculous. It is the place of pilgrimage for archeologists and those who believe in mystic things. The hills are known as the cemetery of Moslem upright persons. One more version – it is a Scythian burial place. According to the natives the hills, from time to time, are illuminated by some unusual light. Those who, being ill, saw it, recovered. It was a true wonderful healing. The earth of the hills is always – all the year round – warm. In spring when everything in the vicinity is green the hills are yellow. You may believe it or not but these tales seem rather attractive and add some particular charm to the place.

The settlement Zayukovo (*Cornel valley* – from the Kabardinian) stretches to the distance of 22 km, being the most extensive settlement in the Baksan canyon. Its former name is Atazhukino that is connected with its owners – the Atazhukins, the clan of the noblemen. Izmail-bey Atazhukin – one of this family – is a remarkable person. It is he who became the hero of the poem "Izmail-bey" by the great Russian poet M. Lermontov. He is the author of the following thought: "Our ancestors' wisdom – whose memory is sacred to everybody – gave us the advice to live under the protection of the great state of Russia".

Another outstanding man from the Atazhukin settlement is the national hero, the sage Ghabagy Kazanoko. He is the folklore Caucasian hero, the example of wisdom, justice and valor. His word was considered the absolute authority. It

was enough to refer to one of his sayings to stop the most dangerous quarrel. There is an interesting story about a beautiful newly built crypt. The situation needed the best khokh, i.e. the adequate speech to commemorate the event. Ghabagy with his khokh – "Let this crypt be always splendid outside and empty inside" – gave the paramount saying. Nowadays the monument to Ghabagy Kazanoko is set there. His face as if expresses the rightness of his own thought: "The man of valor is always in harmony with Time".

At the turning to the settlement Kirmdelen, not far from the monument to Ghabagy Kazanoko, there is one more remarkable memorial – "The Mournful highlander" – dedicated to all the perished in wars. By the way this crossroads marks not only the way to Kirmdelen but to one of the most picturesque gorges of our mountainous land as well. It is Tizil with its unique beauties. Its rocks, grassy slopes with flowers, wonderful trees, numerous waterfalls are quite distinct even among wonderful landscapes of other gorges, ravines and canyons. The particular interest of Tizil is ancient ceramics with solar signs which are found there from time to time. One more worthy to mention point is ochre drawings on the rocks – horseman with bow, some fantastic beasts, row of obscure animals and birds – the works of the ancient painters.

But the top wonder of Tizil is a cave with an underground azure, sky-blue lake. The cave has a hidden entry: many-coloured moss with glimmering and sparkling water streaming over it reminds of a luxuriant curtain hiding the Mystery itself. The lake in the heart of the mountain is the next token of this Mystery: its incredible penetrating blueness, the shimmering reflections on the vaults, some acute solemn silence overwhelming the space make you feel awe and rapture. Who is the owner of this underground diamond?.. What Mystery is lurking here?..

As the native guides say, there are several similar underground lakes in the caves next to inaccessible. They have been waiting for the most daring to admire their beauty. But we feel giddy just trying to imagine all the treasures of the mountains...

Now we are going to the gorge called Urdi. It welcomes you twice a year – in spring or in autumn – when there is no abundant grass which is here as a true obstacle for getting to this or that place. But even then the only road there is a narrow river bank or the river itself – meandering, wayward, impetuous. But Urdi is worth visiting.

To begin with the gorge Urdi is mentioned in the "History of the Adigs" written by such outstanding figure of the national history of the Kabardinian people as Shora Nogmov. He described a famous Kanghai battle between the Kabardinians and the Turks which took place in the gorge of Urdi. That battle became decisive in the centuries-old struggle of the Kabardinians with the invaders from the Crimea and Turkey. By the way, *kan ghol* means a *bloody road*. Such points as Alegot's rock, mountain ridge Aursentkh, Kanghai remind of the 1708 summer – the time of the victory over the invaders.

This land is really soaked in blood. Much of it was spilt during the so called Caucasian war lasting for 150 years. It was finished in 1864. About half a million of the highlanders were exiled to the Ottoman empire. A lot of the Adig settlements were ruined, men and cattle were killed. It was the Czarist policy against the rebellious Caucasian folks.

But let's continue our journey. Going on with our review of the Urdi we are particularly eager to tell about the ancient burials with the rock covered with drawings unknown to the science up to now. Perhaps we were the first to discover them. They are really amazing. Made in ruddle, they depict a bird and a man. It's necessary to say that we haven't met such representation of bird before. It evokes associations with the Heaven being a symbol of it. As for the drawing of the man it seems to be a part of some scene. The drawings are full of strange power, expressiveness and attractiveness. We again meet with Mystery. The place itself, bordering with rocks from one side and with grassy slopes from another, resembles a habitable home. The home from the Past...

The Baksan river valley is rather wide up to the settlement Zayukovo. Then it begins to narrow and we find ourselves in the ravines of the Rocky ridge. It seems for the first glance that there is no way out at all, that mountains block the road. But moving forward we can see a thrilling picture: the road is winding along the stone ledges close to the rocks to the accompaniment of the roaring Baksan. Sometimes the rocks overhang above the road as a tunnel. But you are captured by the grandiose view: pink and yellow hues of the limestone layers of the Jurassic period, indented coastline of Baksan, splendid towers and peaks of mountain *skyscrapers*...

The river Baksan... We follow it along all the way through the Baksan canyon. Furious, tireless, dying to be free, this river is bearing its waters for centuries. It's a sample of mountainous rivers: its power overcomes imagination. It has some rapids which got proper names – "Lower jaw", "Bend", "Trap" – showing their character. The super place for the extreme rafting and canoeing...

To the south-west from the settlement Lashkuta, on the terrace of the Baksan's left bank there is a grotto (dating back to the XII-V millenniums BC) named after the legendary epic figure Sosruko – one of the most valorous Narts: the glorious heroes of folk tales and songs. Artifacts from different historical periods have been found there in the thick cultural stratification (12,5 m). Among them there are objects from the Mesolithic period – small plates resembling knives, different kinds of scrapers, a part of ivory javelin, an ivory awl and so on.

By the way, other archeological finds discovered in this locality are considered unique. For example, two exquisite pendants. The first is made like a ram head but with griffon features. Its horns are decorated with cast ornament giving the illusion of spike. The second one is made like a fantastic bird with wide tail, tall neck and long beak. Its sticking up ears, the neck's bend

and beak resemble a dog's or a horse head. The third thing is a big fibula with well preserved needle and spring. The fibula is decorated with geometric ornament made by tiny dots. But the most interesting find is a bronze pendant figurine of the Fertility Goddess. Her head, neck and waist are decorated with spike wreaths.

The next point of our itinerary is the settlement Bilim with its underground burial crypts dating back to the VI-VIII centuries AD. Some of them are destroyed nowadays but nevertheless the rest hide their secrets – the secrets of Life, Death and Time.

Further on we get to Sary-Tyuz hollow. To the left you can see the Tikht-enghen-tau peak with its never melting snow. It is alike pyramid among other peaks of the Main range. To the right of the road rocks, peaks and towers of two summits of the Rocky range are seen. They are Almaly-Kaya and Naugidze (*or Grandmother's teeth*).

Now we arrive at Tirniauz – a famous miners' town, surrounded by bleak but picturesque mountains. Just over Tirniauz we get into the deep ravine Eldjurtu reminding of the famous Dariyal gorge of the legendary road leading to Georgia over – mind the assonance! – the mountain crossing of the Cross. It's one of the most interesting places along this itinerary. Its gloomy beauty can't but impress greatly by a specific atmosphere, by the sculptural outlines of rocks as if competing in their creative abilities. The splendid framing for the whole picture is the highland pines on the inaccessible height.

In the past the Eldjurtu was defended by a mighty castle. Among the Balkarian and Kabardinian epic tales there is a wonderful legend about a princess Goshayakh connected with this place. It turned into several beautiful songs about the hero Kamgut and two sisters – Goshayakh and Gashanag. Today we can see a crypt of unusual form linked with Kamgut. He died young but in the time of danger he appeared astride in full arming making the enemies fly. When the danger was over he disappeared again. For a long time this crypt was worshipped. Nowadays there we can see the ruins of Kamgut crypt and Goshayakh's castle.

At the crossing of two Baksan tributaries – Adir-Su and Soltran – there is an Alpine hollow with the settlement Verkhny (Upper) Baksan, formerly called Urusbievo. No story about Elbrus and its vicinities can be complete without information about an old and influential Urusbiev family. This renowned family of Caucasian educators was well known in Russian culture and science as well. The Urusbievs selfless devotion to the educational and cultural promotion began from Mirza-kula Urusbiev who actively helped the general Emmanuel to organize the group of local guides for the expedition to the Elbrus. He was followed by his sons – Khamzat, Magomet and Izmail. The last son – Izmail – was mostly famous being a man of great personality. He is mentioned in many books of travelers, scientists, writers, composers, artists visited the Elbrus region in the second half of the 19-th century. Izmail knew several Caucasian

languages and spoke Russian. He was a brilliant expert of folklore, history, culture of the North Caucasus. One of his aims was to acquaint the Russians with music, songs and legends of Balkaria, Karachay and Kabarda.

The Upper Baksan is situated at the estuary of the river Kirtik. If we go up from here, we'll get to the crossing leading to the valley of the river Malka. This crossing has two names – Su-Arik and Kirtik-Aush: one from the river Baksan, another – from Malka. It is a watershed between two rivers where you'll get the unforgettable impressions. The grassy plateau seems a rich emerald-green carpet with wonderful unusual flowers. A shining chain of mountain peaks, cones, tops of different shapes seen from the Kirtic crossing strike your imagination. But the Elbrus rivets our attention once and forever. It has no rivals at all. From here the magnificent Elbrus with its two dazzling-white summits seems lying on the verdure of the highland pastures. The nearer you come to this giant, the greater it impresses you – this matchless masterpiece of nature. It is waiting for you.

You are welcome!

ПРИЭЛЬБРУСЬЕ

ПРИЭЛЬБРУСЬЕ:

это стоит увидеть

Памятники первопокорителям Эльбруса
 Обсерватория «Нейтрино»
 Песчаные замки ущелья Ирик
 Ущелье Адыр-су
 Ущелье Адыл-су
 Шхельдинский ледник
 Поляна нарзанов
 «Трехцветное» озеро Донгуз-Орун-кёль
 Музей альпинизма и охоты им. В. Высоцкого
 Чегет
 Канатная дорога «Чегет»
 Кафе «Ай»
 Источник Ачи-су
 Водопад «Девичьи косы»
 Терскол
 Поляна Азау
 Канатная дорога «Эльбрус»
 Музей обороны Приэльбрусья

Приэльбрусье... Словарь утверждает, что нет такого слова в русском языке, да и компьютер настойчиво напоминает об этом, подчеркивая его раз за разом. Но есть такое понятие – в нашем обиходе, а главное – в сердце, в душе, в самой жизни.

Приэльбрусье – это, естественно, прежде всего горы, и наш разговор само собой о них. Но с чем еще ассоциируется это определение места, дорогого тысячам людей?

Приэльбрусье – это реликтовые сосны, его гордые стражи, устремленные ввысь, словно пронзающие небесную скатерть, стоящие стройными непоколебимыми рядами. Вечнозеленые, укутанные большую часть времени белоснежными папахами, безмолвные свидетели времени, они упорно сопротивляются людям, отстаивая свое право на жизнь, на вечность, которая дарована их величественным хозяевам – горным пикам.

Это воздух, которым не дышишь, а пьешь – как нектар, божественный напиток, которым невозможно насытиться. И чем больше его пьешь, тем сильнее желание вдыхать еще и еще, глубже; и ощущение при этом испытываешь такое, что вот-вот взлетишь. И станут руки крыльями, и тело легче воздуха, и понесет тебя над землей ввысь. А еще кажется, что воздух этот можно потрогать: он настолько осязаем, что сопротивляется, если ты сближаешь руки.

Это снег – кипенно-белое нежно-колкое марево, которому, кажется, нет конца, когда все вокруг сливается, становится единым, цельным. И не поймешь: то ли небо дарует снег земле, то ли земля делится своими дарами с небом. И он же, снег, смертельно-жесткий, сорвавшийся с вершин, все сметающий на своем пути дикой, звериной хваткой лавин, чья мощь низвергает скалы и перекрывает реки, чей гул, вибрируя и нарастая, заставляет дрожать сами горы, а людей ввергает в первобытный страх.

Это свет, царство бесконечного света, льющегося солнечными потоками, свет, который можно разбрасывать горстями, входить в него, плыть в нем, ибо его, как и снег, дарует небо и отражает убеленная земля, свет как символ самой жизни, ее начало начал, дарованное Творцом.

Это люди, альпинисты, горвосходители, лыжники, для которых места эти стали родными, притяжением сердца. Штурмующие вершины седоголового великана, рискующие жизнями, прокладывающие трассы по самым недоступным местам, несущиеся по горным склонам, чтобы узнать, ощутить, почувствовать радость высоты, чувство победы, брэнность бытия.

Это незамутненные временем и цивилизацией чистейшие горные речки, это ущелья, разорвавшие твердь, это перевалы как знаки людской связи, это голубые глаза озер, из которых пьет само небо...

Это Приэльбрусье, волшебная страна, у которой тем не менее есть вполне конкретные границы. Мэтр отечественной фотографии Вадим Гиппенрейтер считает, что «Приэльбрусье – условное название. Его граница подсказана самой природой: там, где за селением Эльбрус шоссе входит в сплошной лес, где среди деревьев укрылись турбазы, альпинистские лагеря и спортивные школы, – ...и начинается Приэльбрусье, и также условно оно кончается вершинами Эльбруса»¹. Авторы исследования «Национальный парк Приэльбрусье» более конкретны географически: «Приэльбрусье... занимает относительно небольшую площадь вдоль бассейна реки Баксан в высокогорной части ее притоков Адыр-су, Кыртык, Адыл-су, Ирик и истоков – Азау, Терскол, Донгуз-Орун. Между южными склонами Эльбруса до Главного Кавказского хребта и междуречьем Баксана и Чегема...»².

Само понятие «Приэльбрусье» вошло в обиход не так давно – примерно во второй половине прошлого века. Об этом можно говорить достаточно убедительно, так как ни у кого из ученых и путешественников конца XIX – начала XX века (В. Щуровский, С. Давидович, Н. Харузин, Ф. Красильников, Н. Динник, К. Подозерский, М. Иванов, Н. Буш, Г. Мерцбахер) слово «Приэльбрусье» не встречается.

Итак, Приэльбрусье. После города Тырнауза, чей вольфрамово-молибденовый комбинат – городообразующее предприятие, до перестройки гремел на всю страну, а ныне практически прекратил свое существование – разрушающийся, опустевший, растасканный по пунктам металлоприема и с большой степенью вероятности не подлежащий восстановлению, он тоже своего рода памятник – только нашей безалаберности и безответственности, неумению ценить и сохранять, дорога идет по теснине Эльджурту – стыку Главного (слева) и Бокового (справа) хребтов.

За речкой Сабалык-су начинается территория Национального парка «Приэльбрусье». Еще через несколько километров, у впадения в Баксан рек Кыртык-су и Адыр-су, расположено балкарское селение Верхний Баксан, бывшее Урусбиево. О его владельце – личности легендарная, – общавшемся в XIX веке со многими известными альпинистами, писателями, композиторами, подробно рассказано в главе «Баксанское ущелье».

Дорога, уходящая влево от основной трассы, ведет в ущелье Адыр-су, которое еще называют «висячим». Река Адыр-су, давшая на-

звание ущелью (в переводе с балкарского означает «крутая река», от *адыр* – «круча»), берет свое начало от ледника Уллу-тау, буквально вырываясь из узкого крутого каньона. Поэтому попасть в само ущелье можно только по лестнице, а в ней ни много ни мало – 300 ступеней; или с помощью фуникулера-подъемника, предназначенного для автомобилей. Подъем на высоту в несколько десятков метров на открытой всем ветрам лифтовой площадке, ползущей медленно, со скрипом, и доставляющей машины к началу ущелья, своего рода прелюдия того необычного, что ждет впереди. Как писал В. Гиппенрейтер: «На протяжении десяти километров автомобильная дорога вьется через сосновые и березовые леса с густыми зарослями малины, смородины и крыжовника в подлеске, изредка пересекает живописные, все в цветах, поляны и наконец вырывается на простор широкой долины. Это одно из отличий ущелья Адыр-су: узкое, с крутыми склонами, оно в верховьях становится широким, с плоским дном, по которому река разливается на много постоянно изменяющихся русел»³.

Действительно, виды, открывающиеся взору, вызывают неподдельное восхищение, словно ты прикасаешься к чему-то первозданному, чистому, светлому. Воздух буквально пьянит. Хвойные леса величественно охраняют склоны. Многочисленные ручейки, пересекающие дорогу, стремясь вниз, к речке, не знающей усталости, которая потрясает своей дикой мощью, грохоча почище небесного хозяина и отбивая всякое желание перейти ее по кое-где проложенным хлипким мосткам.

Впрочем, сама дорога, неуклонно стремящаяся ввысь, достаточно проходима – во всяком случае старенький «Пежо» одолел ее играючи, доставив нас вначале до лагеря «Джайлык» (физкультурно-оздоровительный комплекс), а потом и до лагеря «Уллу-Тау» (альпинистская учебная спортивная база ОАО «Каббалкальпинист»), одного из первых советских альплагерей, самого высокогорного на Кавказе, – он расположен на высоте 2348 метров среди мощных, стройных, пронзающих небо сосен и их корявых подруг, чем-то напоминающих по внешнему виду баобабы, раскинувшие по сторонам свои ветви-руки.

Пение птиц, воздух, напоенный хвоей, удивительное чувство чистоты – все это навеивает такое умиротворение, что хочется здесь остаться навсегда. Впрочем, так и поступили – правда, отнюдь не по своей воле – десятки горвосходителей, чьи могилы расположены рядом с лагерем «Джайлык». Название свое он получил от вершины Джайлык-баши, расположенной в северо-западном отроге Главного

Кавказского хребта, в междуречье Адыр-су и Тютю-су. Буквальное значение самого названия – «вершина над летним пастбищем» (от балкарского *джайлык* – «летнее пастбище» и *баши* – «вершина»). А название второго лагеря переводится как «большая гора», где *уллу* – «большой», а *тау* – «гора». Так называется горный массив, расположенный в верховьях реки Адыр-су.

Хребет Адыр-су, являясь водоразделом бассейнов Баксана и Терека, если на него смотреть из иллюминатора самолета, чем-то напоминает крону дерева, ветвями которого являются почти 30 перевалов.

Во времена, когда еще существовал СССР, через Местийский перевал можно было попасть в соседнюю Грузию – в административный центр Сванетии Местиа. Теперь здесь пограничная зона. Но вот через другой перевал – Гумачи можно перейти в ущелье Адыл-су, которое уже своим названием (в переводе с балкарского – «красивое, прекрасное») предвещает впечатление о себе. Действительно, ущелье это отличается от других. Оно как песня – мягкое, ласковое, даже нежное. Здесь спокойно и светло – выводят неумолчно свои рулады птицы, дарят тень и покой молчаливые леса, густые травы полей сулят негу и отдых. А мерный гул реки Адыл-су, «раздробленной и мечущейся в нагромождениях камней, наполняет ущелье колеблющимся ритмом, создает фон, от которого сначала глхнешь, а потом привыкаешь, как к чему-то неотъемлемому от этого вздыбленного окружения, и уже не замечаешь...»⁴.

А еще ущелье Адыл-су славится своими минеральными источниками – один из них расположен на правом берегу реки примерно в километре выше устья, другой – на том же берегу чуть выше впадения в Адыл-су ее притока Шхельды, еще один – километрах в двух выше, на левом берегу. В общей сложности таких источников здесь более двадцати.

В этом ущелье четыре альпинистских лагеря: в 300 метрах от развилки – «Адыл-Су» (альпинистская учебная спортивная база ОАО «Каббалкальпинист»), через три с половиной километра – «Шхельда» (альпинистская учебная спортивная база ОАО «Каббалкальпинист»), в полутора километрах выше – «Эльбрус» (учебно-методический центр ОАО «Каббалкальпинист»). И в семи километрах от начала ущелья, на террасообразном склоне, – «Джантуган» (база отдыха Московского государственного технического университета им. Баумана). Последний получил свое название от имени вершины Джан-туган-баши, где *джан* – «сторона», *турган* – «находящийся», *баши* – «вершина». То есть

«вершина, стоящая в стороне». Но есть и другая трактовка – «гора, под которой родилась душа», где *жан* – «душа», *туган* – «родиться», которая одному из авторов этих строк куда ближе. Не случайно сборник прозы молодых литераторов, который довелось составлять, был так и назван: «Джантуган» (Нальчик: Эльбрус, 1992). Существует легенда, что один балкарец, игнорировавший законы общества, был изгнан соплеменниками и поселился в верховьях ущелья рядом с вершиной Джан-туган-баши. То ли природа на него подействовала, то ли Создатель его вразумил, но переродился изгнанник, душа его открылась, добротой и лаской ответил он людям, вернувшись в общество...

По другой легенде, так звали чистого душой юношу, ужаленного змеей на охоте и похороненного отцом на горе, названной впоследствии именем его сына.

Невдалеке от «Джантугана» (где-то в двух часах ходьбы) знаменитая «Зеленая гостиница» – поляна, дающая в летнее время приют десяткам туристов, разбивающих палатки на ее мягком зеленом ковре.

Расшифруем и название круглогодичного лагеря «Шхельда». Оно от массива Шхельди-тау в верховьях одноименной речки, притока Адыл-су, и означает он «брусничная гора» – от балкарского названия этой ягоды шхельди. До наступления Шхельдинского ледника, в лесах, заполнявших всю среднюю часть ущелья, эта ягода действительно обильно встречалась. Вот что писал Н. Я. Динник, побывавший здесь в 1881 году: «По рассказам местных жителей, лет 18 тому назад громадная скалистая гора, поднимавшаяся отвесной стеной у начала глетчера и еще раньше отделившаяся от остальной части хребта узким промежутком вроде трещины, обрушилась на лед. Она, как и все горы в ущельях Адыла, была очень велика и поднималась над глетчером отвесной стеной в несколько тысяч футов высоты; вес ее нужно измерять блн (биллионами) пудов. Свалившись, она ударились о соседнюю гору, разбилась сама; сбила часть этой последней, и огромная масса каменных обломков покатились по глетчеру и дальше, вниз по долине Адыла (Шхельды). Камни засыпали весь глетчер длиной в 6–7 верст, потом еще ниже на протяжении верст 4 совершенно уничтожили крупный сосновый лес на дне долины и так запрудили реку, что она образовала несколько озер.

Землетрясение и страшный гул, произведенный падением горы и продолжавшийся все время, пока обломки еще катились на расстоянии более 10 верст, слышны были в Урусбиеве и соседних с ним местах»⁵.

А вот что пишут авторы книги «Национальный парк «Приэльбрусье»: «Шхельдинский ледник очень красив, он, как замок из голубоватого хрусталя, спускается прямо в лес. Его нижняя точка лежит на высоте всего 2260 м над уровнем моря; ледник в зоне леса – уникальное явление природы. Область его питания находится между вершинами Ушбы, Чатын-тау и Шхельды, это почти горизонтальное поле фирна называется Ушбинским плато, оно находится на высоте 4200 м над уровнем моря. От плато ледник круто спускается вниз узким потоком льда, ниже ледопада ледник становится пологим до самого конца языка. Длина Шхельдинского ледника 9,7 км, площадь – 5,6 км². Когда-то он доходил до устья реки Шхельды, о чем свидетельствует огромная морена.

...Красивый вид открывается за мостом, при впадении реки Шхельды в Адыл-су. Сначала высоко поднимает в небо свои вершины-башни неприступный массив пятизубой Шхельды. Вся восьмикилометровая ее стена с практически отвесным северным склоном отсюда видна как на ладони. Двурогая красавица Ушба расположена к юго-востоку от стены Шхельды, и ближайшие к месту осмотра вершины скрывают ее»⁶.

...На расстоянии около двух километров от селения Верхний Баксан возведены памятники людям, вписавшим в освоение Эльбруса свои имена. История покорения двуглавого великана полна ярких страниц, это летопись человеческого мужества, отваги, дерзания. Об эльбрусской эпопее написано немало книг, в которых отдано должное смелым горовосходителям. Назовем прежде всего работы таких авторов, как Е. Д. Симонов «Слово об Эльбрусе», В. Ф. Кудинов «Эльбрусская летопись», И. М. Мизиев «Следы на Эльбрусе». Мы же здесь вспомним только тех, чьи гордые фигуры приветствуют гостей нашей республики. Это первовосходитель Киллар Хаширов (скульптура справа, автор М. Тхакумашев), об участии которого в знаменитой экспедиции Эмануэля 1829 года мы рассказываем в главе «Джилы-су». Это Ахия Соттаев (скульптура слева, автор Х. Крымшамхалов), покоривший западную вершину Эльбруса. Ахия – известный горовосходитель. В 1868 году, когда члены первого в мире Лондонского горного клуба вместе с его основателем и председателем, известным английским географом и альпинистом Дугласом Фрешфильдом, решили взойти на Эльбрус, князь Исмаил Урусбиев дал им в проводники Ахию Соттаева и Дачи Доттуева.

Поднимались англичане по ущелью реки Терскол через «Ледовую базу», в один из моментов, обморозившись, приняли решение о воз-

вращении, но благодаря умению проводников 31 июля (19 июля по старому стилю) в 10 часов 40 минут все-таки взойшли на восточную вершину Эльбруса.

Впоследствии в своей книге «Исследования на Кавказе» Д. Фрешфильд писал: «Пеннины с Монблана выглядят ничтожными по сравнению с Каштан-тау, Дых-тау и Шхарой с Эльбруса. Кавказские вершины изящны, их склоны круче и вершины острее. Они дают полное впечатление о невидимой глубине ущелий и пропастей, разделяющих их, чего я никогда не наблюдал в Альпах»⁷.

А первовосхождение на западную вершину Эльбруса состоялось 16 июля 1874 года в 11 часов – совершила его группа англичан в составе Грове, Уоккера, Гардинера, Мурра и швейцарца Кнубеля. В своей знаменитой книге «Холодный Кавказ» Грове с восторгом писал об Ахие Соттаеве: «Худощавый, крепкий, сильный, он, по-видимому, совершенно свободно поднимался по склонам гор, так как в действительности его путь был настолько труден, что обыкновенный человек едва ли в случае нужды, не убавляя шага, мог совершить довольно большой переход».

И замыкает скульптурную композицию барельеф Андрею Васильевичу Пастухову (1860–1899) – русскому альпинисту, военному топографу, ученому-гляциологу, фотографу-любителю, покорившему обе вершины Эльбруса. В 1890 году – западную, а спустя 6 лет – восточную. Это не было восхождением ради восхождения, это была научная работа – по сбору образцов скальных пород, замерам снежного покрова, температуры воздуха, курса ветров. В 1935 году, как пишет Е. Д. Симонов, была найдена записка следующего содержания: «31 июля 1890 года военный топограф Андрей Васильевич Пастухов в сопровождении казаков Хоперского полка взойшли сюда в 9 часов 20 минут при температуре воздуха –50 °Р. Имена казаков – Дорофей Мернов, Дмитрий Нехорошев, Яков Таранов»⁸.

А вот что писал впоследствии сам Пастухов: «Западный ветер, начавший дуть с четырех часов, к этому времени достиг страшной силы, неся с собой черные грозовые тучи, которые волнами перекачивались через хребет, соединяющий Эльбрус с Главным Кавказским хребтом, и наполняли Баксанское ущелье. Далеко на западе, над Главным хребтом косыми полосами спускался дождь и снег. Эти полосы, пронизанные лучами восходящего солнца, вместе с вызолоченными гривами несущихся туч представляли величественно-прекрасную хаотическую картину»⁹.

Андрей Пастухов покорил множество вершин, будучи вовсе не профессиональным альпинистом, скорее любителем, но беззаветно влюбленным в горы, отдавшим им свое сердце. Безжалостно короткой была его жизнь, он умер в Пятигорске, и на склоне Машука ему установлен памятник, на котором названия и цифры. Ими все сказано: «А. В. Пастухов. Казбек – 1889. Эльбрус – 1890, 1896. Арарат – 1893». В честь русского альпиниста группа скал на высоте 4700 м, где он отдыхал перед восхождением, названа «Приют Пастухова».

...После уходящего влево крошечного ущелья реки Челмас с водопадом расположился поселок Нейтрино – здесь, в горе Ындырчи, построена знаменитая Нейтринная обсерватория, созданная в 1977 году по инициативе ученого Бруно Понтекорво. Помнится, с каким придыханием говорили в середине семидесятых годов об этой грандиозной стройке, как мечтали мы, тогда начинающие журналисты, хоть одним глазком посмотреть, что там, в земной толще, творится. А когда это удалось, чувство потрясения от прикосновения к земному чуду, к величию Космоса было столь велико, что чувства опережали слова. Вот строки из той статьи: «Нейтрино... Долгое время физики не могли доказать существование этой частицы. Даже вначале выдумали ее для того, чтобы закон сохранения энергии оставался неизменным. Но и обнаружив нейтрино, ученые по-прежнему знали о ней так же мало, как и прежде. Было выяснено, что частицы не имеют особой массы, электрического заряда, но зато обладают колоссальной проникающей способностью. Хрестоматийный пример здесь таков: если в миллиард раз увеличить расстояние между Землей и Солнцем и все его заполнить сталью, то и такую невероятную преграду нейтрино одолеет без труда.

Ну а для чего же изучать эти частицы? Чтобы заглянуть внутрь космических объектов, узнать, какие процессы там происходят, природу материи, строение Вселенной...

И вот первая очередь Баксанской обсерватории в строю. Поражают ее размеры. В подземной камере высотой с пятиэтажное здание размещился сцинтилляционный нейтринный телескоп. Он, представляющий сложнейшую, четырехэтажную конструкцию, способен уловить нейтрино, возникающие в любой точке нашей Галактики. В горе Ындырчи создаются еще два лабораторных зала. В одном из них разместится гигантский хлораргоновый детектор – огромный бак, в который зальют три тысячи тонн тетрахлорэтилена, а в следующем разместятся два других нейтринных телескопа.

Обсерватория строится. Возводится лабораторный корпус, жилые дома, объекты вспомогательных служб. Обсерватория работает. Круглые сутки ведутся наблюдения. Полученные данные обрабатываются, приоткрывая тайны далеких миров. Вселенная становится ближе, доступнее, понятнее, ибо человеку уже тесно на земном шаре, человек рвется в космос!»¹⁰.

Вот такой бодрый материал... С распадом Советского Союза обсерватория пережила не самые лучшие времена – руководство страны отвернулось от фундаментальных исследований, ученые уходили в торговлю, буквально на глазах пустел поселок. И все-таки обсерватория, подобных которой в мире еще две (в Альпах и Кордильерах), продолжает работать. Нейтрино еще заявит о себе, и верится, что открытия эти будут совершены именно в Приэльбрусье.

...Через пять километров открывается поселок Эльбрус, раскинувшийся по обе стороны Баксана. Долгое время шли разговоры о придании ему городского статуса, что, по мнению инициаторов этого проекта, должно кардинально изменить не только быт местных жителей, но и инфраструктуру Приэльбрусья.

С правой стороны – знаменитое ущелье Ирик: его песчаные замки, столь схожие с теми, что в урочище Джилы-су, видны даже с дороги, но, если вы рискнули подняться к ним, не пожалеете. Ирик на балкарском языке означает «баран-валух», предназначение которых стать впоследствии шикарным шашлыком – нежным, воздушным, буквально тающим во рту. По одной из версий, именно этим отличались бараны, откормленные в означенном ущелье.

А по другой – в основе названия тюркское слово *ырык* – «свобода», «воля»: то есть за баранами никто не присматривал, и они паслись здесь без присмотра пастухов. И тогда Ирик – «ущелье, где свободно паслись бараны-валухи»¹¹. Баранам, горопокорителям достаточно опытным и бесстрашным, самостоятельно отсюда выбраться действительно сложновато – дорога от поселка все время круто идет вверх, приходится взбираться на такие кручи, что дух захватывает. Где-то внизу грохочет речка, до нее как будто далеко, но одно неверное движение – тропа частенько идет над самым краем обрыва – и это «далеко» преодолешь за какие-то мгновения, только, естественно, в положении катящегося бревна, и маловероятно, что в сознании, а уж без здравия – несомненно.

Но падать, право, не стоит: песчаные замки поражают своим величием и ажурностью, нарзаны – а их здесь несколько и бьют они

из-под земли тоже в весьма недоступных местах – непередаваемым вкусом, зелень полян, уходящих вправо под отвесным углом, – своей чистотой и нежностью. А уж если вы доберетесь до бокового ущелья, что называется Ирик-чат – небольшой долины, окруженной с трех сторон возвышенностями, то будете воистину вознаграждены – вид отсюда потрясает. Ирик-чат будет приходить к вам в сны, заставляя вновь и вновь вспоминать о его красотах и таинствах. Воистину божественное место, неземная юдоль...

В поселке Эльбрус располагается офис Государственного природного национального парка «Приэльбрусье», образованного в 1986 году на площади, превышающей 100 тысяч гектаров. В нем три функциональные зоны: заповедного режима, закрытого для посещений, зона заказников, доступная в научных и познавательных целях, и «зона регулируемого рекреационного (в целях отдыха и оздоровления) и хозяйственного использования»¹².

Приведем несколько цифр из книги «Национальный парк «Приэльбрусье», его характеризующих: «62 процента территории... приходится на труднодоступный рельеф: скалы, ледники, снежные поля» (С. 25).

«...15,3 процента всей территории Национального парка занимают ледники и снега: 93 ледника в верховьях реки Баксан площадью 99,1 км², включая ледники Эльбруса в границах парка, и 8 ледников в верховьях реки Малка площадью 56,4 км²» (С. 31).

«Наиболее распространены... водоемы, в формировании котловин которых принимали участие как сами ледники, так и морены. Как правило, они находятся в приледниковых зонах. Это озеро Донгуз-Орун-Кель, Турье и Башкаринское озера. Особенно интересно первое из них, расположенное под горой Донгуз-Орун: его хорошо видно по пути к перевалу одноименного названия. Если выбрать соответствующую точку обзора и освещенность солнцем, то озеро кажется поделенным на три сектора, разных по цвету. Его иногда так и называют – «Трехцветное озеро». Цвет озерной воды зависит от ее прозрачности, от растворенных минеральных и органических веществ. ...За валом морены ледника Башкара, в верховьях ущелья Адыл-су, расположено озеро одноименного названия с глубиной у края ледника около 30 м. Следы озер обнаруживаются у ледника Джанкуат» (С. 40).

«...Нарзанных источников... насчитывается более 100 с общим дебитом 50 млн л в сутки. Эльбрус – кладовая минеральных вод, подземная химическая лаборатория, которая вырабатывает и выбра-

сывает на поверхность углекислые воды типа «нарзан», «боржоми», «эссентуки» (С. 48).

«На территории... обитают 63 вида млекопитающих, 111 видов птиц, 11 видов пресмыкающихся, 8 видов земноводных, 6 видов рыб и многочисленные виды насекомых» (С. 83).

Больше о деятельности администрации и научного коллектива Национального парка «Приэльбрусье», в чьей проблематике не только изучение, охрана, воспроизводство и рациональное использование природных ресурсов, но и сохранение и восстановление единства природы и балкарского этноса, можно узнать из цитируемой нами книги.

...У въезда в поселок Эльбрус, на правом берегу реки Баксана, детская база отдыха «Ындырчи», принадлежащая наряду с пансионатами «Чегет», «Иткол», базой отдыха «Эльбрус», хижинами «Чегет» и «Азау» ОАО «Эльбрустурист». Представляет она собой летние домики с номерами на два-три человека общей вместимостью 300 мест. Ындырчи – от тюрского слова «гремящий», судя по всему, частые камнепады с горы и определили ее название.

Большинство названий турбаз и гостиниц, расположившихся за поселком, знакомы слуху многих в бывшем СССР, не говоря уже о России. Это база КБГУ (Эльбрусская учебно-научная база Кабардино-Балкарского госуниверситета), возведенная по инициативе В. К. Тлостанова (см. об этом человеке в нашей книге: Я тот, кто будет... Книга о ректоре Владимире Тлостанове. Нальчик, 2003).

Базы отдыха «Юность» (Министерство образования и науки КБР) и «Сокол» (ОАО «Каббалкентурист»).

Трехэтажная база «Эльбрус» (ОАО «Эльбрустурист»), построенная еще в 1936 году, а ныне рассчитанная на 100 мест, предлагает 1–3-местные номера со всеми удобствами, располагаясь всего от 8 до 11 километров от канатных дорог «Чегет» и «Эльбрус».

И дальше. Пансионаты «Юсенги» (филиал санатория им. Кирова, г. Пятигорск) и «Тегенекли» (ОАО «Автозапчасть», г. Баксан), база отдыха «Баксан» (ОАО «Каббалкнефтепродукт»).

И это вполне объяснимо. Вот что писал почти 70 лет назад С. Анисимов: «Начиная от Адыл-су и выше до самых ледников, вся долина Баксана, по заключению специальной комиссии Наркомздрава, представляет собою один обширный климатический курорт. По гребням окружающих ее гор установлена зона горно-санаторной охраны и тщательно оберегается сосновый лес. Здесь исключительное сочета-

ние климатических условий с богатыми минеральными источниками. Вся долина прекрасно освещена солнцем с ранних утренних часов до позднего вечера. Напряжение солнечной радиации огромно. При средней высоте от 1700 до 2000 м атмосферное давление на 180 мм ниже нормального, что представляет благоприятные условия для слабогрудых и легочных больных. Количество солнечных дней в году весьма велико, и температурные условия также благоприятны. Замечательно, что зимняя температура в среднем выше, чем в Давосе, а летняя, наоборот, ниже, чем там. Зимой не бывает больших морозов, а летом нет жары»¹³.

В селении Тегенекли (*тегенек* – так на балкарском называется терновник, знаменитый своими шипами-колючками и вкуснейшими, но только после мороза, ягодами) располагается музей альпинизма и охоты, носящий имя Владимира Высоцкого. Почему именно здесь? Из этого селения родом Хусейн Залиханов, личность колоритнейшая – горвосходитель, охотовед, в жизни которого нашлось место встречам с самыми знаковыми личностями бывшего Советского Союза. В том числе и с главным бардом авторской песни, чья влюбленность в Приэльбрусье нашла свое отражение в знаменитом фильме «Вертикаль» и не менее знаменитых песнях. (Съемочная группа этого ставшего поистине культовым фильма, поставленного режиссером Станиславом Говорухиным, проживала летом 1966 года в расположенном рядом «Итколе», о чем сообщает памятная доска на его здании.)

Начиная со второй половины семидесятых годов прошлого века авторы этих строк неоднократно встречались с Х. Ч. Залихановым, даже обнародовали его воспоминания в одной из своих книг. Были свидетелями и того, с какими трудностями рождался сам музей, сколько много возникало проблем на каждом шагу и как настойчиво – где своим авторитетом, где с помощью друзей, а где и с применением определенной доли хитрости – решал их Хусейн Чоккаевич. Многие не понимали, зачем он на старости лет озаботился этой затеей, что она даст ему, тем более в наступившие рыночные времена. А дала она главное – память людскую, весточку о себе, уже ушедшем и в то же время оставшемся.

Музей этот – и приобщение к миру природы Приэльбрусья, и к жизни человека, чье имя было когда-то на устах у всех жителей великой страны, и к биографии самого Хусейна Чоккаевича.

Наша последняя встреча с ним состоялась здесь, в музее, летом 2002 года, в беседке, расположенной прямо над бурлящим Баксаном.

Вместе с кабардинским художником Мухадином Кишевым, нашедшим в далекой Испании свое личное счастье в лице супруги Жаклин Мосс и европейское признание, выразившееся в целом ряде персональных выставок и включении в престижные каталоги, мы приехали в Тегенекли, чтобы передать аксакалу его портрет кисти Мухадина и нашу книгу-фотоальбом об этой необычной чете – «Ладони протяни к огню души моей...».

Пел свою нескончаемую гулко-гремящую песню Баксан, радовал густым ароматом шашлык, было тепло и радостно, и даже осмотр остроконечного могильного склепа, так называемого кешене, который нам показал Хусейн Чоккаевич, не настраивал на печальный лад: солнце заливало нас своим ярким светом, голубая небесна казалась столь близкой, что к ней хотелось протянуть руки, воздух пьянил не меньше, чем красное вино в бокалах, жизнь была ключом, даруя самую великую радость – общение.

В следующий раз мы оказались в Тегенекли уже после того, как в выстроенном им склепе Х. Ч. Залиханов нашел свой последний приют...

Впрочем, тех, кто интересуется этой колоритной личностью, отошлем к недавно изданным книгам его не менее знаменитого брата – академика, депутата Государственной Думы Михаила Чоккаевича Залиханова «Моя Россия» (М., 2003), «Морщины земли» (М., 2005), «Дом мой Эльбрус» (М., 2007). Эти монументальные, богато иллюстрированные, великолепно изданные книги – своего рода путеводитель по прошлому и настоящему горной страны, истории рода Залихановых, рассказ о людях Кабардино-Балкарии. И одновременно это и страстное и искреннее объяснение в любви, пришедшей раз и навсегда, к стране, родной всем нам, ее трагичному прошлому, безжалостному настоящему и таинственному будущему. Будущему, которое не просматривается столь ясно, как казалось еще совсем недавно, но которое, так хочется верить, воплотит в реальность надежды наших прадедов и дедов, наших отцов и, естественно, наши надежды.

Здесь, в Приэльбрусье, рядом с вечностью, символом которой видятся остроконечные горные пики Когутая, белизна снегов двуглавого Эльбруса, неумолкающие струи Баксана и Малки, все приземленное и обыденное отходит, как оно и должно быть, на задний план, на периферию сознания. Остается только удивление и восхищение перед обилием чудес, которое с такой щедростью даровал нам всем Создатель.

Вот еще одно из них – Поляна нарзанов. Автобусы с туристами один за другим сворачивают влево, и уже буквально в нескольких десятках метров открывается зеленая поляна, в разных уголках которой бьют минеральные источники. Одни из них скромны, несуетливы, медленно, словно нехотя, наполняют пластмассовые стаканчики шипяще-бурлящей водой. Углекислый газ бьет в нос, перехватывает дыхание.

Другие – полноводные ручьи, огибающие поляну по ее верхнему краю и впадающие в Баксан. Нарзана здесь так много, а отдача от него так мала, что невольно испытываешь сожаление – как расточительно человек распоряжается этим удивительным природным богатством, которое, словами Антуана Экзюпери, «величайшее в мире», дающее нам «бесконечно простое счастье» – жизнь...

Эта самая жизнь – буквально пузырящаяся под ногами особенно в сырую погоду, после дождей бурлящая, рвущаяся наружу из-под земли, отмечающая свой путь коричневыми разводами железа – предстает на поляне в своей величественной первозданности. Эти нарзанные источники бьют, не иссякая, столетиями, несмотря даже на людскую безалаберность, экологическую безграмотность и бескультурье, ставшие, к сожалению, в последнее время визитной карточкой нашего многострадального общества...

И даже расположенное двумя километрами выше пятиэтажное здание пансионата «Иткол» (ОАО «Эльбрустурист»), чье стеклянно-бетонное здание еще в шестидесятых годах прошлого века рассматривалось как символ прихода современной цивилизации, сегодня видится несколько по-другому – как стремление советского человека, покорителя природы, поспорить с ней, перенеся архитектуру равнин в горы.

Имя свое «Иткол» получил от небольшого ущелья, уходящего вбок от Баксанского и имеющего не совсем благозвучный перевод – «собачье ущелье», где *ит* с балкарского – «собака», а *кол* – «небольшое ущелье». П. С. Рототаев¹⁴ приводит два варианта объяснения этому названию. В одном из них, основанном на легенде, рассказывается, что в нижней части ущелья когда-то проживал балкарец, сделавший основой своего существования столь популярный ныне собачий бизнес – разводил он кавказских овчарок, впоследствии обменивая их у чабанов на баранов, отары которых, естественно, эти овчарки и охраняли. Собачий лай, встречавший всякого сворачивающего в это небольшое ущелье, стал ассоциироваться и с ним самим.

По другой, не менее приземленной версии, в основе названия лежит балкарское слово *итжол*, где первая часть имеет уже объясненное выше значение, а *жол* – «дорога». То есть в былые времена дорога сюда от Поляны нарзанов была столь плоха и непроходима, что даже местные жители считали ее пригодной лишь для собак.

Сегодня «Иткол» – это пансионат на 270 мест с одноместными и двухместными номерами, комплексом удобств и услуг, в том числе столовой, рестораном, баром, пунктом проката горнолыжного и туристского оборудования, мастерской по его ремонту. Имеется здесь медпункт, туристический кабинет, сауна, медпункт, спортивные площадки – футбольное поле, в зимнее время – каток. Месторасположение пансионата очень удобно и привлекательно – всего километр до комплекса канатных дорог «Чегет», два – до поселка Терскол и четыре – до комплекса канатных дорог «Эльбрус».

Действительно, столь популярные склоны Чегета с их горнолыжными трассами совсем рядом, сверни от автомобильной дороги влево – и через какие-то несколько сотен метров тебя встречает поляна, на которой взметнулся на целых восемь этажей «Чегет» (ОАО «Эльбрустурист»). Как утверждает рекламный буклет, «пансионат «Чегет» предназначен для тех, кто предпочитает возвращаться из горных походов в условия повышенной комфортности. Жить здесь уютно, удобно и несказанно приятно – ведь гостиница находится у самого подножия горы, давшей ей название, в сосновом бору на живописной поляне рядом с комплексом канатных дорог «Чегет».

Гостиница категории три звезды, рассчитана на 300 мест, уровень бытовой комфортности и обслуживания им же и соответствует. Но сам Чегет – его близость, его величие, его привлекательность – количество этих самых звезд, естественно в фигуральном смысле, удваивает.

Действительно, Чегет, что в переводе с балкарского – «северный», «находящийся в тени», то есть место более холодное, чем другие, давно переросло собственное название, став синонимом одной из самых лыжных гор России, ибо его трассы – это настоящий рай как для горнолыжников, туристов, так и для тех, кто впервые решил стать на лыжи. Склоны Чегета – на любой вкус: опытному мастеру они дают возможность проявить свои умения и сноровку, встречая его каждый год чем-то необычным и неизведанным; новичку предоставляют шанс спуститься с самого Чегета и удержаться при этом на ногах. Ведь в последующих восторженных рассказах звучит имя горы, но не уточняется место спуска.

Общепринято считать, что Чегет ничуть не уступает горнолыжным курортам таких европейских грандов, как Австрия, Италия, Франция, Швейцария. А сооруженные здесь подъемники – кресельные и бугельные дороги – позволяют подняться на гору всего за 25 минут, переносясь с высоты 2100 метров до высоты 3050 метров. Короткая эта поездка сама по себе праздник – плыть словно птица над горами, наблюдая смену природных ландшафтов, – одно удовольствие.

Летом это путешествие из жары в холод, когда под тобой зелень лесов плавно переходит в альпийские луга, поражающие нетронутой высотой (с человеческий рост!) трав, яркой гаммой чарующего многоцветия (чего стоят одни поляны рододендронов с их желтыми глазами, открывающимися в июне), сменяющегося суровой безжизненностью скал. Зимой это путь от снега к снегам – нетронутым, величественно-неприступным, безжизненно-ледяным.

А если к этому еще добавить вид, открывающийся на горы, – с левой стороны поражают воображение сияющие вершины – Донгузорун, Накра, Когутай. С правой – двуглавый красавец Эльбрус. С обзорной площадки, расположенной на высоте 2750 метров, перед глазами открывается панорама Баксанского ущелья.

Сооруженное здесь во второй половине шестидесятых годов кафе «Ай» (в переводе с балкарского – «луна»), ставшее своего рода визитной карточкой Чегета, подарит вам незабываемые минуты знакомства с кавказской кухней – шашлыки, гедлибже, шаурма.

Длительность горнолыжного сезона превышает шесть месяцев (в среднем с ноября по апрель), обилие спортивных соревнований (все-российских и международных) в иные годы приближается к десятку, а уж радость общения, которому исправно служат встречи молодых (среди самых популярных – фестиваль «Чегетия»), никакими цифрами не передать.

Чегет – это и начало целого ряда туристских маршрутов. Всего за какой-то час можно тропой, идущей по южному склону, добраться до озера Донгуз-орун-кель, в которое «водопадами спадают ледниковые реки. Растворенные в них минералы окрашивают воду озера в изумительные бирюзовые оттенки, в то время как песчаная дельта контрастирует теплыми коричневыми тонами. Из озера вытекает река Донгузорун, правым берегом которой является бортовая морена Донгузорунского ледника, покрытого каменной «шубой»¹⁵.

За озером нынче туристам прохода нет: пограничники надежно перекрыли перевал, через который еще совсем недавно туристы кратчайшим путем попадали на Черноморское побережье Грузии.

Знаменит этот перевал и удивительной операцией, проведенной здесь в годы Великой Отечественной войны, когда шестеро советских альпинистов эвакуировали через него сотрудников Тырнаузского комбината с их семьями – «полторы тысячи лиц гражданского населения», в том числе «свыше двухсот тридцати детей ясельного и дошкольного контингента»¹⁶.

Этот легендарный переход, в ходе которого не было допущено ни одной жертвы, – редчайший пример высокого профессионализма, человеческой ответственности, отваги и мужества, навечно вписанный в историю альпинизма.

...Спустимся опять вниз, к дороге. Примерно в двухстах метрах от поселка Терскол, на левом берегу одноименной реки, находится источник минеральной воды «Ачи-су». Ачи с балкарского – «горький», но не верьте старинному названию, оно вовсе не характеризует вкус воды. Нарзан столь приятен, если не сказать – сладок, столь шипуч, бодрящ, освежающ, что не можешь оторваться, насытиться.

И вот перед нами сам Терскол – понятие, включающее в себя и рукотворные объекты – поселок в ущелье Азау, турбазу Министерства обороны, и природные – само ущелье, расположенное между смежными юго-восточными отрогами Эльбруса, находящийся в его верховьях ледник с вытекающей из него речкой и водопадом, ложе которого образовано гранями сомкнутой базальтовой колоннады, имеющей вулканическое происхождение, горный массив в отроге, ограничивающем ущелье с запада. А переводится Терскол как «неправильное ущелье», так как завершается тупиком, не имеющим выхода в другие ущелья.

Для путешественников «Терскол» (Центральная военная база Министерства обороны РФ) – это прежде всего восьмиэтажное здание, достаточно комфортабельное, предлагающее целый спектр услуг по организации отдыха и досуга, в том числе и закрытый плавательный бассейн. А еще «Терскол» – своеобразный полигон подготовки к большим соревнованиям российских сборных по таким видам спорта, как бокс, волейбол, дзюдо...

В поселке Терскол расположено административное здание ОАО «Эльбрустурист», гостиница «Вольфрам», Эльбрусская поисково-спасательная служба МЧС России, противолавинная служба.

В двух-трех часах ходьбы (в зависимости от степени физической подготовки) от поселка Терскол по достаточно крутой дороге, ведущей к обсерватории Академии наук, осуществляющей исследования

макрокосмоса, находится знаменитый водопад «Девичьи косы». Многочисленные струи воды, стекающие по широкому каменному руслу, действительно чем-то напоминают косички – ниспадающие одна за другой, составляющие единую блестящую корону, шелково переливающуюся на солнце...

Если температура позволяет, можно рискнуть и через завесу воды попытаться пробраться в грот, находящийся в нижней части водопада. Такой же грот – только более удлиненный и, скажем так, ажурный, есть за водопадом в Тызыльском ущелье, невдалеке от турбазы «Тызыл» (см. главу «Баксанское ущелье»).

Поляна Азау, расположенная на высоте 2340 метров, завершает Баксанское ущелье, которое, обойдя Эльбрус с юга, упирается прямо в его подножие. Сюда от Терскола около трех километров удобной автомобильной трассы. Но прежде чем начать свой путь к вершинам великана, пройдемся по самому ущелью Азау, донельзя стиснутому отвесными скалами. И увидим, как «справа над тропой возвышаются шестигранные колонны из темного с белыми вкраплениями диабазы. Колонны чем-то напоминают трубы. В облачную погоду, когда черный цвет скал особенно насыщен и волны серого тумана цепляются за каменные колонны, картина приобретает фантастический оттенок»¹⁷.

Водопад, срывающийся с ледника Малый Азау, язык спускающегося с плато Хотю-тау ледника Большой Азау, озеро, лежащее под ним на морене, водопад, вырывающийся из ледового грота, – здесь есть что посмотреть, чему удивляться и чем восхищаться. Но тем не менее все это лишь увертюра к тому, что ожидает впереди...

По канатной дороге «Эльбрус», преодолев за 12 минут 1900 метров, поднимаемся на станцию «Старый кругозор», находящуюся на высоте 2950 метров. Отсюда можно полюбоваться видами Главного Кавказского хребта, долиной Баксана, лежащей как на ладони.

В 2009 году введена в эксплуатацию новая канатная гондольная дорога «Азау – Старый Кругозор – Мир».

Пересадка – и вновь вверх – к станции «Мир», что уже на высоте 3500 метров, – за 12 минут преодолеваем еще 1800 метров. Большинство туристов здесь свой путь к двуглавному великану и заканчивает, удовлетворившись посещением одного из самых высокогорных кафе, носящих одноименное со станцией название, осмотрев экспозицию Музея обороны Приэльбрусья, поиграв в снежки в жаркий июльский день, оставшийся где-то там, внизу.

Но кресельная дорога поднимет вас за 15 минут еще выше – преодолев 1000 метров, окажетесь на станции «Гара-Баши», где на высо-

те 3780 метров расположен приют, получивший у туристов название «Бочки». Дело в том, что сооруженные здесь домики, выкрашенные в яркие цвета, имеют цилиндрическую форму, всем своим внешним видом ассоциируясь с этим видом тары. «Бочки» – двухкомнатные, в них электрическое отопление.

Отсюда совсем близко до «Приюта-11» – поистине легендарной горной гостиницы, располагавшейся на высоте 4200 метров – гостиницы со славной историей и печальным концом. Получившая свое название в 1909 году, когда группа иностранцев и студентов, состоящая из 11 человек, так и не покоривших Эльбрус, разбила на этом месте лагерь. Построенная в предвоенные годы (она вошла в строй в 1939 году), пережившая фашистское нашествие, она сгорела 16 августа 1998 года, чуть-чуть не дожив до своего 60-летия.

Помнится, какой болью эта печальная весть отозвалась тогда в сердцах жителей Кабардино-Балкарии, в сердцах всех, кто побывал, видел, просто слышал об этом удивительном здании, свидетельствующем о соперничестве человека с силами матушки-природы. По нерадивости, глупой беспечности лишиться одного из символов Приэльбрусья – верх беспамятства, столь тотально подминающего наше общество начиная с конца девяностых годов прошлого века. Ряд временных помещений, заполонивших сегодня площадку самой высокогорной, рассчитанной на 200 мест гостиницы, – это ли не зримый образ ситуации, в которой мы сегодня оказались. Говорят, что, возможно, «Приют-11» будет восстановлен в своем историческом виде. Дай Бог – ведь это будет восстановлением не прошлого, а настоящего, не здания, а куда большего – отношения: к истории, деяниям предков, памяти, без которой ни у каждого из нас, ни у Приэльбрусья, ни страны в целом нет будущего. Достойного будущего.

А пока остается обозреть с площадки, где располагался «Приют-11», удивительную панораму Главного Кавказского хребта, который весь перед тобой, или двигаться еще выше – к Эльбрусу, с которого открывается вид удивительный. Вот что писал Владимир Кудин: «Предраассветная тьма, но вот на востоке светлеет, разгорается заря. На фоне полутемного неба вырисовываются контуры далеких гор. Вот они порозовели, светлеют с каждой минутой. Если на мгновение вы оторвете взор от этого зрелища и посмотрите вниз, в ущелье, то ничего не увидите: рассвет там еще не наступил.

Солнца пока не видно, но зарево от него уже осветило половину неба. Вдруг из-за гор брызнули первые лучи дневного светила.

А на западе, на фоне полутемного неба, вырастает громадная тень от Эльбруса. Величественное, незабываемое зрелище!

Постепенно тень на небе бледнеет и вскоре совсем исчезает. Здесь, почти на шестикилометровой высоте, уже ярко светит солнце, а внизу, в ущельях, только рассветает. Восход окончился, но еще долгое время невозможно оторвать взор от озаренных нежным розоватым светом горных цепей, прекрасно видимых в прозрачном утреннем воздухе»¹⁸.

Ему вторит С. Анисимов: «Панорама, раскрывающаяся с юго-восточных склонов Эльбруса, действительно, единственная в мире. В тех случаях, когда горвосходители оказываются на вершине Эльбруса в ясную погоду, перед ними разворачиваются обширные перспективы. На север, в сторону степи, глубоко внизу обычно стелются облака. Они колеблются и движутся, освещенные сверху солнцем, и выглядят безбрежным морем, играющим под его лучами в перегибах своих серебряных волн. Во все остальные стороны света все видно на огромные пространства. Самым поразительным, конечно, в этой панораме является центральная часть хребта Большого Кавказа, встающая прямо перед глазами. Она видна от самого Казбека. Нет другой группы гор, которые можно было бы так хорошо наблюдать от самого низа до вершины, как группу высочайших вершин Кавказа в верховьях р. Чегема. На юге видна знаменитая Ушба с двумя своими острогранными куполами. Между Эльбрусом и Сванетией располагается, как на рельефной карте, у ног альпиниста множество вершин, ледяных полей и ледников Главного Кавказского хребта. На них четко видны все грани горных хребтов, все изломы скал, все трещины льдов. Позади Главного хребта виден снежный гребень Сванетского хребта и ярко сияющие, как алмазы, вершины Ласиль и Лайла. Дальше, прямо на юг, на огромном расстоянии встает вулканический конус Арарата. Западнее его в синей дымке виднеются хребты, по которым проходит граница с Турцией. Еще западнее альпинистам нередко удается рассмотреть Черное море за громадной скалистой вершиной Штавлер, наиболее высокой к западу от Эльбруса. Там расстилается в неясном движении голубая поверхность, которую, однако, отчетливо различают глаза. Это не то воды моря, не то тонкий туман, висящий над ними. Прямо к востоку и южнее альпинисты видят голубо-зеленые воды Каспийского моря. Его поверхность как будто немного серее, чем воды Черного моря, и туман облегает их как будто плотнее. К северу прямо под собой альпинисты видят

сплошной ледяной северный склон Эльбруса и ледники, дающие начало р. Малке. Вся поверхность этого склона представляет ряд изломов, и видно, что подъем на вершину со стороны ледников Малки представляет много препятствий»¹⁹.

Кстати говоря, совершая восхождение на Эльбрус, до высоты 4500 метров можно подняться на «ратраках» – гусеничных вездеходах. Дальше, как говорится, руки в ноги – и в путь. История соперничества человека с двуглавым великаном знает немало поистине удивительных, порой невероятных эпизодов. О первовосходителях мы уже коротко рассказали. Документально зафиксировано и поэтому общепринято считать, что за период с 1829-го по 1917 год на вершине Эльбруса побывало 174 русских и иностранных альпиниста. В советское время начался период так называемых массовых восхождений – 12 августа 1925 года 19 грузинских альпинистов (12 мужчин и 7 женщин) взойшли в полном составе на восточную вершину. И если в 1929 году седоглавый красавец покорили 36 альпинистов, в 1930-м – 48, в 1931-м – 87 (данные В. Ф. Кудинова), то уже летом 1933 года – 386, а в следующем – 418! Вот такие рекорды, установленные в ходе альпиниад РККА – сегодня уже надо объяснять, как расшифровывается эта аббревиатура – Рабоче-Крестьянская Красная Армия.

...Перед нами небольшая книжка в мягкой обложке – «Поход на Эльбрус»²⁰. Автор ее, уже известный нам С. Анисимов, как раз и рассказывает о второй «Альпиниаде РККА», проходившей в августе 1934 года. Ее участники тремя эшелонами в составе 276 командиров 1 сентября в 16 часов 15 минут поднялись на восточную вершину Эльбруса. В альпиниаде принимала участие и авиация – звено аэропланов «У-2», тех самых знаменитых «кукурузников», неоднократно летало над Эльбрусом. Они – легкокрылые, юркие стрекозы на фоне величественного великана – запечатлены участницей восхождения Татьяной Анисимовой, дочерью автора книги.

Процитируем несколько пассажей, свидетельствующих о поэтической влюбленности автора в Кавказ: «Когда яркий серебряный свет солнца уже сменялся золототкаными лучами вечера, над лагерьем снова гудел пропеллер. Самолет делал красивые легкие виражи, казалось, над самыми верхушками сосен, опять сбрасывал красный вымпел, почту, газеты и быстро скрывался в ущелье. Все стихало, начиналась феерия вечерней зари на Донгуз-Оруне, когда его снега горели радугой. Тихо, в фиолетовых тонах, отходил к ночи Терскольский пик. Последним угасал в вечернем небе грандиозный белый конус Эльбруса» (С. 18).

«По форме классических конусов, по расположению кратеров... Эльбрус вставал перед глазами не просто неподвижной каменной громадой, а в образе великого и грозного явления природы. Стоило чуть-чуть напрячь воображение, чтобы ясно представить себе, как вот тут же, под самыми палатками... лагеря, разбитыми на лавах Эльбруса, и под ним самим в глубинах земной коры обособился огромный магматический бассейн, извержениями которого и был создан Эльбрус. И белоснежный яркий конус вулкана уже не представлялся просто прекрасным снежным красавцем с ледяным холодным лицом, главенствующим над горами Кавказа. Под ледяным покровом невольно чувствовалось его огненное сердце, и в воображении разворачивалась вся история его извержений, изученная тут же, на потоках его застывшей лавы, на древних моренах, залегающих в ущелье Азау» (С. 19).

«Древние географы считали Эльбрус огнедышащей горой. Таким его представляли люди и в средние века. На карте XVI века в известной «Космографии» Себастиана Мюнстера Эльбрус изображен в момент извержения. Среди народов Кавказа живы и сейчас легенды об извержениях Эльбруса» (С. 22).

«Молочно-лимонный свет зари заливал все безграничное пространство с Эльбруса. Но солнца еще не было. Главный хребет выделялся в лилово-синих тонах. У подножия Эльбруса внизу клубились облака. Над ним в зените нежным ярким золотом вспыхнули тонкие полоски перистых тучек, и вслед затем такой же золотой свет зажегся на восточной вершине» (С.58).

Право, хочется цитировать и цитировать эту забытую ныне книжку, проникнутую высокой любовью к Кавказу.

И еще несколько цифр из истории покорения Эльбруса. В 1935 году, рекордном по числу восхождений, на нем побывали 638 участников Кабардино-Балкарской колхозно-совхозной альпиниады. Со многими из них мы встречались, включив впоследствии их воспоминания в нашу первую книгу – «Юности горячие сердца» (Нальчик: Эльбрус, 1978).

В памяти осталось непередаваемое чувство радости и гордости, с каким эти, уже пожилые люди вспоминали те летние дни своей молодости. Ведь им покорился не Эльбрус, а само время и пространство: то, о чем пелось, стало реальностью. Власть это прекрасно понимала, и не случайно до войны ежегодно на Эльбрус поднималось от полутора до двух тысяч человек, а общее их число к 1941 году превысило 13 тысяч!

Сегодня никто не подсчитывает число оседлавших великана, да это и невозможно практически, и вряд ли нужно. Стоит сказать о самых необычных эпизодах.

В 1937 году был успешно осуществлен кольцевой поход вокруг Эльбруса – девять нальчикских альпинистов преодолели за 7 дней 122 километра, причем 70 из них на лыжах, 39 – пешком, а 13 километров – на кошках.

В 1960 году состоялась юбилейная альпиниада, посвященная 40-летию установления Советской власти в Кабардино-Балкарии. Под руководством начальника штаба Х. Ч. Залиханова на штурм Эльбруса четырьмя колоннами отправилось почти полторы тысячи восходителей. Основная масса из них – более тысячи! – поднялась на восточную вершину, а всего на Эльбрусе в этот день – 21 июля – побывало 1395 человек. Был среди них и отец одного из авторов этих строк – журналист молодежной газеты Николай Котляров, сообщавший по телефону в редакцию о подробностях восхождения. Его восторженные рассказы о тех знаменательных июльских днях до сих пор живы в памяти.

Побывали на Эльбрусе мотоциклисты – с третьей попытки в августе 1966 года великан покорился мастеру спорта СССР Алексею Берберашвили, который взобрался с помощью многочисленных помощников на восточную вершину, но спуститься обратно на мотоцикле не смог. (Кстати говоря, в августе 1977 года был осуществлен сквозной переход по ледникам Эльбруса на серийных мотоциклах – общий колесный путь экспедиции составил более 4000 километров, в том числе несколько сот километров по малохоженным горным районам Приэльбрусья²¹).

Слышал Эльбрус и конское ржание – попытка 1965 года, как и ряд последующих, не удалась, но 12 августа 1998 года карачаево-балкарская конная экспедиция завершилась покорением восточной вершины. А спустя год конниками была покорена и западная вершина²².

В 1966 году на Эльбрус впервые совершил посадку вертолет «МИ-4», который пилотировали нальчане Ю. Рахманов и М. Хасаншин, доставившие на восточную вершину разборный дюралюминиевый домик, предназначенный для высотной лаборатории. Ныне наши доблестные вертолетчики регулярно (хоть это и не афишируется) доставляют в поднебесье современных нуворишей, уверенных, что за деньги можно купить абсолютно все, в том числе и победу над «стариком».

Один из таких любителей комфорта всегда и во всем, доблестный горовосходитель-покоритель, показывал нам фотографии своего пребывания на Эльбрусе и ничтоже сумняшеся утверждал, что это не стоит тех тысяч долларов, которые он заплатил. Денег ему было жалко, а вот души нет. Впрочем, вряд ли стоит говорить здесь о подобных «альпинистах», но, перефразируя героя популярного кинофильма, за державу, то бишь за Эльбрус обидно...

Впрочем, седоглавый великан терпелив до поры до времени – тех, кто к нему относится свысока, он не прощает. К сожалению, число людей, завершивших жизненный путь на подступах к Эльбрусу, в последние годы стремительно растет. В. Кудинов в своей летописи, охватывающей период с 1829-го по 1976 год, сообщает, что за это время «двадцать один человек заплатил жизнью за пренебрежительное отношение к опасностям горы»²³. Знал бы он, что в последние годы Эльбрус, случается, за сезон отбирает почти столько же жизней. Подавляющее большинство из них – самоуверенные молодые люди, убежденные, что в новой России им все доступно, что деньги правят не только миром людей, но и самой природой.

Это они, сегодняшние потребители, привели Приэльбрусье всего лишь за какие-то несколько лет буквально на край экологической гибели. Бесконтрольное воздействие человека на окружающую среду – хаотичное строительство, варварское уничтожение природных памятников, массовый дикий туризм – стали чуть ли не нормой. А ведь «к 2004–2005 годам на территории Национального парка по проекту должны были одновременно находиться свыше 20 тысяч отдыхающих. Емкость музейных и экскурсионных объектов, включающих мемориал А. Соттаева, музей природы, этнографический комплекс «Курымчи», музеи туризма и альпинизма, гляциологии, Второй мировой войны, «Нейтрино», должна составить 1580 человек в день. И в то же время общая рекреационная экологически допустимая емкость Национального парка... 12 843 человека в день летом и 11 195 – зимой»²⁴.

Приэльбрусье... Раз побывав в твоих ущельях, ступив по твоим снегам, увидев твои вершины, испив воды из твоих источников, сам не заметишь, как оставишь здесь свое сердце – не частичку его, как утверждалось в популярной песне об озерах Карелии, а все целиком. Тысячи людей объяснялись в своей любви к этому райскому уголку – молчаливо, чисто и искренне, говоря с ним душой и сердцем. Самые зоркие смогли воплотить свое чувство в слове, взгляде. Не будем сегодня говорить о классиках, прославивших синие горы Кавказа. Скажем несколько добрых слов о современниках – непо-

вторимом фотографе Вадиме Гиппенрейтере, чей альбом «Вершины впереди» (М.: Планета, 1978) вот уже более четверти века остается лучшей песней о Приэльбрусье. Достойным продолжением его является работа Михаила Литвинского «Следы Прометея. Приэльбрусье», вышедшая в 2004 году (М.: ООО «Издательство Жигульского»). Михаил Литвинский, отдавший больше 20 лет Приэльбрусью, ныне живет в Нью-Йорке, в 2005 году он приезжал в Кабардино-Балкарию, подарив всем нам свой возвышенный гимн месту, «находящемуся в русле основного энергетического канала Земли», «людям, населяющим его», которым Всевышний уступил «припасенный для себя залитый солнцем райский уголок».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Гиппенрейтер В. Вершины впереди. М.: Планета, 1978.
- ² Национальный парк «Приэльбрусье». Нальчик: Эль-Фа, 2003. С. 6.
- ³ Гиппенрейтер В. Вершины впереди.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Цит. по: Подъяпольский Г. Н. В горах Центрального Кавказа. Нальчик, 1967. С. 101.
- ⁶ Национальный парк «Приэльбрусье». С. 127–128.
- ⁷ Цит. по: Анисимов С. Кабардино-Балкария... С. 54.
- ⁸ Симонов Е. Д. Слово об Эльбрусе. М.: «ФиС», 1983. С. 63.
- ⁹ Гастухов А. В. Восхождение на Эльбрус. Тифлис, 1890.
- ¹⁰ Тайны далеких миров // Советская молодежь. 1978. 24 июня.
- ¹¹ Рототаев П. С. Краткий словарь горных названий Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969. С. 41–42.
- ¹² Национальный парк «Приэльбрусье». С. 10.
- ¹³ Анисимов С. Кабардино-Балкария... С. 47–48.
- ¹⁴ Рототаев П. С. Краткий словарь горных названий Кабардино-Балкарии. С. 43.
- ¹⁵ Приэльбрусье: По Баксанскому ущелью: Буклет. Пятигорское бюро путешествий и экскурсий, 2003.
- ¹⁶ Симонов Е. Д. Слово об Эльбрусе. С. 120.
- ¹⁷ Национальный парк «Приэльбрусье». С. 146.
- ¹⁸ Кудинов В. Ф. Эльбрусская летопись. Нальчик: Эльбрус, 1976. С. 75–76.
- ¹⁹ Анисимов С. Кабардино-Балкария. С. 54–56.
- ²⁰ Анисимов С. Поход на Эльбрус. М.: Учпедгиз, 1936.
- ²¹ Леви Р. Мотоциклы на Эльбрусе // Ветер странствий. 1978. № 13. С. 128–131.
- ²² Звезда Кубани. Черкесск, 1998. 25 августа; Мизиев И. М. Следы на Эльбрусе. Ставрополь, 2000. С. 161–171.
- ²³ Кудинов В. Ф. Эльбрусская летопись. С. 99.
- ²⁴ Рубцов Е., Курбанов С. Спасти Приэльбрусье от гибели // Северный Кавказ. 2004. 10 ноября.

THE NATIONAL PARK OF ELBRUS

What associations do usually occur when you hear about the environs of Elbrus? – Air, light, snow, pines, rivers, eagles, birch trees. But first of all majestic mountains...

Everything here is unique. You can make sure of it yourself.

The pines of relic are like Life-Guards of the legendary mountains. These evergreen mute witnesses of Time resist people fighting for their right to life and eternity which they share with mountains.

Air in the environs of Elbrus is the air that you don't breathe but sip it with delight as some divine nectar. And then you seem to become air-like yourself capable of flying off high into the sky.

Snow here reminds you of some Other Land – the reign of unsurpassed white colour telling about absolute things. But the same snow may become ferocious when it wipes everything off its way with mighty avalanches which make quake the very mountains.

Light here you can take and throw about in handfuls because it is palpable and crispy.

The purest highland rivers, lakes among rocks, picturesque canyons, mountain crossings as signs of men's connection, silver birch trees and unbelievably blue sky that seems quite near your hands... All these and much more striking things are the environs of Elbrus – the land of splendid dream.

The territory of the National Park of Elbrus begins beyond the small river Sabalyk-Su. The road – to the left from the main route – leads to the canyon Adir-Su. It is called "hanging". The river which gave the name to the canyon¹ takes its source from the glacier Ullu-Tau. You can get to the canyon only by long staircase (300 steps) or by car hoist. The slow lifting takes about 15–20 minutes and you find yourself then at the height of some tens meters. There is the starting point of the canyon. And now you should choose between walking on foot or going by car because 10 km road stretches before you. Following it you reach 2 famous tourist centers ("Jailik" and "Ullu-Tau") enjoying at the same time the views that call forth a true admiration.

The ridge Adir-Su is the watershed of Baksan and Terek rivers' basin. Being looked at from the plane it resembles the crown of a tree with 30 branches, i.e. 30 crossings between mountains. Some 20-25 years ago there was Mestiysky crossing – the road to Georgia, more exactly – to Svanetia. Now there is the state frontier area.

But another crossing leads to the renowned canyon Adil-Su that in Balkar language means "fine". It is really beautiful in its own way. The colours of

its landscape are calm and light. You feel like speaking of it as of lively creature – mischievous and tender. One more attractive feature of Adil-Su is its mineral springs. There are about 20 of them there.

This canyon has 4 mountaineering centers. One of them is well-known round-the-year center "Shkhelda". It is the name of the mountain Shkhelda-Tau which is translated as "the mountain of red whortleberry". Before descending Shkhelda glacier this sort of berries grew in the woods in the canyon.

Here's an extract from the book about the environs of Elbrus: "Shkhelda glacier is very picturesque. It is like castle of bluish rock crystal. It goes down right into the forest. Its lower point lies at 2260 m above the level of sea. The glacier among forest is quite a rare natural phenomenon. <...> The length of the glacier is 9,7 km, its area is 5,6 sq. km" ("The National Park of Elbrus". Nalchik, 2003).

The next point of interest is monuments to the people contributed greatly to the conquering of Elbrus. The history of struggle between this Giant and men is full of remarkable pages. It is the chronicle of courage, bravery and daring. Let's remember here only those whose proud figures greet the guests of our republic. They are: the first conqueror of Elbrus Killar Khashir (the right statue by M.Tkhakumash) and Akhia Sottay (the left statue by Kh.Krimshamkhal), 1829 and 1868 correspondingly. They conquered the eastern summit of Elbrus².

The bas-relief devoted to Andrey Pastukhov completes the sculptural circle. This man – mountain-climber, topographer, glacier-researcher, photographer – conquered *both* Elbrus summits. In 1890 – the western one and six years later – the eastern summit. It was not the ascent for the sake of ascent. It was a scientific work dealing with collecting of rocky bed samples, measurement of snow cover, describing the course of wind, temperature scheme and so on. His life was bright but brief. He died in 1899 at the age of 39 in Pyatigorsk. There is the following striking inscription on his monument set just on the slope of Mashuk mountain: "A.Pastukhov. Kazbek – 1889. Elbrus – 1890, 1896. Ararat – 1893".

The next place to note is a unique settlement Neutrino where there is a famous Neutrino observatory organized in 1977 in the mountain Indirchi on the initiative of the Italian scientist Bruno Pontecorvo. There are only two more such observatories in the world. One – in the Alps, another – in the Cordilleras. Our Baksan Neutrino observatory is located in the huge underground chamber where the telescope for detecting neutrino in the spaces of the Universe is placed in the middle of the mountain Indirchi. Its size, its K H, its scientific purposes really amaze.

Farther on – on the right – there is the renowned canyon Irik with its natural sandcastles. They can be seen from the road. But you won't be disappointed if you go up directly there. And if you reach the bilateral gorge Irik-chat you will be truly rewarded. It is a small valley surrounded by mountains

from three sides. The view opened from here is simply shaking. It will really haunt you making remember its beauties, something evident but indescribable again and again.

The headquarters of the National Park of Elbrus is situated in the settlement of the same name Elbrus. The National Park was organized in 1986. Its area is above 100 000 hectares. It has three parts: the first is prohibited for visiting, intended to keep natural resources in their primordial state; the second is a game reserve one, available for scientific and cognitive aims; the third is for recreational and economic use.

Here are some facts from the book about our National Park.

62 per cent of its territory is difficult to access. This relief is constituted by rocks, glaciers and snow fields. 15,3 per cent of the National Park's total territory is occupied by glaciers and snow. There are 93 glaciers in the upper reaches of Baksan river, including the glaciers of Elbrus.

There are over 100 mineral springs (the famous Narzan water), 63 species of mammals, 111 kinds of birds, 11 sorts of reptiles, 8 – of amphibians, 6 species of fish and numerous kinds of insects.

At the settlement Elbrus there is children's recreational center "Indirchi". It has summer houses accommodated for 2–3 persons. It is counted on the rest of 300 children at a time. Most of the tourist centers and hotels placed in the vicinities of this settlement are well known in our country and abroad. They are very popular with the mountain-climbers and tourists. It is quite natural. Starting from Adil-Su and up to the very glaciers the whole valley of Baksan is a spacious climatic health-resort with unique characteristics.

In the settlement Tegenekly³ there is a very interesting museum of mountaineering and hunt named after Russian famous actor, poet and singer Vladimir Visotsky whose love for Caucasus, its wonderful mountains and especially for Elbrus country is widely known. This museum is a kind of introducing to the world of nature around Elbrus as well as to the life of such outstanding man as Vladimir Visotsky.

The next wonder of the National Park is the so called Glade of Narzan – one of the best sorts of mineral water in the world. It is really a glade with a number of springs of different size and power. As for the taste of their water it is superb.

Two more kilometers in the direction of snow-peaked mountains and we find ourselves at the hotel "Itkol" that got its name from a small canyon.⁴ The location of this hotel is a true advantage: at the distance of one kilometer there is a complex of cable roads "Cheget"; two kilometers are from here up to the settlement Terskol; only four kilometers separate you from the ski lift "Elbrus".

It is hard to believe but very popular international mountain ski routes are quite near. Some hundred meters and you are at the hotel "Cheget". To live here is comfortable and pleasant. And above all the hotel is situated at the very foot of the mountain Cheget in the pine forest next to the elevators bring-

ing you to the ski routes. Cheget is considered to be equal among mountain ski resorts of Austria, Italy, France, Switzerland. Ski season on Cheget lasts for more than half a year: from November to April-May.

You can go up to the height of 3050 meters for 25 minutes. This short trip is a rare pleasure: you float high above mountains watching the change of landscapes and views. From the survey ground on the height of 2750 meters you can enjoy the panorama of the whole Baksan canyon. Cafe "Ai"⁵ counted as visiting card of Cheget will give you unforgettable acquaintance with Caucasian national cuisine.

Cheget also gives a start to a number of tourist routes. One of the real pearls here is a mountain lake Donguz-orun-kirl with the water of fantastic colours.

The next stop is at the settlement and canyon of the same name Terskol situated between the adjacent south-eastern spurs of Elbrus. As for the name it is translated as wrong, incorrect canyon because it has no way out to other canyons being a deadlock. Terskol, beyond wonders of nature, means a comfortable hotel and a lot of centers for training of representative teams in such kinds of sport as boxing, volleyball and others.

One more observatory – now of Russian Academy of Sciences – is high in the mountains. You can get there by a very steep road. But if you are not interested in the research of the macrocosm, then you are sure to get interested in the famous waterfall named "Maiden plaits". Numerous streams of water really remind of plaits. You can even run a risk and try to get to the grotto hidden behind the screen of water. We promise you the time of your life!

The glade Azau (2340 m above sea) is the terminal of Baksan canyon. But before starting our way to its grand destination Elbrus let's walk along the canyon Azau. Like all other canyons in our mountainous republic it has a peculiar character. We'd like even speak of the canyons' faces. This one is firm and manly with its basalt columns, perpendicular walls of rocks, stone pillars, powerful waterfalls coming down the glacier... But it is only a prelude to the marvel of Elbrus.

It begins with panorama, the total prospect you can get from the so called "The old watch site" situated at the height of 2950 meters. 12 minutes by ski lift and you can admire the views of the Main Caucasian range. 12 more minutes and you get over the next 1800 meters. But the lifting may be continued. In 15 minutes you can find yourself at the unbelievable height (3780 meters) with a famous mountaineering shelter called "Barrel" because of the cylindrical form of brightly painted houses.

It's but a step from there to the truly legendary "Shelter of Eleven" (4200 m above sea). The place got its name in 1909 when a group of foreign and home mountain climbers – 11 men – made a camp there after the vain attempt of conquering Elbrus. Just there you see that sky itself is somewhere low. We can't express the feeling of it. You should try it yourself. By the way, you can

go up to the height of 4500 meters by a caterpillar drive vehicle. But the rest, the most difficult part of the way to Elbrus you simply must overcome yourself.

The history of Elbrus conquering is full of surprising facts and sometimes almost incredible episodes. Of course, chronology, striking figures, noteworthy events can tell a lot. It is fixed, for example, that 174 Russian and foreign mountain climbers ascended Elbrus summits in the period from 1829 to 1917. In 1937 nine mountain climbers from Nalchik overcame 122 km for 7 days: 70 – on ski, 39 – on foot and 13 with the help of special mountaineering equipment. On the 21-st of July in 1960 1395 men conquered Elbrus during the mass ascent dedicated to the 40-th anniversary of Soviet power in Kabardino-Balkaria. But neither figures nor facts can describe the unique sensation of meeting with the splendor of Elbrus. You should come and see it yourself. We don't say good-bye to you. Your itinerary just begins...

ПРИЭЛЬБРУСЬЕ: ДЖИЛЫ–СУ

¹ *Adir* means steep.

² As for the western summit it was conquered in 1874 by the group of Englishmen guided by Akhia Sottay.

³ *Tegenek* means *blackthorn*.

⁴ There are two words: it meaning *dog* and *kol* being *canyon*.

⁵ *Ai* is translated as *moon*.

ДЖИЛЫ-СУ: это стоит увидеть

Лавовая плотина в долине р. Каракая-су
 Отложения морен ледников
 Долина замков
 Минеральный источник Джилы-су
 Водопад Султан
 Каменный мост
 Памятная доска экспедиции Эмануэля
 «Серебряный источник»
 «Немецкий аэродром»
 Контакт голоценовых лав с продуктами древнего извержения Эльбруса (липариты)
 Термокарстовые озера.
 Выход подземной реки
 Подпрудное озеро – исток подземной реки
 «Поляна грибов»
 Морена XVII века – движение ледника Карачаул на поверхность плато Ирахын-сырт
 Ледяная стена на языке ледника Уллумалиендерку
 Ледник Микельчиран, спускающийся в озеро
 Ледовое плато с пиком Калицкого
 Два водопада, расположенные ниже источника Джилы-су
 Каньон р. Малки с нарзанными источниками
 Менгиры
 Древние захоронения
 Наскальные рисунки и надписи
 Пещеры

– Бывал ли ты в урочище Джилы-су? Нет?! Даже не слышал? Ну, парень, ты даешь... И как же тогда ты можешь утверждать, что знаешь Кабардино-Балкарию?

Такой вот примерно разговор состоялся у одного из авторов этих строк в самом конце семидесятых годов прошлого века со старейшим фотокорреспондентом республики Леонидом Пузенко. Личность на редкость колоритная, человек, скорый на подъем, не знавший в свои немалые годы усталости, он обходил-объездил Кабардино-Балкарию, так сказать, вдоль и поперек, знал всё, всех и обо всем. Кстати, в молодости он был довольно известным альпинистом, о чем упоминает в своей «Эльбрусской летописи» В. Ф. Кудинов.

На слова Леонид Иванович был скуп (за него говорил фотоаппарат), а тут его остановить было невозможно – его рассказ о Джилы-су звучал словно песня, музыка которой до сих пор в одном из нас. Именно тогда появилось желание во что бы то ни стало побывать в этом необыкновенном месте, в котором: а) нарзанные источники излечивают многие болезни, а организм буквально на глазах освобождается от шлаков – это уже из не менее восторженного рассказа жены на тот момент первого лица республики, волею всесильной Москвы присланного на партийное руководство из северной глубинки; б) происходят таинственные, необъяснимые вещи – космические аппараты внеземных цивилизаций чуть ли не прописались здесь, а в годы войны эти места были зоной пристального внимания гитлеровцев. Это уже из рассказа нашего старого знакомого, любителя приключений и путешествий, искателя и золотодобытчика (он всю Малку пропустил через свой лоток, но так и не обогатился), резчика камней и изобретателя, а по жизни – великолепного токаря, на редкость доброго и отзывчивого человека, оставшегося молодым в возрасте более 80 лет, коренного нальчанина Бориса Загиева. Правда и вымысел в его рассказах так тесно переплетены, что хочется тут же, не откладывая ничего на потом, бежать на встречу с инопланетянами, привидениями, раскапывать, забираться в пещеры, искать и открывать.

Но свидание с Джилы-су по независящим причинам откладывалось за годом год – рядом локоток, а не укусишь. Пешком (на тот момент дороги до урочища еще не было) попробуй доберись – нужно и время, да и соответствующая физическая подготовка. Ведь к источникам вела выючная тропа из селения Верхний Баксан (бывшее Урусбиево) по долине реки Кыртык до ее истоков, далее через седловину перевала Куртык-Ауш в долину реки Исламчат. А уже оттуда через Южно-Каракайянский перевал, перейдя через реку Кызыл-су,

можно было попасть к удивительным источникам, феномен целительной силы которых поражал, поражает и будет поражать. В те времена здесь находился летний кош Былымского колхоза, да неприхотливая деревянная будка с нарами человек на десять и самодельные ванны, представляющие собой небольшие углубления, обложенные валунами. Издавна сюда приезжали балкарцы, карачаевцы, кабардинцы и возвращались не только обретшими здоровье, освободившимися от многих хворей, но и помолодевшими – быстрыми в движениях, по-юношески ловкими и зоркими. Об углекислых минеральных источниках, расположенных на северном склоне Эльбруса вблизи устья реки Биржанлы-су на высоте 2380 метров над уровнем моря, писал известный ученый А. П. Герасимов, производивший в 1910 году в этих местах раскопки и обнаруживший достаточно большую каменную ванну с выпускным отверстием. Не случайно в легендах, бытующих о Джилы-су, часто встречается определение «живая вода» – та самая, из сказок, обновляющая и возвращающая радость жизни. Уместно здесь привести легенду, о которой поведал топографу М. К. Голомбиевскому Исмаил Урусбиев: «Легенда эта повествует о том, что между вершинами Эльбруса, пониже седловины, есть родник с теплой водой, выходящей наружу двумя струями, одна из которых дает живую воду, другая – мертвую. Стережет этот родник особого рода орел, который на всякого дерзкого, взбирающегося на вершину, сначала выпускает метель, а если это не заставит его вернуться, выклевывает ему глаза». И далее: «Источник Джилы-су имеет большое сходство с знаменитым нарзаном в Кисловодске, только он теплее, чем нарзан, на 7 градусов. В летнее время сюда стекается много больных жителей. Купанье происходит в двух ямах, из коих верхняя предназначена для женщин, а нижняя – для мужчин»¹.

А вот что писал известный популяризатор путешествий по Кавказу С. С. Анисимов, побывавший в Джилы-су в августе 1913 года: «У самого большого из ледников Эльбруса Уллу-чиран один из самых оригинальных в мире мостов: между скалами из вулканических пород, стеснившими течение р. Малки, упал и застрял огромный обломок горы. Внизу бушует и ревет Малка, а кругом ярко цветут синие генцианы (горечавки), белые ромашки, фиолетовые скабиозы и множество всяких альпийских цветов.

Малка, вырвавшись из вулканических скал, падает всем своим течением метров на 40 вниз. Вокруг водопада облако брызг, и в нем играют на солнце радуги. Немного ниже на зеленом горном мысу арбы, палатки, шалаши из ветвей. Под скалами и в пещерах люди.

Это курортный лагерь вокруг известного «Горячего нарзана», рождающегося в неостывших еще лавовых массах Эльбруса. У берега реки обложен камнями небольшой водоем-купальня. В нем «кипит» нарзан и целым потоком выливается через край. Это и есть знаменитый «Горячий нарзан» с температурой +23° по Реомюру. Он известен еще по средневековым грузинским сборникам – «Карабадини».

Несколько человек сидят в воде. Другие наблюдают, чтобы больным не стало дурно, так как их купают в нарзане «до отказа». А источник очень сильный – в нем по сравнению с «нарзаном» в Кисловодске двойная минерализация и двойное насыщение углекислотой. Знахари, «лечащие» здесь от всех болезней, начиная с ревматизма, туберкулеза, рака и всех женских заболеваний, купают больных, а кстати, и всех приехавших их родственников три раза в день – на обеих зорях и в полдень. В промежутке больным ставят кровососные банки.

Затем распаривают их в небольших, вырытых прямо на лугу ваннах, дно и стенки которых раскаляют кострами, потом, выбрав из них золу, расстилают бурку, кладут на нее больного, укутывают и парят до тех пор, пока можно терпеть.

Лагерь человек в 200. Единственную «курортную» постройку представлял в нем небольшой каменный сарай с кровом из каменных плит и земли, где какой-то предприниматель сдавал больным за деньги койки. Никакого врача и никакого надзора. Питались все приезжие мясом овец, пригнанных с собой, и молоком и айраном, который добывали у пастухов на окрестных лугах»².

Известно, что до середины 1909 года было три выхода теплой минеральной воды, причем в одном из них она поднималась под влиянием газа грифоном в виде шапки высотой около полуметра и шириной около метра. Впоследствии мощный оползень перекрыл все три выхода и один из них – левобережный погиб, так как там проложила свое русло река Малка. «В настоящее время функционируют четыре источника, причем один из них теплый с температурой 22,4 градуса, образующий водоем, из которого вытекает ручей.

Имеются еще два источника, находящиеся в 120 метрах ниже Джилы-су: один на правом берегу реки Султан-Гара-су, другой неподалеку. Их еще называют Мисост-нарзан – по имени кабардинца, показавшего источники исследователям. А также источник, расположенный в 3,5 километра от главного теплого нарзана, ниже устья реки Кара-Кая-су, проявляющийся тремя грифонами с температурой 9 градусов»³.

В начале 80-х годов прошлого века в урочище из Тырнауза была пробита дорога, одолеть которую пока по силам лишь машинам повышенной проходимости. Длина ее – чуть более 60 километров: от обогатительной фабрики Тырнаузского комбината, ныне прекратившего свое существование, одолевая серпантин за серпантин (мы насчитали их 38!), неутомимо взбираясь ввысь по обрывистому горному склону, попадаешь на перевал Шаукам. Далее дорога идет по истоку реки Шау-Кол к месту ее слияния с левым притоком реки Исламчат.

«Роскошны были открывавшиеся здесь картины природы, – писали 120 лет назад путешественники И. Иванюков и М. Ковалевский, – но все они оказались бледны пред тою панорамой, которую мы увидели, достигнув вершины горы (9000 фут.). Под нами пропасть, тысячи в три футов – это узкое, мрачное ущелье Малки; реки не видно, слышен только шум ее. Противоположная нам сторона ущелья представляла собой гигантскую стену снеговых гор, от Дихтау до Эльбруса, скалистое подножие которой исчезало во мраке ущелья.

...Начался спуск в долину. Но, окутанные облаками, мы не видели более как несколько сажень вокруг. В караване слышится ропот: «Полдня путешествия вычеркнуты: а что если и завтра такая погода; идешь и не знаешь, что тебя окружает». Досадное настроение путешественников имело тем более основания, что поразительные красоты природы настоящего дня настроили нас на ожидание необычайной картины, как только мы достигнем точки перевала и увидим Шаукамскую долину. Подтверждал наше ожидание и Азамат не только словами, а также зажмуриванием глаз и чмоканьем. Да и немудрено было иметь такого рода чаяния: ведь мы уже врезались в первую цепь снежных гор, а с вершины Шаукамского перевала должны были увидеть вторую цепь; мы были уже между Эльбрусом и окружающими его с восточной стороны великанами, словом, мы вступали в самый центр ледяного хребта.

...Светало. Бодрствующие весело будили спящих: «Вставайте, смотрите, что за дивное утро и какая прелесть окружает нас». Оказалось, мы провели ночь в узкой котловине, окаймленной восемью снежными горами. Из них всего ближе была к нам чрезвычайно красивая гора Кынчыр-Сырт.

В горном путешествии, в путешествии среди грандиозной природы, есть только одна забота и один стимул вашего настроения – эта забота и этот стимул – погода. Хороша погода – вы жизнерадостны, вы наслаждаетесь до восторженности. Непрерывно сменяющийся калейдоскоп дивных красот приковывает все ваше внимание. Прошло-

го и будущего как бы не существует, живете только настоящим моментом. А в этот настоящий момент существование ваше наполнено одним лишь возвышающим душу созерцанием. О! Как хорошо чувствуешь себя в недрах величественной природы, как отдыхают нервы вне почт, газет и цивилизации. А живительный горный воздух! Какие трудные пути вы в состоянии совершить только благодаря чистоте и прохладе этого воздуха. Четыре, пять часов сна на горном воздухе вполне восстанавливают силы»⁴.

Вот и мы, осилив еще один затяжной подъем, преодолев великое множество размывающих дорогу ручейков, если честно сказать, не раз и не два пожалели, что решились на подобное испытание своего организма, – добираясь сюда на «Ниве» и «УАЗе», неласковым словом вспоминали их создателей за нелюбовь к комфорту; а старенькому «Пежо», вовсе не приспособленному для горных серпантин, не раз требовалась наша физическая сила, чтобы преодолеть столь отвесные подъемы и непрочный грунт.

И вот, наконец, конечная цель нашего путешествия. Практически мгновенно мы забыли обо всех тяготах пути (кстати говоря, ныне к Джилы-су строится дорога со стороны Долины нарзанов, она будет куда как комфортабельнее). Теперь нам видится, что три-четыре, а то и пять-шесть часов дороги (все зависит от транспорта и водительского умения) – необходимая подготовка для встречи с этим удивительным уголком.

Северный склон Эльбруса всегда привлекал внимание ученых: именно отсюда взошли на вершину первые покорители снежного великана из состава знаменитой экспедиции Эмануэля; академик Г. В. Абих в 1874 году опубликовал в Тифлисе работу «Краткие сведения о некоторых малоизвестных минеральных водах на северном склоне Кавказа»; ученый А. П. Герасимов, автор целого ряда научных работ («Исследования на северном склоне Эльбруса», «Северо-восточное подножье Эльбруса», «Отчет об исследовании водораздела между Малкой и Муштом»), описал последствия катастрофического селя 1911 года, перекрывшего минеральные источники «Джилы-су».

Сегодня общепринято считать, что образование вулкана Эльбрус и его активная жизнедеятельность начались около 4 миллионов лет назад, а закончились 4,5–5 тысяч лет тому назад, следов крупных стихийно-разрушительных катастроф на северных склонах Эльбруса не обнаружено в течение этого же периода⁵.

Эльбрус находится в стадии покоя, но остаточные вулканические процессы в остывающем магматическом очаге наблюдаются, на что

указывают многочисленные минеральные источники, имеющие температуру до 24 градусов. В их числе и Джилы-су – углекислые и соляно-щелочные, сосредоточенные на территории, не превышающей квадратный километр. Их, по словам неутомимого исследователя и пропагандиста этих мест Веры Ворожбит, с которой мы познакомились в лагере, здесь 9. И каждый помогает от той или иной болезни. После приема большого количества минеральной воды очищаются почки, печень. Один из наших новых знакомых гордо демонстрировал аккуратно собранный им в кулечек желтоватого цвета песок, вышедший из него уже в первый день после многолитрового приема нарзана. Честно говоря, своими «полезными ископаемыми» он достал, тем не менее результат, конечно, поражал.

Но правдой было и то, что, как нам рассказали, хватало и тех, кто, стремясь получить мгновенно, и сразу всё, и по полной программе, добивался обратного: большие объемы выпиваемой бесконтрольно жидкости способствовали столь острому процессу выхода камней из желчного пузыря и почек, что на помощь приходилось вызывать вертолет для спуска самолеченцев в Тырныауз и проведения им срочных операций. Смертельных случаев при этом как будто зафиксировано не было.

Целебная сила источников воистину поражает: организм буквально на глазах освобождается от шлаков, внутренняя энергия прибавляется день ото дня, улучшается самочувствие, поднимается жизненный тонус, зрение становится зорче. Отнесясь к последнему несколько скептически, один из авторов этих строк несколько раз за пару дней нахождения в Джилы-су все-таки промывал глаза, мужественно терпя резь. А утром, в день отъезда, сняв очки, чтобы сполоснуть лицо, вдруг поймал себя на мысли: без них он видит значительно лучше, чем раньше – четче, дальше. Мгновенного чудесного исцеления в Джилы-су не происходит, но исцеление – если ты не торопишь коней, не провоцируешь свой организм, не насилуешь его природу – неизбежно. Уже упоминаемая Вера Ворожбит вместе с группой энтузиастов разработала целую систему по применению целебных источников, став за 15 лет свидетельницей случаев невероятного излечения многих десятков людей. Пятигорский государственный НИИ курортологии, осуществивший анализ источников в 1994 и 2001 годах, дал заключение о химическом составе минеральной воды и возможности ее использования для лечебно-питьевых и бальнеологических целей.

Нет особой нужды приводить здесь сведения о химическом составе воды, скажем только, что она «относится к слабоуглекислым, мало-

минерализованным, борным, кремнистым, железистым минеральным питьевым лечебным водам хлоридно-гидрокарбонатного магниевое-кальциево-натриевого состава», «не содержит каких-либо вредных и токсичных компонентов, отличается стабильным химическим составом и физико-химическими свойствами».

Нальчанин Мустафа Джаппуев выпустил в 2000 году работу «Лечебные минеральные источники подножья Эльбруса», в которой дал перечень источников, показаний, схем и правил их применения. Вот что, в частности, сообщается в предисловии: «Источники Джилы-су, благодаря растворенному в них углекислому газу и другим компонентам, обладают своеобразными свойствами активизации функции тепловых и подавления функции холодных рецепторов кожи, что позволяет принимать ванны с низкой температурой при комфортном самочувствии больных (даже пожилого возраста) с улучшением процессов терморегуляции, стимуляции обменных процессов (особенно углеводного), дыхательной функции организма, нормализации деятельности внутренних органов и уменьшении мышечных и суставных болей, повышения физической активности больных».

И еще одна цитата: «Вода минеральных источников Джилы-су представляет собой сложную динамическую систему, содержащую углекислый газ, минеральные и органические вещества, находящиеся в растворенном коллоидном состоянии. ...По мере движения подземных углекислых вод к поверхности земли снижается давление, и в итоге наступает такое состояние, когда часть растворенной в воде углекислоты начинает выделяться из нее в атмосферу в виде многочисленных пузырьков, придавая воде источников Джилы-су вид «жипения»»⁶.

Поистине поражает перечень показаний для применения в лечебных целях воды источников. При внутреннем: хронические гастриты, колиты, энтероколиты, панкреатиты, заболевания печени, желчевыводящих, мочевыводящих путей, болезни обмена веществ – сахарный диабет, ожирение, мочекишный диатез, оксалурия, фосфатурия...

При наружном: болезни сердечно-сосудистой системы – ишемия, гипертония, кардиосклероз, облитерирующий эндартериит, венозная недостаточность; болезни нервной системы – атеросклероз сосудов головного мозга, нарушения мозгового кровообращения, невроты, мигрени; болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани – артриты, полиартриты, остеохондроз, миалгии, миозиты; болезни органов пищеварения – гастриты, язвенная болезнь желудка

и двенадцатиперстной кишки, хронические гепатиты, дискинезии желчных путей и желчного пузыря.

А еще болезни гинекологические, нарушения обмена веществ и эндокринной системы, органов дыхания...

Вот от какого обилия напастей на род человеческий помогает вода источников Джилы-су! Будет уместным, на наш взгляд, привести здесь и самые простые рекомендации по ее употреблению. Опять же воспользуемся советами М. Джаппуева: «Питье назначается три раза в день – утром (натощак), перед обедом и ужином. Воду пьют медленно небольшими глотками в течение 5–8 минут. Больным, страдающим язвенной болезнью желудка и двенадцатиперстной кишки, рекомендовано пить воду за 1–1,5 часа до приема пищи; при болезнях печени и желчного пузыря – за час до еды...».

Целебным воздействием в Джилы-су обладают не только минеральные воды, но и удивительный микроклимат, отличающий данное урочище – это своего рода природный ингалятор, где воздух воистину стерилен, напоен отрицательными ионами, где природа предстает во всем своем первозданном величии.

Конечно, и Джилы-су сполна хлебнуло от щедрот цивилизации – в конце восьмидесятых – начале девяностых годов кто здесь только не обустроивался: новоявленные хозяева повнезели десятки вагончиков, понастроили множество хибар. Варварская, бесконтрольная эксплуатация этого уникального природного уголка чуть не привела к катастрофическим экологическим последствиям. Ныне северное Приэльбрусье – территория Национального парка. Было принято постановление Правительства КБР «Об упорядочении использования минеральных источников Джилы-су», утверждено «Положение об особо охраняемой лечебно-оздоровительной местности «Джилы-су», которым она объявлена горно-климатическим курортом КБР, имеющим региональное значение, введен режим охраны природной территории, запрещено размещение объектов и сооружений, не связанных непосредственно с лечением и отдыхом. Сегодня местность относится к зонам регулируемого посещения и пребывания, создано государственное лечебно-оздоровительное учреждение «Джилы-су», идет обустройство территории, самих источников, возводятся помещения для приема отдыхающих. Но еще какое-то время туристские палатки будут основным местом проживания для туристов, горвосходителей, всех желающих приобщиться к красотам и тайнам данной местности. Их здесь и помимо уникальных источников предостаточно.

Совсем рядом с источниками находится водопад Султан – удивительнейший по красоте природный памятник, высотой более 20 метров (по другим данным, несколько выше – около 30). Река Кызылкол (такое название носит Малка в своих верховьях, берущих начало от ледника Уллу-чиран), пропилив лавовый гребень, низвергается вниз с многометровой высоты, соединяясь с водами реки Биржанлы-су в месте выхода теплых нарзанов.

Чуть далее – второй водопад, стремительной узкой струей спадающий с 27-метровой высоты в узкое ущелье. А еще чуть ниже (примерно в километре) в Малку с вертикальной стены, состоящей из столбчатых кристаллов застывшей лавы, мощным белопенным потоком вливается с высоты в 24 метра ледниковый исток Каракаян-су. Постоянно висящие в воздухе водяные брызги, радужно искрящиеся на солнце, позволяют в жаркий день совершить купание, даже не входя в ледяную бурлящую купель.

Сразу за водопадом Султан удивительное нерукотворное произведение природы – каменный мост через реку, спустившись к которому и ступив на него, испытываешь целую гамму чувств человеческих – страх от ярой, дикой силы бушующего внизу потока, восторг от первозданности и величия наблюдаемого. Исследователь Александр Асов, убежденный, что «события ранней русской истории происходили на Северном Кавказе, где и располагались первые русские царства» (тираж его книг, таких, как «Атланты, арии, славяне», «Атлантида и Древняя Русь», «Древние арийцы, славяне, Русь», «Священные прародины славян», «Русколань: Древняя Русь» превысил 4 миллиона экземпляров), называет этот «природный мост из обвалившихся скал... «Калинов мост». Тот самый «Калинов мост», на котором, согласно древним славянским легендам, драконы, стражи Нави, заступали путь героям⁷. И, перейдя через «Огненную реку Смородина» (под ней подразумевается река Кызылкол – «красная река»), «можно попасть в мир богов и духов». Спорить с этим трудно – мы, во всяком случае, ни тех, ни других не увидели и даже не ощутили их присутствия, но вот со словами А. Асова: «Какое живописное место! Не только древним людям, но и нам оно представляется образом Иномирья, Нави» – согласиться можно вполне. Кстати говоря, популяризатор древней истории считает, что на соседствующем с мостом плато – Ирахит-сырте (так у автора) располагался Ирий – рай, чье описание «имеется во всех священных книгах мировых религий»⁸. Довольно интересная гипотеза, но в подтверждение ее автор приводит

доводы весьма наивные и некорректные. Впрочем, его можно понять: от красот и таинств здешних мест воображение зашкаливает.

Если подняться выше источников, то откроется потрясающей красоты вид на долину реки Малки. Сбоку располагается балка «Кала-Кулак», более известная у туристов под другими названиями – «Ущелье замков», «Долина замков» – созданные самой природой экзотические каменные пирамиды, образовавшиеся вследствие размывания и выветривания древних озерных отложений, действительно напоминают рукотворные замки самой причудливой формы.

Еще немного – и открывается то самое высокогорное плато Ирахын-сырт, что расположено на высоте 2598 метров над уровнем моря. В 1829 году именно здесь разбила свой лагерь знаменитая экспедиция генерала от кавалерии, героя Отечественной войны 1812 года, командующего Кавказской оборонительной линией Георгия Арсеньевича Эмануэля, предпринявшего свой поход с целью «собрать точные сведения об этой стране, о высоте гор, ее пересекающих, о направлении и глубине долин, о ее богатстве и лесе, пастбищах, минеральных и других произведениях природы...».

В составе экспедиции находились и приглашенные Эмануэлем ученые из Российской Императорской академии наук – академик Адольф Купфер, физик Эмиль Ленц, зоолог Эдуард Менетрие, ботаник Карл Мейер, а также примкнувшие к ним в Горячеводске (нынешний Пятигорск) архитектор Иосиф (Джузеппе) Бернардацци и венгерский путешественник Янош Карой Бешш (он же Жан Шарль Бессе).

Добиралась экспедиция сюда – а в ее составе было 350 казаков, 650 солдат, 2 трехфунтовые пушки, 6 верблюдов с погонщиками-калмыками, группа проводников во главе с Исламом Крымшаухаловым и Мырза-кулом Урусбиевым – целых семь дней, правда, во многом по причине непогоды. Вышли они из укрепления Каменный мост, что на Малке, 13 июля, достигли высокогорного плато Ысхаут (Хасаут), расположенного примерно в 10 километрах к юго-западу от нынешней турбазы «Долина нарзанов». Далее к истокам реки Хабас, на плато Ирахын-сырт, к источникам Джилы-су.

Вот что писал А. Купфер в своей знаменитой работе «Путешествие в окрестности горы Эльбрус, предпринятое по приказу Его Величества Императора в 1829 г.», изданной в Санкт-Петербурге спустя год: «Узкие тропы, проделанные нашими лошадьми, изобиловали многочисленными поворотами под наклоном почти перпендикулярным к горе, вершина которой была окутана туманом и подножье которой омывалось стремительным потоком. ...Часто путь преграждают глу-

бокие овраги, которые надо преодолеть, чтобы попасть на противоположную сторону. Часто встречаются дороги, окаймленные с одной стороны скалами, а с другой – отвесными пропастями». Ему вторил и Янош Бешш: «Местность немислимая. Не можно идти без пособия рук, палки с железным наконечником. Камни, покрытые слизистым мохом, режа подошву, замедляют движение. Мир отворил близ нас бездну, которой глубину глаза наши измерить не дерзают».

20 июля члены экспедиции и разбили свой лагерь на плато Ирахын-сырт, и, как сообщает А. Я. Купфер, «решили увековечить память этого дня надписью, вырезанною на одной из скал, которые окружали наш лагерь». Ее можно прочесть и сейчас: «1829 год с 8 по 11 июля лагерь под командою генерала от кавалерии. Емануэль». Напомним, что даты эти по старому стилю. А вот что писал другой путешественник – С. Ф. Давидович, побывавший в этих местах в июле 1886 года: «Вблизи этого водопада находился углекислый источник, славившийся своими лечебными свойствами, и здесь же мы можем видеть надпись, высеченную на скале: «11 июля 1829 года стоял здесь лагерем генерал Емануэль». С этого лагеря начал свое восхождение на Эльбрус отряд во главе с русскими академиками»⁹.

21 июля штурмовой отряд, в который вошли Купфер, Ленц, Менетрие, Мейер, Бернардацци, двадцать казаков и пять черкесов, в том числе Киллар Хаширов и Ахия Соттаев, двинулся на покорение Эльбруса. Спустя шесть часов участники восхождения достигли снеговой линии на высоте 4270 метров над уровнем моря, где и остановились на ночевку. Вот как писал об этой незабываемой ночи А. Я. Купфер: «Ночь была прохладной, я просыпался несколько раз, чтобы наблюдать окружающую красоту. Эта картина глубоко запечатлелась в моей памяти – она состояла из трех тонов: серебристый тон снега и луны, голубизна неба и глубокий черный цвет скал и тени ночи; но причудливые группы, неясные очертания, постепенность перехода тонов и, наконец, спокойствие, царившие вокруг нас, восхитительны. Все придавало невыразимое очарование этой картине и никогда в моей жизни ничто более прекрасное не представало передо мной».

Впрочем, тема первого, документально зафиксированного покорения Эльбруса достаточно хорошо описана такими исследователями, как Е. Симонов, В. Никитин, И. Мизиев¹⁰. Скажем только, что, к сожалению, ни академику, ни его коллегам Эльбрус так и не покорился. Но на него взошел один из черкесов, за восхождением которого наблюдал в подзорную трубу Эмануэль, приказавший «ударить в барабан и произвести несколько ружейных выстрелов, чтобы опо-

вестить весь лагерь об этом замечательном событии». Состоялось оно 22 июля 1829 года в 11 часов. Черкесом этим оказался Киллар Хаширов, из «вольных кабардинцев», как пишет один из участников экспедиции, получивший за сей подвиг «предназначенный генералом Емануелем приз из 400 рублей ассигнациями и 5 аршин сукна на черкеску».

Здесь видится уместным сказать о том, что национальную принадлежность Киллара ряд исследователей оспаривает. И если на чугунной плите, отлитой в честь этого события на Луганском заводе, запечатлены слова «кабардинец Килларь», то в ряде источников значится «карачаевец Килар». В 2004 году торжественно отмечалось 175-летие того легендарного восхождения: в Кабардино-Балкарии чествовали кабардинца Киллара, «жителя свободной деревушки (Вольного аула) возле Нальчика в Большой Кабарде», которому уже давно установлен памятник при въезде в зону Приэльбрусья. А в Карачаево-Черкесии – жителя аула Карт-Джурт Киллара (Хыйсу) Хачирова, в честь которого открыли мемориальную доску в городе Карачаевске¹¹.

Но так ли уж важно, кто он, Киллар, самое главное – он был первым, кто покорил седоглавого гордеца, его след навсегда остался в эльбрусской летописи: летописи подвига, мужества, отваги. Ведь, как писал Янош Бешш, их «предприятие – символ единства цели при разности людей и наук. В экспедиции участвуют 9 народов Европы и Азии. И мы первые, заглянувшие в лицо Эльбрусу».

А теперь вновь вернемся к стоянке экспедиции Эмануэля. По правой стороне от нее, перейдя речку, на расстоянии меньше километра располагается еще один удивительный источник, получивший название «серебряный», обозначенный на картах как выход подземной реки. Температура его постоянна – чуть выше нуля, сам источник изливается из земных недр со второй половины лета в течение нескольких месяцев и обладает удивительной силой. Прежде всего его вода не портится, сколько ни простоит, и вовсе не потому, что в ней растворены ионы серебра – как раз наоборот: их нет. Ну а главное, что, искупавшись в нем, ты словно молодеешь, обретаешь второе дыхание. Будучи наслышан о живительных свойствах серебряного нарзана, один из авторов этих строк долго ходил вокруг и около, не решаясь ступить в ледяную воду: одно дело совершить волшебное омовение в середине лета, под жарким высокогорным солнцем, и совсем другое – в начале октября, когда путь к источнику пролегал только что выпавшему снегу, среди плывущего прямо через тебя туманного марева.

И все-таки решился. Скорость пробки, вылетающей из бутылки шампанского, стала доступной и ощутимой после этого мгновенного купания. Как и непередаваемое чувство свежести, легкости, чистоты, сохранявшееся целый день.

Среди чудес северного склона Эльбруса и удивительная местность, получившая название «поляна грибов». Грибы эти не настоящие, а каменные: словно неведомо кто, играя и забавляясь, аккуратно уложил на узкие природные основания плоские каменные шляпки. На самом деле каменные грибы – это уникальные формы выветривания окаменевшего пепла, или, как говорят ученые, «формы выветривания игниоритов под воздействием стоковых ветров с Эльбруса».

Интересно, что подобного рода природные памятники можно увидеть и на правом берегу реки Гара-Аузу-су (правого истока реки Чегем). Как сообщает А. Галин: «Высота столбов достигает 5 м, диаметр у основания до 1 м. Кверху они сужаются до 20–30 см, а макушки их увеличиваются уплощенными камнями, имеющими в поперечнике 30–40 см. Перед нами как бы гриб с длинной ножкой и маленькой шляпкой. Состоят столбы из песчано-глинистой массы и сцементированных в нее валунов и гальки. Этот материал был принесен сюда древним ледником много тысячелетий назад. Ледник давно растаял. Груз, который он принес, окаменел и превратился в горную породу. Под воздействием колебаний температуры, а также воды и ветра порода разрушалась. Но процесс этот шел неравномерно. Плоские валуны защищали находящийся под ними материал от воздействия солнечных лучей и дождевых вод и дали возможность сохраниться грибообразным каменным столбам»¹².

Так это или не так, решать ученым, но вот у простого люда «поляна грибов» пользуется пристальным вниманием по другой причине – побывавшие на ней уверяют, что здесь расположена особого рода геопатогенная зона, оказывающая поистине удивительное влияние на человека, прежде всего на повышение мужской силы... Уже упоминаемый нами ранее Исса Кудав рассказывал, что его дядя Джамал, умерший несколько лет назад, регулярно поднимался в эти места. А другой знакомый – чегемский милиционер в отставке (Исса назвал его имя и фамилию) утверждал, что стрессы профессии после посещения «поляны грибов» остались в прошлом, подтверждением чему служит его весьма оптимистичное высказывание: «Теперь хоть с женой спать могу».

Очень много слышали мы о «поляне грибов» и от Аркадия Давыдова, чья жизнь в последние годы непосредственно связана с северным

Приэльбрусьем – долгие месяцы он провел в хижине, служащей приютом для восходящих на Эльбрус с этой стороны, а сейчас работает в лечебно-оздоровительном учреждении «Джилы-су». Несколько лет назад, неизлечимо больной, движимый судьбой ли, провидением, оказался он в этих местах, и обрел здоровье, радость восприятия жизни.

Надо прямо сказать, что неподготовленному туристу это не так-то просто – необходим практически целый световой день. Надо преодолеть достаточно высокую гору, далее двигаться по узкой отвесной ложбине, уходя влево от Эльбруса. Потом по крутой осыпи подняться в своего рода скалистый цирк, осилить одну из его отвесных стенок – и вот она, знаменитая «поляна грибов».

Действительно, открывающееся перед тобой неземное зрелище поражает. Воистину инопланетный, уточнили бы, если судить по голливудским блокбастерам, марсианский пейзаж. На достаточно покато гребне шириной в несколько десятков метров, словно выдвинутом неведомой могучей силой из земной толщи, обойденном по бокам сжигающей все на своем пути лавой, расположилось добрых два десятка выросших то там, то сям «грибов-исполинов». Одни из них выше – до пяти и более метров, другие пониже – от двух-трех метров.

Каменные столбы, обдуваемые шквальными ветрами, разъедаемые снегом и дождем, мужественно и терпеливо несут свою неустанную тысячелетнюю вахту. Не рушатся, не уходят в землю, словно выполняя какую-то неведомую миссию, известную только им одним да Создателю. Кто он? Природа? Стихия? Разум? Каждый волен ответить то, что ему ближе и предпочтительней.

Плоские шляпки нерукотворных истуканов словно притягивают, а когда, не в силах противостоять извечному человеческому желанию покорить все, что выше твоего роста, взбираешься на них, явственно ощущаешь поток тепла, идущий вовсе не сверху, а снизу, от самих шляпок. Словно каменные плиты вобрали в себя солнечное тепло, аккумулируя его за день, а теперь щедро делятся с тобой. Вполне естественное явление, но вот только от камней, расположенных чуть ниже поляны и точно так же одаряемых теплом светила, почему-то тянуло холодом, и достаточно пронзительным.

Впрочем, подобное можно отнести к индивидуальным ощущениям, исходящим от человеческого воображения, но то, что в какой-то из моментов кварцевые часы одного из пишущих эти строки остановились, отнюдь не выдумка. Часам этим немало лет, за прошедшие

годы они выработали неукоснительную привычку убежать на несколько минут вперед, а здесь не просто замедлили свой ход, а остановились. Под каким из «грибов» это произошло, и где, судя по всему, находится эта самая энергетическая зона, нам не удалось выяснить. К сожалению, то, что часы останавливались, выяснилось уже при спуске.

Впрочем, уподобимся скептикам: может, у часов (уместно будет уточнить, их механизм подпитывается от движения руки) просто кончился завод? Впервые за десяток лет?

...Вероятно, и нет никакой геопатогенной зоны на «поляне грибов» (космический пейзаж, идущее от камней тепло, ощущение прикосновения к запредельному – факторы весьма субъективные), но то, что и ничего подобного этому месту в Джилы-су, как и во всем Приэльбрусье, нет, не подлежит сомнению.

Чуть ниже еще два не менее таинственных места. Одно из них – плато, именуемое пастухами «немецкий аэродром». Об этом так называемом аэродроме стоит рассказать подробнее. Прежде всего поражают его размеры – несколько сот метров в ширину и более километра в длину, а также то, что площадка эта совершенно ровная, словно природа создала ее для каких-то, известных только ей целей. А человек (и только ли он?) лишь воспользовался ее дарами. Ступив на этот «аэродром» у подошвы Эльбруса, на какое-то мгновение замираешь, пораженный величием и грандиозностью открывшегося перед тобой вида – бесконечным полем, упирающимся где-то далеко-далеко в отвесную гряду, наверху которой как раз и расположена «поляна грибов». Слева нависают вершины Эльбруса, до которых как будто рукой подать, а перед ними удивительные нагромождения лавы.

Расспрашивая чабанов, каждое лето выгоняющих в урочище Джилы-су скот, выяснили, что место это, сколько они себя помнят, сколько помнят себя их отцы, всегда называли аэродромом. Причем только немецким. Старожилы из Былыма тоже как о чем-то само собой разумеющемся говорят о плато, как об аэродроме, уточняя, что сразу после войны здесь имелись соответствующие атрибуты летного поля – железные мачты. Приземлялись ли здесь самолеты, никто не видел – и немудрено: даже тем, кто был в то время 12–14-летним подростком, сегодня к восьмидесяти. Но рассказы полны самых живописных подробностей. В частности, мы услышали о том, что немцы привозили сюда смуглых безволосых людей в белых необычных одеждах (тибетских лам?) и по какой-то причине (будто бы услышав

нежелательный прогноз о ходе завершения войны) всех их расстреляли. Кое-кто из старожилов обещал нам показать даже место, где произошла эта казнь – мол, оно отмечено знаком свастики, выложенной из камней.

Интерес Гитлера к Тибету, находящейся там таинственной, хотя до сих пор так и не найденной стране Шамбала, куда его сподвижники Карл Хаусхофер и Рудольф Гесс организовали несколько экспедиций, стремясь привлечь на свою сторону всемогущих повелителей Шамбалы, и где офицер СС Эрнст Шеффер в 1938 году в Лхасе, столице Тибета, даже организовал так называемую «Встречу Западных и Восточных свастик», общеизвестен. Как и то, что, взяв Берлин, наши солдаты обнаружили более тысячи трупов людей с чертами лица, характерными для жителей Гималаев. Как и то, что, по ряду свидетельств, у Гитлера в консультантах был тибетский монах, носивший зеленые перчатки. (Кстати говоря, проявляли интерес к Шамбале и органы ОГПУ – небезызвестный Яков Блюмкин, тот самый, что вошел в историю как участник убийства немецкого посла Мирбаха, в 20-е годы прошлого века побывав в Гималаях.)

Не меньший интерес проявлял подверженный мистицизму Гитлер и к священной горе арийцев – Эльбрусу. Еще в семидесятых годах прошлого века, занимаясь подготовкой книги об истории и становлении комсомола Кабардино-Балкарии, записывая воспоминания ветеранов, мы обратили внимание на то, как много встреч с туристами из Германии проходило в конце тридцатых годов. Естественно, свидетелями они о пламенном интернационализме, пролетарской солидарности; все немецкие друзья были «ротфронтовцами», тельманцами – одним словом, представителями германского рабочего класса. Но уж очень много среди них оказывалось любителей горного туризма. Понятно, что Эльбрус как магнит притягивает альпинистов. Только время показало, что большинство из этих восходителей были еще к тому же и профессиональными разведчиками, выполнявшими достаточно специфические задания, причем связанные не только с рекогносцировкой местности, в частности Приэльбрусья. Совсем скоро многие из них вернутся сюда, но уже в составе подразделений горных егерей...

А вот что пишут французы Луи Повель и Жак Бержье, первыми исследовавшие мистические теории, лежащие в основе германского нацизма в своей книге «Утро магов»: «Когда следующей весной войска захватили Кавказ, произошла странная церемония. Три эсэсовских альпиниста взобрались на вершину Эльбруса, священной горы

арийцев, колыбели древних цивилизаций, магической вершины секты «Друзья Люцифера». Они водрузили там знамя со свастикой, благословенной в соответствии с ритуалом Черного Ордена. Благословение знамени на вершине Эльбруса должно было отметить начало новой эры. Теперь времена года должны были повиноваться и огонь – на тысячелетия победить лед. В предыдущем году имело место серьезное разочарование, но это было только испытанием, последним перед подлинной духовной победой. И вопреки предостережениям классических метеорологов, предсказывающих еще более опасную зиму, чем прошлая, вопреки тысяче угрожающих признаков войска двинулись на север, к Сталинграду, чтобы разрезать Россию надвое»¹³.

У немецкого генерала Курта Типпельскирха в его фундаментальной работе «История Второй мировой войны» есть такая, несколько ироничная фраза: «...На Эльбрусе немецкие горные стрелки подняли 21 августа немецкий флаг, но это значительное достижение альпинизма не имело ни тактического, ни тем более стратегического значения»¹⁴. А в материалах Нюрнбергского процесса генерал-полковник Альфред Йодль вспоминает, что одно упоминание Эльбруса «вызвало у Гитлера неслыханный скандал»¹⁵.

Откуда Типпельскирху и Йодлю, профессиональным штабистам, прожженным воякам, знать, что Эльбрус должен был стать самым главным шагом к Тибету, к овладению высшими знаниями, к полному овладению миром, когда народы сами падут ниц перед сверхчеловеком...

Все перечисленное выше: о таинственных пассажирах, привезенных к подножию Эльбруса, их медитации, предсказании и последующей смерти, как и сам немецкий аэродром, – можно, ничуть не сомневаясь, отнести к области фольклора, легенд, привнесенных извне, альпинистско-туристской братией, склонной к шуткам и розыгрышам. Да только вот в 1943 году туристов в Приэльбрусье не наблюдалось, а 8 марта следующего года балкарцев депортировали в Среднюю Азию и Казахстан. Так что мифотворчеством было заниматься некому.

Принимало ли летное поле под Эльбрусом самолеты – вопрос спорный. По своим параметрам оно соответствовало аэродрому, годному для приземления даже тяжелых бомбардировщиков, может и сейчас принять даже самые современные самолеты – об этом нам говорили специалисты. Но вот по сводкам наших военных летчиков место это не проходит. Олег Опрышко, автор книги «На Эльбрус-

ском направлении» (Нальчик, 1970), досконально изучивший военные архивы, тоже категоричен: аэродрома здесь не было. Но вот что интересно: тем не менее он о нем слышал, причем неоднократно. И даже, пытаясь выяснить истину, расспрашивал об этом Александра Сидоренко, того самого знаменитого, снимавшего с группой альпинистов фашистский флаг с Эльбруса. Подтверждения, как и понятно, не получил. Но ведь аэродром-то считался тайным, и в те времена сплошной секретности о нем могли знать лишь единицы.

И – внимание! Уже известный нам Олег Опрышко обнаружил в архиве Министерства обороны РФ (Подольск) разведсводку № 041 от 29 августа 1942 года штаба 2-й стрелковой дивизии. Есть в ней такие строки: «Посадочная площадка для самолетов используется немцами для посадки самолета «Фокке-Вульф», который, по словам жителей, производит ежедневную посадку»¹⁶. Что и требовалось доказать.

Можно долго гадать и спорить, но ясно одно: тайный аэродром хранит свою тайну. Она обязательно будет раскрыта, а пока к ней можно только приблизиться, ступив на это, созданное природой, словно выглаженное мощнейшим бульдозером летное поле, как будто предназначенное для небесных птиц, созданных, повторимся, руками человеческими и... не только.

Свидетельств, что над аэродромом видели корабли инопланетян, в Джилы-су вам приведут предостаточно, правда, подтверждением служит только воображение очевидцев, тем не менее этот фольклор каждый год подпитывается все новыми и новыми наблюдениями. Особенно много подобной информации в Интернете. Вот одно из них: «В течение последних двух десятилетий XX столетия из этого региона (Приэльбрусье и район Кавказских Минеральных Вод) начали все чаще и чаще поступать новые сообщения о явлениях загадочных и непознанных. Не только над гигантом Эльбрусом, но и над горами помельче – Бештау, Машуком, Развалкой все регулярнее стали наблюдать НЛО.

Специалисты, занимающиеся этим вопросом, считают, что на земле существуют особые районы и своеобразные каналы или окна для проникновения внеземного разума на нашу планету. Границы таких окон или коридоров за десятилетия исследования, а тем более при помощи мощной современной компьютерной техники, достаточно четко определены в США, Германии, Великобритании, Франции, Японии, Австралии, Бразилии и других странах, в том числе и в России.

Существуют также предпочтительные трассы, по направляющим которых (их обычно специалисты называют реперными метками) прибывают инопланетные корабли. Во многих случаях ими служат аномальные зоны, а среди них прежде всего – горные вершины. Именно с их помощью можно объяснить феномен концентрации НЛО в определенных точках земного шара. Навигация по реперным направляющим, по всей видимости, идет день и ночь. «Мы не замечаем и не можем заметить многие явления, – полагает член академий космонавтики и энергоинформационных наук, Лев Мельников, – лишь потому, что эти районы удалены от населенных пунктов, так как это труднодоступные горные местности, а сами пролеты НЛО происходят преимущественно в ночное время».

Еще в феврале 1989 года большое число людей наблюдало множество светящихся объектов различной формы. Все трассы полетов брали начало с Эльбруса. Над ним и возле него неоднократно видели пролеты и зависания неопознанных объектов. Хоть на вершинах двуглавого исполина за полвека побывали тысячи людей, на нем, по свидетельству местных горцев, еще немало мест, где не ступала нога человека. «Найти базу космических пришельцев, – говорят они, – может, и не удастся, но присматриваться надо...».

...Это Интернет, а вот вам реалии. Достопримечательностью Джилы-су является весьма своеобразная личность – Михей (по жизни Михаил Васильевич Масюкевич). Невысокого роста, еще подвижный и бодрый, бывший когда-то неплохим футболистом, волею судьбы и обстоятельств, а самое главное – по причине известной русской горькой беды, нашедший кров у подошвы Эльбруса, – он здесь летом, он здесь и зимой, когда добраться до источников практически невозможно. Мы пытались выведать у Михея, был ли он свидетелем каких-то необычных явлений или событий. И вот что интересно: Михей сразу замыкался, уходил в себя, всячески стараясь перевести разговор на что-то другое. И лишь раз, когда один из авторов этих строк стал рассказывать о своих нальчикских знакомых, которые, как оказалось, были хорошо известны и джилысуевскому отшельнику, Михей разговорился. Ничего особого он не сказал, но свидетельство его дорогого стоит. Видел Михей, как сверху опустился солнечный столб, идеально ровный, словно луч прожектора – в нем, ярко-сияющем, пронзительно-притягивающем, плавали неведомые создания, похожие на воздушные пылинки – мельтешили, сталкивались, опускались вниз и поднимались вверх, циркулируя между небом и землей.

Что это было, какое явление природы – нам не узнать, но там, чуть выше немецкого аэродрома, где проложила свое русло застывшая лава (в ряде древних сказаний об Эльбрусе говорится, как о дымящейся горе, следовательно, люди были свидетелями его вулканической деятельности), в какой-то момент одному из авторов этих строк тоже показалось, что столб, похожий на солнечный, извергнутой пронзительно-голубым небом, завис в какой-то полусотне метров от него. Здесь, среди хаотического нагромождения лавовых глыб самых разных размеров – от сантиметровых до многометровых, принявших на редкость удивительные формы и силуэты, достаточно малейшего воображения – и вот уже перед тобой абрис Пушкина, а вот блоковский, пастернаковский; застывших лавовых потоков, практически лишенных растительности, – прошлое земли воочию предстает перед тобой.

Поведший нас туда житель Былыма Исса Кудаев, натура поэтическая, хоть и чабан, предупредил, что на этом плато надо соблюдать определенную осторожность. Чего надо опасаться, он не сказал, но добавил: на плато лучше не расходиться в стороны, держаться рядом, так как пришедших сюда людей тянет в сон. Были случаи, люди засыпали и просыпались только к вечеру. Улыбнувшись сказанному, мы смело слезли с лошадей и стали с трудом преодолевать лавовый поток, сохранившийся во всем своем великолепии. Наш спутник – известный кабардинский художник Руслан Црим в какой-то момент присел на притягивающий яркой зеленью клочок земли, откинулся на спину и... мгновенно заснул. Последовав его примеру, один из авторов этих строк почувствовал, как нестерпимо хочется спать, зевота буквально разрывала рот. Стояла удивительная, абсолютно ничем не нарушаемая тишина. Даже ветер притих, словно нашел пристанище в укромных уголках причудливых нагромождений лавы.

Исса поторопил нас, сообщив, что пора возвращаться. Наверное, тому, что на этом плато, заполненном земной магмой, так тянет ко сну, есть вполне конкретные объяснения, но ведь так хотелось верить в чудесное и необычное. Верить именно здесь, у подножия горы, ставшей колыбелью древних цивилизаций. Именно здесь, где Гефестом по приказу Зевса был прикован Прометей, похитивший огонь для людей. Как писал во II веке до н. э. Филострат Афинский, «об этой горе у варваров ходят те же предания, что и у эллинских поэтов, а именно: что к ней был прикован Прометей за свое человеколюбие... Вершина эта двуглавая, и говорят, что он был прикован руками к этим отрогам, между которыми не меньше стадия расстояния: так

громаден будто бы был он. А птицу – орла – обитателя Кавказа – считают врагом, и гнезда, которые орлы устраивают на скалах, сжигают посредством огненосных стрел, ставят также и западни на них, объясняя все это мезтью за Прометея: до такой степени уверены они в справедливости предания».

Да, главное чудо в этих местах – сам Эльбрус. Как он великолепен, как величествен и горд, как притягивает к себе взгляд, как манит к себе. Нам повезло – почти все дни пребывания в Джилы-су двуглавый красавец являл себя во всей своей божественной красе: нежно-розовый ранним утром под лучами просыпающегося солнца, ослепительно-белый в полдень, иссиня-черный ночью, когда меж его столбов-вершин словно в люльке висела полная луна.

О, Эльбрус великолепный, ты само совершенство природы! Как тут не процитировать Эмиля Ленца, одного из участников экспедиции Эмануэля: «Вспоминается мне блаженный час созерцания первых виденных мною снегов вершин островов Тенерифа. Мнилось совершенством натуральной природы. Майн готт, да они негожи стать даже карлами в свите Эльбруса!».

Будет, вероятно, уместным сказать несколько слов о климате данной местности. Доступно Джилы-су преимущественно в мае – сентябре, причем в июле – августе температура здесь часто превышает 20 градусов. По вечерам достаточно холодно, так что теплая одежда обязательна даже в летние месяцы. Значительные осадки не отмечаются. Характерна горно-долинная циркуляция ветров. Значительна облачность, количество дней с туманом.

...Местность, получившая название Джилы-су! Как много чудес даровано тебе, как много удивительного скрываешь ты! Здесь и питающиеся талой водой ледников термокарстовые озера (максимальная глубина 12 метров!), большинство из которых соединено между собой водными потоками. Зрелище, скажем вам, неопишное – с высоты небес вглядываться в голубое ожерелье Эльбруса.

И лавовая плотина в долине реки Каракая-су, где произошел контакт лав с гранитоидными породами.

И отложения морен ледников в максимальную стадию наступления, предшествовавшего последнему наступлению вулкана.

И контакт голоценовых лав с продуктами древнего извержения Эльбруса – липаритами.

И ледяная стена почти двадцатиметровой высоты на языке ледника Уллумалиендерку.

И ледовое плато с пиком Калицкого.

И спускающийся прямо в озеро ледник Микельчиран.

И древние надписи, сохранившиеся на скалах и свидетельствующие о том, что северные склоны Эльбруса были доступны людям многие-многие столетия.

И, главное, захоронения, в которых найдены черепа – «необычно вытянутые, с огромными лбами». Как пишет А. Асов, «в древних цивилизациях обладатели голов такой формы почитались не людьми, а чародеями и существами волшебными, «духами». На Кавказе их называли *альвинами*, или *алками*... О них говорили, как о сынах богов, сошедших со звезд ...

В мире известно всего еще три места, где находили такие необычные черепа. В археологическом музее города Лимы, столицы Перу, экспонируется несколько черепов... царей-жрецов народа кечуа. Это центр древней высочайшей цивилизации Тиауанако, которую относят к VI–VII векам н. э. В Древнем Египте подобные формы голов были у знаменитой семьи фараона Эхнатона, правившего в XIV веке до н. э. ...Подобные черепа были найдены недавно и на берегу Иртыша под Омском. Дату омского захоронения отнесли к V веку н. э. ...И мы теперь можем сказать, что там, где правили «высоколобые», там и находились центры величайших древних цивилизаций».

Но далеко не все сказанное пятигорчанином соответствует действительности. Еще Гиппократ, знаменитый греческий врач, основоположник научной медицины, живший, как известно в 460 году – ок. 377 года до н. э., в работе «О воздухе, водах и местностях» писал: «Я умолчу о тех народах, у которых отличия мало заметны, расскажу только о тех, которые представляют важные особенности, происходящие от природы или от обычаев. Прежде всего скажу о длинноголовых. Нет никакого другого народа, который имел бы подобную форму черепа. Первоначально важнейшею причиною удлинённой формы головы был обычай, а теперь и природа содействует обычаю, происшедшему от того, что они считают самыми благородными тех, у кого наиболее длинные головы. Обычай этот состоит в следующем: лишь только родится ребенок, пока еще кости его мягки, неотвердевшую его головку выправляют руками и принуждают расти в длину посредством бандажей и других подходящих приспособлений, вследствие которых сферическая форма головы портится, а длина ее увеличивается. Первоначально так делали по обычаю, так что такая форма придавалась голове насильственным способом; но с течением времени это вошло в природу, так что обычай уже не насилует ее»¹⁷.

В комментариях к данной работе составителя сборника «Античные источники о Северном Кавказе» В. М. Аталикова говорится, что «обычай придания голове искусственно удлинённой формы подтверждается археологическими данными сарматских – на средней Волге – и так называемых готских некрополей в Крыму».

А вот как дополняет Гиппократа софист Зенобий, живший в Риме во времена императора Адриана: «Сираки дают царский венец самому рослому или, по словам некоторых, имеющему самую длинную голову»¹⁸.

И вернемся в нашу республику. Вот что свидетельствует археолог Исмаил Мизиев: «В километрах восьми от впадения Хасаута в Малку, там, где ныне стоит ферма, прижатая к скалам, справа от дороги некогда было большое кладбище. Часть его состоит из грунтовых ям, обложенных каменными плитами, а часть – из подземных склепов. И те и другие на одном кладбище и относятся к одному и тому же времени – V–VII векам. В тех и других черепа были искусственно вытянуты – деформированы. У многих племен Приазовья, Поволжья и Северного Кавказа этот обряд деформации черепа еще в младенчестве существовал от первых веков до седьмого века новой эры. На Кавказ он, конечно, привнесен, ибо до этого времени подобные черепа здесь неизвестны. Любопытно в связи с этим вспомнить, что у гор Тырныауза в 1968 году удалось зафиксировать групповое захоронение в подземном склепе V–VI веков новой эры, где встречались черепа обычные и деформированные»¹⁹.

Вот такая историческая экзотика. А ведь есть еще и пещера, в которую можно подняться только при помощи альпинистских веревок, а в ней... Что в ней, можно узнать из книги И. М. Мизиева «Следы на Эльбрусе», рассказывающей об уже упоминаемой нами выше экспедиции М. М. Ковалевского: «На следующий день путники знакомились с достопримечательностями окрестностей, посетили места прохождения экспедиции Емануеля по истокам красивой речки Енгешли (Ингушли), «где шумно бегут три речушки того же имени». На другой день добрались до урочища Кызылкол у северо-восточного угла Эльбруса. У путников не было предела восхищения красотой этих мест. И все же Ковалевский не упустил возможности провести археологические разведки в окрестностях Ысхаута, где, по рассказам местных жителей, в высоких отвесных скалах имеются высеченные в скалах гробницы с человеческими костями. Но добраться до них, по уверениям горцев, можно было только при помощи лестниц.

...Несмотря на эти сложности, ...Ковалевский сумел осмотреть несколько наскальных гробниц. Сопровождавшие его балкарцы и карачаевцы тут же сделали лестницу из двух длинных брусьев, связанных веревкой с поперечными перекладинами. «По этой лестнице при общем восхищении окружающих полезли в пещеру несколько смельчаков. Пещера эта была, по мнению Ковалевского, фамильной усыпальницей, в которой захоронено несколько поколений». Обнаруженные в этих гробницах археолого-этнографические предметы – остатки одежды из шелковой ткани, обработанные куски кожи, деревянная утварь (чаши, ложки), различные украшения (бусы), индикации византийских монет – все это хранится в «фонде Ковалевского» в Государственном историческом музее и служит эталоном для определения хронологии и этнической атрибуции многих археологических комплексов Северного Кавказа.

...Сам М. М. Ковалевский позднее писал: «Одна витрина в Историческом музее занята результатами моих собственных исследований в горных пещерах, прилегающих к аулу Хасаут, расположенному на недалеком расстоянии от Эльбруса. Один из консерваторов музея, покойный Сизов, говорил мне, что содержащиеся в этой витрине куски материи, в какие были облачены найденные мною скелеты, принадлежат к числу интереснейших материалов для истории древнего орнамента, какие содержит в себе Исторический музей в Москве». Фонд Ковалевского состоит из 40 предметов и хранится в Археологическом отделе ГИМа». И далее: «Исследования советских археологов доказали, что находки у Ысхауата, на Эшкаконе, Мощевой балке и в других окрестностях свидетельствуют о том, что здесь проходили торговцы, следовавшие по всемирно известному «Шелковому пути»²⁰.

...Если выбираться из Джилы-су через плато водораздела рек Ингушли и Малки (сейчас здесь, вместо старой грунтовой дороги, прокладывается комфортабельная трасса), открывается прекрасный вид на Скалистый хребет с величественно царящими над ним вершинами Западный и Восточный Канжол. До недавнего времени здесь можно увидеть, прикоснуться к удивительному созданию рук человеческих – менгиру. Пишем «можно было» по той причине, что каменный истукан разрушен современными вандалами. Он был сброшен в пропасть в 2008 году, а весной 2010 года группой энтузиастов под руководством пятигорчанина Владимира Стасенко установлена его бетонная копия. Что из себя представлял более чем трехметровый красавец, зарытый на треть в землю? Верх его – голова воина в шлеме: четко просматривается лицо – глаза, нос, рот; руки очерчены бороздками,

спускающимися по бокам и скрещивающимися на животе. Менгиры – еще одна загадка Джилы-су. Когда их установили, кто, почему именно здесь – исследователи отвечают на эти вопросы по-разному. Тот же Александр Асов убежден, что «одиноким менгир, который стоит здесь как древний часовой», на каменном столбе которого «высечено лицо витязя, смотрящее прямо на восток», охраняет колоколообразный холм – Тузулук, на вершине которого находятся развалины древнего святилища Солнца. Тут писатель дает самый полный ход своей фантазии, проводя параллели с английским Стоунхенджем, рассказывая об астрологических расчетах волхвов, вознесением своего мифического героя Буса Белоюра «на драконе к вершине Алатырь-горы (Эльбруса)»...

И опять же не будем улыбаться – в каком другом месте было бы столь много удивительных совпадений – природных, языковых – для аргументации подобного рода выдумок!

Сведений о менгирах в Интернете немало, но все они касаются европейских памятников, в корне отличающихся своей формой от кавказских. Археолог из Кабардино-Балкарии Бияслан Атабиев, опубликовавший научную работу по данной теме, пишет, что «изваяние стоит врытым вертикально лицевой частью на восток, но это не изначальная его ориентировка; в таком положении оно было установлено в 1980-х годах чабанами. Стела была обнаружена приблизительно в 150–200 м к западу от ее нынешнего местоположения, при террасировании склона горы для строительства грунтовой дороги, ведущей в сторону горячих лечебных источников. ...Форма памятника предельно проста, и изваянием его можно назвать лишь условно, поскольку это простой цилиндрический столб, а грубое и предельно лаконичное подобие пластической проработки имеется только на верхнем конце. Полная высота его неизвестна, во вкопанном состоянии он возвышается над землей на 2,3 м. Диаметр в основании около 50 см, в сечении оно представляет слегка деформированный круг. По направлению кверху столб плавно сужается, образуя слабо выраженный усеченный конус, торец заовален. Он вытесан из зеленоватого гранита, под длительным воздействием ветра и атмосферных осадков поверхность во многих местах выщерблена.

Главной особенностью изваяния является элемент «скульптурной» моделировки на верхнем конце – подобие человеческой головы в шлеме. Изображение выполнено крайне примитивно: контуры носа, бровей и всей нижней части лица обозначены одной непрерывной линией, широкой и глубоко врезанной, образующей замкнутый круг.

Глаза показаны посредством двух круглых выемок, а рот – коротким дуговидным желобком. В технике выпуклого рельефа изображена только окантовка нижнего края шлема, а также гривна (?) в виде горизонтального валика вокруг подразумеваемой «шеи». С двух сторон шлема у «висков» от нижней окантовки свисают два полуовала с точками в центре. Вероятно, это так называемые «наушники» – точнее, приспособления для крепления ремешка от шлема; как и черты лица, «наушники» выполнены в технике контррельефа. Общая высота «головы» от гривны до торца стелы составляет 52,5 см, плечи не выделены.

...Создается впечатление, что в особенностях рассматриваемого памятника отражены традиции как переднеазиатского, так и киммерийского камнерезного искусства. Судя по изображению человеческого лица, данное изваяние, вероятнее всего, следует связать со скифами, знакомыми с образцами как киммерийского, так и переднеазиатского искусства.

Чем можно подтвердить такое предположение? Обратимся к изображению головного убора на изваянии. ...На наш взгляд, это не что иное, как ассирийский шлем с короткими боковыми ушками для ремешка, посредством которого шлем держался на голове воина. Появление таких шлемов на Северном Кавказе исследователи датируют временем либо «не ранее конца VIII в. до н. э.», либо «не позднее рубежа VIII–VII вв. до н. э.». Думается, эти ориентиры дают некоторое основание предварительно отнести данное изваяние к началу VII столетия до н. э.»²¹.

Кстати говоря, и для него, Бияслана Атабиева, было открытием количество найденных нами и сфотографированных менгиров. Когда встанешь рядом с одним из них, тем самым, что описывает А. Асов, на какое-то мгновение может показаться, что время повернуло вспять; прошлое, словно всасываемое за веком век в огромную временную воронку, приблизилось, ожило. А может, действительно подумалось, менгир и указывает и охраняет этот священный путь. Путь к нам самим...

А, обхватив менгир, закрыв глаза и постояв так несколько минут, один из авторов этих строк вдруг почувствовал, как какая-то неизвестная энергия проходит через него – словно тысячи иголок закололи по всему телу, а само тело завибрировало, готовое взлететь, оторваться от земли. Не случайно силуэт менгира так напоминает наши первые космические корабли «Восток». Впрочем, некоторые ученые ассоциируют его и с фаллосом – символом жизни.

Здесь, по дороге к Долине нарзанов, менгиров не два и не три. Большинство из них – трехметровые (вместе с зарытым основанием),

но есть и вполовину меньше – без человеческих лиц. Трагедия в том, что многие из них сломаны, повалены, стали мишенями для варваров с ружьями. Расстрелянный менгир – это прошлое, которое дикари пытаются убить.

Здесь же будет уместным вспомнить, что менгиры встречаются и в других местах Кабардино-Балкарии. В частности, в урочище Тууз-Сырт, что к юго-востоку от селения Нижний Чегем Чегемского района, в лесу, обнаружен невероятно огромный менгир. Высота его превышает два человеческих роста; насколько он уходит в землю – неизвестно, а толщина – в несколько человеческих обхватов. В этом же урочище в 1959 году было найдено каменное изваяние древнего божества (животного), высеченное из цельной гранитной глыбы²².

По реке Харбаз, через носящее такое же название плато, расщеченное в его средней части ущельем, можно спуститься к реке Хаусаут и далее к турбазе «Долина нарзанов», выстроенной в форме старинного замка. Кстати говоря, на самой турбазе сейчас никто не живет, кроме... привидения (назовем его так). Сами мы его не видели, но впервые услышали о нем от скотника из Былыма Музафара Тебердиева, с которым познакомился в Джилы-су. Потом о своей встрече с привидением рассказал врач турбазы Арсен Мидов. Когда же и от третьего человека, чья фамилия, к сожалению, затерялась в блокнотах, мы услышали совершенно идентичный рассказ, то задумались: ведь что-то видели эти трое, никогда не встречавшиеся друг с другом.

В воспроизведении А. Мидова, как, впрочем, и других, привидение предстало перед ними не в человеческом облике, а в виде аморфной, зыбкой, растекающейся субстанции, безглазой, но чей пристальный взгляд ощущала, кажется, каждая клеточка тела, субстанцией, источающей холод и внушающей тревогу, перерастающую в ужас. Встреча врача с таинственным призраком произошла в половине второго ночи у источников, куда он пришел, чтобы набрать нарзана. Стоит ли говорить – выпуск адреналина был столь мощным, что домчался Арсен до своего домика за какие-то мгновения и нарзана расхотелось надолго.

Кстати говоря, нарзанных источников здесь целых 14, и один на другой не похож – вода бодрит, вливает энергию земли, короче говоря, живит. Может, и привидение решило в момент встречи с ним врача подпитаться живыми соками земли? Кто знает, но свидетелей его обитания в Долине нарзанов, как мы уже сказали выше, предостаточно. Впрочем, эти необычные явления к Джилы-су не имеют отношения, и о них мы расскажем в следующих главах...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Голомбиевский М. К. Попытки восхождения на Эльбрус в 1887, 88 гг. и топография этой горы и ее окрестностей. Тифлис. С. 24–36.

² Анисимов С. С. Кабардино-Балкария. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. С. 186–188.

³ Оценка рекреационных ресурсов северного склона г. Эльбрус. М., 1990. С. 117–118.

⁴ Иванюков И., Ковалевский М. У подошвы Эльбруса // Вестник Европы. Т. 1. СПб., 1886. Январь. С. 88–91.

⁵ Оценка... С. 6–7.

⁶ Джаппуев М. И. Джилы-су. Лечебные минеральные источники подножья Эльбруса. Нальчик: Эль-Фа, 2000. С. 9.

⁷ Асов А. Русколань: Древняя Русь. М.: Вече, 2004. С. 116.

⁸ Эдемский сад (в русской версии – рай), утверждает ученый Дэвид Рол в своей удивительной книге «Генезис цивилизации. Откуда мы произошли...» (М.: Эксмо, 2002), «находился в долине реки Аджичай (в древности именованной долиной Мейдан) в том районе северо-западного Ирана, региональной столицей которого является Тебриз».

⁹ Давидович С. Восхождение на Эльбрус // Исторический вестник. СПб., 1887. № 5. С. 342–379.

¹⁰ Симонов Е. Д. Слово об Эльбрусе. М., 1983; Никитин В. Из истории первого восхождения на Эльбрус: К седоглавым вершинам Кавказа. Ставрополь, 1962; Мизиев И. М. Следы на Эльбрусе. Ставрополь, 2000.

¹¹ Вести гор. Черкесск. 2004. Июль.

¹² Галин А. Загадочные столбы // Ветер странствий. 1967. № 2. С. 121.

¹³ Повель Л., Бержье Ж. Утро магов: Власть магических культов в нацистской Германии. М: ИЦ «Российский раритет», 1992. С. 46.

¹⁴ Типпельскирх К. История Второй мировой войны. М: Издательство иностранной литературы, 1956. С. 236.

¹⁵ Цит. по: Симонов Е. Д. Слово об Эльбрусе... С. 135–136.

¹⁶ Архив МО РФ, ф. 2-й гвсд, оп. 1, д. 113, л. 67.

¹⁷ Античные историки о Северном Кавказе. Нальчик: Эльбрус, 1990. С. 32.

¹⁸ Там же. С. 123.

¹⁹ Мизиев И. М. Туристскими тропами в глубь веков. Нальчик: Эльбрус, 1976. С. 52–53.

²⁰ Мизиев И. М. Следы на Эльбрусе... С. 120–121.

²¹ Атабиев Б. Изваяния ранних кочевников из Кабардино-Балкарии // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., 2000.

²² Мизиев И. М. Туристскими тропами в глубь веков... С. 37.

GILI-SU – THE WONDER OF NATURE

The road there is one of the most difficult and exhausting. To be more exact there was no road at all up to 1980-s. Now there are two roads leading there from two different sides of Malka canyon but they still remain tiresome. They simply challenge you but the place worth it. You realize its fantastic character the very moment you come there. Even among all other beauties and treasures of nature Kabardino-Balkaria is bestowed on Gili-Su is considered to be exclusive.

Gili-Su is a combination of numerous wonderful phenomena among which mineral springs giving power, energy, health; surprising ancient burials; mysterious megaliths; lakes on the mountain slopes; grand waterfalls; amazing views and a lot of other things. There is even something dealing with the riddles of the recent history: top secret aerodrome of the 2-nd World War...

We may say that Gili-Su is first of all is the creation of Elbrus as it is situated on its northern slope and is inspired by its might. In the book of 1913 by a famous traveler S. Anisimov we can read: "One of the biggest glaciers of Elbrus Ullu-Chiran has one of the most original bridges in the world: it is a huge fallen fragment of rock which narrowed the flow of river Malka turning it into a passage. Malka rages and roars under the bridge but all around there are plenty of blue, white, violet alpine flowers. The stream of Malka, tearing out from volcanic rocks at the height of 40 meters, falls down turning into a striking waterfall with clouds of rainbow-like splashes" (Anisimov A. Kabardino-Balkaria. M., 1937).

Only three mineral springs were known up to 1909. Afterwards a powerful landslide closed their outlets. One of the springs disappeared as Malka made there its bed. Nowadays we know about several mineral springs in different parts of Gili-Su. One of them is warm (22,4 ° C). It makes a reservoir with a brook going out of it. Two springs – 120 meters below Gili-Su – are on the banks of Sultan-Gara-Su river. They are often called Misost-narzan after the name of the man who showed the springs to the researchers. The last one – 3,5 km further from the main spring – somewhere below the mouth of Kara-Kaya-Su river.

The northern slope of Elbrus has been always attracting the attention of scientists. Just there the first conquerors of Elbrus, the participants of the famous Emmanuel expedition, made their attempt to conquer Caucasian giant.

Nowadays it is generally accepted that the formation of Elbrus volcano and its activity began about 4 million years ago and was over about 4,5–5 thou-

sand years ago. Elbrus is an inactive volcano but some volcanic processes are still going on that can be detected by the temperature of water from the mineral springs (up to 24 grades C). Gili-Su springs are among them.

A healing, curative power of Gili-Su springs seems unbelievable: their water cleanses the organism from slags; induce inner energy; rise life tone; improve general state; make your sight sharper. Mustafa Djappuev (Nalchik, 2000) published a work "Curative mineral springs at the foot of Elbrus" where he gives the list of springs, prescriptions, schemes and ways of their using.

Gili-Su is not only mineral healing springs but a wonderful microclimate as well. It is a kind of natural inhaler. Air there is absolutely pure. You can't but enjoy it.

Just near the springs there is a grand waterfall Sultan – an amazing natural monument (35-40 meters high). River Kizil-kol precipitates down from a great height joining the water of river Birghanli-Su at the outlet of the warm mineral springs. A bit further there is one more waterfall – impetuous current falling into the narrow canyon from the height of 27 meters.

One more surprising masterpiece of nature is just behind the waterfall Sultan. It is a stone bridge across the river. Standing on it you experience different – from awe to rapture – feelings caused by a ferocious, wild power of the stream below.

If you get up above the springs you'll watch an astonishing prospect on the valley of Malka river. Further on there is the most highland (2598 m above sea) plateau Irakhin-sirt. It is the place where in 1829 the above mentioned expedition of Emmanuel (the hero general of the Patriotic War of 1812) pitched the camp. The purpose of the expedition was to "obtain a true information about this country: its mountains, valleys, canyons, woods, pastures, mineral springs and other phenomena of nature..."

The personnel of the expedition was 350 Cossacks, 650 soldiers, 2 cannons, 6 camels with Kalmuck drivers and two native guides – Islam Krimshaukhal and Mirza-kul Urusby. The general Emmanuel invited some scientists from The Russian Imperial Academy, the architect from Goryachevodsk Bernardacci and Hungarian traveler Besh (Bess`e) to take part in the researches.

As Yanosh Besh put it down, "the expedition is a symbol of unity of the aim notwithstanding the variety of people and sciences. 9 nations from Europe and Asia take part in this undertaking. We are the first to look at Elbrus".

Among wonders of the northern slope of Elbrus there is the so called "glade of mushrooms". But these are the mushrooms of stone. They look as if someone mighty, idling the time away, put a kind of caps accurately on the stone stems. Such stone mushrooms can be also seen on the right bank of Gara-Auzu-Su river. They are sometimes 5 meters high.

The next point of interest is a top secret aerodrome which the native shepherds call "German". It is absolutely plain ground as if made by nature

for some mysterious projects. It is 3 or 4 hundred meters wide and over 1 kilometer long. Being there, at the foot of Elbrus, you are rooted to the spot being stricken by the grandeur of the view: Elbrus summits are unbelievably near; fantastic piling of lava in front of them is like intricately deft work of some Hercules; the endless field stretches up to the steep ridge with the "Glade of mushrooms".

The interest of Adolph Hitler to Tibet is widely known as well as his great interest to Elbrus. Exposed to mysticism, Hitler was simply possessed by Elbrus – the sacred mountain of Aryans. Here is an extract from the book by L.Peauvel and J.Bergier: "When ... German troops invaded Caucasus a strange ceremony took place. Three SS mountain climbers ascended Elbrus – the sacred Aryan mountain, the cradle of ancient civilizations, the magic top of the "Lucifer's Friends" sect. They erected there the banner with swastika... It should have marked the beginning of new era. From that time the seasons should have obeyed the conquerors and fire must have won ice" (Peauvel L., Bergier J. The Morning of Magus: the Power of magic cults in Nazi Germany. M., 1992. P.46).

Numerous stories about German aerodrome, about enigmatic passengers brought to the foot of Elbrus, of their meditation, prophecy and death are often among the natives, tourists and mountain climbers. Is it really an aerodrome is an arguable question. But sometimes imagination and rumors are better arguments. More than that. There is a lot of 'data' about UFO watched over this place. You can get the information in the WEB. But according to the natives there are still plenty of places in Gili-Su inaccessible to man. And they keep their secrets.

If leaving Gili-Su you take another road – through the plateau with the watershed of the rivers Ingushly and Malka – you'll have a marvelous view: Rocky Range with two beautiful summits of Western and Eastern Kandjol. This is the place you can see one more wonder of Elbrus Country – megaliths. Here is one of these striking monuments erected by men. It is three meters high. Its upper part is made like the warrior's head in helmet. Megaliths is one of the most puzzling mysteries of Gili-Su.

You can get very interesting information about European megaliths in the WEB but not about Caucasian ones. Judging by the peculiarities of gravings we can detect here the traditions of fore-Asiatic and Cimmerian art. This monument – if to judge by the features – may be referred to Scythians. As for the helmet it is the so called Assyrian type. It means that the monument goes back to the beginning of the VII century BC.

On the way to the Valley of Narzan there are several megaliths. Most of them are three meters high. We should mention here that there are megaliths in other parts of Kabardino-Balkaria, too. For example, one megalith of improbable size was found in the canyon Tuuz-Sirt. Another one is a graven

image of some ancient deity or animal made from the whole block of granite.

Following the stream of the river Kharbaz, you can reach the river Khasaut and the tourist center “Valley of Narzan” reminding by its form of an old castle. It is not lived in now. But as if often the case with the castles there are some rumors about a ghost haunting the place. To believe it or not depends on you... But the mineral springs here are quite natural. There are 14 of them: each has its own specific qualities which are superb.

The main wonder of this place is, of course, Elbrus. It is beyond comparisons, above understanding. Matchless. We were lucky to watch it in fine weather during our staying in Gili-Su. Elbrus is tender pink at dawn, dazzling white – at noon, bluish black – at midnight. Ancient and newly-born, constant and changing, calm and challenging...

One of its ‘minor’ wonders is Gili-Su – a masterpiece of nature. We can’t help admiring it. We can not even enumerate all its peculiarities. Here are only some of them: lava dike in the valley of river Karakaya-Su; the moraine glacier deposits; 20 meters high ice wall on the tongue of the glacier Ullumalienderku; ice plateau with the peak of Kalitsky; the glacier Mikelchiran going down right into the lake...

We can only mention here some ancient inscriptions on the rocks of the northern slopes of Elbrus accessed to the people of those days; of the caves containing family burials; of some burials where remarkable skulls – “unusually long, with big foreheads” – were found. By the way, there are only three places in the world with the finds alike: they are in Peru, Egypt and Siberia.

Gili-Su may be really called a splendid mystery itself. And again we stop short. It is your turn now to continue. The floor is yours. You are welcome!

ЧЕГЕМСКОЕ УЩЕЛЬЕ

ЧЕГЕМСКОЕ УЩЕЛЬЕ:

это стоит увидеть

Памятники на хребте Багыул
 Менгир в окрестностях селения Нижний Чегем
 Чегемские водопады
 Перевал Актопрак
 Старинные могильники
 Башня Балкароковых
 Грот Кала-Тюбю
 Наскальная лестница «Битикле» («греческая»)
 Верхнечегемское городище
 Остатки средневековой крепости
 Молитвенный камень «Намаз-таш»
 Камень позора
 Сакля, в которой родился Кайсын Кулиев
 Верхнечегемские мавзолеи
 Развалины аула Думала
 Минеральный источник на берегу реки Кулак-су
 Природные столбы у реки Гара-Аузу-су
 Водопад Абайсу
 Турье озеро

«Что ни город, то норы», – гласит пословица, которую с полным основанием можно отнести и к ущельям Кабардино-Балкарии. Каждое из них своеобразно, не похоже на другие, со своим, присущим только ему нором.

Чегемское, на наш взгляд, одно из самых необычных, противоречивых, контрастных – диву даешься, когда вслед за невероятно узкой тесниной, обжигающей холодом и пронизывающей сыростью, перед тобой, невольно готовящимся к встрече с еще более узкой горловиной, вдруг открывается широкая долина. Залитая ослепительным солнцем, сияющая бриллиантовой зеленью травяных ковров, напоенная медовыми ароматами, с непрекращающейся музыкой, в которой соединились воедино и шум бегущей где-то внизу речки, и птичьи трели, доносящиеся из поднебесья, и рулады цикад, гудение жуков, пчел, стрекоз – многочисленной братии насекомых, олицетворяющих праздник жизни.

Как писал натуралист Георгий Подъяпольский, с которым одному из авторов этих строк в конце семидесятых годов прошлого века довелось достаточно тесно общаться, готовя его заметки к печати, Чегемское ущелье «отличается от других (Баксанского, Черекского, Хуламо-Безенгийского) своей глубокой тесниной», оно «самое «ущелистое», то есть самое узкое в месте пересечения им Скалистого хребта»¹.

Знаменито ущелье как своими природными памятниками – величественными водопадами, нарзанными источниками, пещерами, так и созданными руками человека – сторожевыми башнями, мавзолеями, храмами. Остатки древней культуры позволяют совершить своеобразное путешествие во времени, ведь ущелье, как установлено, было обитаемо тысячелетия. Многие столетия живут здесь балкарцы. Как пишет И. Мизиев, «самое раннее известие о чегемцах относится к 1718 году и принадлежит лейб-медику Петра Первого Готлибу Шоберу, который именует их «татарами – чегемскими»².

А вот сообщение в Коллегию иностранных дел кизлярского дворянина Алексея Тузова, датированное 1743 годом: «В той чегемской деревне, в одной лощине имеется около трехсот дворов, и есть там две христианские церкви каменные во всякой целости, токмо без глав и стоят впусе. Жители чегемские никакого закона не имеют, токмо весною семь недель постятся и во время окончания поста сходятся в церковь и в оной зарезут быка и, сваривши, разговляются; и от огня внутрь церквей весьма закоптело, и двери все замазаны салом. В том же Чегеме есть несколько фундаментов и стен бывших часовен каменных и на тех стенах значит иконное писание»³.

У Леонида Лаврова, автора знаковых исследований по этногенезу и этнической истории народов Северного Кавказа, чьи работы опубликованы нами во втором выпуске сборника «Балкария: страницы прошлого» (Нальчик, 2005), в заметках «Из поездки в Балкарию», совершенной им в 1936 году, приведена весьма интересная легенда. Согласно ей, «жители сел. Верхний Чегем рассказывают, что их ущелья занимал какой-то другой народ. Это были дикие скотоводы. Однажды случился мор, и все они в одну ночь умерли, за исключением тех, которые бежали в горы и этим спаслись от смерти. Когда спасшиеся возвратились домой, то похоронили своих единоплеменников в одной огромной яме, которую потом забросали камнями. Эта братская могила находится недалеко от сел. Верхний Чегем, в ущелье р. Кардан (Къардан – правый приток р. Чегема). В Карданском ущелье сохранились каменные стены, которые, по словам местных жителей, являются остатками домов этих скотоводов. Оставшиеся в живых после мора вскоре сами вымерли до единого человека»⁴.

А вот что можно узнать у Семена Михайловича Броневского, выпустившего в 20-е годы XIX века «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе»: «Чегемы, гигви, или джики, живут на вершине реки Чегем до стечения ее с речкой Шаудан в числе 368 семей в следующих деревнях: Улу-Елт, Табенинчиль, Бердебе, Мимала, Адче, Чегет Кам, Арзундак, Булунгу, Шерлиге, Устоширт. Уверяют, что они сброд из болгар, греков, ногайцев и калмыков, и в доказательство, что прежде сего они исповедовали христианский закон, рассказывают о существующих у них запустевших церквях, между коими одна достойна примечания. Она стоит при Чегеме на скале, в коей проделан темный излучистый ход, запираемый с обеих сторон железными запорами. В церкви хранятся остатки древних книг. Несколько листов из оных выданных, которые, как говорит г-н Паллас, получены с большим трудом и опасностью, принадлежали к Евангелию, писанному на эллино-греческом языке, и к другим церковным книгам. Есть также в сей земле священные источники, в окрестности коих никто не смеет рубить дерево. Чегемы держат овец и коз, вместо лошадей употребляют породу лошаков, называемую кадра, упражняются в хлебопашестве и по причине малого числа удобных земель обрабатывают оные с рачительностью; сеют ячмень и овес, которые употребляют в корм лошакам и для варения известного напитка бузы. Обыкновенный мед их весьма вкусен, в том числе попадает и пьяный мед, о коем упоминает Ксенофонт. Таковой же мед находится у малкаров. Чегемы равномерно ездят за со-

лю и другими жизненными потребностями в имеретинское торговое местечко *Онис*, отстоящее от чегемов в двух днях конной езды. Из горы *Каргашин-Тау* (Свинцовая гора), лежащей на полдень в вершинах реки *Чегем*, жители добывают свинцовую руду, из коей делают пули; умеют приготавливать селитру и продают порох; есть также у них железная руда, которую они плавят.

За бесполезное почитается упоминать здесь о нескладном словопроизводении *чегема*, *джики*, или *чихов*, от *чехов*, кои будто бы могли удалиться в Кавказские горы во время гонения, претерпенного братьями Моравскими в конце XV столетия. Сам Гюльденштедт, приводя сию догадку, не признавал ее основательною, а вместо того полагал, что грузинское название *джики*, или *чихи*, более сходствует с Цихией императора Константина. Со всем тем братья Гернгутеры Сарепские, основываясь на сей догадке, посылали нарочных для исследования истины»⁵.

Надо сказать, что С. Броневский, дабы написать свой труд, добросовестно проштудировал практически всю доступную ему литературу и уже этим интересен. Что же касается описанных им культовых сооружений, то, к сожалению, время и люди не пощадили возведенные казалось бы на века церкви и башни. Забегая немного вперед, вспомним об этом здесь, перед въездом в Чегемское ущелье, чтобы современным путешественникам не было так обидно от невозможности увидеть столь необычные объекты.

В «Трудах восточного отделения Императорского археологического общества», вышедших тридцатью годами позже – в 1858 году в Санкт-Петербурге, опубликованы заметки А. Фирковича «Археологические разведки на Кавказе» (переизданы нами в третьем выпуске серии «Балкария: страницы прошлого». Нальчик, 2006). Теперь только из них можно узнать о памятниках, имевшихся еще полтора столетия назад в Чегемском ущелье. А. Фиркович пишет, что в ауле Искильты он осмотрел две церкви – та, что на правой стороне Чегема, называлась Артла, на левой – Фардик: «...обе простой архитектуры, но не довольно прочны; ...из тесаного камня, кроме небольшого креста, высеченного на преддверии, они никакого знака, ни украшения не имеют. Во второй церкви, состоящей в самом ауле, с левой стороны двери, обращенной к западу, находится изображение вроде бараньей головы, высеченной из камня.

Шагах в десяти влево от этой церкви, к северу, находится склеп, бывший на сводах, уже разрушившийся и заваленный камнями. По словам жителей, один из них нашел там продолговатую в 3 вершка

дощечку из неизвестного металла с надписью, но она им утрачена. По очистке мною камней найдено множество человеческих черепов и костей, смешанных с землею, доказывающих, что склеп этот был расхищен, вероятно, искателями кладов; тут же, кроме больших железных гвоздей от гробов, я нашел один крестик медный и две серьги серебряные».

«В этом же ущелье, – сообщает дальше А. Фиркович, – верстах в трех или четырех от аула Томалай, около двух верст от горной тропинки, ведущей в аул Безенги, вправо к горам, на отлогости, именуемой Берди-бий, осмотрено мною древнее кладбище с каменными памятниками, которых насчитал я более ста и на которых высечены кресты, но без надписей. Как памятники, так и кресты на них, совершенно похожи на виденные мною в Гевержене, не доезжая в Чегем. Напрасно искал я следов жилищ в окрестностях кладбища; время изгладило и признаки развалин»⁶.

Но уже Н. А. Нарышкин, правда с чужих слов, в 1867 году писал: «Нелишним считаем упомянуть, что из осмотренных г. Фирковичем в разных местах памятников большая часть не находится на прежних местах. Некоторые из них... истреблены с намерением, другие же, будто бы по приказанию начальства, перевезены на другие места...»⁷.

Что уж говорить о веке следующем... Балкарский историк И. Мизиев через сто лет с грустью констатировал, что из 13 башенных сооружений у Верхнего Чегема «лишь башня Балкаруковых имеет удовлетворительную сохранность, а от остальных остались лишь незначительные следы, либо одни фундаменты»⁸.

Впрочем, вернемся в день сегодняшней. Протяженность Чегемского ущелья 60 километров, начинается оно в 25 километрах от Нальчика у селения Лечинкай, что расположилось в самом устье ущелья. Как писал в 1937 году С. Анисимов, «его (селения) местоположение совершенно аналогично Нальчику, который тоже построен на речных террасах в разрезе Мелового, или Пастбищного хребта, только в Нальчике сохранился лес (сегодня уже нет), а у Лечинкай он истреблен».

Наш спутник Ибрагим Гелястанов (у него удивительно насыщенная жизнь, необычная судьба – несмотря на тяжелейшие испытания, потери и печали, груз лет, он не перестает удивляться миру, встречать улыбкой каждый день, жить согласно заповедям божьим) показывает на скалу у въезда в селение, которая называется Соколиной. Раньше она называлась Тохтамыш-кая – топонимика сохранила память о далеком прошлом. Само селение Тохтамышево называлось по имени

владельца, кабардинского князя, потомка Инала. Эмир Теймурленг, он же Тамерлан, он же Тимур, вторгся на Северный Кавказ в конце XIV века, дабы поставить на место хана Золотой Орды Тохтамыша, посчитавшего себя равным «величайшему из смертных». Как сообщает Шереф-ад-Дина Али Йезди в «Зафар наме» («Книга побед»): «Тохтамыш-хан... сойдя с пути истины, ушел в пустыню гордости и самообольщения, посеял семена гордости и смятения»⁹.

Противоборство двух великих владык происходило и на территории нынешней Кабардино-Балкарии, а проживающие здесь народы, в большинстве своем находившиеся в подчинении у Золотой Орды, естественно, были на стороне Тохтамыша. За что и испили в полной мере горечь поражений и утрат. Удивительно, но не только топонимика (названия некоторых курганов переводятся с балкарского как «курганы хромого Тимура»), но и народная память сохранила многие детали тех многовековой давности событий.

Старики, отнюдь не знакомые с историческими хрониками, а тем более с трудами по истории царствования «Тимура-опустошителя», рассказывают (как о чем-то виденном лично ими) о колесницах, на уровне колес которых были приделаны мечи, и все, чей рост оказывался выше, оказывались без голов; об угнанных в плен женщинах, о курганах из костей, о реках, красных от крови, и запрудах из человеческих тел. Вот такая она штука, историческая память...

Память о пребывании завоевателя сохранилась и в названии «Аксак Темир бодуруку» – «Пугало хромого Тимура» называется эта местность, расположенная рядом с Нижним Чегемом. Здесь же, к юго-востоку от селения – в урочище Тууз-Сырт, можно полюбоваться огромным менгиром, все еще скрывающим тайну своего предназначения. Природный камень, обработанный человеческими руками, поражает своими размерами – более чем в два человеческих роста не считая вкопанного основания (более подробно об этом мы писали в главе «Приэльбрусье: Джилы-су»).

Еще один населенный пункт по трассе – селение Хушто-Сырт...

Места здесь на редкость живописны, особенно в летнее время – луговые поляны, расположенные террасами, сменяют одна другую: есть столь удивительно ровные, словно предназначенные для посадки... космических кораблей. И не случайно именно здесь один наш общий знакомый – нальчанин В. П. Кострыкин контактировал с... инопланетянами. А было, как рассказывал сам Виктор Петрович, это так: «Я всегда интересовался звездными явлениями. Заметил, что очень часто над Нальчиком пролетают неизвестные объекты. Что

это – спутники, кометы? Хотелось выяснить. Стал наносить их маршруты на карту. Нашел закономерность. Оказалось, что над Главным Кавказским хребтом и перпендикулярно ему над Нальчиком проходят интенсивные маршруты. И почти параллельно нальчикскому шли маршруты в Приэльбрусье. ...Для наблюдений я выезжал в горы. Однажды, в ночь с 6-го на 7 июля 1968 года, я поехал в Хушто-Сырт, где наблюдается высокая интенсивность НЛО. ...В 3 часа ночи мне показалось, что рядом упал метеорит. Такое свечение яркое было, потом погасло и за косогором опять возникло. Вскоре рядом с копной, на которой я сидел, появилось какое-то существо. Я съехал с копны и побежал. Меня задержали, без всякой боли, внушением в мозг: «Остановись, мы не сделаем тебе ничего плохого». У меня выступил холодный пот. Я вернулся, взял свой рюкзак и направился к этому существу. Когда подошел, увидел за пригорком колоссальных размеров дисковой аппарат, метров в 100 диаметре, он весь светился. Существо предложило мне войти. Люк открылся, и я вошел. Внутри еще было 5 существ, все они выше моего роста, глаза раскосые, при разговоре губами не шевелили, казались мне одинаковыми. А прямо в мозг слышалась их речь. Контакт мой длился 3 часа...»¹⁰.

Что подумали читающие эти строки, нам известно. Во всяком случае, один из авторов, ранее имевший возможность общаться с Виктором Петровичем, покрутил пальцем у виска. Хотя если быть честным, Кострыкин был личностью и без контакта с пришельцами весьма оригинальной – с одной стороны, склонен к выдумкам и рассказам, с другой – проявлявший удивительные таланты. Так, он предсказывал погоду с такой точностью и на такой большой срок, что удостоился попасть на страницы книги Георгия Радова, известного советского публициста восьмидесятых годов. Уместно сказать, что свои, кстати говоря, всегда сбывающиеся предсказания он тоже объяснял влиянием тех самых инопланетных существ. Но Радову об этом не говорил, справедливо полагая, что будет неправильно понято.

Естественно, никто из тех, с кем Виктор Петрович общался, ему не поверил. Доказательств он никаких не представил, разговоры о том, будто ему сделали полостную операцию да еще без наличия шрама, вызвали еще больший поток шуток. Да и время было такое – инопланетные контакты не приветствовались, ибо противоречили идеологическим установкам руководящей и направляющей, а считавшие себя контактерами были первыми претендентами на помещение в психушки, где жильцов в эти годы хватало. Одним словом, Кострыкин замолчал и лишь в перестроечные годы стал давать

интервью и даже осуществлять экскурсии в Хушто-Сырт. В одной из таких поездок побывали и мы, вдоволь впоследствии поиздевавшись в той же газете как над нальчикским контактером, так и его доморощенными адептами: «Ночь. Фары машин разрывают темноту ущелья. Тревожно и волнительно. Проезжаем Чегемские водопады. Еще несколько километров. Остановка. Площадка чуть выше дороги. Выходим. Народ разный – пожилые, молодые, мужчины, женщины. У некоторых в руках рамки из металлических стержней. Объясняют: вот «чертов палец» (скала, поднимающаяся над противоположным гребнем) – ориентир для инопланетян. Два огромных камня чуть пониже – опознавательные знаки, заряженные один положительно, другой – отрицательно. И рамки показывают это.

...Тишина. Лишь где-то далеко внизу шумит река. Вооружившись биноклями, подзорными трубами, рассматриваем окрестности. Никого. Ничего. И вдруг: «Вижу сущность!». «Где?» – спрашиваю прерывающимся голосом. «Возле вас». Осматриваюсь, даже развожу по сторонам руки, неосознанно пытаюсь кого-то поймать. Воздух. «Смотрите внимательнее!». Уж куда дальше. Тщетно. «Вокруг вас свечение, вы светитесь. И другие тоже». Черт возьми, оказывается, уже засветился, и главное – ничего не почувствовал...»¹¹.

Одним словом, воз и маленькая тележка иронии и неверия, кстати говоря, вполне обоснованных. Хотя, как понимается сейчас, дело-то было не в Кострыкине, а в тех, кто попытался поймать с него определенного рода капитал. Но чудо – явление штучное и повторяться ой как не любит. Впоследствии Виктор Петрович побывал в Германии, где выступил на международной конференции «Диалог со Вселенной» по проблемам внеземных цивилизаций, о нем писала известная летчица Марина Попович, но наше отношение к его контактам оставалось прежним, да и сегодня оно практически то же. Если бы...

Если бы не материалы той самой конференции, случайно, спустя многие годы, попавшие в наши руки, вернее маленькая ремарка, предваряющая рассказ Виктора Петровича. Рассказ контактера, говорится в ней, является правдивым, так как его автор был проверен на детекторе лжи.

Если бы не позднее – где-то во втором часу ночи – возвращение из Чегемского ущелья и замеченные при подъезде к Хушто-Сырту непонятные блуждающие огоньки, которые мы ничтоже сумняшеся приняли за свет... фар. Только вот чьих? Какой смельчак, на каком крылатом джипе взлетел в темноте на плато?

Если бы не рассказы чабанов из Хушто-Сырта, опрошенных нами впоследствии специально и, как оказалось, бывших свидетелями непонятных явлений – яркого света на горах, где, по их предположениям, никого не должно было быть. Впрочем, даже если кто и был – свет-то не алый, как от костров, а белый, пронзающий, словно прожекторный.

Сегодня Виктор Петрович в мире другом, никому доподлинно неизвестно (даже неподкупному детектору лжи), правдой был ли его рассказ, вымыслом, над которым он сам умылся слезами, или выдумкой, позволившей маленькому, незаметному человечку оказаться хоть на миг в центре человеческого внимания. Но каждый раз, когда мы проезжаем Хушто-Сырт, невольно выглядываем из окон машины и смотрим на горы: а вдруг над ними вновь завис космический корабль пришельцев. Ведь здесь, в Чегемском ущелье, чудеса не просто возможны, они объективно закономерны. Не может такое одаренное богом место обойтись без чудес!

И наконец, сама теснина. Как точно заметил С. Анисимов, «здесь река несется в глубокой пропасти, а над нею встают удивительные по формам и по окраске грандиозные скалы, заканчивающиеся высоко в небе доломитовыми пиками», «перед глазами встают отвесные стены из розоватых известняков, убранных лесной порослью», «еще один изгиб, и дорога оказывается в горной щели на узеньком карнизе над пропастью, в глубине которой дико ревет Чегем. Это теснина Тебен-су-аузу, или «Нижнее водяное горло». Этот карниз на всем своем протяжении, примерно около 8 км, представляет замечательную по дикой красоте горную панораму». «На протяжении всех этих 8 км в зависимости от состава и твердости пород причудливо меняются формы и цвет скал. То они встают в виде грандиозных башен и крепостных бастионов, то вытягиваются стройными зубцами крепостных стен, то нависают полутоннелями над карнизом дороги, образуя самые разнообразные скульптурные фигуры гигантских размеров, напоминающие головы чудовищ или колонны каких-то зал»¹².

А вот как его дополняет Георгий Подъяпольский: «Вскоре за Солнечной поляной начинается теснина Су-Аузу. Каменным лабиринтом она врезается в Скалистый хребет и, зигзагообразно извиваясь, проходит его известняковое тело. Это одно из интереснейших мест ущелья. Теснина узка, ширина ее в некоторых местах не превышает 20 метров, в то время как стены обеих ее сторон уходят ввысь на 500–800 метров. Желтые скалистые стены теснины лишь кое-где покрыты растительностью, и солнце проникает сюда всего на 2–3 часа

в день. А в непогоду узкая полоса синего неба сверху исчезает совершенно и в теснине становится мрачно и сыро. Зато как радужно искрятся водопады из стен Су-Аузу, когда их достигают солнечные лучи. Они кажутся то серебряными лентами, то жемчужной россыпью»¹³.

Чегемские водопады! Удивительное, непередаваемое зрелище! Сколько раз ни приезжали сюда – летом ли, зимой, не уставали удивляться этому природному чуду, вызывающему у каждого восхищение, восторг, всю гамму чувств человеческих. Ну чему как будто удивляться? Течет с гор вода, да и пусть себе течет... Верно по сути, но не по существу. Вода эта, спадающая потоками, сочащаяся из трещин, представляет собой живую, творимую на глазах картину. Она изменяется практически постоянно, чем-то напоминая игрушку из детства – калейдоскоп, волшебную трубу с разноцветными стеклышками, узор которых, как ни крути, никогда не повторится. Вот налетел ветерок – и водная пелена сместилась влево; вот он усилился – и струи изогнулись чуть ли не под прямым углом; вот в ущелье заглянуло светило – и мириады солнышек зажглись в капельных брызгах, мгновенно сгорая в бурных водах Чегема и вновь возрождаясь в не знающих устали потоках; вот распустила свои крылья прямо на скалах волшебная жар-птица – семицветная радуга: хрупкая, нежная, робкая, подрагивающая от холода... Ее так и хочется пожалеть, приласкать и – о чудо! – она милостиво разрешает до себя дотронуться, тут же проходит сквозь пальцы, и тебе кажется, что ты уловил ее игривую улыбку. Мы помним времена, когда Чегемские водопады называли Шау-Денла, что в переводе означает «Стена водопадов». И было это не так уж и давно, где-то во второй половине шестидесятых годов прошлого века. Тогда действительно это была стена, состоящая не из пяти-семи потоков, а на порядок больше. Потом, как всегда, вмешался человек. Где-то в верховьях проводились взрывные работы, объем воды резко уменьшился, водопады стали иссыхать на глазах. С горечью писал об этом в 1970 году один из авторов этих строк в школьном сочинении в рамках участия во всесоюзном конкурсе «Есть у революции начало, нет у революции конца», став даже одним из его победителей. Оказалось, что у всего бывает конец... Водопады с того времени так и не набрали свою былую силу. Остается только печалиться, какими они были: «Весь склон точно пропитан водой, и из всех трещин и щелей вода летит ручьями, струйками и водопадами с огромной высоты, развеивается ветром в целые облака брызг, в которых играют радуги. При свете солнца живость и блеск этой летящей воды, наполняющей все ущелье, представляют картину совершенно

своеобразной красоты. Когда солнца нет, вся картина вдруг меркнет. Зимой эти водопады представляют волшебную феерию: вокруг них на скалах образуются фигуры самой причудливой формы – ледяных столбов, башен, свешивающихся со скал зубчатых карнизов»¹⁴.

...Наш собеседник Ибрагим Гелястанов знает, кажется, все в этом ущелье. У каждой скалы, моста, местности свое имя, название, история. Жаль, что никем не записанная и поэтому уходящая в небытие. Мост Джанхота, пещера Логумса, местность Кызген... Бывшее селение Актопрак... Из надписи на черной гранитной плите можно узнать, что здесь до 8 марта 1944 года в 264 домах проживало 520 человек, составлявших 115 семей. О депортации балкарского народа подробно рассказано в главе «Хуламо-Безенгийское ущелье», но дело в том, что не разделить, не обособить эту кровотокающую страницу, которую перелистал своей судьбой и наш спутник Ибрагим. Перед этим мы миновали развалины Кёкташа, вот Актопрак, выше его Гюджургу. А еще есть Орсундак, Кам, Суусузла, Думала, Ачи Думала, Эльтюбю, Тузулгу, Верхний и Нижний Быкмылгы, Беттургу, Кала, Нижний Кыйбойрек. И это только в одном Чегемском ущелье. Сегодня на их месте заросли крапивы и сорняков, спрятавшие от людского глаза камни, бывшие когда-то стенами людских жилищ. Которые знали тепло, любовь, ласку, первый крик младенца и детский смех и которые умерли после того, как их покинули по злой воле люди...

Актопрак, что в переводе с балкарского означает «белая глина», это не только бывшее балкарское селение, но и известнейший с древнейших времен перевал, позволявший общаться чегемцам и баксанцам; через него проходил старинный торговый путь. О нем мы находим косвенное упоминание у знакомого нам Шереф-ад Дин Йезди, когда он ведет рассказ о походах к крепостям Кулы и Тауса: «Тимур, снова оставив обоз, двинулся оттуда к крепости Кулы и Тауса. Они также принадлежали к племенам обитателей Эльбруса. У тамошних жителей были крепости и укрепления на вершине горы, и пройти туда чрезвычайно трудно вследствие высоты их, которая была так велика, что у смотрящего мутился глаз и шапка валилась с головы, в особенности крепость Тауса, которая лежала на третьем уступе горы, как гнездо хищной птицы»¹⁵.

Крепость, о которой здесь говорится, находилась в местности Кала-Кол с другой стороны перевала Актопрак – у селения Былым, где осенью 1395 года и произошла одно из сражений с войсками Тимура. Поблизости от крепости находился древний могильник. Кстати говоря, могильников в ущелье было несколько. Как писал балкар-

ский историк И. Мизиев, «если пройти примерно более чем половину спуска к Баксанскому ущелью, то на правом берегу речки Гестенти, на очень крутом склоне горы, можно с трудом заметить небольшой скальный навес. Здесь лежит высохший труп – мумия. ...Хорошо сохранилась кожа черепа, рук и торса. Кости одной ноги отсутствуют...»¹⁶. Мумии из этих могильников – тема особого разговора. Фотографии ряда из них мы опубликовали в фотоальбоме «Балкария: время и лица. Конец XIX начало XX века» (Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2004). Поражает их сохранность, и вслед за исследователем Г. Н. Прозрителевым невольно задаешься вопросом – «каким образом они сохранились. Кожа белого цвета, ногти хорошо держатся... красивая изящная нога свидетельствует, что принадлежала она женщине из какого-то высшего сословия. Длинный ноготь мизинца правой руки говорит о том, что служила эта рука не простому рабочему. Правильно развитый череп и кости лица, мягкие черты красивого человека, нос с горбинкой, большие глаза свидетельствуют, что покойник принадлежал кавказской расе...»¹⁷.

...Но в этот раз мумии, описанной И. Мизиевым, мы не нашли. Зато справа от дороги увидели широкий бульдозерный срез и пошли по нему. Аккуратная плита, перепоясанная толстой проволокой, валялась справа от могилы. Вокруг были рассеяны кости и кусочки ритуальной керамики. Могила была разграблена, в углу сиротливо белели две черепные косточки.

Наклонившись к земле, подобрали сохранившийся остов кувшина, внутреннее дно которого украшал солярный знак. Неподалеку нашлось височное украшение, покрытое окалиной. Сама могила была выложена изнутри камнями столь характерно, что сомнений не осталось: здесь был похоронен гунн, принесший с Востока культуру плиточных захоронений. Через наши места свирепые, по определению древних авторов, гунны катились на запад в IV веке н. э. Потом они разорили и фактически ускорили распад Римской империи. Лев Гумилев, исследуя феномен гуннов, отметил их особенную приспособляемость и гибкость по отношению к покоряемым народам. Не имея собственной развитой культуры, они перенимали лучшее у чужих. Известно, что они обожали искусство скифов. Снаряжая своих покойников, гунны обязательно снабжали их могилы золотыми скифскими изделиями. Один из основателей евразийства Петр Савицкий с восхищением писал: «Массивны тяжкие пластины уборов гуннских золотых, звериный стиль в сплетеньях дивных навек запечатлен на них».

Безусловно, люди, разорившие несколько культурных пластов Актопрака, в том числе и могилу гунна, искали золото. Какие-то ценности они, конечно, нашли, но как много при этом мы все потеряли! Не считая кощунственного вторжения в братское, по существу, кладбище, насчитывающее 17 веков, это ведь болезненно ощутимая утрата определенных знаний о жизни народов, живших здесь. Бродячий гуннский этнос мог позаимствовать у оседлого местного населения нечто такое, что могло бы пролить свет и уточнить носителей бытующей тогда культуры.

Что именно и в каком порядке положили в могилу неизвестные нам потомки древних тюрков? Это знают дорожники, соединяющие Баксанское и Чегемское ущелья, чей бульдозер снес несколько археологических пластов. Знают и те, кто направил мощную машину на разрушение древнего пантеона и кто собрал и присвоил предметы, принадлежащие истории. Спустя время мы узнали, что мимо этого места ехали англичане, один из них подобрал в траве совершенно неповрежденный керамический кувшин и сказал, что экспертизу проведет в Британском музее древностей. Возможно, ему удалось беспрепятственно пересечь нашу государственную границу и украсить этой находкой чужие музеи.

За один археологический сезон в России разрушается до тысячи памятников истории и культуры. С 25 июня 2002 года действует Федеральный закон «Об объектах культурного наследия народов Российской Федерации». Объекты археологии отнесены к культурным объектам федерального значения, а нарушение культурного слоя и извлечение археологических предметов, что и произошло на перевале Актопрак, квалифицируется по ст. 243 УК РФ как умышленное уничтожение памятников истории и культуры. Вероятно, в ближайшем будущем уголовное наказание станет нормой для уходящих сегодня от суда и тюрьмы вандалов. Но всегда работает нравственный закон ответственности, тем более, когда нарушаются права мертвых. Волна бездуховности и насилия, захлестывающая нашу жизнь, спровоцирована не только реальными и поддающимися анализу вещами, но и тем, чего мы не видим, что бездумно отвергаем и к чему прислушиваемся лишь в трагические моменты.

...Селение Верхний Чегем прославил своим поэтическим словом его уроженец – выдающийся балкарский поэт К. Ш. Кулиев (1917–1985). Есть в личной библиотеке авторов удивительная книжка Кайсына «Краса земная» с его дарственной надписью; это своего рода

избранное, вышедшее в Москве в 1985 году. Откройте ее – и будете поражены. Глубина и проникновенность, пронзительность и чистота поэтических строчек, среди которых нет проходных, сиюминутных, на злобу времени и его сателлитов. Ни партийных панегириков, ни политических ремарок, ни славиц строю здесь нет и в помине, а есть звонкая радость и светлая печаль – от величия жизни и до быстротечности судьбы. Стихи, написанные на протяжении почти четырех десятилетий, отличает внутреннее единство, строчки, написанные в сороковых годах, и строчки, созданные в семидесятых, не просто перекликаются – они как будто вливаются друг в друга, дополняют, расширяют, оттеняют. Душа поэта, как птица в клетке, бьется в них – только открой дверцу-стихотворение, только впусти – в жизнь, а значит, в себя строчки его босые, и миры – ушедшего и живущего – сольются в один, дабы не прервалась времени связь.

И начинаешь понимать и разделять кулиевскую уверенность, что

Готовность дать бездомным кров,
Дать голодным хлеб – не устареет.

Как и то, что

Нам не прожить без горя и без боли.

Ибо, как тонко подметил поэт:

К каждому приходит боль его,
Каждый тащит груз своей печали,
Будто бы на свете до него
Люди вовсе горестей не знали.

Но объединяет живущих не столько время, как предназначение:

Люди – смертны, как смертны растенья,
Но бессмертна любовь, как зерно.

И, анализируя прожитое, всматриваясь в пройденное, спрашиваешь вслед за поэтом:

В пыли дорог не мой ли виден след?

Да, он и твой, как твое, и только твое небо над головой, на которое когда-то смотрел Кайсын и радовался:

Мне хорошо от мысли, что таким
Его увидят и мои потомки.

Тот самый Кайсын, который, уходя и расставаясь навсегда, был неподдельно искренен:

И завещая мир живым,
Я буду, может быть, счастливей.
Поверив, что он будет к ним
Добрей, чем к нам, и справедливей.

Он ничуть не позировал, утверждая:

О родная земля! Погребенный тобою,
Буду я, как при жизни, плененный тобою.

Благодаривший отчий край за землю и воду, за тень чинар и звуки родной речи, за отчий сладкий дым и

...серый камень твой, который станет скоро
На кладбище отцов надгробием моим.

И особым смыслом наполняются строчки, посвященные грядущему расставанию, – в них надежды свет:

Моя была мгновенной с жизнью связь,
Но жизнь и без меня не обошлась.

И безысходность боли:

Я жил с людьми живыми,
И погребенным ими
Мне быть, когда умру...

А вот как пророчески звучат строчки, написанные за много лет до 4 июня 1985 года, последнего дня поэта:

И даже ныне, путь свой завершая,
Я утешаюсь тем, что, может быть,
Случится на земле родного края
Снегам январским или травам мая
В мой смертный час в глазах моих застыть.

И этим же годом датировано стихотворение, в котором есть созвучные строчки:

...Так что мне надо, честно говоря?
Век протянуть хотя бы до июня,
До августа, а там до января...

И рефреном светло-печальным:

Увидеть вновь весну, дожить до мая,
До августа, а там до января!..

И еще целых восемь лет радовал его своими дарами желтый август, восемь белых январей открывали для него новые страницы века, восемь раз зеленели травы теплого мая, восемь прозрачных июней перелистывали многоцветные летние страницы, чтобы в году восемьдесят пятом застыть навсегда, отразившись «зеленым и голубым небом» в его глазах и черной печалью в наших.

...В последние годы своей жизни Кайсын неизлечимо болел. Это были тяжкие, словно слившиеся в один, месяцы – месяцы его борьбы, его веры, его непреходящей боли. Это были дни, летящие как мгновения, – дни нашей надежды, нашей печали, нашей тоски. Разговоры о Кайсыне возникали постоянно. Кто-то принес весточку, что поэт выехал на поезде в Ростов, где принимает известный профессор-онколог, буквально творящий чудеса. И опустошение от известия: поездка еще раз подтвердила самые худшие предположения. Потом услышали, что Кулиев уже в Москве, и следом – консилиум не оставил надежд на выздоровление.

Кайсын притягивал к себе людей. Мощь этого притяжения была настолько велика, что многие из попавших в сети его поэтического и человеческого таланта остались в них навсегда. В этом видится искреннее и глубокое уважение к дару соплеменника, желание быть хоть в малости полезным ему, принять на себя определенные тяготы быта, те мелочные, суетные заботы и проблемы, отвлекающие от созидания, творения. И это действительно так, ведь и сегодня, когда Кайсына нет с нами, остались люди, не просто преданные ему и его памяти, а посвятившие себя – свое время, свои возможности, свои чувства – человеку, который по праву «шапку свою завещал Казбеку, сердце – Кавказу всему».

Величественный памятник К.Ш. Кулиеву (высокий постамент, знаковая фигура, тяжесть бронзы – Кайсын здесь ближе к небожителям, чем людям) установлен в Нальчике – на проспекте, носящем его имя. Более скромный (бюст, с которым можно пообщаться, заглянуть в глаза, дотронуться) в Верхнем Чегеме. Здесь же можно побывать в сакле, где родился великий поэт.

Дорога к сакле – это и возможность осмотреть ряд памятников, составляющих так называемый Верхнечегемский археолого-этнографический комплекс, который включает в себя мезолитическую сто-

янку «Грот Кала-Тюбю», оборонительное сооружение «Битикле» (так называемую «греческую лестницу»), православный храм «Тотур», селище «Лыгыт», родовую башню Балкароковых, склепы-кешене (мавзолеи-могильники) на поляне Фардык. Осмотрим и мы их.

Башня располагается в самом селении, рядом с памятником Кайсыну, на левом берегу речки Джилги-су. Осмотреть ее можно только визуально (находится на частной территории) и тут же заметить, что она отличается от других имеющихся в республике оборонительных сооружений. Это действительно так – таубии Балкароковы для ее постройки наняли строителей из Сванетии, которые и возвели ее в соответствии со своими архитектурными представлениями. Высота башни «Малкарук-Кала» чуть выше 15 метров, ее основание – примерно 6х6 метров, датируется она XVII веком.

Поднявшись по достаточно крутой тропе, идущей по-над речкой и повторяющей ее изгибы, мы увидим гору, называемую местными жителями Капчагай, а внизу ее – внушительных размеров грот, до сих пор верой и правдой служащий пастухам. Грот этот называется Кала-Тюбю. Зайдя под нависающую скалу, позволявшую укрыться от непогоды многосотенным отарам, дотрагиваясь до отглаженных, закопченных (временем, ветрами, огнем) стен, ты как бы словно ощущаешь ход тысячелетий. Ведь «археологические раскопки 1959–1960 гг. выяснили, что этот грот был облюбован человеком для жилья около 15 тысяч лет назад, в так называемую эпоху среднекаменного века (мезолит)»¹⁸, о чем свидетельствуют каменные орудия труда, изделия из кремня и обсидана – наконечники стрел, скребла... Кстати говоря, чуть ниже грота, если взглянуть вверх, можно увидеть сохранившиеся следы вырубленных в скале лестниц, ведущих к пещерам.

Чуть выше грота, название которого так и переводится – «низ крепости», и сама средневековая крепость, вернее, то, что от нее осталось. Возведенная в самом узком месте ущелья, она практически перекрывала его, будучи «пристроена к вертикальной скальной стене. Две боковые стены ее идут прямо, а третья, обращенная к реке, сделана в виде чередующихся вогнутых полуколец – контрфорсов. На нее выходит и идет по отвесной стене на высоте 25–30 метров выбитая в скале лестница»¹⁹.

Знаменитая «греческая лестница», вырубленная в средние века и выходящая по отвесной скале на высоту чуть не в двести метров! Сколько приходилось слышать о ней, как мечталось взобраться по ней к узкой террасе, где из скалы бьет струя воды, где имеется пе-

щера, в которой, согласно легенде, византийцы хранили добытое в горах золото...

Действительность несколько образумила – сегодня по лестнице, называемой балкарцами «Битикле», можно подняться всего на несколько ступенек – и то по стене, служащей ее основанием и сложенной из мелких камней на известковом растворе. Длина этой стены около 14 метров, а высота колеблется от одного до двух с половиной метров. Дальше ступени мало напоминают как таковые и подъем под силу лишь опытнейшему альпинисту, умеющему пользоваться веревкой и крюками. Тем более что время и непогода не пощадили столь необычное строение.

О том, что собой представляло это удивительное оборонительное сооружение, можно узнать из книги «Записки краеведа», автор которых – Тимур Шаханов – был поистине удивительной личностью, кладезем знаний, многие из них, к огромному сожалению, ушли вместе с ним. Вот что он пишет в «Дневнике археологической экспедиции музея и КБНИИ 1958 года»: «Лестница сооружена на отвесной скале. Сначала она круто поднимается вверх на 22 м, затем делает пять зигзагов общим протяжением 20 м, которые приводят к площадке, имеющей в длину около 3,5 м, а в ширину 1,5 м. На этой площадке сохранилась стена высотой до 2 м и длиной в 1,2 м. Толщина стены – 60 см. И зигзаги, и стена сложены из камня на известковом растворе. От площадки вправо идет узенькая дорожка (30 см), которая местами заменяется лестницей. Дорожка приводит к горизонтальной террасе. ...С площадки на террасе видна небольшая пещера, а на конце террасы из скал вытекает тонкая струя воды, для сбора которой в камне высечены чашеобразные ямы.

Слева от начала лестницы на вершине скалы, доступной лишь с одной стороны – с северо-востока, – сохранились остатки древней башни. Явственно виден прямоугольной формы фундамент. Построена она из скального камня на известковом растворе. Башня и лестница в начале зигзагов соединялись между собой, на что указывает сохранившийся на скалах след лестницы, очень опасный для прохода. Длина этой тропы и лестницы более 30 м. Таким образом, в данном случае мы имеем своеобразную систему оборонительных укреплений. Для чего они служили, нам трудно сказать»²⁰.

Самые впечатляющие сооружения Верхнего Чегема – наземные склепы, расположенные на древнем могильнике прямо за селением. Сложены они из камня, имеют как четырехугольную форму, так и форму восьмигранного конуса. Это своего рода город мертвых, из-

давна привлекавший внимание ученых. Памятники многократно изучены, описаны и поэтому видится правильным, рассказывая о них, дать слово специалистам.

Вот что, в частности, пишет Л. И. Лавров: «Внешний осмотр Верхне-чегемского могильника дает возможность различить в нем семь типов могил: 1) земляная насыпь, обложенная по краям камнями; 2) каменная насыпь; 3) каменный ящик, сложенный из гладко пригнанных камней и внутри засыпанный камнями. То есть та же каменная насыпь, но с укрепленными стенками; 4) каменный цементированный ящик с крутой двускатной крышей; внутренность ящика заполнена камнями; эта могила отличается от предыдущей лишь тем, что она лучше предохранена от разрушения; 5) могила с таким же ящиком, как и у предыдущей, отличающимся от него тем, что, во-первых, внутри он пустой и, во-вторых, имеет маленькое квадратное окошечко с восточной стороны. То есть это маленький склеп, как бы повторяющий собою внешние формы каменной зацементированной насыпи; 6) большой четырехугольный склеп (кешене) с высокой двускатной крышей и окном с восточной стороны; 7) большой восьмиугольный склеп с пирамидальной (так же – восьмигранной) высокой крышей, переходящей вверху в конус».

И далее: «Уже один простой перечень семи встречающихся типов наводит на мысль, что склепы Северного Кавказа не повторяют архитектурную традицию тех или иных, в прошлом более культурных народов, оказывавших влияние на горцев. Склепы органически увязаны с местной «архитектурой» горских могил. Мы видим, как каждый тип является лишь усложнением предыдущего. Вопрос еще может стоять о происхождении многоугольных склепов, но отнюдь не четырехугольных»²¹.

Напомним, что побывал здесь ученый летом 1936 года, а спустя 20 лет Тимур Шаханов застал только восемь из одиннадцати склепов. А вот что пишет он о склепе, расположенном за селением: «... на расстоянии километра, в местности Сюгюлчу ичи, на склоне горы имеется одинокий склеп (кешене). Склеп этот шестигранный, единственный встреченный нами кешене, имеющий не восемь, а шесть граней. Возможно, что это случайная ошибка строителя. Высота этого склепа 4,5 м, внутри размеры – 240x110 см, имеет вид неправильного овала, кверху суживается, окно 50x40 см, ориентировано на северо-запад, толщина стены 65 см. Рядом со склепом могильник»²².

Ученые датируют строительство мавзолеев по-разному, но в целом принято считать, что сооружать их начали не ранее XIII века и возводили вплоть до XVIII века.

Если переехать через мост на левый берег Чегема, то прямо напротив могильников видна дорога, ведущая в селение Думала. Проходит она под горою (местность эта называется Шегишти), на которой сохранились два необычных камня, имеющих весьма интересную историю. Один из них – Аш-Тотур. Около него в старину устраивали жертвоприношения по поводу совершеннолетия юношей, а всадники, проезжая, всегда спешили. Вот какую легенду записал об этом камне Л. Лавров: «Рассказывают, что однажды ехали мимо балкарец и кабардинец. Балкарец сошел с коня и предупредил о том же своего спутника. Но тот отказался. «Я князь, – говорил он, – и ничего на свете не боюсь!». В доказательство своего бесстрашия он выстрелил в «священный» камень и поехал дальше. Вдруг показалось облачко, которое все увеличивалось и приближалось к кабардинцу. В середине облачка была какая-то пчела. Когда облако окутало кабардинца, пчела укусила его в ноздрю. Через некоторое время нос распух, завелись в нем черви, и кабардинец умер»²³.

Не менее интересен и другой камень, находящийся неподалеку и считающийся священным. На нем четко видны отпечатки рук и ног, которые, как гласит легенда, принадлежат святому, носившему имя Пайханпар. Л. Лавров считает, что термин «пайханпар» восходит к персидскому слову, означающему «пророк».

Сколько времени надо было провести пророку, дабы оставить такие явственные следы, представить трудно, но они видны и, без сомнения, неприродного происхождения. Здесь, на достаточно отвесной горе, став на камень и преклонив колени, понимаешь, что истинная вера может творить чудеса и сила скал ничто перед ней.

Кстати, в Верхнем Чегеме – можно говорить о настоящем культе камней! – ведь имеются еще камень Авсолту, которому раньше поклонялись, видя в нем покровителя охоты Афсати; и «священный» камень Байрам-таши; и так называемый «Камень позора» с проделанным в нем отверстием (согласно легенде, к нему привязывали преступников), и камень силачей весом в триста килограммов (победителем в соревнованиях считался тот, кто отрывал его от земли)...

Дорога в Думалу устремляется как будто прямо в небо...

Наш спутник Ибрагим Гелястанов, который знает в Чегемском ущелье в прямом смысле каждый пригорок, каждый поворот дороги, каждую речушку, возвращается сегодня на свою «малую родину». Он родился здесь в 1927 году и до 1944-го даже не представлял, что есть другие, кроме Думалы, места. А потом была депортация в Среднюю Азию, потеря родных и близких, годы высылки и страстное, не

оставляющее ни на минуту, ни на секунду желание вернуться, увидеть дорогие сердцу места, вдохнуть родной воздух. Оно исполнилось в 1956 году, когда в июле (за год до официальной реабилитации балкарского народа) Ибрагим вернулся в республику и сразу решил побывать в Думале. Его отговаривали, убеждая, что мосты в ущелье не восстановлены, что пешком он не сможет пройти несколько десятков километров, но он никого не слышал.

До Второго Чегема добрался на автобусе, а потом пошел пешком – до Актопрака, с ночевкой – до Верхнего Чегема, откуда два шага до родного гнезда. От близкого и столь теперь вероятного свидания сердце вырывалось из груди, тело пронизывала дрожь, горло пересохло – воды было вдоволь, но Ибрагим стойко переносил жажду, ибо дал себе слово: напьетса только из деревянной чаши нарзанного источника, что рядом с домом. Нарзана, о сладости и свежести которого он постоянно вспоминал все эти долгие-долгие годы. В 1944-м Думала была цветущим аулом, в котором проживало около тысячи человек, все более или менее доступные места засеяны ячменем, овсом, картофелем; причем все посадки орошались. Спустя 12 лет он увидел одни развалины, заросшие практически полностью лебедой.

Такой же, словно и не было этих почти сорока лет, предстала Думала и перед нами: прижавшаяся развалинами саклей к горе Торпан (с какой нежностью произнес Ибрагим это название, как и речки Кардан, поляны Чегет, множества других мест, по-прежнему живущих в его памяти), зияющая провалами окон крошечного двухэтажного здания, выстроенного когда-то братьями Гемуевыми (можно только представить, как доставляли они сюда материал для строительства), дышнувшая затхлым холодом неживого жилья.

Мы бродили по приземистым саклям, практически ушедшим в землю, всматривались в их стены, еще сохранившие побелку, почерневшую от копоти, заходили в школу – такую же саклю, где в двух крошечных классах обучалось 50 человек. А вот здесь, на втором этаже, вспоминает Ибрагим, был коридор и в нем висел школьный звонок; его было слышно во всей Думале. Он вслушивается, вслушиваемся и мы, но ничто не нарушает тишину мертвого аула. Лишь мерный шум бегущей где-то внизу речки, лишь звуки, издаваемые пролетающими шмелями, пчелами и назойливыми, разомлевшими от жары мухами, и снующими где-то в небесной выси галками. Отзвучал тот школьный звонок, и не запеть ему больше никогда.

А вот наша сакля, говорит Ибрагим, и слезы текут по лицу этого встречающего свое восьмидесятилетие человека. Что надеется он

увидеть, открывая прогнившую дверь? Мать, что посылала его за водой и строго наказывала не наливать доверху – иначе, кричала вслед, горбатым станешь. А он наливал ведра до самого верха и нес на коромысле так осторожно, так бережно, несмотря на крутые подъемы, камни, оползни, что не проливал ни капли.

Родные до боли лица близких? Нет их уже на этом свете.

Прошрое? Но даже память бессильна перед временем.

И все-таки он идет вниз – по той же самой тропке, следов которой земля не сохранила; за той же самой водой, бегущей с тех же самых ледников.

И так же безмолвно и бездонно небо, глядевшее, как через Думалинский перевал по знаменитому «шелковому пути» шли много веков назад караваны; как всего каких-то шестьдесят лет назад ненасытные «студебекеры» принимали изгнанников в свое бездонное чрево, как сегодня в жарком мареве июля где-то там, внизу, скрывается сгорбленная фигура человека. Идущего вне времени. Вне пространства. Вне жизни. Идущего к себе.

Если от бывшего аула Думала свернуть влево, обойти нижней тропинкой развалины другого балкарского аула Ачи (здесь, кстати говоря, сохранилась одна из саклей – почти нетронутая временем, она зримое свидетельство своеобразия архитектуры балкарского народного жилища, так глубоко и детально описанного в знаменитом труде Э. Б. Бернштейна), то мы попадем на Ачинский перевал.

Тропинка достаточно хорошо нахожена и не представляет особых трудностей. Одолев небольшой перевал, надо на гребне свернуть влево и взобраться по достаточно пологому склону вверх, где и открывается взору необычная гора – гора-кольцо. Природа-скульптор потрудились на славу, пробив в скальном массиве почти правильной формы отверстие. Ветер, дожди и снега обточили, сгладили его острые края. Издалека гора эта чем-то напоминает одноглазого циклопа. Если же взглянуть под другим углом зрения, то создается ощущение, что перед тобой громадное первобытное животное, превратившееся в камень и застывшее навсегда.

На нижнюю площадку горы можно легко взобраться; если постараться, то одолеть и два-три метра, на которых и начинается само кольцо. Места для фотосъемок здесь редкостные.

Если же подниматься по Думалинскому перевалу вверх, то можно увидеть на вершинах гор, опять же по левую сторону, каменные изгороди, протянувшиеся на многие сотни метров. Поражает то долготерпение, которое потратили на их возведение люди – многие тысячи

больших и маленьких камней собраны, ровно уложены на метровую высоту, да так, что спустя десятилетия (или столетия?) кладка, ничем не скрепленная, не разрушилась, не посыпалась. С какой целью был осуществлен этот поистине титанический труд? Трудно ответить однозначно. Одни местные жители говорят, что это границы земель, принадлежащих разным балкарским родам, другие утверждают, что так отмечены границы разных пастбищ.

Туров этих, возведенных, как отмечено выше, на самых высоких точках, пять-шесть. Под одним из них что-то вроде могильной плиты достаточно больших размеров. Наш спутник, учитель из Верхнего Чегема Исхак Газаев, чья влюбленность в свой край достойна самых теплых слов, говорит, что в народе туры эти называют Тимуровскими. Правда, при этом смущенно улыбается – доказательств-то нет никаких. Ему, конечно, хочется верить, что каменные сооружения возведены всадниками Тимура, вторгшимися на Северный Кавказ в конце XIV века и побывавшими, как мы отмечали выше, осенью 1395 года в Чегемском ущелье. А вот что пишет турецкий путешественник Эвлия Челяби в своем знаменитом труде «Книга путешествий»: «Затем, испив воды жизни и перейдя на конях реку Чегем, шли еще два часа до реки Лачек. Эти две реки начинаются в Дагестане и впадают в реку Терек. Мы перешли эту реку так же на лошадях и через четыре часа достигли реки Терек»²⁴.

Означенные временные параметры и конкретные географические объекты, приводимые жившим в XVII веке Эвлия Челяби, и не точны, и не соотносимы, так что трудно представить, о чем он говорит, но то, что упоминание им реки Чегем одно из первых, зафиксированных в исторических документах, общеизвестно.

...В нескольких километрах от Верхнего Чегема расположилось еще одно селение – Булунгу, сегодня мало чем отличающееся от других, тогда как ранее оно «представляло собою сборище каменных гнезд, скрепленных вместе, как в муравьиной куче, где все дома были соединены друг с другом внутренними ходами под плоскими крышами, так что, не слезая, можно было по ним обойти все селение. Внутри эти переходы напоминали катакомбы, где помещались сакли, совсем темные, с широкими трубами для выхода дыма, которые вместе с тем служили и для освещения. Рядом под той же общей кровлей располагались пригоны для скота и крохотные дворики. Все это лепилось под защитой боевой башни. Все селение представляло одну общую крепость в те времена, когда защитой жизни и имущества был только род. Такая архитектура селения представляла надежную защиту при междуродовых распрях и даже войнах»²⁵.

...Пожалуй, поездки в оздоровительный лагерь «Башиль» (ОАО «Каббалктурист») авторы этих строк совершали чаще всего в своей жизни. Так сложилось, что бывали там и в семидесятых годах прошлого века, и в восьмидесятых, преодолевая тяготы каменистой, извилистой, в те времена сверхнеблагоустроенной дороги то в кузове грузовиков, то в кабине «газиков». Подпрыгивая на многочисленных камнях, из которых дорога и состояла, набивая шишки и порой боясь взглянуть в сторону, куда при неудачном маневре можно было долго и без всяких шансов на благополучный исход падать.

Случалось преодолевать эту достаточно протяженную трассу и в темное время суток, когда свет далеких звезд и лунного полумесяца не достигал ущелья, а глаза мощных фар не видели ничего уже через какие-то несколько метров. Перекатываясь в темноте, надеясь на Создателя, умение водителя и извечное «авось пронесет».

Но уж когда добирались до места назначения, все треволения и тяготы дороги забывались мгновенно. Хвойные леса, поражающие первозданностью зеленых оттенков, окруженные белоснежными горами с нависающей над головой пронзительной голубизной. Обилие солнечного света, льющегося как будто со всех сторон; поляны, радующие радужным многоцветием и медовыми ароматами; речка, переливающаяся серебром, в которой – поверьте, так это и было! – черные теньями вела нескончаемые хороводы юркая горная форель; обилие всевозможных ягод – здесь и земляника, брусника, черника, здесь и малина, черная смородина, а уж грибов... Ступить было невозможно, чтобы под ногами не оказались лесные кормильцы! Автор «Грибной охоты» Владимир Солоухин был бы поражен, побывай он в этих местах. Действительно, самые грибные российские области, так сказать, отдыхают в сравнении с этими...

Оздоровительный лагерь «Башиль» получил свое название от имени ущелья, в котором он расположен, – Башиль-ауз. А оно от имени балкарского охотника, запомнившегося своей удивительной меткостью и поэтому никогда не возвращавшегося домой без добычи. (Правда, это только одна из версий. По другой, «Башиль» – св. Василий.) Имя это носит и гора Башиль-тау, расположенная здесь же, в верховьях реки Чегем, и ледник, сползающий с ее северо-восточных склонов, и вытекающая из него река – Башиль-аузу-су, являющаяся западным истоком Чегема.

Сосновый лес, в котором и расположен оздоровительный лагерь, с ароматом хвои, которым буквально напитан воздух, сменяется альпийскими лугами, над которыми выводят свои нескончаемые рулады

птицы, жужжат, не зная устали, черно-желтые шмели и пчелы. Луга плавно, практически незаметно переходят в практически безжизненные горные склоны, а дальше – в снежные поляны, ледяные языки. Переход из лета в зиму на редкость логичен и закономерен, словно эти два, никогда не встречавшихся времени года, не антагонисты-противники, а верные и неразлучные друзья.

Протяженность ущелья Башиль-ауз немногим более одиннадцати километров, но каждый из них как путешествие во времени – длящемся и вечном. Достопримечательностью ущелья является удивительнейший по своей красоте водопад Абайсу – с семидесятиметровой высоты поток, разбившийся на несколько, несется вниз величественно и грациозно. Это не сплошная стена воды, это великое множество струек, где-то соединившихся в водной танцевальной феерии, где-то разбежавшихся в стороны и солирующих поодиночке. Под этим водопадом можно купаться, так как он не только бьет, как большинство других, заставляя наклоняться к камням, но и гладит, нежно ласкает своими струями, так освежающими в жаркий летний день. А если к этому еще добавить радугу, то и дело запутывающуюся в водяных косах-лентах, солнце, отражающееся в мириадах брызг – голубых, алых, бирюзовых, салатных, то станет понятно, почему от этого водопада невозможно оторваться, и, даже уходя, ты вновь и вновь обращаешься, не в силах расстаться с этой волшебной картиной.

Правое ответвление Чегемского ущелья – ущелье Гара-ауз не менее притягательно, а уж знаменито куда как больше. Свое название оно получило от многочисленных нарзанных источников, имеющих здесь, – *гара* с балкарского «кислый источник». Проще говоря, Гара-ауз – «нарзанное ущелье». В самой голове «ущелья Гара-Ауз-су», – писал почти 70 лет назад путешественник С. Анисимов, – развернулась широкая альпийская котловина с открытым видом на Главный хребет, где приютился древний курорт с минеральными источниками, расположенными у самого подножья вершины Тихтенген-тау, на скрещении ущелий двух ледников – Кулак, или Згимар, и Шаурту, или Скулан. ...Котловина Гара-Ауз-су известна на Северном Кавказе с очень древних времен. Сюда ежегодно собираются лечиться балкарцы, кабардинцы и изредка сваны. За июль и август ежегодно проходят здесь курс лечения несколько сот больных. Они лечатся от самых разнообразных болезней – от желудочных, сердечных, малярии и туберкулеза. Раньше сюда приезжали знахари, привозя с собой своих больных. Лечатся здесь питьем минеральных вод и ваннами, горячими и холодными, но больше горячими. При легочных болезнях

пьют айран и вместе с ним или с горячим молоком растопленную сосновую смолу. Главный из источников заключен в сруб вроде колодца. Ванны принимаются в больших деревянных долбленых колодах, куда наливается минеральная вода, подогретая в котлах, или бросают в нее раскаленные на костре камни»²⁶.

Вот такой своеобразный экскурс в медицину начала прошлого века, сегодня, кстати говоря, весьма подзабытую, во всяком случае, горячие ванны здесь больше никто не принимает, а холодными поправляют свое здоровье в первую очередь пограничники, надежно перекрывшие перевал Твибери. Перевал, по которому еще в начале девяностых годов прошлого века можно было свободно попасть в Сванетию, Колхиду, Абхазию, что «у самого Черного моря»...

Помня эти горные тропы, испытываешь определенного рода ностальгию по прошлому, которое не разделяло Кавказ, как наше сегодняшнее настоящее, а сближало, и когда подступы к перевалу Твибери были не завершением Чегемского ущелья, а его своеобразным продолжением.

С. Анисимов о климате котловины Гара-ауз-су сообщает, что он во многом «аналогичен климату курортной площадки выше Тегенекли на Баксане», здесь безветренно, в «дневные часы при солнце воздух совершенно сух, как в Сахаре. Число часов солнечного сияния в июле и августе, да и в зимние месяцы, здесь также очень значительно. Напряжение солнечной радиации благодаря большой высоте, разреженности и чистоте воздуха огромно»²⁷.

Поэтому туристы, отдыхающие в высокогорном оздоровительном лагере «Чегем» (ОАО «Каббалктурист»), называют это место райским. И право, трудно подобрать более точное определение. Лагерь расположен прямо у подножия одной из красивейшей вершин Главного Кавказского хребта – того самого Тихтенгена, замыкающего Чегемское ущелье с северной стороны и напоминающего конус вулкана. Местные жители считали его именно таковым, только прекратившим свою вулканическую деятельность, что и отразилось в названии, где *тынч* с балкарского – «тихо», «спокойно»; *ген* – окончание прошедшего времени, то есть «успокоившаяся вершина». Высота «потухшей вершины» (еще один бытующий у местного населения перевод названия) 4617 метров.

Тихтенген считается неприступным, очень сложным для восхождения. В числе его первопокорителей англичане Т. Лонгстафф и Л. Роллестон (1903), советские альпинисты Н. Попов, Л. Гутман (1935), Б. Симагин, Т. Рождественский, Л. Литвинова, Н. Ольшевский (1936)²⁸.

В окрестностях лагеря «Чегем» немало природных памятников, достойных внимания и восхищения.

Примерно в четырех километрах от лагеря, в ущелье Шаурту, являющемся правым ответвлением ущелья Гара-ауз, лежит большой ледник, ниспадающий с западных склонов отрога и самой вершины. Само название горы, давшее ему имя, переводится как «ступенчатая черная вершина», где *шау* с осетинского – «черный», а *рту* – «ступень». Главной достопримечательностью ледника является удивительный, переливающийся всеми оттенками небесной синевы грот, который так и назван – Голубой грот. Именно из него вырывается стремительная речка Шаурту, являющаяся притоком Гара-ауз-су.

В ущелье Кору вас ожидает встреча с загадочными грибообразными каменными столбами, чем-то наминающие старинные замки. Как мы уже писали в главе «Приэльбрусье: Джилы-су», созданы они самой природой – под влиянием воды, ветра, температуры поро-да, принесенная ледником тысячелетия назад, неравномерно выветривалась, разрушалась, размывалась, что позволило образоваться столбам (высотой до пяти метров и шириной около метра в основании и в три-четыре раза меньшим – у вершины), украшенным своеобразными грибными шапочками. Столбы эти расположены на правом берегу реки Гара-ауз-су.

Нарзанные источники, о которых мы говорили выше, расположены как на правом берегу реки Кулак-су – он называется Гара-су, что и означает «кислая вода», так и на левом – Киик-Гара, что можно перевести как «турий нарзан». Есть еще одно название, непосредственно связанное с этими гордыми животными, – знаменитое Турье озеро, расположенное на высоте 2720 метров в нескольких шагах от так называемого «Северного приюта», долгие годы служившего перевалочным пунктом по дороге в Грузию.

Турье озеро расположено в своеобразной котловине, которую с трех сторон окружают ледники, а с четвертой – почти подступающая к озеру цветочная поляна, полыхающая в летний период алыми маками, желтыми азиями и горечавками, синими васильками, белыми анемонами... Скальные вершины отражаются в чистой воде озера, сочетающей в равной пропорции синий и зеленый цвета, рождающие особый, непередаваемый оттенок. В пасмурные дни облака плывут так низко над озером, что создается впечатление – купаются в нем, подпитываются его волшебной влагой, чтобы разразиться где-то там, внизу, благодатным дождем.

Чегемское ущелье! Ты как симфоническая поэма, которую невозможно расчлнить, разорвать на части, отделив каньоны, пропиленные Чегемом в Скалистом хребте, от брызжущих солнечным светом долин; различны картины (эпизоды), едино действие (сюжет) – неповторимость природного ландшафта, места, где радуется сердце и отдыхает душа...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подъяпольский Г. Н. В горах Центрального Кавказа. Нальчик, 1967. С. 63.

² Мизиев М. И. Туристскими тропами в глубь веков. Нальчик: Эльбрус, 1976. С. 37.

³ Цит. по: Кокиев Г. Материалы по истории Осетии (XVIII век). Т. 1 // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Т. 6. Орджоникидзе, 1934. С. 34–35.

⁴ Лавров Л. И. Из поездки в Балкарию // Советская этнография. 1939. Т. 2. С. 175.

⁵ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Нальчик: Эль-Фа, 1999. С. 214–216.

⁶ Фиркович А. Археологические разведки на Кавказе. СПб., 1858. С. 128–131.

⁷ Балкария: страницы прошлого. Вып. 1. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2005. С. 21.

⁸ Мизиев И. М. Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая. Нальчик: Эльбрус, 1970. С. 12.

⁹ Цит. по: Шаханов Т. Б. Записки краеведа. Нальчик: Эльбрус, 2004. С. 91.

¹⁰ Пришельцы из других миров // Версия. Нальчик, 1990. 11–18 сентября.

¹¹ Зин-Нар не выходит на связь // Версия. Нальчик, 1990. 18–25 сентября.

¹² Анисимов С. Кабардино-Балкария. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. С. 60–61.

¹³ Подъяпольский Г. Н. В горах Центрального Кавказа. С. 64–65.

¹⁴ Анисимов С. Кабардино-Балкария. С. 62.

¹⁵ Цит. по: Шаханов Т. Б. Записки краеведа. С. 94.

¹⁶ Мизиев М. И. Туристскими тропами в глубь веков. С. 44–45.

¹⁷ Цит. по: Мизиев М. И. Туристскими тропами в глубь веков. С. 45.

¹⁸ Мизиев М. И. Туристскими тропами в глубь веков. С. 38.

¹⁹ Там же. С. 38–39.

²⁰ Шаханов Т. Б. Записки краеведа. С. 106.

²¹ Лавров Л. И. Из поездки в Балкарию. С. 178–179, 181.

²² Шаханов Т. Б. Записки краеведа. С. 109.

²³ Лавров Л. И. Из поездки в Балкарию. С. 177.

²⁴ Челяби Э. Книга путешествий. М.: Наука, 1979. С. 103.

²⁵ Анисимов С. Кабардино-Балкария. С. 65.

²⁶ Там же. С. 65–66.

²⁷ Там же. С. 66.

²⁸ Рототаев П. С. Краткий словарь горных названий Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969. С. 75.

CHEGEM CANYON

If to paraphrase the English proverb – “So many countries, so many customs” – we can say that all main canyons of Kabardino-Balkaria – Baksan, Chegem, Chereck, Khulam-Besengy – are the ‘countries’ with their own ‘customs’. Each has its individual character, peculiar features, fascinating places of sightseeing, beauties, captivating views.

Chegem canyon, to our mind, is one of the most picturesque and unusual, full of contrasts, even among such pearls as Chereck and Khulam-Besengy gorges. You can’t help wondering watching its extremes: improbably narrow ravine is instantly turned into a wide valley with the abundance of green flowery carpets, incessant sound of turbulent river and birds’ song, humming and buzzing of numerous insects – beetles, bees, dragonflies. A real festivity of life!

Chegem canyon, where the Balkarians has been living for centuries, is famous for its natural monuments (waterfalls, mineral springs, caves, walls of rocks) as well as for man’s works, i.e. watch-towers, mausoleums, temples, the remnants of old structures, megaliths speaking of ancient culture. Traveling there is like going into the heart of Times.

In “The Works of the eastern department of the Empire archeological society” (S-P., 1858) we can find the notes “The archeological prospecting in the Caucasus” with the information of all the monuments in Chegem canyon at that time. But unfortunately we should say that only one family tower from 13, the so called the Balkaruk tower, was in the satisfactory state. As for the rest, they were ruined a hundred years ago.

But let’s return to nowadays and to our journey. Chegem canyon is 60 km long. It begins at Lechinkay (25 km from Nalchik). Just near this settlement there is a rock called Sokolinaya, Falcon rock. It had another name before – Tokhtamish-kaya – telling us of the distant past when Tamerlan (Temir), the khan of the Golden Horde, invaded the Caucasus at the end of the XIV century. The memory of this invasion is also kept in the name of the place near the settlement Nijniy (Lower) Chegem. It is Aksak Temir boduruku meaning the “The Scarecrow of the lame Temir”.

The next locality is Khushto-Sirt surrounded by mountains with picturesque slopes which, according to the natives, have been picked by the strangers from UFO. Some unusual bright light is seen from time to time in the mountains round this settlement. To our mind such wonderful place can’t simply do without something extraordinary.

The narrowest part of Chegem canyon is called Teben-Su-auzu – the “lower water throat”. The river here rushes rapidly in a deep abyss and above it grandiose rocks, surprisingly formed and colored, rise into the very sky. The rocks here are really amazing. They look like towers, fortress walls and bastions, huge sculptures of beasts and fantastic monsters. The width of gorge is about 20 meters, the height of its walls is 500–800 meters.

Chegem canyon is widely known due to its inimitable waterfalls. It is something inexpressible. They are marvelous in every season. The water falling in streams from a dizzy height creates a picture, or more exact – plenty of variable pictures. They change each other every instant. It is a kind of kaleidoscope with never recurring patterns. These waterfalls are called Shau-Denla, i.e. a whole wall of falling streams.

Every cliff, bridge, cave, rock, locality in Chegem canyon has its name: Jankhot bridge, Logums cave, Kizgen place... But a lot of them sound tragically, because they speak of the dead past. Better to say – of the ruined life. It was destroyed one day – on the 8-th of March in 1944 – practically in no time at all when thousands of Balkarian people were expelled from their houses, from their Motherland and became exiles in their own country. Today we can see there the brakes of weeds and nettle which have hidden the ruins of houses left by one’s tyrannical will.

After the fantastic wall of waterfalls we find ourselves at Aktoprack (“a white clay”) that is not only the former settlement but a famous crossing known for centuries. It was a way of communication connecting two canyons – Chegem and Baksan ones. It was a crossing on the ancient trade road. Being there we can imagine the merchant caravans of old days conquering time and space, fighting with mountains, rivers, deserts.

The next stop on our way along this wonderful canyon is the settlement Verkhniy (Upper) Chegem. It is the birthplace of a renowned poet of the XX century, Balkarian poet Kaysin Kuliev (1917–1985). This land and its people couldn’t but give birth to such a poet whose only line describes the unique character of his home country:

My native land! Even buried,
I’ll go on admiring your beauty.

The road to Kuliev’s saklya (house) gives us opportunity to see a number of monuments forming the so called Verkhniy Chegem archeological and ethnographic complex. It consists of Mesolithic site “Grotto of Kala-Tjubju”, defensive construction “Bitikle” (the “Greek scale”), Orthodox church “Totur”, settlement “Ligit”, the Balkaruk family tower, old burials and mausoleums on the glade Fardik.

The tower is situated in the settlement itself on the left bank of Djilgy-Su river, just near the memorial to Kuliev. It is different from all other defensive

constructions in Kabardino-Balkaria. The matter is that it was built by the craftsmen from Svanetiya (part of Georgia) in accordance with their own rules. It is dated by the XYII century. It is 15 meters high, the foundation is 6 x 6 meters.

Going up a very steep path we'll see a mountain Kapchagay with a large grotto at its foot. It's called Kala-Tjubju. Having come there you can see not only its enormous size (a herd of hundreds sheep can have a shelter in this grotto), its walls smoothed by time and wind, blackened with smoke of the shepherds' fires, but feel the breath of centuries. Archeological excavations proved that this grotto was used by man from the Mesolithic epoch.

Above the grotto, which name means "the bottom of fortress", we can see the remnants of the medieval fortress. Being erected in the narrowest part of the canyon it practically blocked it as it was built close to the vertical wall of the rock. It had a very remarkable scale, 25-30 meters high, made in the solid perpendicular rock.

Another striking scale "Bitikle" (called "Greek"), winding along the rock, had a fantastic length: about 200 meters! According to the local legends, it led to a narrow terrace with a spring and a cave where the Byzantine kept their gold. Unfortunately nowadays there are only several steps – the remnants of that grand construction. These steps are the steps of the wall serving as the scale foundation. The length of this wall is 14 meters, its height is somewhat 2–2,5 meters. You can read about this unique construction in "The Studies of Local Lore, History and Economy" (Nalchik, 1958). "Gone with the wind" may be said about people of the past and their culture... But sometimes the place itself, its atmosphere, its air can tell a lot. This is the case of Chegem canyon.

The most impressive monument in Verkhniy Chegem is surface crypts situated in the ancient burial just beyond the settlement. They are made of stone having a form of quadrangles as well as polyhedron cones. It is a kind of 'town of the dead' attracting the interest of scientists since the last century. They distinguish 7 types of crypts. The only enumeration brings to the thought that these crypts are unique, not imitating the architectural traditions of other nations. They are coordinated with the local customs, with the 'requirement' of the mountains. Each new type is a complication of the previous one.

There are different views on the dates concerning the time of these mausoleums construction. But the most probable one is XIII century AD. They were being built up to the XYIII century.

Verkhniy Chegem is also a true museum of wonderful stones showing a real cult of them. There are such 'masterpieces' as Avsoltu-stone that was worshipped as the personification of the patron of hunting Aphsaty; a sacred Bayram-tashy stone; the so called "Stone of infamy" and "Stone of strong men" weighing 300 kg...

Across the river Chegem, on its left bank just opposite the burials, there is a road to Dumala settlement. It seems to go to the very sky. It was one of

the points on the famous Silk Way. There are also two very unusual stones with their own stories. One of them is Ash-Totur. In days of old the youths coming of age brought oblation beside it. Every horseman going by that stone should dismount. There are a number of interesting legends telling of the mysterious punishment of those who broke that tradition. Another stone is considered sacred. It has clear prints of hands and feet that, according to legend, belong to a saint called Paykhanpar. This name goes to Persian and means 'prophet'. Everything here reminds of something beyond our everyday life with its 'troubles' and 'problems', its vanity and 'failures'.

One more interesting settlement in Chegem canyon is Bulungu situated in 6 km from Verkhniy Chegem. In its former life it consisted of some stone 'nests' clamped together. All of them were connected with each other by inner passages under flat roofs. You could walk around the whole settlement without going out. The settlement, in fact, was a real fortress able to defend life and property of the kin.

The most famous place in Chegem canyon is a tourist center "Bashil". Primal coniferous woods, glittering mountain tops, abundance of sun light, aroma of flowers, silvery ripples of streams, profusion of berries and mushrooms – all these is "Bashil".

The center has got its name from the gorge where it is situated. There are also some points with the same name: a mountain Bashil-tau, glacier Bashil and river Bashil-auzu-su – a western source of Chegem river. The extent of the gorge Bashil-auz is about 11 kilometers. But this extent is really extensive making you gasp in amazement every minute. One of the most captivating sights there is waterfall Abay-su rushing down from the height of 70 meters. It is not an unbroken wall of water but plenty of jets and spurts making a fantastic show.

The right branch of Chegem canyon is Gara-auz gorge famous for its numerous mineral springs. Gara means "sour spring". It is a kind of ancient spa. The springs are at the very foot of mountain Tikhtenghen-Tau (4617 m), at the cross-point of two glaciers. The natives consider Tikhtenghen-Tau a dead volcano. Its name means 'calm summit'. Tikhtenghen is very difficult for ascent. Among its first conquerors are the Englishmen T.Longstaff and L.Rolleston (1903).

The microclimate of Gara-auz gorge is unique – rendering health and bracing. Near Tikhtenghen-Tau, one of the most picturesque summits of the Main Caucasian Ridge, is a famous tourist center "Chegem". This place is often compared with Paradise due to its beauty, lavish sun and pure air.

There are a number of places of interest here. In the gorge Shaurtu, the right branch of Gara-auz, a large glacier with the so called Blue grotto attracts everybody's attention. There is a striking contrast in the sounding of these

names. Shaurtu is “a black stepped top”. As for the grotto it is really blue: it has all shades and hues of azure glittering in the sun.

Stones (5 meters high), looking like old castles, made by the nature itself are in the gorge Koru, on the right bank of Gara-az-su river. They remind those in Gili-Su but have their own spell. Spell is also the exact word to describe the Touriy lake, situated at the height of 2720 meters in several steps from the “Northern shelter” – a staging post on the way to Georgia.

This lake is situated in a wonderful hollow surrounded by glaciers from the three sides. A glade of flowers comes to the very lake from the fourth side – scarlet poppies, yellow azaleas, white anemones, pink clovers... The rocks are reflected in its purest water having an amazing color – the mixture of blue and green.

The natural border of Chegem canyon is the crossing Tvibery – the road to Georgia, the road to the Black Sea, one of numerous roads to the wonders of Kabardino-Balkaria. You are always welcome!

ХУЛАМО-БЕЗЕНГИЙСКОЕ УЩЕЛЬЕ

ХУЛАМО-БЕЗЕНГИЙСКОЕ УЩЕЛЬЕ:

это стоит увидеть

Памятник К. Мечиеву
у развилки дорог на Бабугент и Кара-Су

Источник

Башня Усхур-кала

Замок Джабоевых

Башня Ак-кала

Аул Хулам

Балкарские жилища

Башня Баксанук-кала

Аул Шики

Мемориальный музей К. Мечиева

Альпинистская база «Безенги»

Безенгийский ледник

Безенгийская стена

Водопады

Удивительно, но каждая встреча с горами поражает новизной. И бывал здесь, и скалы – отвесные, нависшие над ущельем, – видел не раз, и воду, от которой перехватывает дыхание, пил, и в небо – пронзительно-бездонное, напоминающее чем-то голубую панаму, нахлобученную на вершины, – всматривался, а все как впервые. Восторг, радость от соприкосновения с величием природы, осознание своей малости, утлой временности от встречи с хранителями вечности. Горы – это самая свежая новость, они всегда новы, как и сама жизнь.

...Хуламо-Безенгийское ущелье – не самый близкий маршрут, ранее напрочь отрезанный от нашей повседневности: ни дружеских уз, ни рабочих связей, ни каких-то других интересов. Случалось, приводили сюда журналистские задания, как-то позвала в Безенги судьба человеческая, ярким метеором промелькнувшая на жизненном небосклоне. А потом долгий-долгий многолетний перерыв – повседневность, обыденность, привычная суета сует, в которой нет места вершинам. Приземленность чувств, поступков, забот и тревог, когда небо высокое и горы в белоснежных папах существуют где-то на задворках твоего сознания. Ты знаешь, что они есть, ты помнишь, какие они, даже больше – по утрам, спеша на работу, мимолетным взглядом скользнешь по их гряде, отметишь, что еще стоят, и забудешь до следующего утра, а то и далеко не следующего. Надо еще время иметь, надо еще успеть взгляд поднять, чтобы от номера маршрутки, спускающейся по улице, повести его (взгляд) выше и заметить белоснежную гряду, изо дня в день не устающую испаривать небесную синь. Это Северный массив с его величественными Дыхтау (5204 м) и Коштан-тау (5151 м), откуда берет свое начало Черек Хуламский... Знаменитое Хуламо-Безенгийское ущелье – «единственное в своем роде по высоте замыкающих его вершин Большого Кавказа»¹, как заметил путешественник С. Анисимов. Помимо названных выше, «здесь соединились и другие самые большие его великаны – Шхара, Джанги-тау, Катун-тау, Тетнульд, Гестола и другие «пятитысячники». Все эти грандиозные пирамиды и острогранные призмы превышают Монблан. Ничто так не привлекает альпинистов на Кавказе, как известная Безенгийская стена и встающие над ней грозные вершины. Безенги – классический район для альпинистов всех стран мира. Здесь еще до сих пор есть вершины, на которых не бывали альпинисты». Почти 70 лет прошло, как написаны эти строки, а последняя фраза все еще не потеряла своей актуальности.

Хуламо-Безенгийское ущелье стало за последние годы для авторов этих строк поистине вторым домом – сколько времени провели здесь, готовя книгу о балкарском мудреце и поэте Кязиме Мечиеве. За поселком Кашхатау, у развилки дорог на Бабугент и Кара-Су, ему возведен памятник (скульптор Х. Крымшамхалов). Притормозите машину, остановитесь на мгновение, взгляните в мудрый образ старца – и поверьте – вам захочется поближе познакомиться с провидцем из Шики, ставшим нашим постоянным спутником.

А гидом в поездке по ущелью мы решили взять еще одного удивительного собеседника – Константина Чхеидзе (1897–1974), человека неординарной судьбы и предназначения, отмеченного высоким даром. Выдающийся деятель русского зарубежья, крупный писатель, глубокий философ, один из зачинателей евразийства, он до последнего времени практически был неизвестен в России. Гордимся, что именно нами, нашим издательством, найдена и возвращена читателям его возвышенная песня о Кавказе – книга «Страна Прометея»², ранее вышедшая в Шанхае крошечным тиражом, названная среди девяти лучших книг 1933 года и не сохранившаяся ни в одной из библиотек Европы.

«Страна Прометея» – это своего рода гимн дореволюционному воздуху Кабарды и Балкарии, светлое и пронзительное повествование о горцах, их менталитете, образе жизни и духовных ценностях, взволнованный рассказ об удивительной природе, достопримечательностях горного края. Первая часть книги «Горы и горцы» в основном посвящена поездке в Безенги и Хулам. Пишет ее человек, всю жизнь мечтавший об еще одной встрече с Кавказом, но так и не увидевший его: «Теперь, когда я пережил войну, революцию, побывал во французских лагерях под Стамбулом, подышал воздухом болгарских кирпичных заводов, имел высокую честь гранить... подошвами парижскую мостовую... теперь я говорю печально: зачем, зачем не послала мне судьба внезапную смерть в это утро, в этом ущелье... Я знаю, я чувствую, я весь пронизан уверенностью, что душа моя поднялась бы подобно высокому облаку; поднялась прямо к престолу Господню. Ибо престол Господа – там, около Эльбруса и Казбека.

...Нет, на площадке около мечети в селении Безенги, откуда каждый, только что сотворивший молитву, видит пред собою бессмертную красоту Эльбруса, на этой площадке больше счастья, правды и красоты, чем во всем роскошном Париже»³.

...Сразу за селением Кара-Су собственно и начинается само Хуламо-Безенгийское ущелье. Горы то смыкаются чуть ли не вплотную друг с другом, соединенные одной лишь голубой перемычкой, то расходятся, впуская в свои пределы стада облаков, и ты неосознанно шаришь взглядом по их вершинам, пытаешься увидеть небесного пастуха. А дорога, словно мальчишка в новой, только что купленной родителями, фуражке, все выше и выше задирает свой нос, и уже кажется, что не одолеть подобной крутизны машине, привыкшей к сравнительно ровным нальчикским улицам. И впечатления Константина Чхеидзе о той же дороге, только датированные 1916 годом: «Дорога делала повороты и все круче и круче спускалась вниз, в долину. ...Слева поднималась стена, справа, где-то далеко внизу, струился горный поток. Оттуда, снизу, веяло прохладой. Когда я закрывал глаза, мне казалось, что вокруг раздается невнятная, быть может, но прекрасная, потому что стихийная мелодия. Фантазия преображала горы – в стены какой-то волшебной крепости; а шум горной реки – в гулливый ропот осаждающих толп...» (С. 72).

И еще одна цитата, принадлежащая перу С. Анисимова: «Ущелье Безенги прорезывает р. Черек-Тхяко. На севере его замыкают узкие теснины в Скалистом хребте – Кызгы-Чирт. Теснины эти аналогичны ущелью Су-аузу на Чегеме. Над ними также встают пики из розоватых юрских известняков, заканчивающиеся в небе доломитовыми пирамидами. Долина Череха в этом месте на протяжении около 5 км имеет характер узкого каньона. За ним склоны долины раздаются, становятся более пологими, и Черек течет в широкой горной котловине на протяжении примерно 15 км. В верхнем конце этой котловины расположено селение Безенги... еще недавно имевшее вид скопления каменных гнезд с плоскими крышами»⁴.

Перед въездом в селение Безенги будет уместным обратиться к книге К. Чхеидзе. «Из всех горских обществ... самое маленькое – Безенгиевское общество. Понятно, почему оно меньше других. Во-первых, ущелье, в котором расположено Безенги, Эже других ущелий и ближе к Кавказскому хребту. Близость к снегам, к вечным льдам делает безенгиевский климат более холодным. Во-вторых, сообщение Безенги с другими аулами более затруднено, чем сообщение остальных обществ» (С. 73).

А вот какие подробности сообщает путешественник М. Кипиани в главе «5 горских обществ Большой Кабарды, или Таули», опубликованных нами в первом выпуске сборника «Балкария: страницы

прошлого» (Нальчик, 2005): «Безенгиевское и Хуламское общества помещаются в одном узком ущелье р. Урван или Черек-тхахо. Река эта берет начало под названием Урвана из-под ледников Главного хребта, у горы Тетнулда, и лишь ниже Хулама под названием Черек-тхахо она впадает в лесной уже полосе, в реку Черек. Не доходя до Безенгиевского аула, эта река с правой стороны принимает в себя несколько речек, берущих начало под снегами гор Каштан-тау и Дых-тау.

Безенгиевское и Хуламское общества примыкают с западной стороны к Балкарскому обществу и отделяются от него высоким снеговым хребтом Дых-тау и Имкая-баши; с западной же стороны от Чегемского общества отделяются также высоким скалистым хребтом под названием Карга-шали-тау, который, соединяясь с хребтом Ахкая, оканчивается лишь близ слободы Нальчик.

Горы здесь, как и в остальной части нагорной полосы, весьма круты, большею частью недоступны для пользования. В общем, характер этого ущелья схож во всем с описанными выше ущельями. Узкое ущелье р. Урвана, не доходя до Скалистого хребта, несколько расширяется и дает возможность человеку обзавестись скудным хозяйством.

Оба общества, Безенгиевское и Хуламское, приблизительно занимают около 52,132 десят., причем южную и верхнюю часть по течению р. Урвана занимает Безенгий, а северную, или нижнюю, – Хулам. Безенгиевское общество состоит из двух аулов: Безенгий – 79 семейств, 580 душ и Шики – 61 сем., а всего 140 сем. 1045 душ об. п. ...Хуламское общество состоит из 200 семейств в 1828 душ обоюго пола»⁵.

Вспомним, что писал о памятниках Хуламо-Безенгийского ущелья А. Фиркович, совершивший в 1848 году поездку в эти места: «В этом же ущелье, верстах в трех или четырех от аула Томалай, около двух верст от горной тропинки, ведущей в аул Безенги, вправо к горам, на отлогости, именуемой Берди-бий, осмотрено мною древнее кладбище с каменными памятниками, которых насчитал я более ста и на которых высечены кресты, но без надписей. Как памятники, так и кресты на них, совершенно похожи на виденный мною в Гевержене, не доезжая в Чегем. Напрасно искал я следов жилищ в окрестностях кладбища; время изгладило и признаки развалин.

В урочище Безенги, находящемся недалеко от аула того же имени, также есть обширное древнее кладбище, в середине которого

стоит один четырехугольный памятник, в виде домика, без надписи. Предание относит это кладбище к временам языческим.

Две башни, одна в самом ауле, на вершине едва доступной скалы, другая на равнине с версту от аула, из тесаного камня в три этажа, построены, говорят, дедами настоящих старшин и владельцев аула.

...Спустившись вниз от аула (имеется в виду Хулам. – Авт.) к югу, за источником, именуемым Кезлев или Гезлев, находят древнее кладбище, на котором хотя и есть несколько каменных плит, но без надписей.

В середине кладбища стоит памятник в виде домика, имеющий 5 квадратных аршин и около 6 арш. вышины, с пирамидальной кровлею из каменных плит. Внутри памятника была каменная плита с надписью в 9 строках, которую видел несколько лет тому назад кабардинец подпоручик Магомед Шарданов; но при всех розысках плиты этой, к сожалению, не оказалось, и жители, вероятно уничтожившие ее или употребившие в строение, отозвались неведением. Здесь же находятся две башни, одна полуразрушившаяся в самом ауле, на вершине едва доступной скалы; другая более уцелевшая, за две версты от аула к северу, выстроенная наподобие замка в трех отделениях, с башнями с обоих концов. Все здание имеет под собою земли в ширину 15, а длину 40 аршин. Местное предание относит постройку их к временам весьма отдаленным»⁶.

А вот что увидели Всев. Миллер и Макс. Ковалевский в июне 1883 года: «Через несколько часов мы подъехали к первому горскому аулу – Хуламу. ...Кто построил некогда эту крепость, в свое время недоступную, сложенную весьма правильно из местного камня на цементе, об этом не сохранилось даже предания. Во всяком случае – не предки нынешнего татарского населения.

...Мы взобрались к развалинам башни, чтобы оттуда полюбоваться видом. На противоположной стороне долины виднеются развалины другой башни, которая должна была одновременно с первой защищать ущелье, так что неприятель подвергался перекрестным выстрелам (конечно, из луков). Башня по кладке камней и по типической четырехугольной форме напоминает совершенно башни, виденные нами в горной Осети...

...От наших спутников мы узнали также, что при выходе из аула на скате горы есть древнее, немусульманское кладбище, и, пользуясь оставшимся нам до ужина временем, решили сделать пробную

раскопку. Это предприятие было целым праздником для толпы мальчишек, сопровождавшей взрослых; и они с криком побежали за ломом и заступом, привезенными нами с собой. Скоро, на глубине не более аршина, нашли костяк, железный клинок от ножа и несколько бронзовых пуговиц. Череп не представлял ни малейших признаков монгольства, и, захватив его с собою, мы, ввиду наступающей ночи, умерили свой археологический пыл»⁷.

Памятники Хуламо-Безенгийского ущелья – башни, крепости – и сегодня, в век, когда человек осуществляет космическое строительство, вызывают неподдельное восхищение: как, каким образом, практически на отвесных скалах, куда и налегке добраться по силам лишь опытнейшему альпинисту, имеющему современнейшее оборудование, жившие здесь люди строили столь неприступные башни – доставляли сюда камни, раствор, деревянные балки?..

Об укреплении Усхур-кала, расположенном на скале, что на правом берегу реки Черек-Безенгийский, Исмаил Мизиев писал: «Цитадель этой сложной и остроумно выполненной крепости представляет собой как бы «ласточкино гнездо» над бездной, прилипшее к небольшому скальному козырьку. Скала на этом участке нависает над башней под отрицательным углом и, таким образом, делает ее неуязвимой сверху. Доступ когда-то существовал либо через перекидные деревянные лестницы метров 15–16 длиной, либо по вырубленным в скалах ступеням, которые давно разрушились. Местные старожилы рассказывают, что неоднократные попытки пробраться в башню с помощью лестниц и жердей не увенчались успехом.

Башня приютилась на высоте более 200 метров от основания горы, и к ней немислим доступ ни сверху, ни снизу, ни со стороны. У каждого, кто видит ее впервые, остается все то же удивление – как могли ее создать? Как подходили к этой загадочной цитадели укрепления и какие же безвыходные исторические события заставили жителей построить ее именно здесь? К сожалению, на эти вопросы ответить трудно. Казалось бы, тут каждая гора своего рода крепость. Кто мог додуматься построить ее именно в таком месте? Каменное гнездо!»⁸

В классическом труде И. Чеченова о древностях Кабардино-Балкарии об Усхурской крепости Тотур-Кала говорится следующее: «Крепость состоит из четырех сооружений, представляющих единую оборонительную систему. Одно из них (цитадель крепости) – башен-

ного типа и построена в карнизе скалы на высоте 80–100 м; к ней ведет узкая тропа, частично разрушенная к настоящему времени. Развалины другого сооружения находятся на подступах к цитадели, где начинается отмеченная выше тропа. Остатки еще двух сооружений, защищавших цитадель с тыла, расположены на легкодоступном склоне скалы «Усхур башни». Все сооружения сложены из обработанного камня на известковом растворе. Сохранившаяся высота стен – местами более 4 м, толщина – до 130 см»⁹.

А вот как описывает оборонительные сооружения на северо-восточном склоне горы Усхур Т. Шаханов: «Комплекс ...представляет собой целую систему оригинальных строений фортификационного назначения. Состоит из нескольких башен, служивших в старину одной цели – обороне. Гора, на которой воздвигнута Тотур-Кала, круто поднимается над аулом Усхур (ныне не существующим) и отвесно обрывается на юго-западе. Высота обрыва – 200 метров. И вот в его средней части, на небольшой скальной площадке, была воздвигнута двухэтажная, со всех сторон неприступная башня. Туда можно проникнуть только с вершины горы по узкой и крайне опасной скальной террасе. Стенами этой башни... служит подступающая с трех сторон скала. Это уникальное сооружение буквально висит над пропастью. Снизу, то есть с дороги, сколько бы вы ни вглядывались, обнаружить башню невозможно. Она полностью сливается со скалой.

...Строение было возведено на ровном скальном выносе, размеры которого в основании составляли площадь 5х6 метров. Высота сохранившихся стен достигала 7 метров при толщине стен в 67 сантиметров. В западной стене были две бойницы, расположенные одна над другой. Стены башни были сложены из хорошо подогнанного камня на известковом растворе. У спуска к цитадели на горе располагалась еще одна башня. Она имела сторожевое предназначение и защищала подступы к основной башне. Помимо этой функции, башня использовалась защитниками цитадели в качестве дозорного наблюдения за противником. Находясь на верхней площадке, обороняющиеся могли видеть всю долину реки. Несмотря на свое вспомогательное назначение, эта башня имела довольно внушительные размеры. Длина одной из сохранившихся сторон достигала 13,5 метра. Она так же, как и ее «старшая сестра», была сложена на известковом растворе. С северо-востока – со стороны отлогого подъема на гору – цитадель прикрывалась еще двумя башнями. На верхней террасе одной из них сохранились две стены размерами соответственно 4 и 6

метров и высотой в три метра. Вторая башня была укреплена бастионом довольно внушительных размеров. Длина его сторон достигала 12 метров каждая, а толщина стен и их высота – соответственно 1,3 и 4,3 метра.

...Расположение башен дает возможность контролировать все ущелье, куда достает глаз наблюдателя. «Тотур-Кала» в переводе с балкарского означает «Крепость Федора». Она была, скорее всего, возведена в эпоху распространения на территории Северного Кавказа христианства и название свое получила в честь культа Федора Тирского»¹⁰.

Т. Шаханов относит время возникновения крепости Тотур-Кала к IX–XI векам. Правда, в 1987 году археологами Б. Атабиевым и В. Батчаевым здесь были найдены материалы, датируемые XIV–XV веками.

...Поднявшись на гору Усхур-баши, дальше надо спуститься немного вниз, чтобы, набравшись определенного мужества, по карнизу шириной меньше метра и длиной больше десяти метров добраться до самого укрепления Усхур-кала. Оставшееся расстояние без специального снаряжения преодолеть невозможно да и опасно, хотя оно и показалось нам куда меньшим, чем утверждает Исмаил Мизиев. Вид отсюда открывается поразительный – панорама ущелья завораживает, взор притягивают развалины старого аула Усхур и виднеющийся поодаль, примерно в километре, замок Джабоевых – одно «из монументальных памятников средневекового зодчества Кабардино-Балкарии, одно из самых уникальных сооружений с усовершенствованной планировкой»,¹¹ как восторженно писал Исмаил Мизиев. Ему вторит Тимур Шаханов: «Это один из самых эффектных памятников такого типа на всем Северном Кавказе»¹².

О замке Джабоевых он говорит как о наиболее внушительном, по своим размерам, сооружении «подобного рода на территории Балкарии. Воздвигнут он на недоступной с трех сторон скале, которая господствует на местности. Его полуразрушенные стены видны на большом расстоянии. Так же, как и Усхурские укрепления, замок Джабоевых построен на очень выгодной для обороны местности. Он контролирует большую часть долины и так же неприступен. Плюс ко всему, замок этот прикрывает собой расположенный неподалеку аул. Это был когда-то грозный страж в горах Балкарии. Пешеходный подход к замку имеется только с восточной стороны.

Общая длина замка достигает 27 м, а максимальная ширина 7 м. Самым высоким сооружением комплекса была восточная башня, но

ее верхняя часть разрушена, а потому изначальная высота башни остается неизвестной; ее сохранившаяся часть имеет в высоту 8,3 м. Основным материалом для строительства служили отколотые куски той самой скалы, на которой стоит замок. Это было целесообразно вдвойне: во-первых, отпадала необходимость доставки стройматериала издалека; во-вторых, куски откалывали с таким расчетом, чтобы усилить неприступность самой скальной платформы. Действительно, на большей части своего периметра края платформы почти отвесны и местами достигают высоты 3–4 метра. И это только верхний ярус всего скального выхода.

Толщина стен различных сооружений варьирует от 0,8 до 1–1,2 метра. Местами в кладке встречается тесаный камень. Известковый раствор чрезвычайно прочен. По имеющимся сведениям, при изготовлении такого раствора применялась сыворотка.

С восточной стороны перед башней имеются два вырытых в земле резервуара. Они смежны между собой и в разрезе имеют грушевидную форму, их диаметры у верхних краев 1,2 метра. Резервуары изнутри выложены камнем и тщательно оштукатурены. Вероятно, они служили защитникам для хранения запасов питьевой воды. Вообще, водоснабжению замка было уделено большое внимание. По некоторым сведениям, к нему скрытно была подведена под землей вода из ближайшего источника.

Замок строился в несколько приемов. Вначале было возведено двухэтажное сооружение типа тех, которые в литературе по зодчеству горного Кавказа известны как «жилые башни» или «дома-крепости». В плане оно имеет вид слегка асимметричного прямоугольника длиной более 11 метров и шириной в средней части 7 метров. Из-за сильной разрушенности всего комплекса трудно судить о количестве и взаиморасположении бойниц. К настоящему времени фиксируется только одна бойница на первом этаже южной стены.

Впоследствии замок разрастался за счет дополнительных пристроек. К его восточному торцу была пристроена упоминавшаяся боевая башня. Гнезда от балок межэтажных перекрытий позволяют фиксировать в ней наличие четырех этажей. Но поскольку верхняя часть башни не сохранилась, то не исключено, что в действительности число этажей доходило до пяти или шести.

К противоположному, западному, торцу «дома-крепости» также было пристроено двухэтажное помещение – как бы его продолжение. В плане оно трапециевидное, с двумя бойницами на первом и

одной – на втором этаже. Наконец, к этой второй пристройке пристроили небольшую двухэтажную башенку, тоже трапециевидную в плане. Общая длина этих двух пристроек 10,7 м»¹³.

Считается, что этот уникальный памятник был уничтожен огнем в Средние века. Время не пощадило и его уцелевшие от пламени стены – сегодня можно увидеть лишь жалкие остатки удивительной цитадели, «ставшей неотъемлемой частью пейзажа», органично вписанной «в окрестный ландшафт». Свой девятый век замок Джабоевых, возможно, и не встретит – все проекты по его восстановлению остаются лишь благими пожеланиями.

...Если сразу от въезда в селение Безенги повернуть вправо и по достаточно благоустроенной дороге подняться вверх, то уже по эту сторону Черека, напротив замка Джабоевых, у подножия горы можно увидеть развалины балкарского аула Хулам, некогда процветающего и весьма известного поселения. Упоминания о нем не раз встречаются в трудах многих путешественников, ученых. Ныне аул практически разрушен, но вот что удивительно – даже эти полуразвалившиеся жилища, ушедшие в землю, заросшие травой, забывшие о присутствии людей, поражают своим суровым и гордым величием, которые еще больше подчеркивает нависающая над ними гора.

Время и природа, люди и общественный строй сделали как будто все, чтобы Хулам умер, а он не покорился, он упорно цепляется за жизнь – примкнул, прицепился к горе, тянется по ее склонам и если и уйдет в небытие, то только с ней.

Балкарские дома, музеем которых с полным основанием можно считать Хулам, здесь представлены в своем наиболее архаичном виде – это каменные потеррасные жилища с плоской крышей. Данные постройки, писал архитектор Эммануил Бернштейн, побывавший здесь в 1938 году, «располагались на крутых склонах преимущественно Черек-Балкарского и Черек-Безенгийского ущелий, где они врезались в самый массив скалы. В высеченном в скале уступе получалась горизонтальная поверхность пола и вертикальная – задней стены. В этом же массиве скалы высекался вдоль задней стены так называемый «тырхык» и углубление – ниша для текущего запаса дров, а в полу – ямы для хранения ячменя и картофеля. Камень, вынутый при постройке уступа, шел на кладку лицевой и боковой стен и ограждение усадьбы.

...Ступенчатое расположение жилищ на горном склоне приводило к тому, что крыши домов нижележащего ряда обычно использовались

как дворы или просто открытые площадки перед домами, расположенными над ними. Иногда даже навес верхнего дома имел своим основанием крышу нижней постройки»¹⁴.

А вот что отметили Всеv. Миллер и Макс. Ковалевский: «Сакли хуламцев и вообще горских татар не представляют никаких отличий от осетинских, а также издали имеют вид груды камней и развалин. Вокруг небольшого дворика тянется ряд низеньких построек, сложенных из камня без цемента. Плоские крыши покрыты землей, и если бы не плетеные и вымазанные глиной широкие круглые трубы, вы не догадывались бы, что ходите по крыше, а не по зеленой лужайке. Перед четырехугольными жилыми помещениями идут навесы на массивных столбах. Отдельно от других построек при каждой сакле – помещения для всякого приезжего – кунацкая. Привязав коня к рогатой коновязи, вы входите, нагнувшись, в низенькую дверь кунацкой. На земляном полу у одной стены стоит широкая двуспальная деревянная кровать, у другой стены прямо на земле очаг, над ним пасть широкой трубы. По стенам полки для вещей. Все помещение, иногда сажени 3 длиною, освещается скудно маленькими окошком, конечно, без рам и стекол»¹⁵.

Интересны и наблюдения Тимура Шаханова: «Другое дело Безенги и Хулам. Тут встречались сакли, стены и крыши которых видели десять и более поколений жителей. Дома в этом ущелье строились из камня, толщина стен достигала метра и более. Большинство домов были одноэтажными, крыша одного дома нередко служила двором для другого. Двухэтажные дома были редкостью.

У древнего жилища балкарцев имелась узкая дверь. Дом, пожалуй, больше напоминал крепость, нежели жилье. Об этом свидетельствуют маленькие окна-бойницы, расположенные на втором этаже. Дневной свет проникал на первый этаж и только через дверь. Таким было типичное жилье балкарцев далекого средневековья, когда мирные дни сменялись войнами и людям приходилось выдерживать осаду врага за стенами своих домов.

О том, что жилище горца было надежной защитой и построено прочно, можно судить по сложным перекрытиям, ведь крыша засыпалась толстым слоем земли и служила двором вышеживущим. Поэтому нагрузка была колоссальной, и строителям не так легко было рассчитать запас прочности. Каждая сакля имела очаг. В более древних саклях очаг находился посередине жилища, пристенным он стал позднее. Освещалось жилье светильниками чирахтанами, в которые

по бокам вставлялись лучины, а в центре находились раскаленные угли или плоски с жиром»¹⁶.

Славился Хулам и своим гостеприимством. Впрочем, тема горского хлебосольства – разговор особый. Время и строй кардинально изменили ментальность кабардинцев и балкарцев, но в одном они оказались бессильны – почитание гостя, особенно в сельских семьях, было и осталось как обязанностью, так и сердечным долгом. 120 лет назад Сев. Миллер и Макс. Ковалевский писали: «Пробравшись по узким улицам, беспрестанно пересекаемым канавами, к кунацкой местного старшины, таубия Джарахмата Шакманова, мы сошли с коней и сели на кровать. Немедленно вся кунацкая наполнилась местными жителями, собравшимися посмотреть на приезжих. Уважение к гостю требует, чтобы все стояли перед ним, и даже лица почтенного возраста не решались отступить от этикета. Здесь впервые в большом количестве мы могли наблюдать типы горцев. Кроме, так сказать, случайных лиц (напр., кабардинских), можно резко выделить два господствующих типа: один, напоминающий монгольский, хотя и со значительно сглаженными чертами этого типа: торчащие уши, узкие глаза, выдающиеся скулы, безбородые подбородки; другой – тип арийский, напоминающей всего более осетинский: правильные черты лица, кавказские носы, густые бороды, карие и часто голубые, веселые и интеллигентные глаза.

Горцы отличаются быстротой в движении, они высоки ростом и стройны. В манерах много природной грации и свободы. Речь у них льется неудержимым и быстрым потоком; их словоохотливость нередко переходит в детскую болтливость. Остроты, *bon mots*, обыкновенно безобидные, так и сыплются, когда сойдутся трое, четверо молодых людей. Но на этот раз группа молодежи, собравшаяся на нас поглазеть, отличалась строгим молчанием в присутствии стариков и гостей и ограничивалась самым внимательным наблюдением над каждым нашим действием и движением.

Скоро явился хозяин и приветствовал гостей по-русски, владея довольно свободно нашим языком. Начались обычные расспросы о цели приезда, о дороге, о новостях. Трудно представить себе, с каким напряженным интересом в этих, удаленных от центров, горных тущобах принимается всякая новость и как быстро известие разлетается по всему аулу. После полуторачасовой беседы, в течение которой мы собирали сведения об общинном быте холамцев, их обычном праве, сословиях и т. п., в кунацкой появились первые признаки

угощения. Один из молодых людей внес на кругленьком, низеньком трехногом столике стаканы для чая, сахар и пшеничные чуреки. Другой выступал за ним, держа в подмышках российский самовар. Началось чаепитие, причем хозяин только по нашей просьбе решился пить вместе с нами. За чаем последовала деревянная чаша с вкусным айраном (кислое молоко). Более солидное угощение готовилось к ночи, как мы убедились в том, выйдя из кунацкой погулять по аулу: у самых дверей кухни нам встретился юноша с черным барашком на руках, который должен был быть принесен нам в жертву. ...Когда мы вернулись в кунацкую и воссели на ложе, нам поднесли тазы и кувчаны (кувшины) для омовения рук. Затем появился столик с шашлыком, изготовленным исключительно из ребер ягненка. Конечно, еда производилась по-восточному, без посредства вилок и ножей. Оставшиеся от нашего ужина кости, со скудными признаками мяса, перешли к нашему проводнику и другим гостям, которые, присевши на корточках вокруг столика, покончили с остатками нашей трапезы. Снова омовение рук и поднесение нового столика с нагроможденными на нем кусками вареного барашка, посредине чаша с айраном, в которую любителям предоставлялось макать чуреки и мясо. Третье блюдо было представлено деревянными ковшиками с бараньим бульоном, разведенным молоком. Эти три перемены в описанном порядке составляют, вместе с утренним и вечерним чаем и завтраком из начиненного творогом пирога (хычин), обыкновенное угощение, на которое можно смело рассчитывать в состоятельных кунацких. При некоторой привычке все это кажется довольно вкусно, и можно было бы скоро привыкнуть к азиатскому порядку блюд, совершенно противоположному нашему европейскому, если бы в состав всего обеда не входил неизменный барашек в разных видах»¹⁷.

Ну надо же – барашек им приелся! Молоденький, мясо которого и пережевывать не надо – само во рту тает, аппетитный, с капельками еще не остывшего жира, подаваемый с пылу, с жару! Ну, господа-путешественники, вы поистине европейские гурманы, которых так недолюбливал уже знакомый нам Константин Чхеидзе. Вот его описание похожего пиршества, состоявшегося в этих же местах, только спустя тридцать три года: «Конечно, это была поэтическая картина! Со всех сторон, куда ни глянь, на вас наступают горы. Долина реки Кара-су, если бы на нее посмотреть с аэроплана, показалась бы еле приметной морщинкой, затерянной между горными кряжами. Посередине долины пылает огромный костер. Около него, в живописных

позах, лежат, стоят и сидят люди, увешанные оружием, в черкесках, папах, высокие, стройные, гибкие, подобные рыщущим волкам. Неподалеку от костра слышится жалобное блеяние, словно плачет покинутый ребенок: это режут молодого козленка. Почки молодого козленка (на самом деле печень. – Авт.) являются лакомым кушаньем. Они пойдут председателю. Искусно изготовленные на вертеле, они не теряют сочность. Кто в горах не любит «джалбаур» – так называется это тонкое кушанье... А на костре уже появился громадный котел. Там будут вариться бараны. Я знаю: голова лучшего барана, расколота пополам, достанется опять-таки председателю, как старшему. А мне передадут бараньи уши – привилегия младших хрустеть хрящами бараньих ушей. А потом у котла появится какой-либо почтенный горец, с лицом озабоченным и хмурым. Ему доверена не малая задача: разделить между присутствующими вареное мясо. Разделить так, чтобы никто не был обижен и чтобы были соблюдены выработанные веками правила, в какой иерархии следуют бараньи куски.

Это – целая наука! Точно так же, как среди людей соблюдается местничество по рождению, по летам, по почтенности, так и среди частей бараньей туши различаются куски более почтенные и менее почтенные. Более почтенные предоставляются старшим, менее почтенные – младшим. Задача того, кому поручено распределение, чрезвычайно сложна. Он должен знать степень почтенности каждого присутствующего и значение и достоинство каждого куска барана. Разумеется, если распределитель кусков ошибется, никто не скажет ему: «Эй, ты – ты ошибся!». Никто не позволит себе ронять свое достоинство, поднимая спор о куске мяса.

Но слава искусного распределителя померкнет в таком случае вместе с угольками костра, около которого допущена роковая ошибка. В другой раз ему не доверят уже столь сложное и почетное дело...»¹⁸.

Право, это колоритное описание разделывания мяса барана может служить своего рода пособием для всех желающих постичь тайны данной процедуры. Но только для посторонних – кабардинцы и балкарцы знакомы с ней столь всесторонне и глубоко, что разделывание головы превращается за столом в своего рода праздник старинных обычаев и обрядов. Есть поистине виртуозы этого дела, за руками которых любо-дорого наблюдать, а уж слушать – удовольствие двойное: никого не обидят, вспомнят всех, гостю уделят особое внимание. А уж будущее приоткроют – куда там провидцам и

гадалкам! За столом, на котором дымится свежесваренная баранина, никто из настоящих горцев не уступит Нострадамусу! Кстати говоря, глава администрации Черекского района Махти Темиржанов, к которому и относится Хуламо-Безенгийское ущелье, один из таких профессиональных специалистов-провидцев, в чем авторы имели возможность убедиться лично.

...Впрочем, мы еще не все памятники, имеющиеся здесь и достойные внимания, осмотрели. Если из аула Хулам подняться на гору, к которой он прислонился, то можно увидеть останки еще одной башни. Была она трапециевидной, с оборонительной стеной, достаточно труднодоступной, но главное, что вместе с другими – замком Джабоевых, башней Ак-кала составляла единую оборонительную систему: воины-наблюдатели кострами сигнализировали о приближающемся неприятеле, которых, судя по обилию башен, у жителей ущелья хватало. Ак-кала, то есть «Белая башня», о которой мы еще не сказали, служила для прикрытия аула Безенги, но расположена в отличие от других на равнинном участке – повороте дороги, ведущей в аул Шики. Ранее башня была четырехэтажной, о чем свидетельствуют, как пишет И. Мизиев, «симметрично расположенные ниши в стенах для укрепления внутренних перекрытий. В стенах имеются окна и бойницы»; высота башни достигает 14 метров.

Еще одна башня – Баксанук-кала расположена на вершине горы над аулом Шики. О ней имеется весьма интересная легенда, суть которой сводится к следующему: дочь князя Баксанука (людская память сохранила и его фамилию – Суююнчев), отличавшегося неимоверной жестокостью и пренебрежением к простым людям, полюбила простого юношу, которому соплеменники дали особое поручение – найти место, куда можно уйти от ненавистного правителя. Перипетий в этой легенде предостаточно, но суть ее такова – погибает юноша, его любимая бросается в пропасть, но и князь погибает от рук взбунтовавшегося народа. По другой версии, речь в легенде идет о жене Баксанука, казненной им. Впрочем, суть ли важно – дочь ли, жена: и та и другая – люди близкие и родные, а значит, история Баксанук-кала в любом случае связана с семейной трагедией, символом которой и стала башня.

Той самой трагедии, нашедшей отражение в творчестве выдающегося уроженца этих мест Кязима Мечиева. Балкарского поэта, который, можно сказать, перевернул всю жизнь авторов этих строк. Начав заниматься изучением его жизни и творчества в 2002 году,

авторы издали за это время целый ряд книг о пророке из Балкарии¹⁹, но по-прежнему уверены, что не сказали и малой толики того, чего достоин этот удивительный старец.

...Аул Шики – родовое гнездо балкарского поэта. На небольшой площадке свидетели судеб человеческих – разрушенные сакли, чьи стены – только вслушайся внимательно – хранят в своей каменной памяти людские голоса – гортанные мужские и мягкие женские, ребячий смех и колыбельный напев. И над всем этим – плач. Плач, в котором бездна горечи и боли. Плач, навсегда впитавшийся в каждую каменную трещинку, затаившийся между положенными друг на друга плоскими голышами: кажется, оторви один от другого – и заголосит женскими голосами, отзовется старушечьими причитаниями, пронзительным детским ревом прошлое. Время унижения достоинства, время насилия и несправедливости, время выселения...

Жилище поэта, воссозданное добрыми руками. Очаг, даривший ему тепло. Земляной пол, впитавший в себя боль его хромой ноги. Стены, слышавшие слагаемые им стихи. Да, это не стены родного дома, это стены дома парадного, юбилейного, но, право, так хочется верить, что в основе их есть и камни, служившие Кязиму.

Чуть в стороне, на пригорке, кузня. Она сооружена на том самом месте, где находилась и мечиевская. Через половодье травы, не знавшей все лето косы, травы, скрывающей нас чуть ли не с головой, по разбегающимся под ногами, словно живые, камням добираемся к кузне, открываем дверь – и поток воздуха, будто само время – спрессованное, сжатое – прямо-таки втягивает нас в темное приземистое помещение. Луч света, робко пробравшийся за нами в приоткрытую дверь, открывает глазу кожаные меха, инструменты кузнеца, железные изгибы его работ – подков, решеток...

Пляшут воздушные пылинки в снопе света и чем-то напоминают искры, вылетающие из горна. Пламени нет, оно потухло много лет назад, но кажется: поднеси спичку – и мгновенно вспыхнет огонь, прорвавшись через завесу времени, осветит закопченные стены, запляшет на них алыми всплесками, вырвет из темени прошлого абрис лица – мужественного и доброго, гордого и чистого.

...Кязим – из больших поэтов. Не его вина, что до потомков дошла лишь небольшая часть созданного им. Нет его вины и в том, что не все из дошедшего издано и переведено на русский, по крайней мере, язык, чтобы стать достоянием не только балкарского народа,

но и мировой литературы. Он родился в середине XIX века, но не имел никакого понятия о западной литературе, не знал, что является современником «серебряного века» русской поэзии. Его народ еще не имел письменности, и он стал первым, кто пытался арабскими буквами запечатлеть балкарскую речь, зарифмовав ее в виде восточных газелей.

Он не стремился к популярности, известности, к изданию своих стихотворений. Ведь люди и без этого знали Кязима-хаджи; речитатив сочиненных им строчек звучал повсюду, где собирались балкарцы. Поэзия Кязима не отрывалась от жизни и страстей своего народа, поэтому она стала свидетельством подлинно национального духа и выражением душевных чаяний его соплеменников. С высоты дня сегодняшнего, облегчающего понимание его жизненной миссии, можно без преувеличения сказать, что сам Кязим был душой Балкарии. Он связал уходящее и наступающее время образом жизни, воплотившим в себе нравственный идеал, к которому стремилось национальное самосознание. Он был пророком, отсеявшим преходящее от вечного, и это вечное стало сутью его поэзии.

Человеческая судьба его потрясает стойкостью, умением переносить ее несчастья, не впадая в отчаяние, хотя на его глазах не раз менялся привычный порядок – это и войны, и революции, и коллективизация, и депортация балкарцев в Среднюю Азию. Слушая видевших и общавшихся с ним людей, поражаешься, как он мог в тех условиях вырасти в такую неординарную личность, как сумел подняться над обыденностью и поистине суровым бытом горцев. Творчество его говорит о глубине и интенсивности происходившей в нем духовной работы. Работы, которая и делает его основоположником балкарской литературы. Работы, ставшей залогом его посмертной славы и величия, которые и не снились сонму дипломированных и окольцованных степенями и званиями графоманов. Ему было что сказать в отличие от тех, кто следит за способом выражения, приставляя слово к слову.

Слова, которые Кязим извлекал из родного языка, были для него живыми, поэтому люди, слушая его, прозревали: однообразная рутинная жизнь их, подчиненная выживанию, становилась интереснее, значительнее, многообразнее, может быть, даже драматичнее, чем они сами понимали. В общем, он проявлял, делал видимой и осязательной ту невыносимо тяжкую повседневную жизнь, одновременно показывая, что есть красота, любовь, вера.

Когда понимаешь, что почти до всего он дошел самостоятельно, что знал то, чему никогда не учился; когда стоишь на пороге его сакли с земляным полом и очагом, дым от которого поднимался к потолку и выходил прямо в отверстие в крыше, когда смотришь на горы и орла, парящего над ущельем, то очень ясно осознаешь, что мировая душа (или природа) и космический ум с необходимостью создают таких людей, как Кязим, в нужном месте и в нужное время. Создают, чтобы на шаг вперед продвинуть самосознание и коллективный разум соплеменников.

Круг тем его поэзии и понятия, которыми он мыслил, не устарели и сегодня, как и демократизм, жажда добра и справедливости. Суровый высокогорный климат, где почти полгода царит холод, подарил миру чувствительное сердце, наполненное естественными чувствами. Сердце художника, раненного уродствами социального бытия, запечатлевшего рождение новых противоречий в послереволюционную эпоху и нового самосознания человека, мечтающего под колпаком тоталитарного строя об истинно свободной и духовной личности.

В 1910 году в Мекке Кязим делает вывод: «Мир полон горя, радость же – редка». И это в том месте, где истинный мусульманин чувствует прилив энергии, душевное просветление и очищение, близость к Мухаммеду – тот целовал «черный камень», камень Каабы. Кязим же упорен: «Печаль – повсюду, где ни прохожу». Вряд ли могло быть иначе, ведь он смотрел на мир людей открытыми глазами, он впускал в себя все ощущения, а не только те, что были приятными и убаюкивали бы совесть. Душевные страдания водят его пером, и в 1912 году он напишет:

Земли моей все тяготы и муки
Мне плоть сдавили холодом оков.
Когда я воздеваю к Богу руки,
По ним, Коран листавшим, льется кровь.

Конечно же, как человек верующий, он не должен предаваться отчаянию, но сердце его переполнено чужими бедами. Но разве не таким оно должно быть у поэта? Разве не из таких переживаний выросли строчки любимого им Физули: «Бессилен друг, коварно время, страшен рок, участия нет ни в ком, лишь круг врагов широк...». Но ведь и живший до Кязима и неизвестный ему великий Уильям Блейк

мучился той же мукой: «Отчаяние – рядом, отчаяние ползает вечно, как человек – на локтях и коленях». Драма человеческого существования открылась ему, молитвы и чтение отвлекали от повседневной конкретики, но одновременно выводили за грань неизведанного, непознанного, приближали к сути вещей и явлений, где и скрывался вопрос: почему и для чего посылаются людям страдания.

Наверно, он был святым, пусть и не подозревали об этом современники Кязима. Его природная доброта, преданность, мягкость, отсутствие эгоизма, стремление к поддержке и утешению тех, кто общался с ним, принимались как должное. Доброта его была из внутреннего источника, она шла из человеческого естества его, а не от внешнего желания кому-то понравиться или заслужить похвалу. К концу жизни он нередко плакал, будто очередная чья-то беда вызвала волну боли, перехлестывавшей через край его терпения. Сидя в своей кузнице, окруженный слушателями и рассказчиками, или в крохотной комнатухе, именуемой «каменной библиотекой», в вагоне «товарняка», увозившего его народ в неизвестность, Кязим всегда пытался ободрить и поддержать дух прислушивающихся к нему людей. И потому он остался в памяти живущих не только мудрым сказителем или искусным кузнецом, а именно очень хорошим, необыкновенно хорошим человеком. Поэтому не особенно удивительно, что люди хотят быть причастными к его жизни, придумывают ситуации, которых не могло быть, пересказывают чужие истории, будто бы они произошли с ними.

Кязим действительно народный поэт – его стихи объединяли, объясняли, взывали к глубинным чувствам, ободряли, придавали смысл и прошлому, и настоящему, и будущему. Его стихи, как истинного поэта-гражданина, не устарели и сегодня:

Кругом полно наставников негодных,
Над книгой не склоняющих чела,
Не чувствующих чаяний народных,
Добро не отличающих от зла.

И это он же сказал, что у народа, который держит камень за пазухой, не может быть вождей. И это он завещал: «В трудный час, чтобы выжить и жить, надо другом уметь дорожить». И это он заклинал в последнем своем стихотворении: «Без любви единения нет», тоскуя в холодном Казахстане.

А за сорок лет до «Завещания», в 1904 году, его душе явились другие строки о любви, где явно просматривается сожаление о несовершенстве человека, его зависимости от достатка, зависти, стяжничества:

Было время – любовь даром счастья была,
Даром жизни была золотым.

Правда в том, что сегодня трудно поверить, как в зажатом скалами Шики в обычной кузнице и в обычной же одежде жил и творил совсем необычный для своего времени человек. Его идеалом совершенного человека был пророк Мухаммед, а ниспосланный через него священный Коран на всю жизнь стал советчиком и другом, источником вдохновения и познания.

...8 марта 1944 года по всей Балкарии началось одинаково: стук в дверь и приказ немедленно собираться. Всего за один день сорокатысячный народ был выселен в Казахстан и Среднюю Азию. В большинстве своем людей выбрасывали в чистом поле, где промерзшая земля служила им и кровом, и домом. Тысячи и тысячи погибли от холода, дистрофии, тоски по родным местам. Был среди них и Кязим...

Безжалостность жестокости, проявленной властями при решении судеб малочисленных народов, поражает. Как поражает и стойкость людей, названных спецпереселенцами, не допустивших перемен в подходе к истинной ценности жизни, верящих, что изменится их положение и они смогут вернуться домой. Пепел марта всегда будет стучать в сердце балкарцев, сколько бы воды ни унесла река Времени.

...Долгих тринадцать лет длилось насильственное отторжение горцев от Кавказа. Лишь на исходе XX столетия прах поэта вернулся домой и был перезахоронен в Долинске. Цепь его бесконечных земных скитаний замкнулась – балкарская речь звучит над его могилой, на самом деле сбылось его пророческое: «Я болью народною стал...».

Как жаль, что Константин Чхеидзе, побывавший в этих местах, когда Кязим Мечиев был жив, не встретился с ним. Но то, что он его видел, остановил свой взгляд на его благородном облике, одухотворенном лице, несомненно. Об этом свидетельствует и фотография, сделанная в это же самое время, и сами заметки певца Кавказа: «Если бы я был живописцем, в этом месте я прервал бы свой рассказ и взялся за кисть. Но, увы, кисть мне недоступна! У меня нет также фотографии, которые помогли бы восстановить в памяти всю

яркость и красочность группы стариков, сидящих у порога мечети на фоне вечных снегов, в потоках солнца, величественно плывущего по достигаемому синему небу. Небо в горах потому и прекрасно, что оно достигаемо. В вас живет постоянное чувство необычайной близости и вещественности небесного свода. Вам представляется естественным и возможным взобраться вон на ту, подобную алмазу вершину, приподняться на кончики пальцев и прильнуть губами, грудью, всем восторженным вашим естеством к голубой густоте, именуемой небом. О, какая сладость осязать синие своды, за которыми живет Бог. Вам не надо знать ни что такое вера, ни что такое разум. Вам достаточно отдать себя властной гармонии природы, и вы почувствуете, что есть Небесные Силы, и что Они – невидимые, но внутренне зримые и осязаемые, – отражены в вас»²⁰.

Спустимся из Шики вниз, к реке, и направимся в сторону гор, так призывно белеющих впереди. Здесь «Черек разработал себе долину среди склонов, покрытых альпийскими лугами, сложенных из кристаллических сланцев, а еще выше из гранита. Над ними встают вершины, точно замки готической архитектуры, врезающиеся зубцами своих стен в самое небо. На юге впереди, в голове долины, видны вечно-снежные великаны Кавказа. На всех изгибах ущелья они сменяют друг друга и необычайно освещают блеском своих снегов пейзаж этой высокогорной долины. С обеих сторон в Черек впадают потоки, текущие с окрестных вершин. У истоков каждого из них залегают ледники. Долина то суживается в гранитных теснинах, то значительно расширяется в новые котловины с альпийскими лугами...»²¹.

У самого известного журналиста конца XIX – начала XX века Владимира Гиляровского, чье имя в последнее время упоминается, к сожалению, достаточно редко, есть книга «Люди театра», а в ней очерк «Восходящая звезда». Название свидетельствует, что он как будто о выдающейся русской актрисе М. Н. Ермоловой, но на самом деле «дядя Гиляй» рассказывает о своих поездках в семидесятые годы XIX века. Одна из них – на Кавказ, в Кабарду. Побывал В. Гиляровский тогда и в ущелье, о котором ведем речь. Вот как он описывает свои впечатления: «Бурно вьющийся излучинами Черек был этот бешеный змей, вырвавшийся из ледников Каштан-тау. Около полусотни километров сверкала изломами узкая трещина, и на всем ее протяжении не живет ни одного человеческого существа... Только там, под ледниками, на другом берегу Черека, лепится к скалам заоблачный

аул Безенги, а там, за ним, вершины невидимого Каштан-тау, по обе стороны которого снега горного хребта и будто бы перевал, исстари известный в этом единственном в этих горах ауле под названием «Магометова дорога». Должно быть потому, что по ней, кроме Магомета, да и то по древним преданиям, никто не ходил...»²².

Ходили и ходят, особенно сейчас, ведь тропа за прошедшее время стало полноценной грунтовой дорогой, которая вполне по силам не только внедорожникам, но и обычной легковушке, если вы, конечно, не дрожите над ней. Но испытаний тем не менее дорога предоставляет предостаточно, ведь Черек в своих верховьях остается Черек – своенравной, гордой рекой, которую невозможно приручить, с которой необходимо обращаться, как с женщиной – красивой внешне, но характером вспыльчиво-капризной: уж и знаешь ее как будто от головы до кончиков пальцев, но никогда не уверен, как она поступит в следующее мгновение, какие коленца выкрутит. Тем более, как поступит со своими полуобручальными кольцами – мостами. О, эти горные мосты! Они были и будут темой особого разговора – сегодня они есть, а завтра нет, только что были проходимы, а ныне даже ступить боязно. Вот что писал всего 90 лет назад Константин Чхеидзе: «Представьте себе бездонную узкую щель. Там, внизу, в черном провале, ревет невидимая стремнина вод. Оба края словно обрезаются гигантским мечом. И от одного края к другому переброшены два, иногда три, необделанных ствола. Поперек стволов набросаны неприкрепленные жерди толщиной в человеческую руку. Некоторые толще, некоторые – тоньше. Местами многочисленные прошедшие здесь конские копыта пробили зияющие дыры. Упаси бог, если попадет в эту дыру тонкая нога благородного скакуна. Погибнет конь, погибнет наверняка, а может быть, упав, он увлечет в своем падении и несчастливую всадника...»

Конечно, мосты через горные потоки слишком опасны, или лучше сказать, преступно-легкомысленны, чтобы ими хвастать. Но в стране гор – они естественны и неизбежны. В стране ледников и пропастей они являются лишь частью общей картины, которая покоряет величием своей дикой красоты...

Я видел людей, попавших в горы с равнины; которые не решались довериться собственным ногам, чтобы перейти такого рода мост... Разумеется, над ними не надо смеяться. Но они производят в горах странное впечатление каких-то ужей, затесавшихся в общество соколов и речетов»²³.

А вот описание Владимира Гиляровского: «Удивительный мост! Будто оторвали дно от плетеной корзины, увеличили его в сотню раз, перекинули каким-то чудом через огромный пролет и сверху наложили еще несколько таких же днищ... Внизу, глубоко под ним, ревет, клубясь белой косматой пеной, река, в которой воды не видно, – пена, пена и пена и облака брызг над ней.

...Я вступил на зыбучий плетень без всякого признака перил. ...Я знал, что в таких переправах нельзя смотреть вниз, особенно здесь, на грохочущие буруны, но приходилось смотреть под ноги, того и гляди запнешься за торчащую ветку или нога попадет на какую-нибудь неровность зыбившегося подо мной висячего пути. А Черек будто переливался под нами...»²⁴.

...За селением Безенги скалы все более сужаются, и вскоре путешественника ожидает удивительная встреча с грандиозным ледником Уллу-чиран, одним из самых больших на Кавказе (около 13 км), из которого и берет свое начало Черек. «К нему направляется целый ряд ледяных потоков, текущих с окружающей его группы великанов: с западной стороны Гестола-тау, прямо с юга Катын-тау и Джанги-тау и на востоке Дых-тау и Шхара-тау посылают сюда свои ледники огромной мощности. Сам ледник Безенги складывается из двух больших ледяных потоков, текущих навстречу друг другу параллельно оси Главного хребта. Один с запада – с вершины Гестола, другой с востока – со Шхары. По дороге в эти ледяные потоки впадают ледники, спускающиеся с вершин Катын-тау и Джанги-тау. Все эти массы льдов, двигаясь вниз навстречу друг другу, на высоте около 3 500 м сливаются в одно общее русло, и ледник Безенги течет дальше по очень пологому ложу на протяжении около 9 км. Общая длина этого знаменитого ледника Уллу-чиран около 17 км. Нижний конец его находится на высоте 2 090 м. Внизу он вполне доступен, а в голове его встает совершенно непроходимая «Ледяная стена».

Всех, кто видит впервые эту панораму льдов Большого Кавказа, прежде всего поражает их огромная мощность, живое ощущение очень грозного и великого явления природы. С правой стороны ущелья над ледником лежит старая огромная морена из валунов, скрепленных глиной. Над террасой вторая морена, а за нею опять терраса, и над этой второй террасой третья морена. Параллельные валы

этих морен очень показательно говорят о том, как ледник уменьшался в своих размерах. Над Безенгийским ледником с обеих сторон на крутых или даже отвесных склонах высоко вверху, примерно на километр над его течением, висят ледники скандинавского типа, обрывающиеся над крутыми склонами. С правой стороны встает красивая, трудно доступная вершина из гранитов, покрытая вечными снегами и льдами, – Мисис-тау»²⁵.

А вот каким увидел Безенгийский ледник Константин Чхеидзе: «...он, действительно, огромный – в несколько верст длиной тянется ледяная река, окаймленная струящимися камнями. Эта река имеет свои «ледяные пороги», вроде тех, какие преграждают Днепр, но с той лишь разницей, что безенгиевские пороги не клокочат, не расшвыривают волны, а вздымаются в ледяном молчании и так засыпают на многие годы. Медленная работа солнца, ветров и воды когда-нибудь изменит очертания безенгиевских порогов и водопадов. Но глазу наблюдателя они кажутся окаменевшими навеки»²⁶.

Здесь, близ ледника Уллу-чиран, на высоте 2 200 метров, на относительно небольшом ровном плато, словно специально созданном природой, расположилась спортивно-оздоровительная альпинистская база «Безенги». Еще в тридцатые годы прошлого века в летний период на этом месте регулярно разбивала свой лагерь школа альпинизма РККА, а в 1959 году открылась турбаза. Сегодня в сезон она принимает до 1000 любителей горных путешествий, среди которых немало иностранцев. Стационарные уютные домики, необходимые удобства, доброжелательная атмосфера – альпинистам особый уют не нужен, в цене у них возможность осваивать, преодолевать, покорять. Осваивать технику скалолазания и хождения по льдам, преодолевать ледопады и самих себя, покорять вершины... Скалы, нависающие над «Безенги», дают всего этого с избытком. В 2004 году альпинистская база торжественно отметила свое 45-летие, к которому была приурочена спортивно-исследовательская экспедиция журнала «ЭКС. Путешествия. Приключения. Экстрим» в район третьей вершины Европы – пика Коштан-тау²⁷.

...Но даже если вы равнодушны к альпинизму, все-таки поднимитесь по горной тропке вверх от базы, постарайтесь приблизиться как можно ближе к знаменитой Безенгийской стене – тринадцатикилометровому участку Главного Кавказского хребта, сплошь покрытому снегом и льдом, замрите от ее грандиозного, непостижимого вели-

чия, глубоко вдыхая чистейший, перехватывающий дыхание воздух. И тогда вы, несомненно, почувствуете, словами Константина Чхеидзе, что «есть такая высокая и гордая радость – бывать на высоте, на которой живут орлы и клубятся туманы. И чем эта радость глубже, тем она молчаливее, как молчаливо всякое глубокое чувство...». И мир раскроется перед вами «подобно гигантской белой птице, с голубыми крыльями, несущей золотой цветок...»²⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Анисимов С. Кабардино-Балкария. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. С. 67.

² Чхеидзе К. Страна Прометея. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2004.

³ Там же. С. 64–65.

⁴ Анисимов С. Кабардино-Балкария. С. 67.

⁵ Кипиани М. От Казбека до Эльбруса // Балкария: страницы прошлого. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2005. С.61–62.

⁶ Фиркович А. Археологические разведки на Кавказе: Труды восточного отделения Императорского Археологического общества. Ч. 3. СПб., 1858. С. 131–133.

⁷ Миллер Всев., Ковалевский Макс. В горских обществах Кабарды // Вестник Европы. 1884. Т. 2. С. 548–552.

⁸ Мизиев И. М. Туристскими тропами в глубь веков. Нальчик: Эльбрус, 1976. С. 27.

⁹ Чеченов И. М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1969. С. 90.

¹⁰ Шаханов Т. Б. Записки краеведа. С. 97–98.

¹¹ Мизиев И. М. Туристскими тропами в глубь веков. С. 28.

¹² Шаханов Т. Б. Записки краеведа. С. 50.

¹³ Там же. С. 98–100.

¹⁴ Бернштейн Э. Б. Архитектура балкарского жилища. М.: Дикси, 1993. С. 21.

¹⁵ Миллер В., Ковалевский М. В горских обществах Кабарды. С. 549.

¹⁶ Шаханов Т. Б. Записки краеведа. С. 47–48.

¹⁷ Миллер В., Ковалевский М. В горских обществах Кабарды. С. 549–552.

¹⁸ Чхеидзе К. Страна Прометея. С. 101–102.

¹⁹ Котляровы М. и В. Слово посланника; Слово судьбы; Слово творца. Нальчик, 1983; Они же. Балкария: боль и гордость: Книга о мудром кузнеце Кязиме Мечиеве. Нальчик, 1983; Они же. Кязим. Стихи, поэмы. Нальчик, 2004; Они же. Кязим. Жизнь. Судьба. Нальчик, 2005.

²⁰ Чхеидзе К. Страна Прометея. С. 85.

²¹ Анисимов С. Кабардино-Балкария. С. 68.

²² Гиляровский Вл. Сочинения в 4 т. Т. 1: Восходящая звезда. М.: Правда, 1968. С. 375–376.

²³ Чхеидзе К. Страна Прометея. С. 75–76.

²⁴ Гиляровский Вл. Восходящая звезда. С. 378–379.

²⁵ Анисимов С. Кабардино-Балкария. С. 69–70.

²⁶ Чхеидзе К. Страна Прометея. С. 73.

²⁷ Альплагерю «Безенги» – 45 // Кабардино-Балкарская правда. 2004. 4 августа.

²⁸ Чхеидзе К. Страна Прометея. С. 112–113.

KHULAM–BEZENGY CANYON

Mountains are always the best and latest news. Whenever you go there you meet something new and unexpected. Khulam-Bezengy canyon is far beyond our routine ways, far off our everyday life. Its 'address' is beside Lateral of the Main Caucasian range with its magnificent peaks – Dikh-tau (5204 m) and Koshtan-tau (5152). Just there takes its source the river Chereck Kholam.

This canyon is the only one of its kind due to the height of encircling it mountain summits. Besides Dikh-tau and Koshtan-tau there are such giants as Shkhara-tau, Janga-tau, Katin-tau and other peaks more than 5000 meters high not to mention of the famous Bezengy ice wall (2000 m high) – a challenge to the climbers of the whole world.

Kara-Su settlement is the gate to Khulam-Bezengy canyon. It is cut by the river Chereck flowing in the hollow with changing greatly width. At the upper end of this hollow is the settlement Bezengy – one of the nearest to Caucasian range and its eternal snow and ice.

The monuments of Khulam-Bezengy canyon – towers, fortresses – can simply amaze everybody. We wonder how these striking constructions were built in the inaccessible places, at unbelievable height. Here is a quotation from the book "Tourist paths into the depth of Time" (Nalchik, 1976) about a fortress Uskhur-kala: "The citadel of this complex and wittily built fortress is a kind of swallow nest stuck to a small rock ledge above abyss. The rock there hangs over the tower at an oblique angle protecting it and making it unassailable from above. It was possible to get there either by long gangway (about 15 m) or by steps in the rocks... The natives tell that numerous attempts to get into the citadel with the help of staircases and poles gave no result.

The tower is at the height of 200 meters from the foot of the mountain. There is no access to it neither from above nor from below. Everybody who sees it for the first time wonders: how it could be built; how it was connected with the rest of fortifications; what historical events made the people erect it just at that place. Unfortunately, it's difficult to answer all these questions".

The 'swallow nest' is called Totur-Kala that means "The fortress of Theodore". According to some scientists, it was built in the time of spreading Christianity in the North Caucasus, i.e. between IX–XI or XIV–XV centuries. It was named after Theodore Tirsky.

The disposition of towers of the fortress gave opportunity to control the whole gorge. The view from the citadel is surprising. We can see the picturesque gorge, the ruins of the old settlement Uskhur, the Djaboevs' castle.

The castle is one of the unique monumental constructions of Medieval architecture in Kabardino-Balkaria. It is considered to be among the most striking monuments of the kind in the North Caucasus. The total length of the castle walls is 27 m, the maximum width is 7 m. The highest in the complex was the eastern tower. Its upper part is ruined now. The remained part is 8,3 m high.

The castle was being built gradually – stage by stage. First it was a building of two floors known in the Caucasus as ‘living tower’ or ‘house-fortress’. Afterwards it was enlarged by additional annexes and lean-toes. The number of floors reached 5 or 6. The castle was built from the blocks of the ‘origin’ rock. It was an expedient solution. The mortar is extremely durable. From the eastern part of the fortress there are two dug-in reservoirs. They are reverted by stone and thoroughly plastered. Probably, they were intended for keeping of water stocks. The question of water-supply was the prime. There was presumably a secret underground admission of water from the nearest spring.

According to some sources this unique monument was ruined by fire in the Middle Ages. Today, unfortunately, we can see only some remnants of it.

Just opposite the Djaboevs’ castle there are the ruins of Balkarian settlement Kholam, rather famous and well-being in the old days. It is often mentioned in the notes of travelers and researchers. But even in its modern state the settlement strikes by stern and proud greatness.

Balkarian house is a terrace construction with flat roof. This type of dwelling was described in 1938 by the architect E. Bernshtein in the book “The architecture of Balkarian house”. Kholam is a peculiar museum of such architecture.

Caucasian hospitality is a particular topic but we should mention it here with one surprising fact. There was no Caucasian house without a special room – for guests. In most cases it was a separate accommodation. It was meant exclusively for reception and residence of the guests. There are numerous traditions and rites in the Caucasus. The one of hospitality and welcome is considered unique. Even enemy, becoming a guest in some particular circumstances, might be welcomed and defended if necessary.

If to go up the mountain being a ‘wall’ of the settlement Kholam we’ll see the remnants of well fortified tower having a form of trapezium which was the part of the defensive complex alongside with the Djaboevs’ castle and the so called Ak-kala (“White tower”) tower. The last one was situated on the flat part of the road, just at the turning to Shicky settlement. It was 14 meters high and had 4 floors. One more tower – Baksanuk-kala – is situated on the top of the mountain above Shicky.

There are some interesting legends connected with Baksanuk-kala – legends about love, hatred and treachery. That tragedy found its reflection in the works by outstanding Balkarian poet Kayzim Mechiev. Shicky is his birth-

place. It can even be called his ancestral nest. Nowadays it is ruined as well as numerous Balkarian homes destroyed by Stalin policy of deportation. The land of lament...

The poet’s house is a museum now. It’s not unfortunately authentic but reconstructed. Nevertheless it seems to keep something original as well as small smithy where he worked. Kyazim was not a professional poet. He was a blacksmith composing verses. A wise blacksmith, a Hadji worshipped as prophet by his people.

He was born in the middle of the 19-th century when the Balkarians had no written language yet. He became the first who tried to make it on the base of Arabic script. It was Kyazim who embodied the best in his nation, the best in the national consciousness. In 1910, being in Mecca, he wrote: “The world is overwhelmed with grief, joy is so rare here”.

He still lives in the memory and soles of his people not only as a remarkable poet but as an exceptionally good man. It’s very difficult to realize that in a small settlement Shicky, lost high in the mountains, in a common forge, was such an extraordinary man. He shared a terrible fate of the deported Balkarians. 40 thousand people were exiled to Kazakhstan and Middle Asia on the 8-th of March in 1944. Thousands of them died from cold, exhaustion, nostalgia. Kyazim was among them.

The deportation lasted for long, hard 13 years. Only at the close of the XX century the dust of the poet was brought back to his homeland and reburied in Dolinsk – the suburb of Nalchik.

Going down the road from Shicky to the river Chereck we’ll see a captivating picture. One of the most popular journalists of the end of the XIX century Vladimir Gilyarovsky described them in his essay “A Rising Star” devoted to his trips to the Caucasus. In one of his descriptions we see Shicky – stuck to the rocks, situated beyond the clouds and just over it the snow-covered peaks. Among them there is a crossing in the ridge known as “Mohammed’s road”.

Chereck is a true mountain river – wayward, proud, hard to curb. You are never sure of its next ‘step’, especially when it deals with bridges. They are here today but you won’t find them tomorrow. Sometimes you need all your courage to step there. Of course any country of mountains can’t do without them. They are quite necessary, even ‘inevitable’. They are natural part of the common picture that impresses you by the grandeur of its wild beauty.

The next surprising meeting is that with the grandiose glacier Ullu-Chiran, one of the biggest in the Caucasus. Its length is about 13 km. It is just from here the river Chereck takes its source. Several icy streams from such giants as Gistola-tau, Katin-tau, Djanga-tau, Dikh-tau and Shkhara-tau send there glaciers of great power. The glacier Bezengy is made up by two large icy streams flowing parallel with the axis of the Main range.

All these masses of ice, moving down towards each other, flow together in one common channel at the height of 3500 m. Now it is a famous glacier Ullu-Chiran-Bezengy 17 km long. Its lower accessible edge is at the height of 2090 m. As for its upper part called “Icy Wall” it is absolutely impassable.

Here is an extract about Bezengy glacier from the book “Prometheus’ Country” by Constantine Chkheidze: “It is really enormous – a river of ice bordering with the ‘streaming’ stones. This river has its own ‘icy rapids’ alike those which bar the flow of Dnieper: only Bezengy rapids don’t roar and splash but rise in an icy silence – still, immobile for many years. Slow but persistent work of the sun, winds and water will change some day the outlines of these rapids and waterfalls. But now they seem petrified forever”.

Next to the glacier Ullu-Chiran, at the height of 2500 meters, there is a sport center “Bezengy”. It is accommodated for 300 tourists at a season. But if you are indifferent to the climbing you’ll enjoy the very mountains, their picturesque vicinities, their purest air and bluest sky above. “Only mountains can be better than mountains” as Vladimir Visotsky wrote. That means that we’ll certainly meet in Prometheus’ Country. You are always welcome!

ЧЕРЕКСКОЕ УШЕЛЬЕ

ЧЕРЕКСКОЕ УЩЕЛЬЕ:

это стоит увидеть

Нижнее Голубое озеро
 Центр глубоководных исследований
 Верхние озера – Секретное, Сухое
 Каменный навес «Пронеси, господи»
 «Смелый поворот»
 Гора-кольцо
 Крепость Зилги
 Развалины аула Кунньюм
 Башни Абаевых
 Крепость Малкар-кала
 Крепость Болат-кала (Карча-кала)
 Башня Амирхана
 Могильники «города мертвых»
 Ущелье Рцывашки
 «Дымящаяся» речка Тютюн-су
 «Штулинская поляна»

Мы долго думали, в чем отличие Черекского ущелья от других, и пришли к общему мнению – кроется оно не в природе, не в достопримечательностях, а в восприятии. Уж очень труден сюда был раньше путь: дорога изобиловала столь многочисленными опасностями, вилась по таким кручам и высям (глянешь вниз – дыхание перехватывает, а тем, кто боится высоты, лучше и не подходить к краю), что путешествующий здесь впервые волей-неволей задумывался о бренности человеческого существования. Впрочем, и сегодня, когда горные тропы стали автомобильными трассами, а наиболее опасные участки запрятались в сами скалы, прорезанные туннелями, пребывание на высоте вызывает выброс адреналина у большинства приезжающих – где-то далеко внизу, в десятках метров от тебя, клокочет Черек; теснина столь отвесна и узка, что, сорвавшись (не дай бог даже представить это!), и стен не заденешь, долетишь до остроко-нечных мощных речных глыб целеньким...

Черекское ущелье до недавнего времени называлось Балкарским, и этому есть свое объяснение. Ведь, как писал Леонид Лавров, «ущелье р. Восточный Черек считается, по преданию, первоначальным местом поселения балкарцев. Оно и его население издавна у балкарцев носит имя Малкъар, у кабардинцев – Балкъар, а у грузин – Басиани. Старейшее письменное известие об этом ущелье содержит грузинская надпись на золотом кресте Спасской церкви в сел. Цховати в Ксанском ущелье».

И у него же читаем: «Надо думать, что грузинский термин «Басиан» применительно к Балкарскому ущелью происходит от родового имени «Басият», которым называли себя таубии этого ущелья. Страна «Басиан», таким образом, должна означать территорию, принадлежащую владетельному роду Басиани... или, иначе – Басиятовым. Учитывая это, приходим к заключению: Цховатская надпись дает основание утверждать, что в XIV или XV в. балкарцы жили вблизи нынешней Северной Осетии, через которую только и могли происходить военные и торговые сношения Ксанского ущелья с балкарцами. Так как северокавказская степь в это время была занята татарами и кабардинцами, а Осетия – осетинами, то естественно допустить, что балкарцы жили тогда примерно в тех самых ущельях, что и теперь. С этой точки зрения Цховатская надпись является наиболее ранним известием о подлинных балкарцах»¹.

Всех интересующихся историей Балкарии отсылаем к избранным работам Л. И. Лаврова, составившим второй выпуск нашего проек-

та «Балкария: страницы прошлого» (Нальчик, 2005). Относительно же Черекского ущелья приведем такие факты: в ноябре 1628 года «были доставлены в г. Терки из Балкарского ущелья образцы серебряной руды», московские послы Н. М. Толочанов и А. И. Иевлев, идя в Имеретию и обратно, побывали в 1651 году «на Черехе реке» в «Болхарех». Письменные источники сообщают: в 1656 году «о местности «Малкари», лежащей между Грузией и Терками, и о местности «Басиани», находящейся вблизи Черкесии и Дигории, в 1718 году – о «татарах балкарских», в 1743 году – о «волости Малкар», которая «лежит в вершинах р. Черека», в 1747 году – о «болгарце» из фамилии Абаевых, которая позже известна в ущелье р. Восточного Черека.

Во второй четверти XVIII века – об ущелье «Басиани», находящемся по соседству с Дигорией, Рачей, Сванией и Черкесией, в 1757 году – об урочище «Малкар», расположенном «в Кашкатавских вершинах», в 1768 году – о народе «Балкар», который находится по соседству с Караджау и «Дюгером»...

Документ 1743 года говорит о балкарском народе, что он «состоит в разных пяти волостях и по оным и звание свое имеет. А общего всему народу звания нет».

В 1834 году в своем «Путешествие в Сванетию и Кабарду» в разделе «О горских нам покорных племенах» князь И. В. Шаховской (тот самый, в чьем доме спустя год состоялась встреча лингвиста академика Шегрена и кабардинского просветителя Шоры Ногма): «Малкарцы живут в Черехе и разделяются на старшин и черный народ. Пространная долина, лежащая в глубоком ущелье, дает возможность малкарцам с успехом заниматься хлебопашеством, и высокие горы с сочною травою предоставляют возможность поддерживать их скотоводство»².

В 1846–1848 годах барон Карл Сталь, автор знаменитого труда «Этнографический очерк черкесского народа», сообщал: «Малкарцы разделяются на четыре общества: 1) Балкар, 2) Хулам, 3) Безенгий и 4) Чегем. Урусбиевцы же образуют одно общество. Происхождения монголо-татарского... Живут по верховьям рек Черека, Чегема и Баксана. С 1822 года они отделены от зависимости кабардинцам и повинуются прямо нам. Народ воинственный, но не хищный; малкарцы всех четырех обществ, а также и урусбиевцы имеют своих старшин, которые управляют ими на мирских сходках. Народонаселение всех пяти обществ простирается до 3870 душ; скотоводство и овцеводство составляют главный предмет их промышленности»³.

Это небольшие штрихи к истории ущелья, о котором мы поведем речь. И поэтому представляет определенный интерес описание пути, во время которого И. В. Шаховской осуществлял топографические исследования местности, из Хуламо-Безенгийского ущелья в Черекское: «От безенгиевцев, переехав через Черек Хаху по мосту, поднимаемся в параллель Кавказского хребта верст 15 по реке Гудро. Перевалившись чрез вершину хребта, с коего весьма дурной спуск верст 8 в ущелье Украк к речке Иричи, впадающей в Черек, вниз по одной верст 5 нужно переправиться вброд на правую сторону, подыматься по течению реки около 4 верст до первого малкарского аула, от коего, повернув направо и проехав версты 3, спускаемся к реке Череху, протекающему по довольно широкому ущелью, усеянному отдельными аулами, из коих верхний выстроен на правой стороне Черека, при впадении реки Шканти. Версты 2 ниже с левой стороны впадает река Чайнакши, именуемая в верховьях Иричи.

Через верст 9 вниз по реке Черек ущелье сужается, дорога переходит на левую сторону, через 6,5 версты – на правую, через версту – на левую, потом опять через версту на правую. В сем месте ущелье так узко и дорога так дурна, а особливо подъем, что малкарцы с сей стороны считают себя совершенно обеспеченными от нападений, и с малым числом людей можно держаться очень долго против больших сил. Поднявшись на гору, дорога идет лесом 9 верст и выходит на большую поляну, замечательную озером Шерегана, от коего в одной версте лежит мост через Черек; переехав оный – через 1,5 версты речка Карасу, от коей до Черек Хаху верст 5, переправа через оный по мосту, от коего в полуверсте оба Черека соединяются. Проехав вниз по левому берегу сей реки верст 14 – сухая и довольно глубокая балка Кашхатау, от оной взяв на север версты 3,5 до реки Хьсу, от сей по тому же направлению 11 верст до реки Психеху, от оной три версты до реки Нальчика, переехав через которую на левый берег – до крепости того же имени не более двух верст»⁴.

Мы же проделаем этот путь в обратном направлении – от Нальчика до Кашхатау, Бабугента, Верхней Балкарии. И проводником нам будет река Черек. Тот самый Черек, который путешественники считали после Баксана «главнейшей рекой в Кабарде. Выходя из гор Балкарского общества, Черек течет между каменистыми берегами, только изредка покрытыми лесом. Прорвавшись же через Черные горы, он переходит в гористую долину, покрытую густым строевым лесом. Усилил здесь свои воды притоками справа и слева, Черек

образует несколько каскадов и ниже устья реки Хоа разделяется на рукава, которыми и впадает в Баксан. Значительная быстрота и глубина реки причиной тому, что переправа через нее весьма опасна»⁵.

До поселка Кашхатау, административного центра Черекского района, из Нальчика можно добраться двумя дорогами – более короткой (через селения Хасанья, Герпегеж), но, к сожалению, достаточно разбитой, и по скоростной трассе (через селения Урвань, Аушигер). Дорога займет от 30 до 40 минут (в зависимости от скорости) и не покажется утомительной, тем более, если вспомнить, что еще до недавнего времени была она многочасовой, а каких-то сто лет назад и многодневной. За Кашхатау (в переводе с балкарского это название звучит как «лысая гора», где *кашха* – «лысый», «рябой», а *тау* – «гора»), «правый берег Черека поднимается крутым склоном», «совсем близко встают в виде розовых и желтых скал, точно крепостные бастионы, вершины Скалистого хребта... Черек бежит в глубоком русле весь в каскадах и пене, откладывая на берегах своего ложа крупную гальку. Всего в 6 км выше Кашхатау Черек Балкарский сливается с Черком-Тхяко (кабардинское название тридцатых годов прошлого века, а ныне Черек Хуламский), прорезывающим Безенгийское ущелье... В этом месте долина расширяется, лесные склоны раздвигаются и образуется большая горная котловина с мягкими тирольскими пейзажами, как на Чегеме. Эта котловина – как бы ворота в Балкарское ущелье. Здесь когда-то существовало укрепление, закрывавшее выход из него на плоскость. Выше по течению р. Черек на левом берегу раскинулась большая луговая терраса». За ней «ущелье опять суживается. Черек течет в глубокой пропасти. ...Затем новое расширение в красивую привольную котловину, на дне которой опять раскинулась широкая речная терраса... На юге ее замкнули пики скалистого хребта. Вдали в разрезе ущелья прекрасно видна грандиозная вершина Коштан-тау. Под обрывом правого склона долины в густых зеленых зарослях приютилось Голубое озеро...»⁶

Это чудо природы, ослепительная жемчужина Черекского ущелья, никого не оставит равнодушным. Открывающееся взору невиданное зрелище настолько неожиданно, впечатляюще, что путешественник, особенно впервые оказавшийся в этих местах, на мгновение прямо-таки немеет, восхищенный открывшейся его взору картиной. Бездонная, пронзительная голубизна напоминает кусочек неба, упавшего на землю. Оттенки озера – от ярко-голубого до нежно-зеленого и иссиня-черного в зависимости от времени года, дня, погоды.

А бездонность – до сих пор точно неизвестна его точная глубина, отсутствие впадающих в этот природный водоем речек придает озеру особую таинственность и притягательность.

Врач Антон Дроздовский (более подробно об этом человеке можно узнать из выпущенной нашим издательством книги: История медицины Кабардинского округа: события и лица. Нальчик, 2005) является автором исследования, содержащего немало занимательных сведений о природе Кабарды и Балкарии, быте населяющих их народов. Он, в частности, писал: «Озеро Ширегяно (неточное воспроизведение кабардинского *Шэрэдж янэ* – «Мать Череха». – Авт.) в Б. Кабарде, в Черекском ущелье, находится на большой высоте, окруженное лесистыми горами. Поверхность воды озера представляется зелено-голубой, хотя вода, взятая в сосуд, совершенно чистая, прозрачная и приятная на вкус. На небольшом расстоянии от озера, с западной стороны, в глубокой теснине быстро стремится река Черек. Озеро это замечательно тем, что оно появилось в одну ночь на месте провалившейся земли почти на глазах пастухов, находившихся со своими баранами не в далеком расстоянии от этого места»⁷.

Конечно, последнее не соответствует действительности, но главное то, что местное население считало озеро появившимся сравнительно недавно. Имеется и соответствующего рода легенда, в которой говорится о чудище, жившем высоко в горах и наводившем страх на людей; сила его заключалась в крыльях. О молодом смельчаке по имени Батраз, вступившем с ним в схватку и отсекшем мечом крылья. Чудище, рухнув, телом своим раздвинуло горы, сочившаяся кровь потекла по ущелью (те самые ржавые от окислов железа склоны), стало погружаться в землю. На месте падения образовалась воронка, заполнившаяся чистой голубой водой. В этом подводном царстве чудище, до конца не испустившее дух, и обосновалось. Имеется и продолжение легенды – о девушке Гюльчи, чья красота отражалась в водной глади, как в зеркале, о влюбившемся в нее чудище и все том же Батразе, снова вставшем у него на пути и отбившем красавицу. Одним словом, чудище приказало долго жить, упокоившись навсегда на дне озера, называемого с тех пор местными жителями Чирик-Кель (то есть «гнилое озеро»).

Известный русский географ Н. Я. Динник, автор работ «Эльбрус, его отроги и ущелья», «Горы и ущелья Терской области», «Современные и древние ледники Кавказа», изданных в Тифлисе соответственно в 1879, 1884, 1890 годах, в отчете «Поездка в Балкарию в 1887 г.»

сделал первую попытку дать научное объяснение феномену Голубого озера.

А вот что писал о голубом чуде репортер Владимир Гиляровский (более подробно о нем и его пребывании в Балкарии, отразившемся в очерке «Восходящая звезда», рассказано в главе «Хуламо-Безенгийское ущелье»): «Мы сделали привал на довольно широкой горной долине, посредине которой – красота незабываемая – голубело перед нами довольно широкое озеро, голубое, как сапфир на солнце. На земле такого огромного правильного пространства голубого я никогда не видал: будто кусок прозрачного неба каким-то чудом лежал перед нами в этой каменной трещине, среди нависших скал. Но не только небо голубело, в нем сама вода оказалась голубая. Ага молча взял два больших белых камня и бросил в воду. Они из белых стали сразу темно-голубыми, синели и пропали в глубине темно-синими. Кругом пахло серой»⁸.

В 1926–1927 годах детально занимался изучением Голубого озера И. Г. Кузнецов, удостоенный за свои исследования серебряной медали Русского географического общества. Кстати говоря, Иван Георгиевич родился в Нальчике, в 1919 году окончил в Петрограде Горный институт, стал доктором наук, профессором. Его очерк о Голубом озере был издан отдельной брошюрой Кабардино-Балкарским отделением Российского общества туристов и Кабардино-Балкарским областным экскурсионным бюро. Вот что в нем сообщается: «По площади Чирик-Кель принадлежит к числу самых маленьких озер. Его площадь – 26 130 квадратных метров. Тем поразительнее оказывается громадная глубина озера, достигающая 258 метров. В озеро с поверхности не впадает ни одного хотя бы маленького ручья, но из него вытекает речка, в сутки выносящая 5–6 миллионов ведер воды. В условиях известняков на уровне дна озера или еще глубже, очевидно, циркулируют подземные воды, образующие мощные потоки, может быть, целые подземные реки.

Водовместилище озера представляет собой глубокий колодезь с отвесными стенками, сложенными слоистыми известняками. Вода в колодезь поступает снизу, с большой глубины, и находится под большим напором, ибо она мощным потоком вытекает сама из озера.

В данных геологических условиях единственным источником подземных вод являются атмосферные осадки, выпадающие в виде снега и дождя в окрестностях озера. Принимая во внимание, что часть атмосферных осадков по выпадении стекает в Черек и другие речки,

что часть осадков испаряется и что не все поглощенные известняками воды потом выходят в озеро, мы с полным основанием можем принять площадь области питания не менее 50 кв. км».

Интересно описание С. Анисимова, сделанное в тридцатых годах прошлого века: «Голубое озеро – Шерек-Яна, или по-кабардински «Мать Череха». По-балкарски озеро называется Церик-Кель. Оно имеет правильную форму овала, длиной в 300 м и шириной около 200 м. Глубина его доходит до 290 м, и только кое-где у краев имеются небольшие неглубокие подводные площадки. Температура этого озера в глубине постоянная, около +10 °С. В летнее время поверхностный слой несколько нагревается, и тогда в нем можно купаться.

Голубое озеро замечательно тем, что в него не впадает ни один поток. Оно питается подземными водами. Но из него вытекает речка, впадающая в Черек. Поэтому воды озера имеют движение очень медленное у краев и более быстрое посредине, переходящее в круговое. Воды озера имеют яркий лазоревый цвет, зависящий от примеси сероводорода. Хотя примесь невелика, незаметна на вкус и не дает никакого запаха, но все-таки в Голубом озере почти отсутствует жизнь: нет ни животных, ни растений, за исключением одного вида рачка-гамарус, и на небольшой глубине у берега встречается несколько видов водорослей. Голубое озеро провального происхождения. Оно образовалось в меловых известняках вследствие размывания их подземными водами»⁹.

В 1980 году изучением озера занялись ученые Института географии Академии наук Грузинской ССР. Экспедиция, которую возглавлял доктор географических наук Г. Гигинейшвили, определила, что длина водяного зеркала 233 метра, ширина – 146, глубина 254 метра.

А вот что отмечал Вадим Гиппенрейтер: «У озера удивительный цвет воды. Еще более удивительная прозрачность: глубоко просматриваются уходящие в воду берега. В озеро не впадает ни один ручей, из него вытекает река. Природа словно показывает таинственный фокус. Зеркало озера – два с половиной гектара, длина немногим более 200 метров. Глубина – 368 метров! Озеро – шестое по глубине в Советском Союзе. Такому феномену под стать были бы невиданные рыбы, но живет в нем лишь небольшой рачок-гамарус, изредка забредает случайная форель, а на поверхности застыли кособокие лодки – это свесившиеся через борта туристы пытаются проникнуть взглядом сквозь прозрачную толщу. Об озере ходят легенды, но есть и прозаическое знание – оно карстового происхождения, питают его

подземные источники. Им озеро обязано постоянством температуры – плюс 9,3 градуса – и неизменностью уровня. Вода содержит сероводород. Он-то и убивает все живое»¹⁰.

Не трудно заметить, что разные авторы называют весьма отличающиеся друг от друга глубины озера – 290 метров, 368 метров, но на сегодня принято считать, что глубина выработанной в известняках карстовой воронки 258 метров, длина – 235, ширина 125 метров, площадь зеркала 2, 6 гектара, дебит минеральной воды 72 миллиона литров в сутки¹¹.

Что же касается лодок, то катание по озеру запоминается надолго – ощущение земной бездонности, раскрывшейся прямо под тобой, и кажущейся невозможности спастись, если утлое суденышко по какой-нибудь причине опрокинется, – все время давит, и ты плывешь в ожидании каких-то невероятных событий. А вдруг ветер прорвется сквозь кольцо окруживших озеро деревьев и лодка не выдержит его ударов, а вдруг озеро вспучится, родив невиданную волну, которая поглотит и лодку, и сидящих в ней... Но ничего не происходит, мистический ужас постепенно отступает и рождается желание... искупаться в этом кусочке неба.

В семидесятые годы один из нас попытался это проделать. Смелости и физических усилий хватило на какой-то десяток метров – несмотря на июльскую жару, руки-ноги занемели практически тут же, и лишь желание не опозориться перед сверстниками, куда большее, чем воля к жизни, позволило без потерь для общества добраться до берега. На который, помнится, еле выполз и долго еще дрожал под испепеляющим солнцем не в силах согреться. Впрочем, это говорит больше о физической неподготовленности, чем о реальной невозможности переплыть Голубое озеро – таких смельчаков хватало и хватает. Как и тех, кто пытался познать его глубину.

До последнего времени водолазы опускались в воды озера на десятки метров; в 2003 году Игорь Галайда и Роман Прохоров достигли глубины 150 метров, установив тем самым рекорд России по погружению. Впоследствии они увеличили его до 180 метров. Тогда же было принято решение о создании на берегу Голубого озера центра глубоководных исследований, так называемого дайвинг-центра, призванного привлечь зарубежных ныряльщиков.

Летом 2005 года его строительство завершилось – подземная часть бункера уходит под землю на три метра и сообщается с озером через туннель для погружений; здесь расположены раздевалки, су-

шилки, помещения для хранения водолазного снаряжения, компрессорная, барокамера. В наземной части разместился офис с научной лабораторией и рабочими кабинетами. Организаторы уверены: по причине своей природной уникальности – озеро не замерзает, пригодное к погружению круглый год, вода отличается особой прозрачностью – оно будет манить «заграничных и российских ныряльщиков, как магнит»¹². Поживем-посмотрим, как отразится это первое за всю историю озера столь серьезное вмешательство в его экологию.

Нижнее Голубое озеро – самое необычное из всех имеющихся на этом участке Черекского ущелья. Но если по дороге, уходящей влево, подняться вверх, то можно полюбоваться еще тремя озерами – Секретным (бессточный замкнутый бассейн с площадью зеркала 2,6 га при глубине 17 м) и Верхними (в них можно купаться, ловить рыбу). Заодно и осмотреть провал «глубиной около 100 м. Это пропасть, на дно которой жутко заглянуть. Лет двадцать-тридцать назад здесь, в глубине, виднелась такая же голубая чистая вода, как в Голубом озере»¹³. Автору этих строк Сергею Анисимову можно верить, ведь он писал только о том, что видел сам, следовательно, еще сравнительно недавно в Сухом озере была вода. Кстати говоря, существует предположение, что она перетекла в нижнее Голубое озеро. В отчете упоминаемой выше грузинской экспедиции о провале Кель-кечхен (в переводе с балкарского – «пропавшее озеро») говорится, что его площадь 60 тысяч квадратных метров, максимальная глубина – 177 метров. Высказывается предположение, что 25–30 тысяч лет тому назад «колодцы озер Чирик-Кель и Кель-кечхен составляли единую гидродинамическую систему. Причем водоем современного озера Чирик-Кель был заполнен водой подземной полости. В самом конце плейстоцена (12–13 тыс. лет назад) полость вскрылась, озеро Чирик-Кель вышло на поверхность, и в него стекла вода из Кель-кечхен. Кроме того, река Черек, питавшая Кель-кечхен, поменяла русло, и озеро высохло»¹⁴.

...Здесь, в районе озер, расположены пансионат отдыха «Голубые озера» на 280 мест (ОАО «Каббалктурист») и сезонный оздоровительный лагерь «Черек» на 120 мест (ОАО «Каббалктурист»).

Рядом, в каких-то десятках метров от нижнего Голубого озера, весной 2003 года, не вписавшись в поворот, упала с моста машина, в которой находился знаменитый Куанч. Тот самый Куанч Бабаев, личность которого вызывала прямо противоположные толкования, но поступков и добрых дел которого хватило бы на несколько обще-

ственных фондов и организаций. Щедрость его помощи просящим поражает, как и адресаты этих вложений: от больного ребенка до постановки спектакля в национальном театре.

В феномене Бабаева (чье имя в переводе с балкарского означает – «радость») мы пытались разобраться, создавая книгу-фотоальбом «Куанч»¹⁵. Удивительно – этот человек не занимал высоких постов в структурах власти, не был писателем или знаменитым врачом. Он был спортсменом, бизнесменом и другом. И в каждой из этих ипостасей добился незабываемых результатов, к которым шел путем упорных тренировок, методом исправления ошибок и преодоления разочарований.

Было бы грубым упрощением утверждать, что Куанч являлся человеком, который интересы общества ставил превыше своих. Правдой будет то, что он был и остался личностью, сотворившей себя вполне самостоятельно. Спортивное стремление Куанча быть первым, хорошее экономическое образование и умение организовать бизнес сделали его состоятельным человеком. Но не сделали черствым, заносчивым и самовлюбленным. Он не позабыл среди прочего этических принципов своего народа, о благе которого не только рассуждал, изучая возможности горнолыжных курортов Европы. Подтянуть качество жизни населения Кабардино-Балкарии к европейским планкам, используя природно-климатические ресурсы республики и трудолюбие ее жителей, – вот то, о чем он мечтал, во что вкладывался и к чему приглашал всех, кто с ним общался.

...Мартовская черекская дорога была настолько скользкой, что в свете фар отблескивала как стекло. Сразу за скалой машину, еще не набравшую скорость, повело вправо... Удар о мост, хлипкая ограда не выдерживает, автомобиль уходит в пропасть. Это особая тема, как пытались спасти Куанча, какие отчаянные, нечеловеческие попытки предпринимали десятки людей, чтобы вернуть его к жизни. Так как спуститься у моста вниз оказалось невозможно, двое парней бегут вверх по дороге, прыгают в одежде в ледяную воду, плывут к месту падения. По крикам определив, что они у моста, находят узкий скалистый выступ: держа поочередно один другого за ноги, пытаются увидеть хоть что-нибудь в черной водяной бездне. Сверху начинают сбрасывать облитые бензином горящие свитера, дубленки. В отблеске пламени как будто удается разглядеть где-то далеко-далеко в глубине белое пятно. Сверху спустили трос – в одной из машин оказалась лебедка, но зацепить автомобиль не удалось. В первом часу

ночи подъехали пожарники, утром привезли водолазов... В момент подъема машины у моста находились сотни человек, на похороны пришли тысячи...

Куанч жил земной, социальной и общественной, реальностью; был разным в разное время своего взросления, возмужания и зрелости. Он менялся, потому что расширялись его личные горизонты видения и понимания жизни, мира, человека. Он заслужил уважение и любовь своего народа, став героем уходящего времени и легендой будущего...

Продолжим наше путешествие вверх по долине Череха. Вот склоны «суживаются, и автомобильная дорога входит в узкое горло ущелья, разрезанного в крепких желто-розовых известняках скалистого хребта. Черек разработал здесь свое ложе в виде очень глубокого каньона, где река с ревом и шумом летит в глубокой пропасти, а сверху проведено автомобильное шоссе, разработанное капризными карнизами. Оно то низко опускается к самой воде бурного потока, то взвивается на скалы очень высоко над его течением. ...Встающие... пики Скалистого хребта достигают высоты 3 тыс. м над уровнем моря, а средняя высота полотна автомобильной дороги здесь около 100 м. И это простое сравнение высот заставляет легко представить, как величественны виды этого замечательного каньона, стены которого украшают разнообразнейшие естественные архитектурные и скульптурные фигуры: колонны, башни, крепости. Очень красив здесь и самый цвет пород – от беловато-желтого до темно-розового. К этому прибавляется еще убранство кустарниками, мощными деревьями и множеством цветов. Вверху над всем этим виднеется узкая полоска темно-голубого бездонно-глубокого неба. В пейзаже Балкарского ущелья увлекает полная насыщенность зеленого, розового и лазурного цветов. Карниз дороги дает местами очень острое ощущение высоты: скалы с одной стороны падают в бездонную пропасть, а с другой – стены ущелья поднимаются отвесно к небу или местами даже нависают в виде полутоннелей. Совершенно поражает также и толща пластов этих юрских пород, падающих под углом 35–45 градусов на северо-восток. В этих пластах чередуются известняки, сланцы и песчаники, а в более глубоких слоях обнажаются доломиты. Черек прорезал в этих пластах свое русло точно пилой, и в глубине этого разреза можно видеть еще более древние кристаллические породы в виде серого кавказского гранита, отшлифованного водами реки. Помимо этих зрительных впечатлений здесь очень остры и слуховые: рев и шум воды прямо оглушают»¹⁶.

Действительно, теснина Черека, так образно описанная Сергеем Анисимовым 70 лет назад, поражала и поражает каждого. Это восхищение перед величием природы, мощью горных отрогов отразилось не только в описаниях путешественников, но и в названиях, данных ими скалам, крутым поворотам – Балкарской называлась эта дорога на фотографиях, датированных началом XX века и распространявшихся по России в виде открыток. Вот каменный навес «Пронеси, господи» (на другой открытке так называется скала), вот «Смелый поворот», вот «Гора-кольцо» (она же так называемый тоннель). Все живо, узнаваемо – что такое сто лет для могучих стражей ущелья!

Изменилась, конечно, сама дорога – она оделась в асфальт, стала более безопасной, прорезав горы на самых опасных участках двумя достаточно протяженными тоннелями. Места эти действительно опасные, но и в то же время самые живописные, вызывающие непередаваемую гамму эмоций. Поэтому, чтобы ощутить величие ущелья, посоветовали бы не мчаться с ветерком по освещенным электрическим светом тоннелям, а выйти из машины и пройти пешком этот участок. Если боитесь высоты – прижимаясь к скалам, если стометровая отвесная пропасть не смущает вас – над краем дороги, ибо вид отсюда открывается сердце волнующий, глаза поражающий, чувства обостряющий. Именно здесь, на этой дороге, начинаешь понимать, как мал и слаб человек – песчинка в сравнении с горами, любому камешку, сорвавшемуся с вершины, по силам забрать его жизнь; и как велик и могуч он, проложивший руками тропинки по скальным кручам, превративший их с помощью машин в современные магистрали, ожерельем опоясавшие горы. Совершите это небольшое путешествие по старой Балкарской дороге в день вчерашний, право, оно стоит того, ибо будет будоражить вашу память еще долгие годы.

Далее дорога идет по так называемой Балкарской котловине, имеющей овальную форму и вытянувшейся вдоль реки на 13–15 километров при ширине 6–8 километров. Дно котловины, которую ученые одно время считали бывшей озерной впадиной, имеющей тектоническое происхождение, находится на высоте около 800 метров над уровнем моря, поднимаясь выше до 1200 метров¹⁷.

Практически вся дорога до селения Верхняя Балкария – это невозможность даже на минуту отвлечься от лицезрения видов природы из-за боязни что-то пропустить, не заметить, обделить себя. Помнится, как более сорока лет назад, будучи школьником, один из авторов этих строк совершил свое первое путешествие по Черекско-

му ущелью. Тем летом 1962 года нальчикское телевидение снимало один из своих первых фильмов – «Люди заоблачной долины». Название это, ставшее впоследствии популярным, широко употребляемым, родилось не сразу: на листках сценария, которые нашел один из авторов этой книги среди кипы старых бумаг, зачеркнут впечатанный заголовок «Восхождение» и четким, округлым почерком журналиста Николая Котлярова вписано то, под каким фильм вошел в документальную телелетопись. Впрочем, фамилии отца как одного из авторов фильма нет в книге, рассказывающей об истории телевидения Кабардино-Балкарии¹⁸, – сценаристом назван другой, облеченный руководящей властью, человек, но спишем это на незнание: сценарий рождался на наших глазах, был пишуший и свидетелем съемок. Произошло это после многочисленных просьб, слез и поразившего отца с матерью поступка, когда в ответ на их слова о том, что в горах нужна особая обувь – с шипами, вбил в подошву своих новых, припасенных к школе, ботинок десятки мелких гвоздиков, будучи твердо уверен, что смогу в них ходить. И вот во второй половине августа водитель группы, приехавший по делам в Нальчик, захватил и одного из авторов. Тогда-то и вошло в его жизнь Черекское ущелье, высокогорное селение Верхняя Балкария, жители, совсем недавно вернувшиеся на историческую родину после тяжких 13 лет депортации.

Картинки из памяти – «газик», бесстрашно преодолевающий отвесные кручи, отары овец на зеленых лугах, альпийское медово-жужжащее многоцветие, чабаны, угостившие чуреком, который в тот момент показался слаще самого вкусного пирожного. Сакля, заботливо восстановленная руками организаторов съемок, краснобокие яблоки, столь твердые, что зубы, казалось, останутся в них, бурный Черек, на берегу которого камера кинооператора Евгения Монины, художника удивительного зоркого и светлого, остановила на какое-то мгновение свой взгляд на мальчишке, бросающем камешки в бурлящую воду. А еще люди, поразившие своей незлобностью, щедростью, открытостью, время, которое можно было потрогать руками – старинные боевые башни, камни которых, нагретые солнцем, обжигали в прямом и переносном смысле...

Да, рукотворные памятники Черекского ущелья – это удивляющие своей мощью и величием развалины крепостей и башен. Обратимся к запискам А. Фирковича: «В Балкарском ущелье и на горе того же имени взор путешественника поражается множеством башен, в недалеком расстоянии одна от другой построенных и образующих как

бы одну обширную крепость. Древнейшие из них построены на едва доступных скалах, другая на равнине и в середине самого аула, высотой в 4, 5 и 6, одна даже в 7 этажей; основание их занимает от 4 до 5 квадратных саж.*; кладка стен одна из самых прочных, шириною в нижнем этаже в сажень и более. Это прекрасное ущелье, как видно, было предметом зависти соседей и часто подвергалось нападениям их, что вероятно и было причиною сооружения такого множества башен. В настоящее же время, когда подобная опасность миновала, башни совершенно опустели и приходят в упадок. Постройку новейших из них относят к XVI и XVII столетиям...»¹⁹

Кунюм, Зилги, Куспарты, Мукуш, Мухол, Курноят, Ишканы, Сату, Глашево... – это названия лишь части аулов, на месте которых ныне располагается селение Верхняя Балкария. Именно их жителей надежно прикрывали от опасностей неприступные башни и крепости, возведенные на скалистых горных утесах. В отчете Императорскому Археологическому обществу академика Всева Миллера, который сам в ущелье не был, говорится: «Особенно богато башнями ущелье Балкарское, населенное древнейшим из тюркских горских обществ. При проезде этим ущельем путешественник почти не теряет из виду древних башен, сопровождающих верхний Черек то с правой, то с левой стороны. Остановимся лишь на некоторых, представляющих до сих пор явственные следы сквозных крестов. Таковы две довольно хорошо сохранившиеся башни, построенные, по преданию, предками балкарской фамилии таубиев (горских князей) Абаевых. Одна из них возвышается в ауле Куним и приписывается Али-мурзе Абаеву. Башня отлично построена, из камней на извести, и сохранила внутри следы 4 этажей. В нижнем этаже живут до сих пор. На трех стенах – северо-западной, юго-западной и юго-восточной – на значительной высоте виднеются четырехконечные кресты, образуемые выемкой в стене. Другая абаевская башня находится в ауле Шканы, на левом берегу р. Иртышки, и была построена Сосраном Абаевым. Она сложена так же, как и первая, и достигает высоты 8 1/2 сажень. Есть предание, что башню строили мастера сванетские или греческие. Внутри сохранились следы 4 этажей. В 1-й этаж ведет на восточной стороне небольшая дверь с полукруглой аркой. Дверь пробита на высоте 2 аршин** от основания башни. На двух стенах виднеются кресты. ...На вопрос, к какому времени относится построение этих

* Сажень – 2,13 м.

** Аршин – 71,12 см (в одном аршине 16 вершков, вершок – 4,45 см).

башен, можно ответить только приблизительно, сообщив народные предания о происхождении балкарских княжеских родов. При этом нужно заметить, что и народные предания представляют варианты относительно генеалогии балкарских таубиев. Вот одно предание, записанное со слов таубия хаджи Шаханова, пользующегося у балкарцев репутацией знатока старины. По словам этого старика, некогда в Стамбуле один падишах заподозрил свою дочь и прогнал ее от себя. Она бежала в Крым и вышла за крымского хана, который удостоверился в ее невинности. От этого брака родился Чингис-хан; у него был сын Барак-хан, от которого произошел Джанбек-хан, отец родоначальников привилегированных фамилий Дигории и Балкарии – Бадилята и Басиата. Это предание, конечно, не заслуживающее веры, очевидно, основано на желании возвысить Бадилята и Басиата, приписав им царское происхождение. Правдоподобнее другое, более скромное предание, записанное нами от эфенди Абаева, которое говорит, что Басиат и Бадилят были сыновья-сироты одного крымского вельможи, ушедшие из Крыма на Кавказ вследствие притеснений от родного дяди. По 1-му варианту (шахановскому), братья поселились сначала на р. Куме, а затем перешли на Кашкатау. Здесь они расстались: Бадилят пошел в Дигорию, где стал родоначальником дигорских дворянских фамилий, а Басиат поселился в Балкаре около нынешнего аула Кунима, на левом берегу Черка. В нынешнем Куниме жили в то время выходцы из Сванетии таулу (мн. ч. таулулар). Басиат подчинил их себе и обложил данью. Кроме таулу, туземное население состояло из осетин-дигорцев и других ранних пришельцев. Предание говорит, что туземцы исповедовали языческую религию, а Басиат с дружиной были мусульмане. Это предание следует поправить в том смысле, что туземцы, несомненно, как их соседи дигорцы, хранили некоторые следы христианства, смешавшегося с языческими верованиями, а мусульманство пришельцев – Басиата с дружиной – довольно сомнительно, ввиду существования крестов на башнях, построенных потомками Басиата. ...Можно думать, что построение абаевских башен восходит, по крайней мере, за 300 лет тому назад, а башни, построенные туземцами сванетами (таулулар) до прихода Басиата, относятся к еще более отдаленному времени»²⁰.

Всех, кто желает более подробно ознакомиться с этим весьма занимательным отчетом, отсылаем к третьему выпуску нашей серии «Балкария: страницы истории» (Нальчик, 2006), вобравшей в себя эту и ряд других работ второй половины XIX века. А пока же вернемся к крепостям, вернее, к тому, что сохранило нам время.

Крепость Зилги поражает воображение своим величием. Она трехъярусная, где первый «представляет оборонительную стену с примыкающими подсобными сооружениями» длиной более 11 метров. Второй (средний) ярус – сама цитадель укрепления, от которой ныне «сохранились остатки двух сооружений с дверными и оконными проемами». Ранее их было четыре, о чем свидетельствует рисунок, опубликованный в цитируемых выше «Материалах по археологии Кавказа». Глядя на этот карандашный набросок, поражаешься мощи неприступных бастионов, вознесенных руками человеческими на горные кручи. Третий (верхний) ярус «представляет отдельную башню, приспособленную к скальной площадке, из которой хорошо видны нижние строения. Одну стену башни заменяет отвесная скала. Вход в башню оставлен между передней стеной и скалой. В плане башня имеет овальную форму, что зависело от скальной площадки, на которой она воздвигнута. Между первым и вторым ярусами крепости – 12 м, между вторым и третьим – около 50 м»²¹.

В работе Исмаила Чеченова «Древности Кабардино-Балкарии» описан целый ряд верхнебалкарских крепостей, идущих под номерами: 1-я крепость «Карча-Кала» (она же «Болат-Кала»), расположенная в 2–3 километрах к юго-западу от селения «на труднодоступном склоне горы, возвышающейся над левым берегом р. Черек-Балкарский». 2-я крепость «расположена в 400–500 метрах северо-западнее башен Абаевых на высоком, очень труднодоступном склоне». Здесь же, неподалеку, у горного водопада, развалины 3-й крепости – Малкар-Кала, представлявшей собой «сложный оборонительно-жилой комплекс» из цитадели и жилых построек. 4-я крепость «расположена на горе Курноят-Баши, в урочище Курноят»²².

Мы предприняли попытку подняться в крепость Карча-Кала. Достаточно быстро взобравшись на второй ярус, решили не останавливаться и добраться до верхней башни. Но уже на полпути поняли, что это далеко не просто: скала уходила все круче и круче, камни из-под ног срывались и летели вниз, подпрыгивая при ударах высоко в воздух. В некоторых местах надо было подниматься, лишь цепляясь за траву, глядеть вниз даже не хотелось – сорвавшись, зацепиться было практически не за что, а поэтому лететь предстояло сотни метров – до самого Черема, который с высоты виделся узкой серебристой ленточкой.

Но главное препятствие, как оказалось, ожидало впереди – чтобы войти в крепость, надо было продемонстрировать особую сноровку,

пробиравшись, тесно прижавшись к скале, над бездной... А ведь речь шла только о подъеме. С чем же приходилось сталкиваться строителям, подготавливавшим площадку для основания башни, закладывая камнями расщелины, возводящим мощнейшие стены! Здесь, на высоте, реально осознаешь, сколь сильны были – физически и духом, сколь настойчивы и мужественны люди, строившие эти неприступные сооружения.

Ущелье из крепости как на ладони – видно, что воины, несшие здесь нелегкую вахту, могли заранее предупредить жителей высокогорной долины, дабы те подготовились к встрече с захватчиками.

Спуск вниз оказался куда труднее, чем подъем, – как будто совсем рядом, руку протяни, башня Абаевых, вознесенная над развалинами аула Кунньюм, да только летать человеку не дано, приходится передвигаться боком, выискивая места, куда можно поставить ногу, чтобы не загреметь вниз. Одна из трех башен Абаевых (Абай-Кала) сохранилась почти полностью. В материалах к археологической карте «Древности Кабардино-Балкарии» говорится, что она трехэтажная, имеет форму усеченной пирамиды с толщиной стен до 1,2 метра. «В первом этаже имеется несколько бойниц и смотровые щели; в верхней части стен сохранились сквозные равносторонние кресты. Двери расположены в стене, обращенной в долину р. Черек, на определенной высоте от пола. Внутри башни выявлены 3 колодца-резервуара с выложенными на известковом растворе каменными стенами»²³. В этом нетрудно убедиться, заглянув в самую башню, время в которой как будто остановилось: наполни резервуары водой, замени сгнившие деревянные брусья, настели на них доски – и прошлое распахнет перед тобой свои двери. Кажется, зажмурь глаза, вслушайся – и оживет солнечный Кунньюм: слышны возгласы мальчишек, срывающих сочные плоды с абрикоса, растущего выше башни и поныне плодоносящего, гортанные голоса стариков, сидящих на камнях и ведущих свои нескончаемые беседы, звон металла из кузни, бляенье овец...

Но нет – жизнь навсегда ушла из этого прилепившегося к скале аула: обрушились крыши жилищ, от которых остались лишь стены, заросли травой и крапивой улочки, разбегающиеся вправо и влево от башни и чем-то напоминающие ходы бесконечного лабиринта – вправо, вниз, влево, далее снова вниз и вправо, и так кажется до бесконечности. А вот и ручеек – как без него людям: струится, как и десятилетия, века назад, питает влагой травы и фруктовые деревья, не желающие умирать. И от этого успокаивается душа – умирают

одни поселения, жизнь людская продолжается в других. Побывавший в этих местах в конце XIX века Дмитрий Вырубов, бывший начальник Нальчикского округа, отличавшийся от других царских администраторов своим неподдельным интересом к жизни местных народов, их археологическим памятникам, сохранил для нас на своих рисунках и крепость Зилги, и башни Абаевых. Вглядясь в них – ведь это не просто творения рук человеческих, они как звенья единой цепи тех, кто жил, с теми, кто пришел им на смену.

Дано описание и башен, две из которых хорошо сохранились – «Абай-Кала» (мы уже рассказали о ней) и «Амирхан-Кала», привлекающая внимание каждого тем, что построили ее прямо в долине Черек на вершине громадного камня. Забраться сюда можно только по приставной лестнице или с помощью специальных приспособлений; башня двухэтажная, высота ее 5,65 метра, длина – 7,25, ширина – 3,25 метра. Местность рядом с данной башней получила название «город мертвых» – это «скопление бесчисленных могильников», над ними «по склонам стелются зеленые горные луга, точно гобеленовые ковры, на которых рисунок сделан то розоватыми, то синеватыми обнажениями скал. Вдали высоко поднимаются к небу и сияют вечными снегами вершины. Еще выше бездонное небо, полное солнечного сияния. А здесь, у могильников, под огромной горной стеной лежит глубокая тень, всегда холодно, всегда мрачно»²⁴. Вот что можно узнать из того же отчета археолога Всева Миллера: «Могилы Балкарского ущелья представляют два главных типа – могилы подземные и надземные (кэшэнэ). Могилы первого типа по пути следования экспедиции были осмотрены в следующих местах.

а) Могильник, находящийся в 3 верстах от Кашкатау, на берегу Хуламского Черек. Наружные признаки могил составляют круги, выложенные из булыжных камней.

б) Могильник близ аула Зилги, на высоком холме, близ дороги. Могилы представляют два вида: с наружными признаками и без них. Могилы первого типа, в свою очередь, бывают двух родов: одни обозначены камнями, положенными по краям и образующими как бы контур могилы; в других – пространство могилы засыпано грудой камней. Внутреннее устройство тех и других могил одинаково. Раскопка двух могил обнаружила следующее: под снятыми камнями оказался слой насыпанной земли, толщиной в 10–12 вершков; под ним три плиты, составляющие крышку каменного ящика, сложенного из грубо отесанных плит насухо. Вход в ящик образует вертикально сто-

ящие плиты в ногах костяка; костяк лежит на материке. Размеры ящика: длина 2 арш. 13 вершков, ширина в середине 9 вершков, в головах и ногах 7 вершков, глубина 13 вершков. Голова костяка на северо-запад. В головах у костяка первой раскопанной могилы были найдены бараньи кости и куски дерева (от чашки?). Вещей не оказалось. В ногах близ входной плиты был найден деревянный, сильно перегнивший, сруб из бревен. Вторая раскопанная могила обнаружила те же детали, как и первая, и также не представила никаких вещей.

Могилы без наружных признаков, то есть не обозначенные камнями на поверхности, также представили по внутреннему устройству две разновидности: в одних костяк лежит в ящике из шиферных плит, но без крышки; в других – костяк просто засыпан землей без признаков гроба. Размеры разрытого каменного ящика: длина 2 арш. 14 вершков, ширина 13 вершков, глубина 11 вершков. Головой костяк лежит на юго-запад. В головах был найден глиняный кувшин в черепках, горшок в таком же состоянии, затем в середине гроба: бронзовое колечко, такой же браслет, подвеска, 7 бубенчиков, 3 бусы и бронзовая пряжка от ремня. В могиле без каменного ящика оказалась только железная пряжка. Кости во всех разрытых могилах рассыпаются при прикосновении, так что нельзя было добыть цельного черепа.

В заключение следует заметить, что могилы с наземными признаками расположены гораздо выше могил 2-го типа и лежат почти на вершине холма. Многие могилы 1-го и 2-го типа разрыты местным населением, и добытые в них предметы – бронзовые вещи и бусы – были приобретены нами в ауле Зилги.

в) Могильник значительных размеров (приблизительно на 2 десятинах), обнесенный стеною в $\frac{3}{4}$ арш. вышины, тянется на правом берегу Черек, близ аула Шканти. Здесь, вокруг Абаевских кэшэнэ, расположены такие же могилы с наружными признаками, как в могильнике близ Зилги. Под слоем наружных камней насыпной слой земли, толщиной до 18 вершков; под ним плита, покрывающая каменный, выложенный на извести ящик. Размеры внутри: длина 2 арш. 9 вершков, ширина 11 вершков, глубина 1 арш. Вход образуется на северо-восточной стороне вертикально поставленной плитой. Голова костяка лежит к юго-западу. Тело было обернуто льняной тканью, от которой сохранились лишь небольшие лоскуты. Вещей в раскопанной могиле не оказалось. Могила, по-видимому, мусульманская. Выше этого могильника на юго-восток, по склону холма, находятся могилы со склепами, идущими внутрь горы. Перед-

няя стенка, выложенная из камней, на извести обнаружена, и входное отверстие открыто. Все склепы ограблены. Склеп сложен из грубо отесанных камней на глине и представляет сверху свод. Размеры довольно значительны: длина достигает 4 арш., ширина 2 с лишком, высота 3 аршин. Костяки лежали головами на юго-восток, причем голова и ноги покоятся на шиферных плитах. В одном из таких склепов было найдено 22 черепа»²⁵.

Балкарский город мертвых, писал С. Анисимов, это памятник разных исторических эпох. Самые древние из этих погребений – «склепы, совершенно врытые в землю, с выдающейся над поверхностью каменной кровлей из двух покатых скатов, лежащих на низеньких каменных стенках. В склеп ведет круглое отверстие, через которое спускали покойника. В этих общих больших могилах трупов не зарывали, и склепы полны и сейчас костей, разбросанных в беспорядке, черепов или даже целых скелетов; на некоторых из них сохранились кожа и мышцы, а иногда даже остатки одеяния. ...Описанные могильники – семейные или, вероятнее, даже родовые, куда клали покойников набальзамированных, в лучших одеждах, с оружием, с сосудами, с украшениями. Весь этот вещевой погребальный инвентарь в открытых могильниках не сохранился. Сохранились только остатки мумий и масса человеческих костей». Далее он же пишет, что «в городе мертвых имеются два могильника совершенно особого типа: небольшие базилики в 6–8 м высотой с остроконечным покрытием в два ската. Внутри них были саркофаги, от которых теперь остались груды камней. ...Наконец, третий вид могильников – магометанские погребения, относящиеся к XVII и XVIII вв. Это восьмигранные здания высотой около 8 м с купольными восьмигранными покрытиями. Внутри также сохранились остатки саркофагов, но нет ни скелетов, ни костей»²⁶. Ученые по-разному датируют «город мертвых», но в целом принято считать, что «подавляющая часть склепов (в т. ч. полуподземные и с земляными насыпями сверху) относятся к позднему средневековью (XII–XIV вв.). Но часть склепов, из числа сооруженных на склонах горы, по аналогии с многочисленными склепами горных районов Центрального Предкавказья следует отнести к раннему средневековью (V–IX вв.)»²⁷.

Могильник «Городок мертвых» почти полностью разрушен и разграблен еще в дореволюционный период», пишет Исмаил Чеченов, а Исмаил Мизиев уточняет: «Грабились склепы различными путешественниками и любителями экзотики, посещавшими эти места. В 1909–

1910 годах даже выпускались почтовые открытки с мумиями балкарских склепов. Бесцеремонно вытаскивались высохшие трупы, устанавливались у склепов и фотографировались, чтобы эти снимки служили для развлечения всякого рода любителей старины»²⁸. Это действительно так: открытки эти, сделанные преимущественно фотографами из Пятигорска, были широко известны, две из них мы воспроизвели в альбоме «Балкария: время и лица» (Нальчик, 2006). Но вот заключение о том, что все могильники были разграблены, не совсем верно.

Вот какие необычные подробности можно почерпнуть из книги Константина Чхеидзе (более подробно о ней и ее авторе рассказано в главе «Хуламо-Безенгийское ущелье»). Автор «Страны Прометей», побывавший здесь в 1916 году, пишет, что он «ходил в пещеры-кладбища, расположенные недалеко от группы селений, объединенных общим именем «Верхняя Балкария»: «Я нагнулся, посмотрел, и во тьме пещеры ничего не увидел. Чтобы пробраться внутрь, надо было влезть, как в спальный мешок.

Внутри пещеры, когда глаза привыкли к скудному свету, я увидел десятка два скелетов, частью разрушенных, частью сохранившихся. Некоторые из них находились в наклонном положении, полуприслоненные к стене; некоторые сидели, некоторые лежали. Там и сям валялись почти совершенно истлевшие куски тканей. В одном углу собраны были глиняные кувшины, большие и маленькие, целые и разбитые. Вокруг бедер у некоторых скелетов висели пояса. Кожаные кавказские пояса с серебряной насечкой. На полу лежали кинжалы, шашки, старинные пистолеты, женские украшения, почти разъеденный кумган (металлический кувшин) и множество монет. ...Я взял шашку. Она походила скорее на меч, ее кривизна была слишком мала сравнительно с современной. Но как только я ее взял, истлевшее дерево рукоятки рассыпалось прахом. Из моих рук посыпалась пыль. Это было странно и неожиданно.

Потом я обратил внимание на один скелет, лежавший в самом дальнем углу. По-видимому, это был настоящий богатырь. Его руки были длиннее, чем мои ноги; а череп был никак не меньше солдатского барабана. Меня одолело искушение. Как-то само собой руки потянулись к черепу, я поднес его к свету. Череп был действительно огромный. На темени и затылке сохранилась морщинистая сухая кожа. Поражали совершенно целые зубы, плотно вросшие в челюсти. Я попробовал крепость трехсотлетней человеческой кожи. Послышался сухой треск, кожа отдиралась с трудом. Тысячи мыслей рои-

лись в моей голове, когда я держал перед собою череп отдаленного предка Абдуллы.

«Вот под этими костями пробегали искры мыслей. Гнев, радость, уныние, торжество – все это сосредоточивалось здесь, под этими выпуклостями. В этих глазных впадинах сияли глаза. Какие это были глаза?.. Что они видели? На что они любили смотреть?..»

И я вспомнил, как великолепно восходило солнце; я вспомнил, какая нестерпимая радость сжимала мою грудь, когда смотрел я на снеговые вершины... И стало на душе спокойно и легко. Я почтительно опустил череп на землю, которой он принадлежал, и с умиротворенной и радостной душой поднялся наверх, к Абдулле.

Только теперь я узнал, что провел в обществе мертвых не пять, не десять минут (как мне казалось), а около часа. Но я никогда не жалел об этом часе.

Абдулла торопил меня спускаться вниз, в долину, где уже давно нас ожидали с обедом. По дороге я расспрашивал его о происхождении этих общих могил. По его словам, сохранилось предание, что «много, много лет тому назад»...

– А сколько именно лет? – заинтересовался я.

– Здесь был один ученый, он говорил, лет триста или пятьсот... Так вот, тогда посетила наши места моровая язва. Не успевали хоронить, да и опасно было совершать все обряды. Тогда приходилось делать общие могилы...»²⁹.

От спрятанного в той пещере, которая на самом деле была одним из множества подземных склепов в урочище Уллу-тюз, давным-давно не осталось и следа. Да и саму описанную пещеру мы, к сожалению, не нашли, хоть и искали ее тщательно и помогал нам в этом Борис Темукуев, уроженец Верхней Балкарии, человек, сделавший очень много для восстановления подлинной истории своего народа, устранения в ней «белых пятен» (он автор четырехтомного труда «Спецпереселенцы», в 2004 году в нашем издательстве вышел двухтомник подготовленных им документов «7 дней одного века»). Хотя и обошли весь «город мертвых», заглядывали в самые укромные уголки. Время, но в большей степени люди не пощадили верхнебалкарские могильники – заброшенные, разграбленные, опустошенные (кости предков можно видеть повсюду), они буквально вопиют о нашем беспамятстве...

Если мы так относимся к предкам нашим, то что говорить о «братьях наших меньших», диких братьях, для которых Черекское ущелье дом родной... Вот что читаем у Владимира Гиляровского: «Около

Большого аула... вырываются из-под ног огромные дикие индейки джостухи, звенят, вырываясь из кустов, фазаны, и дорога оглашается пением птиц... Высоко над нами парят огромные беркуты, носятся соколы. Раз медведь перелетел через нас. Да, я не шучу. Несчастный бурый, облезлый мишка высоко над нами пробирался по висевшим над бездной корням деревьев. Я было начал снимать винчестер, как вдруг раздался страшный рев, треск – и бедный, оборвавшийся зверь вместе с кустом, в клубах пыли сверкнул мимо нас, перелетел через нашу тропинку и загромычал в бездну, где шум падения был заглушен ревом Черека»³⁰. И у него же чуть дальше: «Чуть розовеет заря. Бездны еще хранят мрак ночи. Я пробираюсь с винтовкой наготове по турьей тропинке, по которой стадо должно возвратиться с ночного пастбища на недостижимые выси ледника. Туман то розовел, то сгущался... Я остановился, прислушиваясь, и вдруг передо мной, над зияющей подо мной черной пропастью, появляется гигантская фигура человека как бы парящего в воздухе. Я уже ясно вижу папаху, руку, опершуюся на винтовку, даже ногу, стравленную на камень...

Сердце захолонуло. Я все забыл: где я? что я? Я вижу себя стоящим в необъятном просторе: мрак бездны глубоко внизу, розовое золото двух снеговых вершин над моим, гигантских размеров, вторым я. Стою, не в силах пошевелиться. Второй я зачаровал меня, поглотил весь мир. Он начинает бледнеть и как будто таять.

Грянул выстрел, загрохотали горы, стадо обезумевших туров на миг сверкнуло надо мной по стремнинам...

И картина, описанная им же спустя годы: «Это было уже тогда, когда я повидал туров на заоблачных стремнинах чеченских и балкарских и под ледниками Эльбруса.

Я увидел их, возвращающихся в свои неприступные ледники с водопоя и пастбища по узкому карнизу каменных скал. Впереди шел вожак, старый тур с огромными рогами, за ним поодиночке, друг за другом, неотрывно все стадо. Вожак иногда пугливо останавливался, поднимал голову, принимался и прислушивался, и снова двигался вперед. Стадо шло, высоко надо мной и неминуемо должно было выйти на нашу засаду, так как это единственная тропа, исключительно турья, снизу на ледник, где они должны быть при первых лучах солнца.

И видел я это стадо, перелетающее семифутовую бездонную трещину вслед за своим вожаком, распластавшимся на секунду в воздухе, с поджатыми ногами и вытянутой шеей, и ни секунды не задер-

жавшимся на другой стороне трещины: он не перелетел, а скользнул через пропасть и исчез за скалой. И все стадо, все пятнадцать рыжих красавцев скользнули за ним, смело и уверенно, почти ровной гирляндой: еще не успел первый оставить точку опоры, как за ним летит следующий, на секунду займет место первого и вмиг исчезает... Так все один за другим! Картина неопишная...».

Тур кавказский – гордость животного мира ущелья. «Флегматичность, громадные рога, массивное туловище и сравнительно короткие ноги – все это создает обманчивое впечатление неуклюжести взрослых самцов. Действительно, козлы не обладают большой скоростью бега по прямой. Но великолепное чувство равновесия, цепкость копыт и отличная реакция делают их замечательными скалолазами. Малейших зацепок и шероховатости скал достаточно им для передвижения по отвесам и карнизам. Более легкие и стройные самки в этом отношении превосходят самцов. ...Густой и теплый зимний пух позволяет турам выдерживать жестокие морозы высокогорья. Благодаря крупным размерам (в среднем самцы весят 120 кг, самки – 70 кг) самцы имеют более выгодный энергетический баланс, чем самки. Это позволяет им держаться на верхнем пределе обитания, где условия хотя и более суровые, но гораздо безопаснее, чем внизу. Самки с молодым занимают нижние «этажи». И придерживаются сложных скальных участков. Старые козлы часто выходят на осыпи и луговые склоны далеко от скал»³¹. Здесь их и могут увидеть туристы, за что должны быть благодарны сотрудникам Кабардино-Балкарского государственного природного высокогорного заповедника, организованного в 1976 году. Кстати говоря, фауна млекопитающих на его территории, включающей и верховья Черекского ущелья, насчитывает «30 видов, в том числе 5 видов насекомых, 3 вида рукокрылых, 7 видов грызунов, 13 видов хищных и 2 вида копытных»³². Среди них волк и шакал, енотовидная собака и лисица, каменная куница и горностаи, лесная кошка и рысь, леопард и медведь бурый, выдра, ласка, кабан...

А уж что говорить о разнообразии растительности – «в верховьях, где проходит восточная граница Кабардино-Балкарского высокогорного заповедника, склоны покрыты редкими сосновыми лесами, березняками, высокогорным кленом, лещиной, облепихой, барбарисом, можжевельником, шиповником, а также альпийскими лугами с коврами кавказского рододендрона». Это цитата из того же научного сборника, который дает полное представление об уникальности природных ресурсов Черекского ущелья.

...Верховья Черка и отходящих от него ущелий – это особый мир, дарующий ни с чем не сравнимые впечатления. Вот удивительное по красоте ущелье Рцывашки, заканчивающееся ледником, спускающимся с горы, носящей поэтическое название Гюльчи-баши (*гюль* в переводе с балкарского – «цветок», *баши* – «вершина»). Западные склоны горы действительно покрыты удивительными по красоте цветами), да и сама она в летнее время напоминает огромный удивительный цветок.

Впору красоте горы «дымящаяся» речка Тютюн-су. Почему она названа так? Об этом рассказывает альпинист Н. Бондарев: «Побалкарски «тютюн» – табак или, в некоторых случаях, дым. «Су» – вода, река. Что же, Тютюн-су – река-табак? Нет. Балкарцы дали первому слева притоку Черка такое название без всякой связи с табаком. Просто чистой вода в бурной реке сильно насыщается пузырьками воздуха, отчего кажется покрытой дымкой. Отсюда Тютюн-су – дымящаяся вода. Пастухи рассказывают, что до войны в ущелье этой реки были лучшие пастбища на всем Черке. Но в середине 50-х годов в долине произошел крупный обвал, засыпавший альпийские луга. Никто теперь туда не ходит. ...Крутой подъем заканчивается обрывом в долину. Дикая открывается картина. Сразу за тесниной и начался обвал. Верхний слой левого от нас склона будто взорвался и обрушился в реку. Вверху обнажились черные скалы, а нижняя часть склона засыпана крупными гранитными глыбами. Несколько глыбин величиной с хороший дом, оторвавшись, лишь сползли, сохранив на себе кусты и деревья. ...Примерно километровая полоса подверглась уничтожению, к тому же обвал преградил путь в верховья реки. Выше сохранились буйные альпийские луга. В глубине ущелья в обрамлении зелени и скал словно изрубленная ледяная стена. Ледник Тютюн. Конечная морена его – огромный вал, покрытый густой травой, яркими цветами, растут низенькие ивы и березки. Много грибов – подберезовиков. И это в нескольких шагах от вечного льда. Любопытна еще одна особенность ущелья. В отличие от соседнего, где ледник Дых-су отступил за последние двадцать лет почти на два километра, Тютюн, судя по конечной морене, уже несколько десятилетий практически не меняет своей длины. Видимо, в этом ущелье свой микроклимат. Тело ледника круто уходит вверх». И увиденное этим же автором рядом, на перевале Селлы, ведущем в Хуламо-Безенгийское ущелье: «...солнце опустилось в какое-то невидимое отсюда ущелье. Лучи его скользят над Безенгийской стеной, не задевая даже макушек «пятитысячников».

Небо на востоке почти черно-синее, зажглись звезды, а на западе светлое – цвета серо-серебристого шелка. Высоко в небе, словно батареи люминесцентных ламп, светятся перистые облака. Мягкий свет струится от этих светильников. Шхара похожа на мраморное изваяние. Книзу тьма сгущается. Облака у подножия горы фиолетовые, а сквозь дыры в них зияет чернота ущелья. Там, на дне, уже ночь. Высота около четырех километров. Тихо. Не слышно даже привычного журчания воды. Чувствуешь себя пришельцем в этом необыкновенно величественном холодном мире»³³.

Заканчивается Черекское ущелье долиной Штулу, получившей у туристов название «Штулинская поляна». Залитая ярким светом, радующая теплом и обилием растительности, дарующая свежесть нарзанных источников, поляна эта создает особое, праздничное настроение, оставляя солнечное впечатление. Поистине настоящий райский уголок среди лежащих выше ледников. Впрочем, дальше красот не меньше – дальше перевал Гезевцек (где *Гезе* – имя, *вцек* – «перевал»), с которого открывается удивительная панорама гор и ледников, но это уже вотчина пограничников, ибо за перевалом теперь государственная граница, такая близкая Грузия, такая далекая чужая страна...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лавров Л. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX века // Кавказский этнографический сборник. Вып. 4. М.: Наука, 1969. С. 77–79.

² Шаховской И. В. Путешествие в Сванетию и Кабарду // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик: Эль-Фа, 2001. Т. 1. С. 173.

³ Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик: Эль-Фа, 2001. Т. 1. С. 214.

⁴ Шаховской И. В. Путешествие в Сванетию и Кабарду. С. 161–162.

⁵ Дубровин Н. Ф. О народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик: Эль-Фа, 2002. С. 47.

⁶ Анисимов С. С. Кабардино-Балкария. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. С. 72.

⁷ Дроздовский А. И. Краткий медико-топографический очерк Кабардинского округа Терской области // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа». Нальчик: Эль-Фа, 2001. Т. 2. С. 341.

⁸ Гиляровский Вл. Сочинения в 4 т. Т. 1: Восходящая звезда. М.: Правда, 1968. С. 377.

⁹ Анисимов С. Кабардино-Балкария. С. 72–73.

¹⁰ Гиппенрейтер В. Вершины впереди. М.: Планета, 1978

¹¹ Природа Черекского района Кабардино-Балкарской Республики. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2005. С. 26–27.

¹² Дайвинг-центр на Голубых озерах // Газета Юга. 2004. 5 августа; В Кабардино-Балкарии построят дайвинг-центр // Комсомольская правда. 2004. 13 августа; Махти Темиржанов погрузился в Голубое озеро // Советская молодежь. 2005. 15 июня; Махти Темиржанов стал «первым балкарским водолазом» // Газета Юга. 2005. 16 июня; Махти Темиржанов стал самым «глубоководным» главой администрации // Кабардино-Балкарская правда. 2005. 15 июня.

¹³ Анисимов С. Кабардино-Балкария. С. 74.

¹⁴ Цит. по: Белоцерковская И. Чирик-Кель и его тайны // Кабардино-Балкарская правда. 2005. 9 июля.

¹⁵ Котляровы М. и В., Шогенова Ж. Куанч. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2004. 240 с.

¹⁶ Анисимов С. Кабардино-Балкария. С. 74–76.

¹⁷ Природа Черекского района Кабардино-Балкарской Республики. С. 125.

¹⁸ Безилов Ч. К. От фото до видео. Нальчик: Эльбрус, 2003. С. 27–28.

¹⁹ Фиркович А. Археологические разведки на Кавказе // Труды Восточного отделения Императорского археологического общества. Ч. 3. СПб., 1858. С. 133.

²⁰ Миллер В. Ф. Терская область. Археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа. М, 1988. Вып. 1. С. 78–80.

²¹ Мизиев И. М. Туристскими тропами в глубь веков. Нальчик: Эльбрус, 1976. С. 18–19.

²² Чеченов И. М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1969. С. 90–94.

²³ Там же. С. 92.

²⁴ Анисимов С. Кабардино-Балкария. С. 77.

²⁵ Миллер В. Ф. Терская область. Археологические экскурсии. С. 80–82.

²⁶ Анисимов С. Кабардино-Балкария. С. 78.

²⁷ Мизиев И. М. Туристскими тропами в глубь веков. С. 23.

²⁸ Там же. С. 23.

²⁹ Чхеидзе К. Страна Прометея. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2004. С. 62–69.

³⁰ Гиляровский Вл. Сочинения в 4 т. Т. 1: Восходящая звезда. М.: Правда, 1968. С. 376, 382, 383–384.

³¹ Заповедники СССР: Заповедники Кавказа. М.: Мысль, 1990. С. 41–42.

³² Природа Черекского района Кабардино-Балкарской Республики. С. 50.

³³ Бондарев Н. Незнакомый Кавказ. // Ветер странствий. 1968. Вып. 3. С. 73–75.

CHERECK CANYON

Every time we begin our new journey we can't escape the difficulty of finding the best among the best, the most beautiful and enchanting among the most beautiful and enchanting. Coming again to the place which seems known to the minute details we realize that we are wrong. The place is always ready to surpass and even deceive our expectations. Chereck canyon – our present destination – may help us to prove it. It is a perfect example of Nature's perfection.

This canyon is very hard to get in. Up to recently it was considered next to inaccessible. The road leading there was one the most dangerous and challenging. Every of its numerous turns meant a great risk and required a lot from a man. Nowadays there is a modern tunnel saving you from the necessity of groping your way along the narrow road broken above the abyss.

Up to recently the canyon was called Balkar (Malkar) because the Eastern Chereck river – the 'initiator' of it – is considered to be the original place of Balkar people. The oldest written document proving it is the inscription in Georgian on the golden cross in the Saviour church in Tskhovaty in Ksan canyon, Georgia. This document gives sound reasons for the following statement: the Balkars lived somewhere there in the XIV–XV-th. centuries.

The starting point of the travel to Chereck canyon is Kashkhatau (a bald head mountain) settlement. The canyons got their names after the rivers cutting them. Therefore the best guide in every journey is the river. In this case it is the second of the main rivers of Kabardino-Balkaria: a very turbulent, speedy and rather deep river Chereck. To speak precisely there are two rivers with the same name: one – Balkar Chereck, a second – Khulam Chereck-Tkhako flowing in the adjacent canyons, Bezengy and Chereck ones. They flow together 6 kilometers above Kashkhatau. The canyon there widens and becomes a large hollow with mild Tyrolean landscapes. It is a kind of gates to Chereck canyon.

Its first wonder is the Blue lake called the Lower because there are three more lakes situated above the road turning to the left. They are the Hidden lake (17 meters deep) and Upper lakes where you can swim and go fishing.

The Lower Blue lake is a picturesque mountain lake with unbelievably pure azure water which nobody leaves indifferent. Its penetrating blue colour reminds of sky and Heaven. It turns up before you quite unexpectedly. The sight is so impressive that you can't but gasp, amazed and astonished. The hues of its water vary greatly from bright blue to light green and bluish black

depending on season, hour and weather. It seems to be bottomless. It is a source of the river Chereck. But there are no rivers flowing into it. That gives some mystery and particular attractiveness to the place.

In 1926–1927 the Blue lake was seriously investigated by I.G.Kuznetsov¹, awarded for this work with silver medal by Russian geographic society. From that time the lake is considered unique natural phenomenon worth thorough and complex researches. To begin with, it has a regular oval form and constant temperature of water – +10°C. Its length is 235 meters, width – 125 meters. The Blue lake is extraordinary deep: somewhat about 250 meters. As for the last figure it is arguable. Some scientists think it to be above 350 meters that makes to rate the Blue lake the sixth among the deepest lakes in Russia. It is nourished by underground springs. Not a stream flows into it. And there is only one flowing out. The lake do not freeze.

The colour of water there depends on the admixture of hydrogen sulphide. Though its quantity in the water is not high there is almost no life at all in the lake: no animals, no plants except one species of crawfish and some kinds of alga. The unbelievable transparence of water as if invites glance to penetrate its depth. Every time you seem to see its very bottom. And every time the azure lake make you feel giddy.

Boating here is retained in your memory for a long time. You feel like being on the edge of some blue precipice and at the start of some improbable adventure. It is a real thrilling suspense reminding that of Hichcock. You realize the essence of paradoxical meeting of Definite and Infinite.

But still there are a lot of those who are ready to challenge the depth of the Blue lake. Up to recently divers plunged to the mark of several tens meters. In 2003 two divers set up a record of diving. Igor Galaida and Roman Prokhorov reached the depth of 150 meters. Afterwards they got to 180 meters. Just then it was decided to open a center of deep-water researches and diving station on the Blue lake bank. In summer of 2005 the building was over. The center has two parts: surface and underground ones. The first is the office with research laboratories; the second – the diving center itself with all the necessary commodities: the tunnel for plunging, cloak-rooms, drying rooms and so on. Now all the enthusiasts of diving can enjoy the azure depth of the Blue lake all the year round.

We can't but mention one more nature's wonder here. It is the Dry lake situated near the Upper lakes – a gap 100 meters deep. About half a century ago there also was pure blue water like that in the Lower lake. The water then disappeared. Today the Dry lake is an abyss terrible to look into.

Here, in this part of Chereck canyon, there are a rest center "Blue lakes" accommodated for 280 persons and a season curative center "Chereck" for 120 persons.

Going on along Chereck valley we find ourselves in a narrow throat of canyon cut in yellow-pink rocks. The canyon here is very deep. The river rushes, roaring and tumbling, on the bottom of a true precipice. The road here is built on its very edge. It either goes down to the turbulent water or goes up high above the stream. The peaks of Rocky range reach 3000 meters height. As for the average height of the road it is about 100 meters. This simple comparison can show the grandeur of mountains in Chereck canyon. More than that. The walls of this canyon are 'decorated' by nature itself with architectural and sculptural forms: by columns, towers, bastions, fantastic figures coloured in different hues – from yellowish-white to dark pink.

All colours there, by the way, are very rich and intensive. They are green, yellow, pink and azure. If to add to your impressions a very sharp feeling of height and constant roar of water you'll get some picture of this wonderful canyon. Practically all the road to Upper Balkaria settlement means your incessant rapture. You don't want to miss a minute detail of the landscape. But there is one more thing to make you enchanted. It is manmade buildings and constructions. They really strike your imagination by their might and magnificence. Chereck canyon is particularly rich in old towers. Each of them has its own name because it belongs to the corresponding clan. The most famous are two towers belonging to the Abaev family. As all ancient and great constructions they gave birth to many mysteries and interesting legends. One legend is connected with the outstanding historic figure Tinges-khan.

Up to the first half of the 20-th century there were a lot of bastions and towers constructed as one great fortress. The oldest of them were built on the inaccessible rocks. The last of the towers goes back to the XVI–XVII centuries.

Nowadays most of them have gone into decline or ruined. They are not only evident, expressive signs of the destructive power of Time but of the malignant nature of man history as well. Kunnyum, Zilgi, Kusparti, Mukush, Kurnoyat, Ishkanti, Sautu, Glashevo... These are only part of the names belonging to the former settlements where the Upper Balkaria is located today.

Several fortresses of the Upper Balkaria are described in the book "The relics of Kabardino-Balkaria" by I.Chechenov. The first is Karcha-Kala fortress situated to the south-west in 2–3 km from the settlement on a hard to get steep mountain slope above the left bank of the river Chereck. The second one is built in 400–500 meters to the north-west from the Abaevs' tower on a high slope. Not far from it, next to the waterfall, there are the ruins of the 3-d bastion named Malkar-Kala. It was built like a combined defensive and living complex. The last fortress is erected on Kurnoyat mountain in the gorge of the same name. Each of them seems to be the natural part of the inaccessible rocks.

Zilgy fortress really strikes everybody's imagination. It has three tiers but there were four of them earlier. The first tier is a defensive wall with subsidiary

constructions 11 meters long. The second tier is the citadel itself. The upper tier is a separate bastion one wall of which is the steep rock. Between the first and second tier there are 12 meters, between the second and the third one – about 50 meters.

Here is an extract from the report of the academician V.Miller to the Empire Archeological Society after his trip to the Terek region in 1886: "The Balkar canyon, inhabited by one of the most ancient of the Turk communities, is especially rich in towers. Along all the road through this canyon a traveler constantly has the towers in sight". Everybody who wants to get known with this very interesting report can do it in the book "Balkaria: pages of History" (Nalchik, 2005).

The next memorial place is the so called "Dead town" at the foot of the fortress Amirkhan-Kala. It is a spacious burial ground. Visiting it you can experience some contrasting feelings but the feeling of the Being's mystery prevails. This town of the dead is a monument to different historical epochs. The Dead town as a whole is considered to go back to the late Middle Ages (XII–XIV) but some part of the crypts may be dated by V–IX centuries.

There are several types of burials, the most ancient among them are crypts. Such crypts are quite hidden in the ground. Above it they have a stone two-pitched roof based on low walls. They have round inlets for the lowering of the deceased. The bodies were buried embalmed, in the best clothing, with arms, vessels, decorations. One more interesting kind of burials is Mohammedan dating to the XVII–XVIII-th centuries. They are domed octahedrons about 8 meters height.

The fauna and flora of the Chereck canyon are rather rich. The first includes 30 species of mammals, 13 kinds of beasts, 5 kinds of insects, 7 – of rodents and so on. Among them there are wolf, jackal, marten, ermine, wild cat, lynx, bear, wild boar. As for the Chereck canyon flora it contains highland pines, birch trees, maples, as well as hazel, barberry, dogrose, juniper not to mention of the Alpine meadows covered with rhododendrons.

The pride of the Chereck fauna is a fabulous Caucasian goat. Its phlegmatic look, huge horns, massive body and short legs give a deceptive impression of awkwardness. In reality these goats are animals capable of running at a great speed along the plane surface. Their wonderful feeling of balance, tenacity of hoofs and surprising reaction make them splendid rock-climbers. When they cut capers they seem flying from rock to rock. This picture is impressive.

The upper reaches of Chereck and the adjacent gorges is a unique world giving you incomparable feelings and impressions. We can't but mention here such mountain as Gul-bashy (gul – flower, bashy – top, summit). The western slopes of this mountain are really covered by amazingly beautiful flowers. Besides, in summer the whole mountain reminds of a great flower. One

more wonder is a “billowing” river Tyutyun-su. Its purist water is satiated with bubbles of air and it makes it seeming covered with haze. Over and above the Tyutyun-su river there are luxuriant Alpine meadows.

The end of the Chereck canyon is Shtulu valley called “Shtulu glade” by tourists. It is flooded with bright light. It rejoices your heart and eyes with fresh colours of a rich verdure and some unforgettable festive atmosphere. It is a true Paradise among the glaciers.

Further on there is a crossing Gezetsvek from which you can enjoy a magnificent panorama of mountains, rocks and glaciers. It is a border of Georgia, a way to one more wonderful country. Bon voyage!..

НАЛЬЧИК И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ

¹ By the way, I.G.Kuznetsov was born in Nalchik.

НАЛЬЧИК:

это стоит увидеть

Городской парк:

Аллея голубых елей

Главная аллея

Липовая аллея

Цветочный календарь

Комплекс «Малая Кизилровка»

Смотровая башня

Пивной бар «Бочка»

Галерея «Источник Нальчик»

Национальный музей КБР

Музей изобразительных искусств

Мемориал жертвам политических
репрессий балкарского народа

Дом-музей Марко Вовчок

Музей-квартира Али Шогенцукова

Литературный музей

Памятник «Навеки с Россией»

Памятник «Древо жизни на колесе истории»

Памятник Кайсыну Кулиеву

Соборная мечеть

Ботанический сад

Белореченские карьеры

Источник «Серные ванны»

Пещеры в каньоне реки Нальчик

Ушелье Хео

Монастырский комплекс на горе Издара

«Красные поляны»

...Нальчик для нас – родной город. Его радость – наша радость, его боль – наша боль, его беда (в октябре 2005 года случилось так, что она попыталась приоткрыть дверь и в столицу Кабардино-Балкарии) оставила рубцы и на наших сердцах.

Мы знаем точно: никогда не быть Нальчику городом печали. Утопающий в цветах и зелени, уютный и светлый, скромный и добродушный, чистый и солнечный, окруженный сияющими грядами снежных пиков, дарящий тепло человеческого участия и внимания, он словно создан для радости, для здоровья, для осознания того, как прекрасна и удивительна дарованная Создателем жизнь. Город – сад, город – цветник, город – праздник. Быть и оставаться ему таким во веки веков.

Что нам известно о городе, в котором родились, росли, учились, работали и работаем, а если покидали, то ненадолго? Совсем немного. К сожалению, и работ, освещающих историю Нальчика, показывающих все его удивительное многообразие, очень мало. Книга журналиста Андрея Кабанова¹, вышедшая чуть ли не полвека назад, ныне малодоступна, но главное другое – содержащаяся в ней информация настолько идеологизирована (да и как могло быть иначе?), что со сменой общественного вектора оказалась просто-напросто никому не нужной. То же касается и последующих работ², содержащих проценты, отчеты, цифры, вызванные политической направляющей, попытки заглянуть в будущее, которое, как оказалось, будет строиться совсем по другим лекалам.

Другим путем пошел краевед Владимир Пеннер, отдавший немало времени поиску различных материалов (архивных документов, публикаций в газетной и журнальной периодике) по истории Нальчика. Две работы³, изданные им, – это наиболее полный перечень упоминаний о Нальчике в исторических анналах, художественных произведениях, мемуарной литературе, письмах и дневниковых записях знаковых для нашей истории личностей.

Готовя книгу «Нальчик глазами современников» к печати (одну из первых в только что созданном издательстве «Эль-Фа»), один из авторов этих строк в процессе редактирования достаточно много общался с Владимиром Пеннером, бывало, дискутировал, в чем-то не соглашался с ним, но всегда отдавал должное его увлеченности, если не сказать больше – подвижничеству. Ведь книгу о родном городе краевед выпустил на свои личные сбережения, одним из первых воспользовавшись появившейся в начале 90-годов прошлого

века возможностью издания книг за счет средств автора. К сожалению, жизнь распорядилась так, что В. Я. Пеннер ушел из жизни практически сразу после выхода книги. Но она – отпечатанная на некачественной бумаге, в скромной мягкой обложке – по-прежнему востребована, пользуется читательским спросом в библиотеках. И мы в своем рассказе о Нальчике не раз обратимся к разысканиям Владимира Пеннера, вспоминая его добрым словом.

Экономико-географический очерк «Нальчик»⁴ доктора географических наук Рауфа Бураева содержит массу самой разнообразной информации, в том числе о природных условиях и ресурсах города, социально-экономических и экологических аспектах его развития, обозримом будущем, которое, как оказалось по прошествии 20 лет, отнюдь не такое уж обозримое. Фактические данные, приведенные в книге, годны, так сказать к употреблению, а вот цифры, особенно характеризующие индустриальную поступь города, вызывают сегодня лишь ироническую улыбку.

Столице Кабардино-Балкарии посвящены и два достаточно солидных фотоальбома – первый из них, вышедший в 1995 году, составлен из работ Алексея Шахмурзаева, по основной профессии – актера, по призванию – самобытного художника, взявшего в свои руки фотоаппарат еще в детстве и с тех пор не расстающегося с ним.

Второй, приуроченный к 280-летию Нальчика (об этой дате более подробно – ниже), увидел свет в 2004 году, и его заказчиком также является городская администрация. Отсюда вполне объяснима определенная социальная заданность первого фотоальбома, как и политическая ангажированность вкпе с рыночной составляющей второго. Издатели порой забывали, а может, и не хотели помнить, что промышленные предприятия, небожители от власти тоже, как и простые смертные, рождаются и умирают, приходят и уходят. И кто и что значимо сегодня, завтра если и будет вспоминаться, то только по поводу – событийному, юбилейному или печальному...

Нам же интересен сам город, его неповторимый горский норов, его прошлое и настоящее, памятники и достопримечательности, люди, родившиеся и живущие в нем. А так как у работ, выходящих в серии «Родной ландшафт», есть только один цензор и заказчик – наши сердца, то поверьте – мы постараемся быть искренни, объективны и чуточку... предвзяты. Что вполне объяснимо: ведь движущая сила нашего слова и взгляда – любовь к отчей земле, отцовскому очагу, малой родине, родному городу. Городу, который достоин теп-

ла, внимания, уважения и сохранения в памяти каждого, кто хоть раз в нем побывал.

И здесь бы нам хотелось привести строчки из опубликованной в 2010 году книги «Тысяча первый роман о детстве» Н. Полошевской – это псевдоним Натальи Смирновой, преподавателя иностранной литературы КБГУ, самого интеллектуального автора нашего издательства, названия книг которой говорят сами за себя – «Тезаурус Джона Фаулза» (2000), «Жизнь и мнения лорда Байрона, джентльмена» (2001), «Оскар Уайльд: ...Ars longa» (2002), «'Аристос' Генриха Ибсена» (2004). Немало страниц ее новой, чистой и искренней работы посвящены Городу детства (именно так, с большой буквы) – Нальчику: «У Города было удивительное, маняще непонятное для постороннего слуха название, в котором гармонично соединились мягкость и твердость, покорность и решительность, мужское и женское. Эти взаимодополняемости выбрали в качестве посредника мягкий знак, что свидетельствовало об их мудрости и придавало названию символическую многозначность. У такого Города должна была быть своя неповторимая судьба. Она давала это понять сразу – без обиняков, откровенно. Знак этой особенности был виден издали – величественные горы, подковой окружавшие Город. Они порождали ощущение надежности, защищенности, покоя. Несмотря на какую-то особую камерность, в Городе чувствовались простор и даже размах, потому что взгляд здесь всегда устремлялся вверх. Вольно или невольно, но он стремился к горам даже тогда, когда их не было видно. Городу не грозила клаустрофобия. В нем было так много высоты и неба, что от этого порой кружилась голова...»

...Споры о происхождении имени города ведутся давно, и немало копий сломано по этому поводу. Не нам вносить ясность в этот вопрос, поэтому предоставим слово специалистам. Вот что писал кавказовед Леонид Лавров: «К тюркской топонимике относятся, в частности, такие наименования, как Бичесын, Боргустан, Бештау, Бирмамыт, Малка (Балкъ, или Балыкъ), Кичмалка, Гунделен, Баксан, Кызбурун, Лечинкай, *Нальчик* (выделено нами. – Авт.), Кашкатау, Черек, Акбаш, Татартуп, Эльхотово и др. В количественном отношении тюркские названия в топонимике Кабарды занимают первое место после кабардинских. Из них название «Нальчик» некоторые пытались объяснить при помощи кабардинского языка, что облегчается присутствием в этом языке заимствованного тюркского термина «нал»,

означающего «подкова». Вторую часть «чик», в кабардинском произношении «шыч», Дж. Н. Коков произвел от кабардинского «щыкӀэ» – «подобный». К. Т. Мамрешев возразил Дж. Н. Кокову, что «вероятность перехода шипяще-свистящего смычногортанного «щ» в шипящий спирант «ш» и заднеязычного смычногортанного «кӀ» в шипящую аффрикату «ч» с точки зрения исторической фонетики адыгских языков нам представляется весьма сомнительной». В частице «шыч» К. Т. Мамрешев видел причастие от кабардинского глагола «щычын» – «срывать с ноги, срывать», и термин «Налшыч» он толковал как «(место), где срывается (отрывается) подкова». Толкование, данное К. Т. Мамрешевым, принял и Т. Х. Кумыков. Однако сам К. Т. Мамрешев вынужден был признать, что по отношению к подкове кабардинцы говорят не «щычын», а «шӀэчын» – «срывать снизу».

В новой работе (имеется в виду книга: Кабардинские географические названия. Нальчик, 1966. – Авт.) Дж. Н. Коков допускает одинаковую правомочность толкования термина «Нальчик» как при помощи кабардинского, так и тюркского языков. Было бы правильнее отставить лишь толкование из тюркского языка, так как кабардинские этимологи не учитывают, что тюркская природа этого термина очевидна и не требует доказательств. В тюркских языках (в том числе в карачаево-балкарском и ногайском) «чик» и «шик» являются уменьшительным суффиксом, поэтому «Нальчик» без труда переводится словом «подковка»⁵.

Но эта точка зрения имеет и противников, чьи доводы не менее аргументированы. Есть и более простые объяснения, суть которых выразил Константин Чхеидзе, автор удивительной книги «Страна Прометея» (о жизни и творчестве этого удивительного человека мы рассказали в главе «Хуламо-Безенгийское ущелье»): «Слобода Нальчик, столица Кабарды, лежит на берегу горной речки того же имени. Есть два объяснения, почему Нальчик называется Нальчиком. Согласно одному, когда-то князь Атажукин потерял в том месте, где расположен городок, подкову (по-кабардински н а л ь – подкова), отсюда и название. Согласно другому, название произошло оттого, что в этом месте река делает подковообразный поворот. Как бы там ни было, Нальчик расположен в защищенной от северных ветров долине; от Нальчика открывается сказочно-прекрасный вид на горы»⁶.

Суммировать сказанное можно словами составителей фотоальбома «Нальчик» (2004): «Наиболее вероятным принято считать то, что название город получил от горной реки Нальчик, протекающей по

его территории, а само географическое расположение в полукруге гор напоминает подкову. «Нальчик» в переводе с языков коренных народов и означает «подкова», то есть символ счастья, благополучия и удачи. Подкова стала эмблемой города».

Не меньше споров, особенно в последнее время, вызывает и дата основания Нальчика. В советский период с этим проблем не было и официально считалось, что «Нальчикская крепость основана в 1818 году как одно из кордонных укреплений Кавказской линии, возникшей в период борьбы против султанской Турции за укрепление и расширение русских позиций на Северном Кавказе»⁷.

В подтверждение приводились выдержки из работы Иосифа Дебу (1774–1842), француза по происхождению, состоявшего с 1793 года на военной службе в России, командовавшего Левым, а потом Правым флангом Кавказской линии. (Извлечения из его замечательного исследования «О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или Общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах» опубликованы в одном из этнографических томов сериала «КЛИО»⁸). И. Дебу, в частности, сообщает: «...р. Сунжа с 1817-го по 1820 год занята разными укреплениями... Кавказская линия распространена до самого Дагистана, вред сухой черты кордона от Беталпашинской переправы до р. Малки отвращен посредством новоучрежденных укреплений», о которых до этого говорится следующее: «...Через год прибавлены таковые посты: 1-й, в недалеком расстоянии от Кисловодского укрепления, под названием Кабардинского, 2-й, при Малке, у так называемого Каменного моста; связь их посредством укреплений по Нальчику и разным другим рекам, соединенным с Сунжею, составила новый Кордон линии, простирающегося до самого Дагистана». И далее: «...в том же, 1818 году также начато строительство крепости «Грозной»⁹.

Цитировались в подтверждение и косвенные сведения Платона Зубова, автора книги «Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях»: «Постройка укрепления Нальчик в Большой Кабарде и назначение одного штаб-квартирою Кабардинского пехотного полка, а вслед за тем занятие р. Сунжи построением на оной крепости Грозной и др. укреплений в земле Брагунской, основание Кр. Внезапной, а потом

проложение новой дороги от Екатеринограда до Владикавказа по направлению р. Терек через земли Малой Кабарды с устройением на оной укр. Архона, Ардона, Минарета, Уруха и Пришеба, распространило Кавказскую линию на всю Малую и Большую Кабарды»¹⁰.

Как будто все ясно, тем более, что основание Нальчика в 1818 году подтверждается также «Письмом канцелярии Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе от 20 марта 1884 г. в Совет Главногоначальствующего Кавказской линией», в котором говорится следующее: «На месте современного Нальчика в 1818 году генералом Ермоловым была возведена крепость». Но вот краевед Владимир Пеннер придерживался другой точки зрения, мало того, одним из первых стал утверждать, что датой основания Нальчика является 1822 год. При этом он ссылаясь на того же Платона Зубова и его двухтомный труд «Подвиги русских воинов в странах кавказских с 1800-го по 1834 год», вышедший в Санкт-Петербурге в 1835–1836 годах. Анализируя его, он пришел к выводу, что «весь период с 1818-го по конец 1821 года Ермолов был занят устройством левого фланга Кавказской линии, Сунженской линией. Лишь 1 января 1822 года Ермоловым был снаряжен отряд в глубь Кабарды во главе артиллерии полковником Коцаревым для наказания «кабардинцев за производимые ими разбои и грабительства на Кавказской линии... наиболее усилившиеся в 1821 году». В составе отряда были один батальон Кабардинского пехотного полка, четыре орудия артиллерии, 200 человек линейных казаков и одно конное орудие. Далее Платон Зубов пишет: «Генерал Ермолов ...в начале 1822 года, во время зимы посылал в Кабарду отряды, вынудившие многих кабардинцев выселиться из гор на равнину, а мятежников преследовал оружием, через что временно положил конец хищничеству. В мае месяце того же года генерал Ермолов с особым отрядом выступил сам для обозрения Кабардинских земель, дабы изыскать ближайшие средства водворению тишины и порядка.

...Получив Высочайшее разрешение на перенесение средней черты Кавказской линии, генерал Ермолов, несмотря на позднее осеннее время, успел еще в 1822 году устроить значительные укрепления на реке Урухе, Нальчике и Баксане, в центре Кабардинской земли...».

В предисловии к своей книге В. Пеннер выразил надежду, «что если нам до сих пор не удалось еще кого-нибудь убедить, то рано или поздно будет найдено то последнее свидетельство, которое ждет своего будущего исследователя и наконец проставит дату основания Нальчика – 1822 год». Последующие разыскания ученых подтверди-

ли его правоту. Командующий расположенными в Кабарде войсками полковник Коцарев в рапорте от 11 сентября 1822 года сообщал: «... на Нальчике (именно так, без мягкого знака. – Авт.) крепость окончена будет к 20-му числу сего м-ца». И далее, из его же рапорта от 23 октября 1822 года: «На Нальчике и Чегеме предположенные работы в крепости и укреплении кончены, сена некоторую часть накосили, балаганы для зимы назначенным гарнизонам выстроены...»¹¹.

Вполне убеждает, но была и другая точка зрения, основывающаяся на утверждении, что «Нальчик имеет три даты: как поселение – 1745 г.; как административно-политический центр – 1807 г.; как военная крепость царской администрации на Северном Кавказе – 1822 г.».

Это строки из статьи Хасана Думанова, опубликованной еще в 1991 году в журнале «Адыги» под весьма категоричным заголовком: «Нальчику – 246 лет». Вывод из приведенных им фактов сам автор свел к следующему, что, «исходя из общепринятого и утвердившегося на практике положения о том, что датой основания населенного пункта нужно считать время его первоначального появления как поселения, датой основания Нальчика нужно считать 1745 г.»¹².

Спустя всего 13 лет после этой публикации, в 2004 году Нальчик отметил не свое 259-летие, как можно было предполагать, а... 280-летие. Откуда же появилась дата – 1724 год, состарившая город на целых сто лет? Нам неизвестно, кем и вследствие чего была инициирована кампания по изменению времени рождения Нальчика, но она состоялась и завершилась успешно. Тот же Хасан Думанов писал по этому поводу: «Начиная с 1724 года, на этом месте находился общественно-политический центр тогдашней Кабарды. Документы подтверждают этот факт. В книге «Кабардино-русские отношения», изданной в 1957 году, говорится, что во времена междоусобицы кашкатавской и баксанской партий кабардинских князей этот центр был назван местом нахождения кашкатавской партии. Значит, годом основания Нальчика следует считать 1724 год. К тому же именно здесь была усадьба Арсланбека Кайтукина, главного князя Кабарды. Здесь же располагались 19 аулов, которые принадлежали Джамбулату Кайтукину, брату Арсланбека. Об этих аулах говорилось в описи населенных пунктов Кабарды»¹³.

И далее ученый ссылается на ряд материалов, прямо или косвенно подтверждающих, что кабардинские поселения на месте будущего Нальчика существовали задолго до 1822 года. В частности, на донесение Моздокского коменданта Таганова, в 1809 году сообщавшего,

что, «переехав через вершины рек Баксанижа, Чегема и Шалухи на р. Нальчик, к старшему кабардинскому владельцу Кучуку Джанхотову, оставшись у него, разослал находившихся со мной двух верных людей с кабардинцами в разные стороны...». Оно, по мнению ученого, свидетельствует, что «в 1809 году здесь находился административный центр Кабарды во главе со старшим князем Кучуком Джанхотовым». Как и карта майора Барковского, согласно которой «в 1753 году на реке Кенже располагалось 4 аула, на реке Шалушка – 7, на реке Нальчик – 20, и от Шалушки до реки Чегем – 20».

Доказательства эти выглядят далеко не для всех убедительными, рядом северокавказских ученых оспариваются, особенно в контексте того, что Черкесск в 2005 году отметил только свое 180-летие, а Грозный, считающий себя ровесником Нальчика, оказался младше почти на целый век. Но, как говорится, после драки кулаками не машут. Вон Казань, так та вообще «старилась» несколько раз, пока и не отпраздновала всенародно свой тысячетный юбилей.

Одним словом, Нальчику в 2004 году власти организовали 280-летие, но от этого он вовсе не стал солиднее, степеннее, тем более – напыщенней. Главное ведь не сколько тебе исполнилось лет, а на сколько ты себя ощущаешь! Одни и в зрелые годы еще горят, другие и в молодые лета уже отгорели. Нальчик же как ребенок: одновременно тихий и задиристый, скромный и неумный, веселый и благоразумный, спокойный и бесшабашный. Но всегда – любимый. Быть ему и оставаться таким, надеемся, еще долго, ведь как порой не хочется, чтобы родное дите взрослело...

Вновь обратимся к книге В. Пеннера, но речь уже поведем только о Нальчикской крепости, которая (и это не подлежит оспариванию) «была основана по приказу А. П. Ермолова как одно из русских военных кордонных укреплений, входящих в систему Кавказской линии. Она была построена русскими солдатами под наблюдением инженера-поручика Коцебу в самом центре Кабардинских земель в наиболее выгодном стратегическом месте. Судя по сохранившимся строениям, описаниям краеведов, можно с уверенностью сказать, что крепость находилась в старой части города, между современными улицами Революционной и Лермонтова, с одной стороны, и между левым берегом Нальчика и улицей Шогенцукова – с другой. Крепостной форштадт располагался несколько ниже по реке»¹⁴. (По другим сведениям, крепость доходила до улицы И. Арманд, далее – на месте нынешнего сада Свободы – располагался плац, а затем форштадт.)

Согласно архивным документам первой половины XIX века, «земляное укрепление построено квадратом по системе Вобана, с пристройками на трех фасах в виде бастионов по положению окрестностей... Укрепление построено на крутом обрывистом берегу реки Нальчик. К юго-восточной стороне укрепление суживалось и имело хорошую артиллерийскую оборону сквозь амбразуру кремальеры. С юго-восточной стороны в укреплении находились ворота, называемые Водяными. Северо-западный фас имел вид неправильного бастиона, фасы которого параллельны куртине, в середине которой были ворота на Чегемскую дорогу... Форштадт был обнесен стеной из плетня, в которой были прорезаны бойницы для ружейной обороны. Впереди плетня вырыт небольшой ров. Крепостной вал, идущий вдоль укрепления и форштадта, имел в длину 1210 сажен. Глубина рва была 3 1/2 аршина, ширина 5 аршин...»¹⁵.

Уточнив, что кремальеры – это вырезы во внутренней части крепостного вала, а куртина – участок крепостной ограды, соединяющий соседние бастионы, процитируем краеведа дальше: «С возведением Нальчикского укрепления сюда переместилась штаб-квартира Кабардинского егерского полка. Внутри крепости и на форштадте инженерным ведомством были выстроены казармы барачного типа для рядового состава и дома для офицеров гарнизона, полковой канцелярии, кордонного архива, штаб-лекаря полка, инженерной команды, певчих и портных, Кабардинского временного суда, аманатов – детей горских народов, взятых царской администрацией в залог, а также неперенные – баня, конюшня и пороховой погреб. Поначалу постройки представляли собой одноэтажные деревянные или турлучные дома, крытые сеном или камышом. Но впоследствии, когда в крепости поселился начальник Центра Кавказской линии со своим штабом, для него возвели на форштадте кирпичный дом с мезонином и колоннами. ...Рядом с садиком Свободы у пересечения улиц Советской и Кабардинской сохранилось несколько одноэтажных зданий – здесь находился центр крепости, а позже была канцелярия начальника Нальчикского округа. (Эти дома в настоящее время, к сожалению, снесены. – Авт.) В близлежащих домах размещались Кабардинский временный суд, архив, кордонная канцелярия. Тут же, на месте, где сейчас находится Танцевальный зал, стояла церковь. Неподалеку были казармы и пороховой погреб»¹⁶.

...Жалкие развалины, оставшиеся от крепости, густо заросшие крапивой и лопухами, авторы этих строк еще застали. Правда, вско-

ре и эти камни безвозвратно растворились во времени, исчезнув под котлованами нового строительства. Страница из книги биографии города была перевернута, и вернуться к ней теперь невозможно...

Но обратимся к истории. В «Актах Кавказской Археографической комиссии»¹⁷ есть любопытный документ, озаглавленный «Замечания касательно просьбы кабардинского народа и средства улучшения благосостояния онога». Его автор – генерал-майор Федор Александрович Бекович-Черкасский (тот самый, имя которого встречается в пушкинском «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года» и о храбрости которого ходили легенды). И вот что он писал в своих замечаниях: «При подробном рассмотрении состояния кабардинцев, искони углубленных в порочные предрассудки праотцев своих, представляется величайшею пользою для возведения их на ступень благородного образования основать город около Нальчикской крепости, как пункта, составляющего средоточие всей Кабарды. Учуть кабардинцев в Нальчике, а по истечении трех лет отсылать их в высшие в России училища. ...С восстановлением города, с открытием торговли все продукты не токмо одних кабардинцев, но и всех окрестных горцев будут привозимы в оный для промена на разные товары, и сим самым народы, почти полудикие, сдружатся с людьми, благословляющими безмятежную, приятную жизнь. Видя, что все сие клонится к счастью семейства, они также будут вести жизнь оседлую, с которой неразлучно трудолюбие, и стремление к пользам собственной и ближнего укажет им путь к лучшему домоводству...».

* «Не доходя до Ларса, – пишет Александр Сергеевич, – я отстал от конвоя, засмотревшись на огромные скалы, между коими хлещет Терек с яростию неизъяснимой. Вдруг бежит ко мне солдат, крича мне издали: «Не останавливайтесь, ваше благородие, убьют!» Это предостережение с непривычки показалось мне чрезвычайно странным. Дело в том, что осетинские разбойники, безопасные в этом узком месте, стреляют через Терек в путешественников. Накануне нашего перехода они напали таким образом на генерала Бековича, проскакавшего сквозь их выстрелы». И у него же чуть далее: «В лагерь наш (26-го утром) явились депутаты от народа и сераскира, день прошел в переговорах; в пять часов вечера депутаты отправились в Арзрум, и с ними генерал князь Бекович, хорошо знающий азиатские языки и обычаи. ...В Арзруме заметно было волнение. Вдруг на городском валу мелькнул огонь, закурился дым, и ядра полетели к Топ-Дагу. ...В сию минуту прискакал на Топ-Даг князь Бекович, со вчерашнего дня нахо-дившийся в Арзруме на переговорах» (*Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 т. М.: Худ. лит., 1975. Т. 5. С. 355, 382–383*). Более подробно о князе Бековиче-Черкасском см.: *Опрышко О. Л. Через века и судьбы. Нальчик: Эльбрус, 1982. С. 254–286.*

В 1838 году при крепости было создано военное поселение, упраздненное в 1850 году. В 1862 году в слободе Нальчик, образованной из крепости, форштадта и еврейского поселка, проживало «2300 душ обоого пола». А вот что в 1896 году писал в выходящей во Владикавказе газете «Казбек» Б. К. Далгат (скрывшийся под псевдонимом «Беркут»), обращаясь к читателю, который «пожелал бы побеседовать с любителем-туристом о наиболее крупных впечатлениях, оставленных Нальчиком в кратковременное пребывание его там». Итак, «Нальчик отстоит от Владикавказа в 131 версте, от Котляревской ст. – в 47 верстах, в 1683 верстах от Москвы и в 2287 верстах от Петербурга. Это довольно большая слобода на левом берегу реки Нальчика, против кабардинского аула на правом его берегу, – с населением более 3000 душ обоого пола, с прямыми широкими улицами и приличными деревянными и частью каменными домами. Нальчик напоминает собою Грозный или, скорее, Хасав-Юрт, но гораздо больше здесь чувствуется деревня; чистота воздуха необыкновенная...

...Нальчик является административным центром Нальчикского округа, с населением более 90 тысяч человек кабардинцев и горцев. Тут находятся окружное управление, слободское управление и суд, почтово-телеграфная контора, горский словесный суд, ставка начальника 2-го участка, камера судебного следователя, горская школа, казенная и земская почтовые станции, благотворительное общество, 1 православная церковь, 1 еврейская синагога, 1 мужская, 1 женская и 1 еврейская школы, аптека, лавки, базар и т. д. Понятно, что все это притягивает в Нальчик массу кабардинцев и горцев, немцев, евреев, казаков из станиц и дает кусок хлеба не одной бедной семье слобожан. Немалым неудобством в Нальчике является ...отсутствие ежедневной почты. ...Вы сами должны наведываться в день прихода почты (три раза в неделю – по вторникам, четвергам и субботам), нет ли на ваше имя корреспонденции... Общественное спокойствие и безопасность в Нальчике теперь вполне обеспечены. ...Времена разбойников ...в настоящее время прошли, кажется, безвозвратно; теперь уже можно спокойно спать с открытыми окнами во двор.

...У почти каждого слобожанина есть огород – бахча и сад, главным образом, для себя. На базаре масса овощей и фруктов, но покупают все больше приезжие и служащие, все по баснословно дешевой цене: славятся пришибские арбузы. Немцы из колонии торгуют продуктами домашнего молочного хозяйства; горские евреи продают сафьян, чевяки и разную мелочь; кабардинец проносит по дворам сыр»¹⁸.

Именно здесь видится уместным более подробно сказать о районах Нальчика, в том числе и тех, в которых и проживали упоминаемые выше немцы и горские евреи. Ведь в одном из документов этого времени прямо говорится, что «слобода состоит из собственно Нальчика, Астраханской слободы, немецкой и еврейской колоний...»¹⁹.

Астраханская слобода, или Астраханка, что привычнее для обывательского слуха, располагалась в районе улицы Маяковского, вниз от улицы Кабардинской к реке, то есть между слободой и еврейской колонией. Население ее составляли иногородние переселенцы, в основном из Астраханских степей, жившие в саманных домиках под соломенными крышами. Газета «Терские ведомости» от 29 августа 1908 года писала: «Итак – у коренных жителей, как полноправных хозяев, все: и земельный надел, и покос, и пастбищные места, и выгонные места, и усадебная земля, которую всегда можно продать иногороднему и брать с него деньги в свою пользу... Всякий согласится, что положение иногороднего крайне незавидно, но он сам пошел на эти условия, пошел добровольно, потому что ничего не поделаешь: нужда скачет, нужда пляшет... Тяжело приходится иногородним, особенно живущим в так называемой Астраханке. Это – самая что ни на есть беднота, голь перекатная»²⁰.

Нина Николаевна Сухова – мы тесно общались с ней во время написания книги «Юности горячие сердца» (Нальчик: Эльбрус, 1981) – вспоминала, что «между слободскими и «астраханцами» была традиционная, можно сказать, классовая вражда, так как в слободе жили зажиточные. Если астраханский парень вздумает гулять со слободской девушкой – быть потасовке. И наоборот.

Одежда астраханской молодежи тоже отличалась. Девушки в ярких, широких цветных юбках и сверху кофточки. Парни – в длинных косоворотках, подпоясанных узким ремешком, брюки вобранны в сапоги. Сапоги начищенные, обязательно со скрипом. В прохладную погоду сверх рубашки пиджак нараспашку, из-под пиджака видна на четверть рубашка. На голове фуражка и обязательно из-под козырька вихрастый чуб. А летом для пущей красоты огромный цветок (гергин) в боковом кармане пиджака с левой стороны (пылкая любовь), а то и прямо на фуражке над козырьком. Это считалось шиком. Слободские же парни, даже бедные, подражали «знати» и в отличие от астраханских ходили в ботинках, брюки навывпуск, светлая рубашка, пиджак на застёжке. И цветы не прикалывали»²¹. Такая вот кавказская экзотика на русский лад.

Так называемая еврейская колония, а в обиходе «колонка», располагалась в середине XIX века в двух верстах от Нальчика. А начало ей положили несколько семей, поселившихся в 1847–1848 годах рядом с крепостью. Вот что об этом говорят документы: «В 1847 г. с дозволения начальника Центра Кавказской линии генерала князя Голицына близ Нальчика поселены горские евреи в количестве 150 душ мужского и 95 женского пола. ...Эти евреи ни к какому обществу приписаны не были и окончательно водворены при Нальчике по распоряжению штаба войск Кавказской линии и Черномории, последовавшего на имя начальника Центра 30 июня 1848 г. за № 1504, в коем изложено, что Главнокомандующий армиею разрешил горских евреев в числе 245 душ обоюбого пола, занимающихся выделкой кож и овчин, поселить вне военного поселения за Нальчикским разгонным постом, где эти евреи и в настоящее время живут оседло. В 1862 г. из военного поселения и поселка образовалась слободка с управлением на основании высочайше утвержденного 26 ноября 1861 г. положения о слободках, образовавшихся при штаб-квартирах и укреплениях войск Кавказской армии»²².

«Еврейская колония, – писал в газете «Терские ведомости» некто А. Бабич, – это просто группа домов, очень грязных и, между прочим, крытых железом. Вся почти колония состоит из лавок, где продается большею частью красный товар. Тут существует, впрочем, главная улица... на которой вы можете увидеть гуляющих еврейских детей в первобытном костюме. На балконах, которые имеются почти в каждом жилище, сидят обыкновенно, ничего не делая, старики, не выпускающая изо рта своих коротеньких трубок. К ним иногда присоединяется оборванная молодежь»²³.

А вот что отмечали знаменитые этнографы Всев. Миллер (1848–1913) и Макс. Ковалевский (1851–1916) в своем широко известном труде «В горских обществах Кабарды»: «В версте от Нальчика раскинулась довольно обширная еврейская колония. Интересуясь горскими евреями, сохранившими свой тип в несравненно большей чистоте, нежели европейские, мы отправились туда. Мужское население было на базаре в Нальчике, и из окон и дверей на нас с любопытством смотрели смуглые библейские лица женщин и детей. Нам

* Горские общества – официальное название Балкарии, принятое в России с 1862-го по 1918 год и включающее в себя высокогорные области на северных склонах Главного Кавказского хребта в верховьях рек Черек, Чегем, Баксан.

редко случалось видеть в течение какого-нибудь получаса столько правильных и прелестных детских личек с знойными глазами и курчавыми волосами. ...Евреи около Нальчика не занимаются земледелием, а мелочной торговлей и некоторыми ремеслами. Живут они, по видимому, с достатком и не хуже европейских умеют ссужать деньги за солидные проценты. Антипатии местное население не испытывает к ним никакой...»²⁴.

В скором времени верста, разделяющая слободу и еврейский поселок, исчезла как таковая. Во всяком случае, уже в 1885 году нальчикский старшина Клишин в своем весьма замысловатом по изложению рапорте начальнику Нальчикского округа сообщал, что «соединение построек слоб. Нальчик с еврейским поселком произошло от приращения народонаселения как еврейского поселка, так и слободы и потому, что за неимением более удобных мест для построек еврейский поселок сам приблизил свои постройки к слободе»²⁵.

И короткий вывод к сказанному, позаимствованный из статьи в газете «Кавказ» автора, скрывшегося за инициалами Б. Ф.: «Несмотря на тревожную жизнь, в которой жили предки и отцы нынешних евреев, они не оставляли привычных занятий, вели торговлю в мирных и неприязненных аулах, сеяли марену, гнали из винограда и фруктов водку и спирт, разводили шелковицу, и первые из горцев Терской области стали посещать отдаленные русские города и ярмарки и своею деятельностью и личным примером немало способствовали развитию разных промыслов в кругу горцев»²⁶.

Эти и многие другие документы вошли в сборник архивных материалов, выпущенный нами в бытность работы в издательстве «Эль-Фа» – «История горских евреев Северного Кавказа в документах (1829–1917)». Ее подготовил авторский коллектив в составе Е. С. Тютюниной, А. И. Мусукаева и С. А. Даниловой. Разыскания архивиста Евгении Тютюниной, сведения из статей²⁷ которой помогли нам в работе над этой книгой, достойны самых добрых слов, а публикации, в частности «Судьбы кавказских пленников» (Армавир–Нальчик, 1998), пристального внимания и изучения. Александр Мусукаев – современный балкарский ученый с европейским, без преувеличения, именем. Его многочисленные труды, и прежде всего «О Балкарии и балкарцах», «Об обычаях и законах горцев», «Традиционное гостеприимство кабардинцев и балкарцев», «Народные традиции кабардинцев и балкарцев», «К истокам фамилий», вошли в золотой фонд российской этнографической науки, переведены на ряд иностранных

языков. Работать с ним было одно удовольствие (в этнографическом разделе серии «КЛИО» нами была издана его монументальная работа «Века родословий») – высокий профессионализм, отсутствие даже намек на апломб, научная и человеческая порядочность не могли не привлекать. К сожалению, коварная болезнь настигла ученого на самой вершине его творческого взлета, надолго приковав к больничной палате и домашней койке.

Имя Светланы Даниловой, представительницы горско-еврейской общины города Нальчика, в начале 90-х годов прошлого века в Кабардино-Балкарии было у многих на слуху. Выдвинутая в республиканский парламент, всю свою неумную энергию и энтузиазм она направила на сохранение единства и целостности Кабардино-Балкарии, отстаивание интересов простых людей, защиту их чести и достоинства. Перестройка с ее подчас необратимыми трагическими последствиями для населения бывшего СССР вынудила людей мигрировать не только внутри СНГ, но и за его пределы. Светлана Ароновна тоже уехала. А уехав, не отдалилась от родины, стала еще больше ценить то, что было нашим общим богатством. Да, те самые этические ценности, где милосердие и умение почувствовать боль другого, как свою собственную, скрепляют межнациональные узы сильнее, чем нынешние призывы к толерантности. Все отношения между людьми вообще пронизаны потребностью в верности, чувстве долга, защищенности человеческого и национального достоинства. Об этом и новая книга С. А. Даниловой «Сердца, дарящие тепло», выпущенная нашим издательством в 2005 году. Она состоит из фрагментов, которые силой убеждения автора стремятся к целостности и внутренней гармонии. Данилова строит свой «храм памяти» (словами француза Андре Моруа), насыщая его живым, неприсущим чувством. Здесь ее родители, дети, внуки, земляки, люди ее времени и других эпох, но запавшие в душу так, что без боли не оторвать. Затаенная боль – но только ли еврейская? – сквозит почти с каждой страницы. И это объяснимо и понятно: равнодушие заставило автора принять участие в осмыслении жизни, ведь обострение политических, национальных и межличностных конфликтов востребовало именно гражданский подход, умение анализировать явления и факты, которые перечеркнули все навязываемые нам идеологические мифы. Отсюда и боль, но боль осознающая, что выздоровление возможно.

К сожалению, сегодня еврейская колонка – это уже в большей степени страницы истории. Случилось так, что в конце прошлого

века многие ее обитатели покинули Нальчик. Об этом рассказывает выпущенная нашим издательством книга «Исход горских евреев – разрушение гармонии миров» (Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2000). Есть в ней и такие строки, под которыми мы готовы подписаться и сегодня: «Ветры цивилизации все больше размывают и разрушают границы даже самых изолированных и замкнутых сообществ. С одной стороны, это сближает народы, позволяет увидеть, как много общего между нами, с другой – утрачивает часть самобытности как дань общемировому процессу. Если бы горские евреи отъезжали с радостью на Землю обетованную, можно было бы позавидовать их судьбе. Они вынуждены это делать – в книге немало подобных свидетельств – и здесь корень размышлений для оставшихся, для всех нас.... Люди должны жить друг для друга – в этом смысл существования человечества. Люди существуют друг для друга – их не может быть больше, чем надо. И народов на Земле столько, сколько требует гармония миров. И не нам разрушать ее».

Александровка – это Александровская немецкая колония, располагавшаяся вначале близ Нальчика и, по словам цитировавшегося выше Б. К. Далгата, «не отличающаяся особенным благоустройством и довольством», впоследствии слившаяся с городом, став одним из его микрорайонов. Архивные сведения свидетельствуют, что немцы прибыли в Кабарду в 1852 году из Саратовской губернии, а в 1858 году Александровская колония была узаконена. Власти предполагали, что немцы научат горцев культурному земледелию, но этого не произошло, хотя колонисты, как свидетельствует воинский начальник Нальчикского укрепления майор Занаревский, получали «необыкновенные урожаи пшеницы и ржи». Может быть, и в силу тех причин, что кабардинцы отдавали предпочтение просу. Зато плотническое, кровельное и кузнечное дело колонисты знали «весьма хорошо».

В 1865 году колонии отведен земельный надел, на котором в советское время образован колхоз им. Карла Маркса.

О значительном пополнении немецкого населения, происшедшем в тридцатые годы прошлого века, известно куда больше. Из статьи краеведа-любителя Александра Эльчепарова²⁸, основанной на не во всем достоверных фактах, опубликованной в газете «Горянка», явствует, что земли, на которых расположен микрорайон, ранее принадлежали колхозу «Нартан». Начиная от нынешней улицы Гагарина простиралась сплошная степь, на которой располагалось несколько колхозных ферм.

Как известно, в тридцатые годы прошлого века в Поволжье разразился страшный голод. Люди покидали родные места семьями, чуть ли не деревнями. Многие немцы-колонисты, обосновавшиеся на Волге еще до революции, тоже тронулись в путь в поисках лучшей доли. Большая их группа добралась до Нальчика. Они остановились на окраине города и послали своих представителей к Беталу Эдыковичу Калмыкову, который тепло принял ходатаев. Перед этим Калмыкову звонил из Коминтерна Георгий Димитров. Было принято решение, что колхоз «Нартан» выделит немцам 50 гектаров земли, а колхоз «Чегем» – 30 гектаров. Колонисты организовали небольшой колхоз. Возглавил колхоз инженер Макс Дикман. Калмыков добился выделения новому хозяйству государственных средств, настоял, чтобы посильную помощь оказали колхозы и совхозы республики. За какие-то несколько месяцев буквально на голом месте вырос аккуратный хутор, насчитывающий до 50 дворов с наделами.

О том, что свое хозяйство они хотят назвать именем Ивана Мичурина, немцы сообщили в письме ученому-селекционеру. Тот пригласил их к себе в гости. Делегация немцев, побывавшая на тамбовщине, вернулась в Нальчик с саженцами, семенами новых сортов, советами советского преобразователя природы, позволившими получать еще большие урожаи. Мало того, в хозяйстве была внедрена новая организация труда – немцы работали не с зари до заката, а с 7 до 11 и с 15 до 18 часов. Четырехчасовой отдых в солнцепек позволял сохранять высокую работоспособность. Высокие урожаи – в один из годов немцы получили почти 30 центнеров пшеницы с гектара, достижение для того времени удивительное – вывели колхоз в число лучших в республике, сделав его участником ВДНХ... Так было до Великой Отечественной войны, в период которой немцы разделили судьбу других высланных народов. А хутор их, слившись с Нальчиком, стал одним из городских микрорайонов.

Так же, как и Вольный аул. Его первоначальное население составляли освобожденные крепостные крестьяне непокорных России кабардинских владельцев. Вот что пишет об этом известный исследователь, автор объемных исторических трудов («Кабардинские фамилии», «Кабарда и Ермолов») С. Бейтуганов: «С назначением Ермолова на Кавказ борьба царизма против непокорных князей и узденей в Кабарде вступает в решающую фазу. Освобождение крестьян, принадлежавших беглым крепостникам, становится главным инструмен-

том управления Кабардой. ...По предписанию Ермолова, для освобождения крестьян был выделен земельный участок вблизи крепости Нальчик. ...Вольный аул – это рукотворный памятник, воздвигнутый Ермоловым самому себе – невольному освободителю его жителей».

С. Бейтуганов приводит документ, датированный 1829 годом, из которого видно, что «с 1822 года по сие время выбежало из гор и из-за Кубани кабардинских подвластных крестьян до 500 душ, из коих 320 поселены в так называемом Вольном ауле при укреплении Нальчикском». В 1865 году здесь проживало уже около тысячи человек. «...Пополнение вольноаульцев осуществлялось по мере бегства крестьян от непокорных владельцев и обращения их с соответствующей просьбой к русским властям».

И еще один необычный штрих, характеризующий «своеобразие вольноаульцев, как особого слоя социальной структуры Кабарды. Отличительная сословная их особенность состояла в том, что они, согласно документам, были причислены русскими к узденям! В прошении к начальнику Центра Кавказской линии Голицыну мулла Вольного аула хаджи Индрис Пачев в 1846 году, указывая на свои разногласия с его жителями, требовал, чтобы дела свои они рассматривали «по шарияту, а дочерей своих выдавали в замужество за узденей кабардинских, а также брали бы жен из означенной фамилии с совершением браков по истинному нашему закону». Уздень Индрис Пачев жаловался, что вольноаульцы не хотят никакого шариятского правосудия, ни даже русского, а будут разбирать дела природными адатами»²⁹.

В 1865 году Вольный аул, как особая административная единица, был упразднен. Из-за недостатка земли жителям разрешили расселиться по другим аулам, а оставшиеся административно были причислены к селению Клишбиево (ныне сел. Нартан). Как населенный пункт близ слободы Нальчик, а в советское время как самостоятельное селение, Вольный аул оставался на географических картах еще долгие годы, лишь в 1970 году окончательно слившись со столицей республики. Но дух свободолюбия, а то и бунтарства по-прежнему отличает многих его жителей, хотя сегодня говорить о коренных вольноаульчанах было бы некорректно, да и исторически неверно. Речь в большей степени можно вести об особой ауре этого места, как бы вознесенного над остальным городом, смотрящего на него свысока с правого, более отвесного берега реки Нальчик.

С Вольным аулом неразрывно связано многое у одного из авторов этих строк: родительский кров – саманный дом, построенный своими

руками, в котором прошли детство и юность, луна, заглядывающая по ночам в комнату, заполненную книгами и музыкой, шум говорливого Нальчика, уносящего свои чистые воды туда, куда, как оказалось, нам никогда не доплыть...

А теперь расскажем о быте жителей слободы Нальчик конца XIX – начала XX века, воспользуясь для этого данными, почерпнутыми из полицейских протоколов и частных воспоминаний. «Дома слобожан обычно были окружены невысокими деревянными, иногда каменными заборами, в усадьбах располагались, кроме жилых домов, флигели, летние кухни, сараи, сеновалы. В домах со стороны дворов нередко пристраивали крытые галереи, невысокие балконы. Почти в каждом доме проживали квартиранты, зачастую довольно состоятельные, нанимавшие прислугу: горничных, кухарок, прачек. Но квартировали и рабочие люди, видимо, не имевшие средств на собственные дома. Почти все хозяева разводили домашнюю птицу, скот. ...Нальчик не оставался в стороне от событий общероссийского масштаба. Осведомленность обеспечивалась довольно обширным по названиям спектром периодических изданий, местных и центральных, которые выписывали слобожане, официальные сообщения доводились до населения на общих сходах и церковных проповедях. Новости привозили и отдыхающие, или, как их тогда называли, курсовые, которых с каждым годом в слободе становилось все больше»³⁰.

И из статьи Е. С. Тютюниной «По незнакомой слободе»³¹: «В 1866 г. улиц продольных и поперечных – 13. Главная улица форштадта, имеющая в длину одну версту, уложена булыжным камнем, по обеим сторонам имеет тротуары, обсажена тополями и по ночам освещается фонарями». То есть главная улица, судя по описанию, выглядела вполне благоустроенной – речь идет, конечно, о нынешней улице Кабардинской. Другие двенадцать улиц – это нынешние (продольные), очевидно Свободы и та, что до недавнего времени называлась Октябрьской, а поперечные – от нынешней улицы Советской до улицы Пятигорской.

...«Площадей в Нальчике три: одна – отделяющая укрепление от строений форштадта; другая – площадь слободского управления и третья – торговая. Можно предположить, что это нынешние сквер Свободы, место расположения кинотеатра «Победа» и «Детский парк». Но возможно, были и другие площади, позднее застроенные, а потому теперь «неузнанные».

Доходные статьи давала торговля. В слободе существовали два базара: ежедневный на торговой площади в центре и еженедельный по понедельникам. Как сообщает описание, «предметами торговли на этих базарах бывают преимущественно произведения сельского хозяйства, как то: масло, сыр, домашний скот, птицы и т.п., а также произведение линии: мука, овес и те огородные овощи, которые не сеют нальчикские жители».

Линией называли окрестные города и укрепления, отстоящие довольно далеко от Нальчика: Георгиевск – в 80 верстах, Пятигорск – в 85. Моздок – 100. Владикавказ – 110. На «линию» вывозили в основном лес и деревянные изделия. В еврейском поселке занимались выделкой сафьяна из бараньей и козлиной кожи, и эти изделия также вывозили на ярмарки, проходившие в больших городах. Начальник слободы сетовал, что успешному развитию торговли препятствуют ненадежные пути сообщения, бездорожье, многочисленные реки, не имевшие мостов. Из промысловых предприятий в Нальчике работало лишь несколько маленьких водяных мельниц. Все развитие было впереди.

Как достопримечательности в описании названы «две православные церкви: одна из них батальонная, другая же приходская. Эта последняя – каменная, прекрасной архитектуры».

Конечно, «приходской» названа церковь, точнее, собор, который находился на границе между укреплением и форштадтом, в нынешнем сквере Свободы, на месте Танцевального зала. Его фотографии более позднего времени хорошо известны. Где находилась «батальонная», то есть церковь, видимо, принадлежавшая военному ведомству, теперь уже установить невозможно.

Были в слободе постоянные учебные заведения: Горское окружное училище и Женская бесплатная школа.

В Горском училище обучались мальчики-горцы, а также и других национальностей. В документах говорится, что для воспитанников училища перестраивается бывшая казарма. Видимо, в это время училище размещалось в бывшем укреплении. Где находилась Женская школа, установить труднее: позднее говорилось, что ей предоставлено казенное здание, хотя сама школа основана на общественных средствах. В попечительский совет ее избирались, как правило, люди, занимавшие высокие должности, а также состоятельные слобожане, вносявшие нередко значительные пожертвования. Благодатным признаком времени была доступность начального образования девочек без различия сословий и национальностей. В школе учились жены и дочери местных офицеров и чиновников. В школах была сосредото-

чена и культурная жизнь: здесь имелись библиотеки с постоянным книжным фондом и периодическими изданиями.

А теперь описание очевидца, жительницы Нальчика Нины Сухой, дополняющее вышесказанное: «Чтобы ярче обрисовать обстановку тех незабываемых лет, вкратце опишу, что представляла собой слобода Нальчик в дореволюционные годы. Маленькие низкие домики из самана, некоторые из кирпича, крытые черепицей, а иногда железом. Параллельно проходящие улицы: Ермоловская, Воронцовская, Елизаветинская, Бульварная, Базарная, Степная, за которой, на выгоне, пасли скот, здесь же была свалка. (В 1919 году здесь белогвардейцы тайно закопали тело казненного ими первого военного комиссара Видяйкина.) А дальше тянулись базки, огороженные плетнем. В засуху жители с реки носили воду на коромыслах, чтобы полить помидоры, капусту... За огородами простиралась степь. Вдали, как островок, виднелась зелень дачного «Затишья».

На Степной улице (ныне проспект Ленина) буйно росла трава, гуляли утки, гуси, телята, куры. На Елизаветинской улице (затем Октябрьская – сегодня она уже Нахушева. – Авт.) у каждого домика – палисадник, огороженный плетнем, посередине палисадника столик и скамья. По вечерам и воскресеньям жители выходили на улицу посидеть, посудачить. Воронцовская – главная улица – была вымощена булыжником. ...В районе теперешнего кинотеатра «Победа» был малый базар... У входа на малый рынок с правой стороны высилась каланча, служившая смотровой вышкой и слободскими часами, там сторож отзванивал часы, часто невпопад. В эту же доску звонили, сзывая жителей на сходку и на пожар.

В верхней части города – небольшой сквер, огороженный узорчатой кирпичной стеной. За оградой – площадь с церковью посередине. На церковной площади обычно стояли фэтоны, линейки в ожидании пассажиров. В сквере стояла ротонда, в которой по воскресеньям, после обедни, играл оркестр воинской части; публика прогуливалась по аллее от калитки до калитки (ворот не было). Справа от сквера стоял дом начальника округа. Несколько дальше сквера – пороховой склад (в виде крепостной башни). За ним – тюрьма, мимо которой вилась дорожка в Атажукинский сад...

В Нальчике имелись и кое-какие увеселительные заведения. Был один биограф (кинотеатр), за малым базаром, человек на 50.

На Воронцовской улице была организована библиотека «Общества трезвости».

Из промышленных предприятий в то время имелись кирпично-черепичный завод слободского старшины Кривчика, завод «Чинар-фанера» братьев Тиц, пивной завод Томаса и мельница. На весь округ было пять фельдшерских участков, а в самой слободе приемный покой на 10 коек, который обслуживался тремя медицинскими работниками»³².

А вот что писал известный советский журналист Михаил Кольцов, побывавший в Нальчике в 1932 году в составе группы сотрудников газеты «Правда» и журнала «Огонек» (им было поручено подготовить специальный номер журнала, целиком посвященный Кабардино-Балкарии): «Милый Нальчик – неожиданная встреча, приятный сюрприз в скучном однообразии запыленных терских станиц. Это не пыльный и провинциальный Георгиевск, это и не кустарный лжестоличный Кисловодск. Маленький Нальчик не пыжится, как большая деревня, до смерти захотевшая стать городом. У Нальчика – стиль и достоинство, пусть самой крохотной, но столицы...»³³.

И еще одно свидетельство – нашего современника, бывшего учителя, завуча второй школы, в которой оба автора этих строк в свое время учились, Ивана Полищука: «На месте туркомплеса «Нарт» были двухэтажные дома Ленинского городка, который в 1936 г. был разделен на ряд учебных заведений. Педагогический рабфак, педучилище, сельхозтехникум переместились в Затишье, фельдшерско-акушерская школа – на улицу Выгонную (улица Горького), школа колхозных кадров – на улице Карашаева (проспект Шогенцукова) в большое здание, которое сейчас стоит в виде древнеримского Колизея. Культпросветшкола – в здание, стоящее сейчас на углу проспекта Ленина и улицы Первомайской напротив СШ № 4. Рядом со сквером Свободы были Дворец пионеров и Драмтеатр. В те времена, когда директором Дворца пионеров была жена Бетала Калмыкова, Антонина, Нальчикский дворец был одним из лучших на Кавказе.

В сквере Свободы на месте, где стоит памятник жертвам Кавказской войны, располагалась музыкальная раковина, перед которой на удобных скамейках отдыхали нальчане, слушая музыку духового или симфонического оркестров. Перед входом в сквер стояли витрины, в которых ежедневно вывешивались свежие газеты, перед ними постоянно собирались группы нальчан, которые оживленно обсуждали газетные статьи. В центре города было двухэтажное здание обкома партии (тоже белое) с большим балконом, который служил трибуной

для руководства республики. С этого балкона Калмыков и его соратники приветствовали торжественные демонстрации, шедшие со стороны улицы Почтовой (ныне Ногмова). Напротив обкома на углу Кабардинской и Чехова работала... аптека, а на углу Кабардинской и Мало-Кабардинской в старинном двухэтажном здании была библиотека им. Крупской. По нечетной стороне рядом с винным магазином в 1936 году появилось солидное здание Наркомзема, а почти напротив него было небольшое красивое здание горисполкома, рядом с ним – пожарное депо на 2 или 3 пожарных машины.

Ниже дома Наркомзема было большое здание Промкооперации, в котором на 1-м этаже располагались универмаг, отделение почты и столовая. На 2-м этаже был кинотеатр «Ударник». Там же и на 3-м этаже были различные хозяйственные и профсоюзные организации. Напротив этого здания находился малый базар, и улица Грибоедова до 1935 года называлась Мало-Базарной.

На месте малого базара к 1938 году построили кинотеатр «Победа». Билеты в нем стоили от одного до 3 рублей 20 копеек (от того, в каком ряду было место). В очень красивом и уютном фойе до сеанса можно было выпить пиво или сидро, съесть мороженое или пирожное, сыграть в шахматы или шашки, выступал популярный в городе артист Мартиросов и другие певцы. Желаящие посидеть в фойе до начала сеанса уплачивали дополнительно 10 копеек»³⁴.

И конечно, все старожилы вспоминают о Нальчикском парке, называвшимся в те годы Атажукиным садом (и вновь обретшим это имя в 2007 году), излюбленном месте прогулок горожан и отдыхающих. Датой его заложения является середина XIX века: «...в 1847 году начальник Центра Кавказской линии получил от наместника Кавказа указание об организации при Нальчикском укреплении казенного фруктового сада», призванного стать местом «отдыха для командного состава крепости и с целью популяризации среди местного населения... садоводства»³⁵.

Из Крыма и Грузии были завезены черенки яблонь, груш, персиков, вишен, слив, абрикосов, каштана съедобного, виноградные чубуки. Из Никитского ботанического сада приглашен садовод. И уже 30 октября 1851 года начальник Центра Кавказской линии князь Эристов рапортовал начальнику штаба войск Кавказской линии и Черноморью: «Лозы, рассаженные в казенном саду, по недостатку рук и внезапно наступившим холодам частью погибли, пощаженные же холодом принялись с успехом... Вообще о разведении в Кабарде вино-

града можно утвердительно сказать следующее: кабардинская почва по свойству своему таковому разведению благоприятствует... Что же касается до черенков фруктовых деревьев, которым перемена температуры не так опасна, то 5000 их прищеплено к диким фруктовым деревьям, и все прищепы принялись с редким успехом, несмотря на то, что лето этого года было чрезвычайно знойным и решительно не было дождей. Половина прищепленных деревьев этой осенью роздана кабардинцам... другая половина оставлена в казенном саду для дальнейшего распространения»³⁶.

В 1865 году сад и прилегающие к нему земли площадью более 30 гектаров были переданы во владение кабардинскому князю Атажукину, получив название «Атажукин сад»³⁷.

Каким был этот удивительный оазис, можно узнать из статьи ставропольского журналиста Я. В. Абрамова «Кавказские горцы»: «...Это был один из тех громадных садов, подобные которым можно встретить только на Кавказе. Это был сад-лес. Он разделялся на две части, из которых одна представляла полукруглую террасу, довольно круто спускающуюся в долину, а другая – саму долину, по которой протекает река Нальчик. Терраса была искусственно разделена на несколько малых террас, которые, представляя каждая правильный полукруг, возвышались друг над другом порогами. Все эти террасы были превращены в великолепные виноградники. Нижняя часть сада была засажена самыми разнообразными плодовыми деревьями – грушевыми, яблонями, «шишками», алычюю, вишнями, черешнями, барбарисом, персиком, тутовником и т. д.

Были здесь великолепные аллеи из лип и акаций, была превосходная круглая лужайка, обсаженная огромными персиками и тутовыми деревьями и т. д. Для полива виноградников и некоторых частей нижнего сада был проведен на несколько верст канал...»³⁸.

Но в начале 80-х годов XIX века Яков Абрамов увидел совершенно другую картину: «...Канал заброшен. Виноградники не обрабатываются, и зеленые лозы одичавшего винограда скашиваются на корм скоту вместе с травой, которою заросли террасы. Плодовые деревья – молодые вырыты и пересажены в обывательские сады, а более старые – срублены на топливо. Липовые и акациевые аллеи истреблены самым беспощадным образом... В настоящее время Атажукин сад представляет огромное заброшенное пространство, заросшее мелким вишняком, колючим кустарником и сорными травами, и только кое-где остались большие деревья, напоминающие о прежней кабардинской культуре».

«Большие деревья» – это, без сомнения, липы, образующие удивительной красоты аллею, сохранившуюся и поныне. Мы еще поговорим о ней ниже. А пока коротко о том, как Атажукин сад, ставший Нальчикским парком, обрел вторую молодость. Заслуга в этом руководстве КБАО, в частности Бетала Калмыкова, архитектора В. Х. Казина, спроектировавшего парк как таковой, сотен и тысяч горожан и жителей близлежащих сел, участвовавших в воскресниках, на некоторые из них собиралось до тысячи подвод. К 1923 году «основные работы по планировке территории парка, разбивке аллей и клумб закончились», а всего в тот год «было посажено 40 тысяч саженцев сосен, елей, кленов, березы и других пород деревьев. Тогда же была благоустроена и фасадная часть парка – здесь высадили саженцы туи, сосны, клена»³⁹. Впоследствии парк слился с территорией лесопарка, далее Долинском (курортной частью города) и стал таким, каким мы его знаем сегодня. Слово стрелы, его пронизывают насквозь две аллеи – Центральная (Главная) и Комсомольская, а третья – Липовая – очерчивает парк с левой верхней стороны. Войдем же в зеленый тенистый храм и вместе прогуляемся по нему.

Вход со стороны улицы Кабардинской предваряет аллея голубых елей, говоря о которых надо добрым словом вспомнить селекционера Ивана Порфирьевича Ковтуненко. Именно ему нальчане должны быть благодарны «за розы, благоухающие чудным ароматом; за стройные, вечно живые туи, радующие взор тогда, когда ярко светит солнце, и в дни зимней стужи; за величавой красоты ель, вобравшую в себя голубизну неба и блеск серебра.

...Не просто сказать, чем так дорога нам ель... Может быть, тем, что в стылом зимнем лесу она напоминает о буйных красках ушедшего лета. А возможно, и тем, что чудный аромат, щедро раздариваемый ею, так хорош, что мы, не задумываясь, готовы без остатка отдать свою любовь и внимание в новогодний вечер скромной лесной гостье, а не пышнотелой, сделанной на заводе синтетической красавице. ...На земном шаре насчитывается до сорока пяти различных видов елей. Каждая из них – обыкновенная и корейская, Энгельмана, сербская и многие другие – по-своему приятна. Но, несомненно, царицей среди них по праву называется только одна – голубая, или серебристая. Веселая и нарядная, она способна самую неприятную городскую улицу или площадь сделать красивой; величественная и торжественная, лишь она достойна встать в несменяемый караул у могил самых дорогих нам людей – героев, сложивших свои головы за

счастье народа. Нет в нашей стране ни одного дерева голубой ели, которое выросло бы само по себе. Всех их посадили люди. Ареал распространения, а проще сказать, родина этой ели – далекие Скалистые горы в Канаде. И если сегодня и встретишь ее на севере и юге, на западе и востоке СССР, то заслуга была прежде всего одного человека – нальчанина Ивана Порфирьевича Ковтуненко...»⁴⁰.

Не скроем, нам особенно приятно цитировать эти строки, так как принадлежат они близкому человеку – отцу одного из авторов этих строк, журналисту Николаю Котлярову, восхищавшемуся подвижничеством нальчикского селекционера, посвятившему ему ряд материалов в республиканской периодике и центральных изданиях.

Итак, в 1918 году Иван Ковтуненко, которому к тому времени было 27 лет, стал работать в Нальчикском питомнике, располагавшемся в начале прошлого века у железнодорожного вокзала. Именно здесь и тогда крошечные голубые елочки стали главным делом его жизни. Дело в том, что «экзотическая чужестранка хоть и чувствовала себя повсюду в нашей стране превосходно, не боялась ни холода и ни зноя, недостатка влаги или ее избытка, но семенами ну никак не хотела размножаться». А саженцы из далекой и недружественной на тот момент страны по вполне объяснимым революционным причинам доставлять было невозможно. Многие сотни опытов поставил нальчикский селекционер, изменяя освещенность, влажность почвы и воздуха, производя посадки в открытом грунте, парнике, теплице, обрабатывая семена различными химикатами, удобряя их, но все было напрасно. Разгадка же оказалась на редкость простой – семена надо было сеять в землю, взятую из-под хвойных деревьев, обильно сдобривая ее свежими сосновыми и еловыми опилками.

Так в тридцатых годах прошлого века у здания бывшего Ленинского учебного городка, где ныне располагается медицинский факультет Кабардино-Балкарского госуниверситета им. Х. М. Бербекова, была заложена одна из самых знаменитых аллей Нальчика. Та самая, которая вызывала и вызывает восторг у всех, кто впервые видит ее.

Об «аллее серебристо-голубых елей, всегда холодноватых и нежных»⁴¹, вспоминала, рассказывая о своих впечатлениях военных лет, известная советская писательница Галина Николаева (она же Волянская), чей главный роман «Битва в пути» – яркий образчик социалистического реализма, которого, как оказалось, не было и не могло быть. О них писал другой советский писатель – Эмилий Миндлин, одно время достаточно популярный, а ныне совершенно забытый:

«Я сразу узнал их... Двенадцать лет назад они были еще аллеей молоденьких голубых елей, которая вела от центральной улицы города к великолепному полудикому парку, оглашаемому шумом горной реки. Тогда их нижние мохнатые ветви еще лежали на золотом песке между солнечной гостиницей, выстроенной на месте царской тюрьмы, и величественным зданием... учебного городка. Теперь они, как по команде, поднялись на своих высоких стволах, и их нижние ветви уже касались моей головы... Но не солнечная гостиница, не учебный городок, а чудовищные развалины виднелись сквозь ветви голубых елей: в Нальчике побывали гитлеровцы»⁴².

Кстати говоря, именно в годы войны голубые ели, «лишенные заботливого ухода и внимания, стали терять свою красу, верхушки их начали засыхать, некоторые деревья погибли». Спас их все тот же И. П. Ковтуненко, разработавший метод оздоровления корневой системы заболевших растений. Более девяноста лет прожил Иван Порфирьевич (1891–1984), оставив о себе добрую память. В 1975 году заложенная им аллея, несколько утратившая за четыре с половиной десятилетия свою первозданную прелесть, была реконструирована – теперь голубые ели не только ее обрамляют, но и высажены по центру, разделяя прогулочный тротуар на две равные части. Тонкостаннные хвойные красавицы вновь радуют нас своей величественной красотой.

Аллея голубых елей словно передает свою пирамидальную высь белоснежным легким колоннам, составляющим четырехгранные пилоны, предваряющие вход в парк. Им уже более 70 лет, на фоне многоэтажек (особенно разместившейся недалеко гостиницы «Нарт») они сегодня не выглядят такими величественными, как в начале тридцатых годов. Но время и архитектурные веяния не отразились на их царственной осанке.

Во второй половине двадцатых годов у входа в парк была сооружена скромная арка высотой чуть более пяти метров, шириной около восьми. Состояла она из трех входов – двух узких по бокам и широкого посередине. Надо прямо сказать, что вид у этого сооружения был далеко не презентабельный, особенно на фоне сверкающих вершин Дых-тау, Коштан-тау, Гюльчи, которые, кажется, словно замыкают аллею. И поэтому архитекторам, собравшимся в октябре 1933 года в Нальчике для обсуждения планов по его реконструкции, было предложено облагородить вход в парк. Проект известного советского архитектора Виктора Веснина был признан лучшим из почти двадцати представленных. А возвела их «молодежь в две красные

субботы. Для этого областной совет профсоюзов выпустил «Заем рабочей инициативы» общим тиражом 7500 облигаций на 75 тысяч трудодней с номинальной стоимостью каждой облигации в 10 трудодней. Заем был выпущен под лозунгом: «Активным участием каждого трудящегося в социалистической переделке города превратим Нальчик в культурный центр Кабардино-Балкарии»⁴³. В этих понятиях, совершенно незнакомых современной молодежи, – рабочая инициатива, трудодни – не просто ушедшая эпоха, а особое отношение к жизни. Отношение светлое, радостное и чистое. Как и сами пилоны, чей возраст уже превысил среднюю продолжительность жизни россиянина. А ведь в год их возведения задуманная идея оформления входа в парк вызвала недоумение у многих. Так, безымянный автор статьи «Заметки архитектора» писал, что «возведенные постаменты с колоннами, несмотря на фонтан между ними, не производят цельной композиции и органического единства с окружением. Этот вход должен был замыть длинную перспективу центральной аллеи парка (если смотреть со стороны Долинска) и в то же время должен явиться оформленным местом преломления оси указанной аллеи, которая под углом продолжается далее между гостиницей, Ленучгородком и обрамлена сплошной стеной елочек. Если смотреть из этой аллеи на выход, то видишь только одну правую часть его, которая занимает совершенно случайное место в перспективе и никак не подготавливает зрителя к новому окружению – парку с широкими аллеями, цветами и так далее. И даже когда вы совсем подошли к парку, разорванная на симметричные части калькуляция ощущения входа в новое пространство не создает...»⁴⁴.

Годы показали, что это не совсем так. Вход в парк стал для горожан не столько привычен, как дорог и близок. Правда, за это время с верхушек над колоннами исчезли шаровые фонари (пилоны обычно завершаются вверху скульптурными композициями), зато прежними остались львиные гривастые морды – по двое с каждой из сторон, – их розовые языки (в последнее время – коричневые) все так же извергают ручейки воды в корытца-бассейны. Помнится, будучи малолетними детьми, мы утоляли жажду, протягивая сложенные лодочкой руки в их вечно раскрытые и, если честно, внушающие неосознанное опасение их огромные пасти.

А вот стилизованные рыбы, расположившиеся на стенках фонтана, что на Главной аллее в каких-то двухстах метрах от входа, не внушали никакого страха. Добродушные и вальяжные, они подставляли свои изогнутые спины под каждого, решившего на них при-

моститься, даруя парковому фотографу помимо воды еще и хлеб. Фотограф щелкает и... У скольких поколений нальчан в семейных архивах есть фотографии – их самих, детей и внуков – с извергающими воду рыбами. Только вот рыб самих на фонтане уже нет. Говорят, они олицетворяли вчерашний день малых архитектурных форм, «утяжеляя» внешний вид этого сооружения. Да и от времени одряхлели, а реставрация требовала немалых средств. Вышли из положения самым элементарным способом – каменных рыб убрали. Да только и фонтан, лишившись надежной стражи, потерял свою привлекательность: не видно что-то здесь фотографирующихся. Где те рыбы? Разбиты на куски и выброшены? Пылятся на заброшенном складе? А может, на задворках нашей памяти? И вспоминаются стихотворные строчки:

Где ж тот снег?
(Как скользили лыжи!)
Где ж тот пляж?
(С золотым песком!)
Где тот лес?
(С шепотом – «поближе».)
Где тот дождь?
(«Вместе, босиком!»).

Начинаются эти стихи большого русского поэта Семена Кирсанова (к сожалению, ныне редко вспоминаемого) словами «Жил-был – я», а кончаются – «Вспомнилось, что жил».

Вспомнилось... А коль зашла речь о фонтанах, скажем и о том, что находился совсем рядом от входа в парк – на площади у гостиницы «Нальчик». Его величественный каменный цветок, постоянно омываемый взлетающими в небо жемчужными струйками, в летние дни блестел и сиял на солнце, купаясь не только в воде, но и в несмолкающем смехе детей. Последних особенно привлекали присевшие на основание фонтана каменные лягушки. Возведенный еще в довоенные годы, фонтан пережил оккупацию, и казалось, будет существовать всегда как место свидания влюбленных, деловых встреч приезжих, отдыха горожан. Но однажды его не стало – сооружение мешало подъезду машин к гостинице. Машинам, действительно, стало удобнее припарковываться, а нам остается только вспоминать: Где ж тот фонтан? (Как звенели струи!)...

Сегодня в Нальчике возведено несколько фонтанов – не совсем понятное многомерное сооружение на площади у Дома Правитель-

ства, а также современные красавцы у кинотеатра «Восток», Государственного концертного зала, гостиничного комплекса «Интурист». Они мощны и даже величественны, их водяной напор тверд и плотен. Лучи прожекторов освещают их в ночное время, приподнимая завесу темноты над таинством журчащей воды. На этом фоне скромный фонтан, что на Главной аллее парка, включаемый лишь изредка, словно обессилевший от времени (из иных отверстий вода еле-еле струится, не в силах пробиться сквозь ржавчину старых труб), выглядит нелюбимым родственником. Бедным и непрестижным, а оттого и игнорируемым. Но однажды он обязательно проснется, взметнув в небо ожившие, словно помолодевшие струи, укутавшись в бесконечную водяную пелену. И вновь зазвучит музыка в сердцах тех, кто познал здесь высокие чувства: «Это было у фонтана, где ажурная пена...». Да простит нам классик столь вольное обращение с его вдохновенными строчками...

Длина Главной парковой аллеи 1340 метров, ширина – 9 метров. Создана она (здесь из-за специфичности названий того, что для нас просто является деревьями, предоставим слово специалистам) «посадкой клена платановидного формы шаровидной и бордюром из стриженного чубушника и спиреи. Позади регулярных посадок клена платановидного с двух сторон стоят стройные... сосны, ели, липы, дубы, конский каштан обыкновенный, тополь трепещущий (осина), каркас и множество других видов деревьев. Прелесть Главной аллеи дополняется живописно расположенными на перекрестках кварталов парка тремя искусными клумбами, которые с весны и до глубокой осени играют на солнце разнообразием красок декоративных цветов»⁴⁵.

На одной из этих клумб возвышается почти трехметровой высоты земляная ваза, стенки которой декорированы живыми цветами. Цветовая гамма клумб невероятно разнообразна и подобрана с таким отменным вкусом и изяществом, что создается впечатление, будто цветы не высажены человеческими руками, а вытканы на земляном полотне самой природой. К этому надо добавить, что на идущих параллельно аллее газонах размещены тысячи роз, калл, благоухающих в пору цветения, овеваемых легчайшим ветерком от взмахов сонма пчел и шмелей. Под деревьями с густыми, похожими на зонтики кронами расположены скамейки, на которых утром и днем отдыхают мамы с детьми, пожилые люди, а вечерами сидят, обнявшись, влюбленные. Сколько возвышенных слов слышали эти клены в теплые ве-

сенние вечера, сколько нежных поцелуев запечатлели в своей памяти, сколько пронзительных признаний впитали в себя их ветви:

Утра не помню нежней!
О, этот блеск перламутра!
Снова я свиделся с ней
В светлое майское утро.
Цвета вишневого клуб
Песенно всплыл над ветвями.
Я лепестки ее губ
Снял осторожно губами...

Аллея середины семидесятых годов прошлого века – аллея наших свиданий и поцелуев, встреч и расставаний, решений и поступков, узнавания и удивления... Для нее словно не существует времени. И пусть разбежались тут и там морщины трещин по асфальту, потрескались, заросли травой бордюры, стали ниже, приблизившись чуть ли не вплотную к земле, скамейки, сама аллея не согнулась от груза лет, не изменила ни на йоту своей прямизне. Она возвышенно чиста, она благородна и светла, и отсвет далеких белоснежных вершин лежит на всем ее протяжении. Она по-прежнему активно посещается молодыми людьми, и так же как в нашей, сохранится в их памяти открытием страны, имя которой любовь. Остается только позавидовать им, попечалившись об ушедшем. Но светла эта печаль...

Слева от Главной, буквально в каких-то пятидесяти метрах, берет свое начало Липовая аллея. Многим из составляющих ее деревьев более полутора сотен лет, ибо посажены они были, вероятно, в 1851 году, когда и проходила закладка парка. Аллея эта повторяет изгибы обрыва, спускающегося – где круто, где полого – к пойме реки Нальчик. Она достаточно извилиста, в ряде мест резво уходит вверх, потом делает крутой пируэт, выводя к обрыву, на спуске которого разместился амфитеатром концертный зал под открытым небом, более известный как Зеленый театр. На всем протяжении аллеи, особенно в верхней ее части, где деревья наиболее старые, кроны лип настолько разрослись, что слились друг с другом, образовав сплошной зеленый коридор. Редкий луч светила на мгновение прорвется сквозь густую листву, запляшет солнечным зайчиком на полотне асфальта и тут же исчезнет, словно испугавшись своей лихой смелости. Летом, в дождливую погоду, по аллее можно гулять без зонта, столь тенисты ее таинственные своды. Эта таинственность, чарующее волшебство особенно ощутимы по вечерам, когда под са-

мыми сводами липовых крон вспыхивают неяркие лампы освещения, вмиг облепляемые тучами мотыльков и мошкар.

Но вернемся к началу Липовой аллеи. Так сложилось, что здесь сосредоточено несколько памятников тем, чьи имена вписаны в историю Нальчика и республики. Это и могилы шести борцов за дело социализма, фамилии и годы жизни которых, выгравированные на мраморных плитах, ныне мало кому что говорят. Год смерти у большинства из них одинаков – 1930-й, принято считать, что погибли они при коллективизации от рук врагов Советской власти. Но сегодня общая дата их кончины вызывает почему-то у большинства совершенно другие ассоциации.

Расположенный рядом обелиск советским воинам, павшим в боях за Нальчик в 1942–1943 годах, – место, где клишированное словосочетание «Великая Победа» обретает зримую определенность, реальность судеб и боль утрат. Негаснущее, несмотря на жестокие реалии рынка, пламя Вечного огня вот уже многие годы рвется на свободу из блестящей пятиконечной звезды, мерно гудит, ежечасно вспоминая освободителей звуками реквиема, автором которого является Мухадин Балов (1923–1984). Имя это знаковое для профессиональной музыки КБР: М. Ф. Балов – автор «более трехсот произведений – от песен до опер и симфоний». Его реквием «состоит из трех частей. Первая звучит сурово, сдержанно, здесь – огромная упругость, сжатость в музыке, которая доносит до нас образы воинов, идущих на смертный бой. Во второй части – плач матерей. Звучит женский хор в разных регистрах – это неутешная скорбь по погибшим. А третья часть – торжественная, приподнятая – жизнь побеждает черную силу»⁴⁶. В жизни самого композитора черных моментов было более чем предостаточно. Дважды (вначале контуженый, потом раненый) он попадал в фашистский плен, дважды бежал из него; комиссованный по состоянию здоровья, вернулся на родину, где постоянно находился под бдительным оком энкавэдэшников. И уже в 1949 году, будучи студентом Ленинградской консерватории, арестован: неправый приговор – 25 лет лагерей на шахтах Караганды. Но тюрьма не сломила композитора, мало того, он, через всю жизнь пронесший любовь к жизнерадостной духовой музыке, именно в неволе создает одно из лучших своих произведений в этом жанре – марш «Свобода».

Сам композитор, с которым одному из авторов этих строк приходилось не раз встречаться, не любил вспоминать черные страницы своей биографии; он жил в музыке и жил музыкой. И именно по-

этому его возвышенный реквием стал близок, отложился в сердце большинства нальчан. Он созвучен пламени, созвучен нашей памяти. И приезд к обелиску многочисленных свадебных кортежей, букеты цветов, возлагаемые молодоженами, это традиция, которую не нарушает практически никто...

Тем более что теперь прямо от обелиска по ступенькам можно спуститься к зданию загса, чей огромный светлый зал знает только радостные и светлые мгновения. Волны не смолкающего здесь по определенным дням торжественного марша вытекают из открытых дверей, висают на какое-то мгновение над обелиском павшим и вот уже гонимые воздушным эфиром исчезают под сводом Липовой аллеи. Когда-то в здании загса находился ресторан, отвечающий названием этому месту, – «Берег»; комсомольские активисты (к числу которых относились и авторы этих строк) мечтали открыть в нем молодежное кафе, отстаивали свое право на общение, но в смертельном бою двух систем – общепитовской и воспитательной – победа оказалась за первой. И, как оказалось впоследствии, надолго...

Сразу за загсом еще один памятник – жертвам белогвардейского террора. Люди эти были казнены в 1919–1920 годах. Имена их сохранили обелиски, документы, сотни научных (вернее будет сказать – околонуточных) трудов. Имена же подавляющего большинства, представлявшего противоборствующую сторону, канули в небытие – кого сразу (захороненного в родной земле и забытого), кого позднее (в лагерях, эмиграции). Удивительно, но об этих людях до сих пор сказано до боли мало. Даже сегодня, когда мы не делим (во всяком случае, на словах) своих предков на белых и красных, когда смогли прикоснуться к другой правде, о которой нам долгое время практически ничего не было известно.

Эту правду изложил в своих книгах Константин Чхеидзе, таких, как «Повесть о Дине» (1925), «Страна Прометея» (1930), «Глядящий на солнце» (1935) и в неопубликованных воспоминаниях «События, встречи, мысли». Немало страниц последних отведено повествованию о Гражданской войне на кабардинской земле, и здесь перо Чхеидзе достигает, как пишет исследователь его творчества Анастасия Гачева, «поистине шолоховского размаха и силы».

Чхеидзе было тридцать три года, когда он дописывал «Страну Прометея». И в два раза меньше, когда он впервые попал в наши места и навсегда, как оказалось, остался восхищенным зрителем этого

«музея мировой истории». Бережность, с какой он касается любого его персонажа или экспоната, свидетельствует об искренности и восхищении. Но это все-таки не заметки восторженного путешественника. Здесь присутствует взгляд романиста, взрослеющего философа, уже прошедшего путями страдания с теми, кто утратил привычную Россию, а новую так и не узнал, оказавшись в эмиграции. И хотя он говорил в интервью чешскому журналу, имея в виду «Страну Прометей», что «первая часть была необходима как фон для второй», на самом деле эта первая часть прочитывается и воспринимается как тот бальзам для души, без которого она усыхает. Во второй части «Страны Прометей» мы получаем недостающий материал для построения объемной картины послереволюционной Кабарды и Балкарии. Материал человеческий, «своего рода «роман-биография» одного выдающегося во всех отношениях кабардинца – Заурбека; его детство, юность, борьба за свой идеал, гибель. Его личная судьба переплетена с судьбой кабардинского народа в период гражданской войны».

Неординарность и многогранность кабардинского дворянина Даутокова-Серебрякова несомненна. В противном случае за ним вряд ли пошли бы люди, ведь тогда, как и сейчас, притягательной силой обладают не столько идеи, сколько их пропагандисты. Харизмы Даутокова-Серебрякова хватило, чтобы часть кабардинского общества, расколотаго революцией, пошла за ним, чтобы имя его обросло легендами и вызывало споры еще и сегодня.

«Белый» Даутоков-Серебряков полагал, что «Ленин защищает дело, которое невозможно. Деникин защищает дело, которого уже нет. ...Русские, отдельные русские с их (как это называется?) идеологией дешевле России. И я считаю, что сейчас кабардинцы дешевле Кабарды. Поэтому, когда я иду через поле, усеянное трупами, моя совесть чиста...». Разумеется, он любил свой народ и во имя этой любви отказался от своей жизни, найдя смерть под Царицыном.

«Красный» Видяин в «Стране Прометей» противостоит Заурбеку Даутокову-Серебрякову. Он утверждает власть Советов, и утверждение это тоже окрашено кровью, для комиссара интересы Советской власти тоже выше, чем жизнь конкретных людей. Они оба участвуют в той борьбе, которая, как уже знаем мы, их потомки, не имеет победителей. Ибо все они погибли. И идеология, семьдесят лет выстраивающая другую Россию, тоже уйдет в историю, покалечив наши души сознанием, что всё, идеально задуманное, на практике огрублялось и приносило вовсе не те плоды, что грезилось в иллюзиях.

За фамилией Видяин стоит вполне конкретный человек, о котором в нашей республике слышал практически всякий, кто учился в школе и проходил по улице Шогенцукова в Нальчике, где до недавнего времени на покосившемся домике висела памятная доска, посвященная Дмитрию Видяйкину. О том, как он погиб, широко известно. Эти зашитые ниткой губы, чтобы не было предсмертных речей, не могли не запомниться, ведь Видяйкин, порвав рот, все-таки успел крикнуть: «Да здравствует Советская власть!». А разве могла быть другой смерть убежденного большевика?! Сейчас мы имеем возможность прочитать обо всем подробно. И эти подробности только усиливают впечатление о повальной жестокости обеих сторон, игнорировании ими каких-либо защищающих достоинство законов.

Мы не знаем достоверно, мучил ли комиссара Видяйкина флюс и заглушал ли он зубную боль убийством классовых врагов; но так могло быть. Веревка, на которой в белогвардейской петле висел Видяйкин, оборвалась, что по законам всех времен было знаком неприятия Богом души убиваемого, и его следовало помиловать. Но по приказу Даутокова-Серебрякова его все-таки убили. По логике классовой борьбы, по-иному и не могло случиться, ведь если бы Видяйкину попался в руки Даутоков-Серебряков, то тоже в живых бы не остался. Гораздо больше жаль тех, кто ничего не понимал в политике, кто оказался жертвой долга или обстоятельств, чьи семьи были выкошены вплоть до младенцев последующими после Гражданской войны репрессиями. Эти тысячи неисчислимых жертв только в нашей республике поражают бессмысленностью – и когда это касается безграмотных крестьян, и когда бывших аристократов.

«Бело-красные фронты, – пишет К. Чхеидзе, – пали на предкавказские равнины и горы и изуродовали их огнем и смертью... Человек человеку был просто убийцей...»

Места, где шли бои, описанные Чхеидзе, лежат справа от трассы Нальчик–Пятигорск в районе Малки. Заурбек, говоривший о себе «Я – Кабарда», наделенный прекрасным ораторским даром, сумел настроить своих воинов против тех, кто летел на них «на кабардинских конях и в кабардинской одежде». «Они хотят уничтожить Кабарду, они плюют на наши обычаи, они втоптали священное «напэ» в кровавую грязь! ... Они одеты так же, как и мы, но душа их принадлежит врагам!» – с таким напутствием даутоковские сотни наголову разбили врага. Дорога на Нальчик была открыта. Правда, поле битвы было усеяно трупами, среди которых не насчитывалось «и трех грамотных».

Чем успокоил муки совести Заурбек, перешагнувший через трупы соотечественников? Тем же, чем и другие, ведущие нескончаемые войны. Интересами Отечества. А потом – «путь, на котором он стоит, ведет или к победе, или к смерти; и что победа где-то далеко, а смерть – вот здесь – за каждым поворотом дороги...».

Историки свидетельствуют, что весь период, когда власть в Нальчике переходила из рук в руки, связан с именем Даутокова-Серебрякова. Он «проводит бесконечные экспедиционные рейды по непокорным селениям с карательными целями, снискавшие ему славу жестокого и совершенно беспощадного человека. В феврале–марте 1919 года Даутоков-Серебряков ведет ожесточенные бои с «балкарскими большевиками» в Черекском, Чегемском, Хуламо-Безенгийском ущельях, в апреле – против малокабардинских селений Нижний и Верхний Курп. Вне закона были объявлены все политические противники Даутокова-Серебрякова и члены их семей»⁴⁷.

Влюбленный в своего командира, князь Чхеидзе тем не менее вынужден был признать, что «Заурбек, до известной степени, был волком. Благородным, образованным, знающим себе цену, почти очеловеченным волком... Но было в нем еще что-то, чего он сам не всегда постигал: он был человеком судьбы...».

Даутоков-Серебряков мог стать кем угодно, ведь был он щедро одарен природой. Он не выбирал времени своего появления на свет. Значит, самоосуществиться он мог только так, как произошло в реальности. И от этого драматизм его жизни только усиливается.

...Русский философ Николай Федоров, проживший аскетическую жизнь и раздававший все зарабатываемое им чужим людям, был уверен, что «в сострадании всех живущих, т. е. переживших, к умершим и заключается сила, приводящая к объединению». Большую часть своей жизни Константин Александрович Чхеидзе соприкасался с духовным наследием Федорова. Это не удивляет, ведь «Страна Прометей» – первое произведение самого Чхеидзе, которое мы, наконец, увидели, исполнено любви и страстного призыва к единению. Всех со всеми – чтобы не распалась связь времен.

...Памятник, о котором мы вели речь, возведен в начале сосновой рощи – стройные, светло-коричневые стволы составляющих ее деревьев чем-то напоминают воинов, застывших в карауле. Солнечные лучи, пробивающиеся сквозь острые верхушки, удобно расположились на ковре из мягкой хвои. Шаги людей здесь не слышны. Лишь

изредка заблудившийся речной ветерок потревожит покой сосен, и заскрипят они, высказывая людям свои боли и жалобы. Их немало. Совсем недавно роща насчитывала почти тысячу деревьев, сегодня их куда меньше. Как и птиц, пение которых еще вчера здесь не смолкало ни на мгновение, а сегодня почти не звучит – бояться пернатые столь тесного соседства с человеком. Стало забываться и первичное название этого места – столь образное и поэтическое: «Роща утренней радости»...

В этих местах прошло, можно сказать, детство авторов этих строк – один из нас жил в родительском доме, что сразу за вольно-аульским мостом, другого оставлять было не с кем, и отец, заядлый шахматист, брал с собой, когда направлялся провести время за умственными баталиями на свежем воздухе. Летняя читальня, по периметру которой располагались за столиками многочисленные любители шахмат, долгие годы являлась излюбленным местом времяпрепровождения многих сотен нальчан. И прежде всего любителей мудрой игры. Здесь проводились чемпионаты города и республики, в одном из которых Николай Котляров одержал весьма убедительную победу, став в 1949 году чемпионом Кабардино-Балкарии. Впоследствии рядом с читальней заасфальтировали площадку, поставили теннисные столы и застучали малые ракетки, пустились вскачь китайские целлулоидные мячики...

Ни первую игру, ни вторую пишущие эти строки так толком и не освоили, и, наверное, по этой причине не раз приходилось в переломные жизненные моменты просыпаться в холодном поту от одного и того же сна: рука с шахматной фигурой зависла над доской, а как ходить – забылось.

Летняя читальня, на чьем фундаменте обосновывались по весне целые колонии черно-красных жучков, место, дарящее тепло человеческого общения, сегодня живет лишь в нашей памяти. Недобрая рука в одну из ночей поднесла горящую спичку к ее хрупким деревянным стенам, лишив множество людей пристанища души и сердца. Правда, остался расположенный чуть выше ресторана «Лето» (известного горожанам своими постоянными переделками, которые ведутся и поныне) шахматно-шашечный павильон, но он никогда не был популярен у интеллектуальной публики.

Еще одна достопримечательность Липовой аллеи – цветочный календарь. Многие десятилетия работники парка каждое утро меняли

ящички с высаженными в землю цветами, из которых и составляются цифры дней, годов и буквы месяцев. Разноцветное время – зелено-голубое весной, оранжево-розовое летом, бордово-желтое осенью – здесь подвластно желаниям и рукам человеческим. Кажется, поспеши, замени побыстрее, еще до заката, ящичек с цифрами, и вот он уже наступил – завтрашний день; а забудешь о замене – и день вчерашний повторится... Да только, как известно, «все врут календари». С марта-апреля по октябрь-ноябрь отсчитывает дни и месяцы цветочный парковый календарь. А вот его собрат, расположившийся у Дома Правительства КБР на месте, где когда-то находилась республиканская Доска почета кукурузоводов, не знает отдыха даже зимой – работники горзеленхоза научились оберегать цветочное время от морозов и снега.

За крутым зигзагом Липовой аллеи, о котором мы уже говорили, вниз спускается своеобразная лестница, ступеньки которой чередуются с ровными площадками. По ней можно спуститься к декоративному бассейну, предваряющему вход в плавательные, называемые в обиходе «лягушатниками». Расположены они на том самом месте, где в 1913 году были построены первые купальни, нынешняя колоннада входа практически соответствует прежней. Питают бассейны львы, вернее их стилизованные морды, чей грозный оскал вызывает у детей лишь снисходительные улыбки.

Если пойти от бассейнов прямо, то перед глазами возникнет комплекс зданий, возведенных на месте кафе «Трек». Именно в этом месте на берегу пруда, питавшего водой ванное здание курорта, в 1920-х годах была возведена небольшая гидроэлектростанция. Первоначальная ее мощность составляла 100 лошадиных сил, впоследствии она выросла до 160. Давала станция электричество Нальчику, а также Затишью, Долинску, Вольному аулу и Мужичьему хутору, считавшимися самостоятельными территориальными единицами.

Нынешний «Трек» – это частное заведение, представляющее собой комплекс белоснежных зданий с зеркальными куполами крыш, мостиками через канал и реку, фонтаном, галереей. Внешняя изысканная отделка соответствует внутренней, многочисленные залы готовы принять хозяев новой жизни.

На фоне «Трека» даже несколько потерялось здание бывшего ресторана «Эльбрус» (нынешнее название – «Дворец торжеств»), которым и завершается Липовая аллея. Воздушное, с многочисленными наружными лестницами, арками, открытыми залами-террасами,

обширной балюстрадой, оно чем-то напоминает гигантскую бело-снежную бабочку, присевшую на мгновение на самый верх отвесного зеленого склона. Вид из арок второго этажа столь впечатляющ, что только из-за него стоит сюда прийти – перед вами, упираясь в небесное голубое марево, лежит на зеленом постаменте снеговая величественная гряда. На первый взгляд столь близкая, что кажется – она совсем рядом, в какой-то сотне-другой метров.

Это здание, как и расположившийся под ним Зеленый театр, чьи скамейки, сбегаящие вниз по горному склону, могут зараз приютить более трех тысяч человек, построены по проекту Георгия Мосулишвили. Нальчикскому архитектору удалось столь органично вписать их в парковый ансамбль, что они не выглядят чужеродными среди царства лип, буков, вязов, грабов, ясеней, лещины. Особенно в весеннюю пору, когда горный склон покрывается белой кипенью цветущих дикоплодовых деревьев.

Не выглядит чужеродным и возведенное на горе Кизиловка здание ресторана «Сосуру», сооруженное в виде головы нарта – фольклорного героя с огненным факелом в вытянутой руке. Кабардинский скульптор Федор Калмыков (в разработке проекта также участвовали ваятель З. Озов и архитектор Палагашвили), придав зданию форму головы, не только вписал его в гряду горных хребтов, нависающих над поймой реки Нальчик, но и умело решил вопросы функционального назначения. Но самое главное – мифологический герой столь современен и притягателен, что не вызывает отторжения и неприятия. Интересно, что одно время в парке (в лечебном бассейне) стояла декоративная скульптура Ф. Б. Калмыкова «Батраз, побеждающий дракона» – из пасти чудища извергалась целебная радоновая вода. Федор Калмыков ушел из жизни очень рано, в самом расцвете творческих сил, но творения его ума и рук продолжают жить и сегодня.

В 2004 году в ресторане был проведен капитальный ремонт, появились молодежный (двухъярусный) и охотничий залы, «декоративный водопад с искусственными поющими птичками и кран, из которого в деревянную чашу льется махсыма»⁴⁸. Из головы Сосуру, с высоты 640 метров над уровнем моря, виден практически весь Нальчик. Ресторан – главное звено экскурсионного центра «Малая Кизиловка». На саму гору Кизиловку можно подняться на автомобиле, но куда быстрее с помощью канатно-кресельной дороги, нижняя станция которой расположена на территории городка аттракционов. Одинокое воздушное путешествие, проходящее над водной гладью озера, непродолжительно, но в памяти остается.

Итак, перейдя через дорогу, мы оказались на территории парка, формально относящейся к курортной зоне. Но деление это давным-давно забыто, и лишь колонны с надписью «Курорт Долинск», расположенные по проспекту Шогенцукова сразу за республиканским стадионом «Спартак», напоминают о том, что город и курорт когда-то были отделены друг от друга.

Не будем задерживаться в городке детских развлечений, похоже есть повсюду, двинемся по парку дальше. В этой части находит свое продолжение лишь одна из трех аллей – Комсомольская. Принято считать, что она берет свое начало от памятника Беталу Калмыкову (1893–1940), партийному лидеру республики. Личности достаточно яркой, харизматической, обладающей твердой волей, решительностью, широким кругозором. Но, как оказалось, далеко не такой однозначной, какой было принято рисовать в советские времена⁴⁹. Ведь даже знаковый для нашей истории год кончины, свидетельствующий о насильственной смерти в жерновах сталинской репрессивной машины, не расставляет точки в оценке верного ленинца. Ведь помимо фамилии Калмыков многим жителям республики известно и понятие – «калмыковщина»⁵⁰. Впрочем, мы поговорим об этом чуть ниже.

Поэтому, возвращаясь к Комсомольской аллее, отметим: считать, что она начинается от гостиницы «Нальчик», куда более уместно. А дорожка от памятника Калмыкову, как и другая – со стороны улицы Адмирала Головки, мимо памятника основоположнику кабардинской литературы Али Шогенцукову и театра, носящего его имя, они и есть просто дополнительные входы.

Комсомольская аллея (в названии отражен труд тех, кто ее разбивал) самая, как отмечалось выше, протяженная – почти 2,5 километра. Высаженные на ней клены и липы за десятилетия так разрослись, сомкнувшись практически на всем протяжении своими кронами, что солнце здесь гость редкий. А дождь – лишь проливной и продолжительный – сможет согнать с многочисленных скамеек тех, кто решил отдохнуть на достаточно продолжительном пути. Именно поэтому Комсомольскую аллею облюбовали велосипедисты – стреловидная, практически без резких подъемов и ступенек, она позволяет без всякого напряжения за какие-то десять-пятнадцать минут добраться до самого Курортного зала (в последнее время, к сожалению, пустующего). А уж поездка в обратном направлении – одно удовольствие: педали крутить практически не надо, колеса набирают обороты сами. «Я буду долго гнать велосипед...» Рубцовские строчки, более известные в песенном

варианте, здесь сами срываются с губ. Особенно когда тебя сопровождает юная поросль. Было время, мы мчались по «комсомолке» вместе с сыном, спустя годы – с дочерью, даст бог, может, и с внуками прокатиться доведется на двухколесном коне...

В верхней части парка есть на что посмотреть. Это и зоопарк, достаточно разросшийся за последние годы, и смотровая вышка, выстроенная в начале 60-х годов в виде крепостной башни с бойницами и двумя опоясывающими ее балконами. Место для нее выбрано удачно – поднявшись по почти отвесным внутренним лестницам на самый верх, обнаруживаешь, что перед тобой открывается живописный вид. На озера – заросший тиной и порой даже зимой не оголяющийся Трек и Курортное, берега которого обсажены плакучей красавицей (ее научное название – ива вавилонская), чьи ветви свисают до самой земли. На санаторные здания, пригородный поселок, канатную дорогу, чьи гондолы, не выдержав отсутствия курортников, застыли в вечном ожидании; на окрестные горы, среди которых выделяется Большая Кизиловка, красивая во все времена года: «...весной бледно-желтая и белоснежная от цветущих дикорастущих плодовых деревьев, летом – ярко-зеленая, осенью – желто-красная от изменяющейся окраски листьев деревьев и зимой – черно-серая от окраски стволов»⁵¹.

К этому стоит добавить, что название свое она получила от обилия растущего на ней кизила, который по осени местные жители собирают ведрами. У него крупные, мясистые ягоды алого, а когда переспевает – темно-бордового цвета.

В этом же районе парка питьевой павильон «Источник Нальчик», где можно в дневное время суток вдоволь напиться лечебной воды, плавательный бассейн, знавший и лучшие времена, здания функционирующей курортной поликлиники и лечебных ванн, которые теперь принимают в другом месте – выше санатория «Голубые ели». Спуск с аллеи приведет к озеру и открытому плавательному бассейну с обширным лечебным пляжем.

Если направиться в другую сторону, то одна из дорожек выведет к оригинальному комплексу кафе «Бочка». Возведенное в шестидесятых годах прошлого века в виде пивного бочонка, кафе это сразу стало любимым местом отдыха как курортников (от лечебных процедур), так и горожан (от приевшихся трудовых буден). Потом «Бочка» повторила судьбу летней читальни, исчезнув в одну из ночей в

пламени пожара, но в отличие от последней возродилась в более чем презентабельном виде – значительно увеличившись в габаритах, приобретя «сменщицу» и сонм «детишек».

Но главное в парке отнюдь не строительные объекты, даже самые оригинальные, а его зеленое богатство. Не случайно парки называют музеями живой природы. Если следовать такому подходу, Нальчикский – один из самых богатых на экспонаты. Специалисты утверждают, что по количеству представленных видов и кустарников он находится «в одном ряду с некоторыми известными ботаническими садами Кавказа», так как их насчитывается в нем около 160 видов. Помимо флоры Кавказа обильно представлены «деревья и кустарники из Северной Америки, Средней и Южной Европы, из Японии, Китая и Кореи, из Сибири и Малой Азии»⁵². Еще более богата травянистая растительность, которой, по одним подсчетам (ботаник Ю. И. Кос), около двухсот видов, а по другим (ботаник А. Х. Кушхов) – в два раза больше.

В 1886 году в трех километрах от Нальчика, в районе, который мы сегодня называем Долинском, поселилась некая Екатерина Петровна, по фамилии... Долинская, основавшая здесь земледельческую общину. Община уже через пару-другую лет приказала долго жить и даже в архивных анналах не оставила о себе практически никакой памяти. Хутор Долинский, дачный поселок Долинск и, наконец, курортная зона Долинск. Так имя владелицы, закрепившись за названием местности, столь органично сочетающейся с ее фамилией, обрело, как оказалось, вечность.

У этого места было немало достоинств, и одно из главнейших – его воздух. Именно о воздухе Долинска автор книги «Страна Прометей» Константин Чхеидзе восторженно писал: «Я не знаю ничего великолепнее нальчикского воздуха! Я знаю, можно восхищаться лесом, можно горами, можно рекой. Но трудно восхищаться чем-то невидимым, неуловимым – воздухом. И, однако, прекраснее, живительнее, роскошнее этого воздуха – нет ничего на свете!.. Если вы бывали когда-нибудь на полях, только что удобренных по теперешнему культурному способу всякого рода городскими отбросами, то вспомните первый глоток свежего воздуха, который вы глотаете жадно, по выходе из облаков «удобрений»...

Вот такой же сладости и нальчикский воздух...

Или если вы бывали когда-либо на кирпичном заводе и вам приходилось хотя бы час, или полчаса, или даже десять минут провести

в атмосфере раскаленных кирпичей, а потом выйти из этой «геенны огненной», то помните ли вы, каким божественным нектаром кажется вам воздух грязного заводского двора? И именно такой нектар и разлит Божественным Провидением по благословенной земле, окружающей Нальчик. Ранним утром, когда еще не просохла роса, когда поднимающееся солнце спешит поцеловать розово-золотые вершины снеговых гор, этот воздух насыщен благовониями лесов и полей, пышным кольцом окружающих Нальчик. Утром воздух недвижим и прозрачен. На многие версты вы видите беспрепятственно и ясно, словно смотрите в увеличительное стекло... В полдень, когда над всем Северным Кавказом распростерта пылающая синим огнем ткань далекого неба, в Нальчике свежо и прохладно, как будто бы миллиарды незримых опахал веют в струящемся полуденном зное. И в полдень здесь легко и приятно дышит грудь полным дыханием.

А вечер приносит неизъяснимую прохладу, такую нежную и здоровую, как томительная усталость любви.

О ночах же нальчикских я не смею писать. Эти ночи – когда до полуночи, словно гигантские костры, догорают в далеких горах лучи давно опочившего солнца; когда свет луны самым странным и чарующим образом тысячекратно отражается от вечнольдистого Эльбруса; когда последние вспышки вечернего заката чуть ли не переплетаются с первыми облаками многоцветного рассвета – эти ночи похожи на никогда не написанную картину радости Господа во все дни творения мира. Эти ночи удостоверяют вас в том, что есть божественная красота...»⁵³.

Константин Чхеидзе утверждает, что так называемую «большую курортную публику» Нальчик был «открыт» только во время Первой мировой войны, когда сюда стали направлять отравленных удушливыми газами. И буквально сразу Нальчик, ранее известный «ограниченному кругу любителей нетронутой природы», был «признан перво-классной климатической станцией». И самое необычное наблюдение: первое время пострадавшие от войны «лечились одним только горным воздухом» и «очень часто уезжали отсюда вполне здоровыми».

Но вот что писал еще в 1896 году в газете «Казбек» уже упоминаемый нами Б. К. Далгат: «Главное значение Нальчика заключается в тех качествах, которые пророчат ему громадную будущность как курорту, лечебной станции. Ровный, мягкий и суховатый, но не жаркий климат его, чудный воздух, близость природы, возможность в пять минут очутиться в поле или в лесу и дышать чистым воздухом,

дешевизна жизни, деревенская простота нравов, позволяющая приедем курсовым ходить запросто в том самом костюме, в каком сидели дома, а дамам – без шляп и корсетов, чистая и вкусная вода из протекающей тут же речки Нальчика, которая дарит приезжим укрепляющие здоровье прохладные купания, – все это и многое другое делают из Нальчика один из лучших летних курортов России. Чудесные, мягкие, волнистые, покрытые лесом окрестности Нальчика и речка до того привлекательны, что с утра до вечера многие проводят время в поле и несколько раз в день купаются; там и сям дымятся костры, много купающихся на реке, особенно под вечер... Многие отправляются компанией и подальше в окрестности Нальчика (напр., на Черную речку), ловят рыбу, собирают ягоды, жарят шашлык; звонкие голоса поющих оглашают окрестные горы и лес.

...Ежегодно бывает много путешественников англичан, швейцарцев и французов. Число едущих в Нальчик с каждым годом все более и более увеличивается; много приезжих было в этом году из Москвы и Петербурга. Вы встретите тут и военных, и статских, и студентов; в числе их много бывает толстовцев, которых притягивает сюда дешевизна жизни и то обстоятельство, что возле Нальчика до сих пор существует колония толстовцев, которая, впрочем, все более и более редет...

Указанные достоинства Нальчика делают то, что число курсовых с каждым летом все более и более увеличивается. ...При большем знакомстве горожан с Нальчиком ему предстоит большая будущность, как одной из лучших летних климатических станций в России. Уже теперь многие ставят Нальчик выше Кисловодска, потому что, благодаря отдаленности от гор и роскошной, мягкой, чисто крымской природе, в Нальчике нет ни сырости, ни лихорадок, ни простудных заболеваний: климат в нем ровнее, чем в Кисловодске, а жизнь в 10 раз дешевле. Пожелаем же, ...чтобы Нальчик стал первоклассным курортом, для чего у него имеются решительно все необходимые данные»⁵⁴. В 1936 году Нальчик стал бальнеологическим курортом всесоюзного значения. А впоследствии вошел в число четырех российских курортов федерального уровня.

Мы уже сказали выше о питьевом павильоне «Источник Нальчик». Открыты были минеральные источники в 1893 году, что становится ясным из публикации в газете «Терские ведомости» от 15 июля 1894 года. «...В прошлом году, – сообщал корреспондент газеты, –

в окрестностях Н (верстах в 3–4 от слободы) одним слобожанином случайно были открыты два минеральных источника: железный и щелочной. Тогда же эти источники осмотрены, и поговаривали о разработке их, да так и забыли про них, что очень жаль. Но мы все-таки не теряем надежды, что в недалгом будущем на источники будет обращено надлежащее внимание и приступлено к правильной разработке их; открытие же их для Нальчика, нет сомнения, будет иметь громадное значение». Слова эти оказались пророческими, и «недалгое будущее» пришло уже в 1927 году.

Вот что пишут авторы книги «Курорт Нальчик и нарзаны Эльбруса»: «Курорт занимает территорию площадью 363,35 гектара. Большая ее часть – лесопарк. ...Курорт Нальчик – многопрофильный, здесь лечатся больные с самыми различными заболеваниями. Все санатории курорта специализированы, и установлены следующие типы здравниц: 1. Для больных с заболеваниями органов пищеварения и сердечно-сосудистой системы. 2. Для больных с заболеваниями нервной системы, гинекологическими и кожными заболеваниями. Наряду с минеральными водами на курорте Нальчик широко пользуются грязью Тамбуканского озера, которое находится на границе между Кабардино-Балкарией и Ставропольским краем»⁵⁵.

Говоря о минеральных водах Нальчика, процитируем Рауфа Бураева: «Геологические условия окрестностей Нальчика обусловили наличие большого числа источников различных по газохимическому составу термальных и высокотермальных минеральных вод. Минерализованные воды курорта Нальчик, зарождение и формирование которых определяется обширной территорией, простирающейся до Скалистого хребта, представлены источниками и скважинами общим дебитом 9 тыс. куб. м в сутки. В большом списке различных типов минеральных вод Нальчикского месторождения выделяются: кремнистые термы с повышенным содержанием бора, брома, йода; хлоридно-натриевые, сульфидные с концентрацией сероводорода до 60 мг/л; азотные, щелочные, лечебно-столовые; гидрокарбонатно-хлоридные, натриевые и другие воды»⁵⁶.

Авторы работы «Курорт Нальчик...» уточняют, что «имеется 18 минеральных источников и скважин с общим дебитом 12 млн литров в сутки», а применяются лечебные минеральные воды в виде ванн и для внутреннего пользования. Особенно популярна вода «Нальчик 1» – хлоридно-гидрокарбонатно-натриевая, как явствует из надписи на этикетке. Она приятна на вкус, не имеет запаха, используется и

как столовая минеральная вода, и как «питьевая при самых различных заболеваниях: язвенной болезни желудка и двенадцатиперстной кишки, хроническом гастрите с различной секрецией, хроническом гепатите, холецистите», играя «ведущую роль в комплексной курортной терапии». Соавторы Балкаровы считают, что данная вода «содержит специфические компоненты, по всей вероятности, органического происхождения», которые «по характеру своего биологического действия стоят близко к веществам адреналиновой природы, так как обладают способностью, по нашим наблюдениям, вызывать симпатический эффект». То есть, говоря проще, обеспечивают тонкую регуляцию функций внутренних органов и обмена веществ.

В последнее время обретает всю большую популярность минеральная вода «Долинск», лечебная ценность которой заключается в том, что в ней содержатся в значительном количестве хлористый натрий, гидрокарбонаты, а также биологически активные вещества. По своему составу эта вода близка к эссентуцким соляно-щелочным водам. Между тем «Долинск» почти не содержит углекислого газа, характерного для минеральных вод Эссентуков.

В цитируемой нами работе достаточно полно описывается механизм действия на организм человека минеральных вод при внутреннем и наружном применении, приводится методика лечения и правила применения, к основным из которых, в частности, относится назначение лечащего врача, определяющего дозировку воды на один прием и ее температуру, число приемов и их время, сочетание с пищей, в том числе питье до или после еды и т. д.

Нелишне вспомнить и общеупотребимые правила: прием воды непосредственно у источника (на курорте, как мы уже писали выше, для этого есть все условия), причем неторопливый, небольшими глотками, достаточно длительное время – месяц и более. Впрочем, обо всем этом лучше скажет лечащий врач. И хоть курорт Нальчик в силу всякого рода причин в последнее время переживал далеко не лучшие времена – за так называемые перестроечные годы количество отдыхающих снизилось чуть ли не на порядок: от ста тысяч до десяти тысяч за год, но свойства вод, климата, само лечение не стали хуже и неэффективней. По-прежнему функционируют, и весьма успешно, многие здравницы, среди которых такие популярные санатории, как «Нальчик», «Ленинград», имени Калмыкова, «Голубые ели». Не в наших задачах рассказывать здесь о каждом из них – да и не нуждаются они в рекламе, в том числе и по причине своей ведомственной принадлежности, но и не сказать несколько слов о

санатории «Голубые ели» тоже видится не совсем верным. Четверть века этой широко известной в России здравнице, и все эти годы ее возглавляет Шаман Князев. Его руки (главный врач принимал непосредственное участие в строительстве!), душа и сердце (сколько сил и энергии отдал руководитель, чтобы санаторий остался на плаву в непростых девяностых годах прошлого века) в этом, словно застывшем на мгновение как корабль на гребне волны, величественном здании, каждом из объектов санаторного комплекса. Комплекс – это спальня и лечебно-диагностический корпус, клуб-столовая и плавательный бассейн, аэрозолярий и залы лечебной физкультуры, соединенные между собой крытыми переходами. Это эффективное, продуманное лечение заболеваний опорно-двигательного аппарата, периферической нервной системы, мочеполовой сферы, базирующееся на применении минеральных вод, лечебных грязей, парафина, электро- и магнитотерапии, массажа, а также множества новейших методик. Среди них немалую роль играет диетическое питание – кстати говоря, у санатория имеются собственные хлебопекарня и пасека; мед используется и в лечебных целях – при процедурах ингаляции, электрофореза, повышения иммунитета. О том, что здесь работают высококвалифицированные специалисты, что созданы все условия для полноценного отдыха, и говорить не стоит. Не случайно санаторий – а его палаты-номера могут одновременно принять 260 человек – никогда не пустует.

«Голубые ели» (на территории санатория высажено немало гордых красавиц, давших название здравнице) – главное дело Шамана Князева. Всякое было за эти годы – в восьмидесятых годах завистники и недоброжелатели не раз и не два пытались отобрать у главного врача его детище, опорочить его имя. Знаем об этом не понаслышке – по журналистским заданиям одной и должностным обязанностям помощника Председателя Президиума другого и справки для тогдашнего республиканского руководства составляли, и статьи писали. Видели, понимали искренность руководителя, никогда не сомневались в его правоте. Выстоял, выдержал Шаман все нападки, отстоял не столько свое место на капитанском корабле санатория, как саму здравницу, сотворенную им, лелеемую, любимую. Побывайте здесь – и вы увидите: любовь эта взаимна...

Курорт, сам город Нальчик оставили поистине неизгладимый след в творчестве многих писателей, поэтов, композиторов, художников, деятелей культуры России и СССР.

Александр Грибоедов, будучи чиновником по дипломатической части при А. П. Ермолове, побывал здесь осенью. Поэтических строк о крепости он, к сожалению, не оставил, но в укреплении Каменный мост, что на Малке, родились знаменитые строки из стихотворения «Хищники на Чегеме»:

Живы в нас отцов обряды,
Кровь их буйная жива.
Та же в небе синева!
Те же льдяные громады!
Те же с ревом водопады,
Та же дикость, красота
По ущельям разлита!

Наши – камни; наши – кручи!
Русь! зачем воюешь ты
Вековые высоты?
Досягнешь ли? – Вон над тучей –
Двувершинный и могучий
Режетя из облаков
Над главой твоих полков.

Пар из бездны отдаленной
Вьется по его плечам;
Вот невидим он очам!..
...
Узникам удел обычный, –
Над рабами высока
Их стяжателей рука.
Узы – жребий им приличный;
В их земле и свет темничный!
И ужасен ли обмен?
Дома – цепи! В чуже – плен!

Делим женам ожерелье.
Вот обломки хрусталя!
Пьем бузу! Стони, земля!
Кликом огласись ущелье!
Падшим мир, живым веселье.
Раз еще увидел взор
Вольный край родимых гор!⁵⁷

А вот для Марко Вовчок (Мария Александровна Вилинская. 1833–1907), классика украинской литературы, Нальчик стал не только твор-

ческой обителью, но и последним пристанищем. Писательница, которую Николай Чернышевский считал «талантливейшей из всех беллетристов эпохи после гоголевской», а Иван Франко называл (вместе с Тарасом Шевченко) «величайшими талантами нашей доньне существовавшей литературы, величайшими мастерами нашего слова». Мастер слова, которой Жюль Верн доверил право перевода всех своих произведений на русский язык, характеризуя ее как «умную, интеллигентную, образованную, тонко чувствующую женщину», а Иван Тургенев искренне желал «вполне воспользоваться собственной жизнью», приехала в 1906 году на лечение в Пятигорск. От знакомых узнала, что в слободе Нальчик проживает ее старая подруга Юлия Ешевская, вдова профессора Московского университета. Поездка в гости, как оказалось впоследствии, стала последним путешествием Марии Александровны. В марте 1906 года она вместе с мужем Михаилом Демьяновичем Лобач-Жученко переехала на постоянное место жительства в Нальчик – вначале квартировали у подруги, потом приобрели участок земли в местечке Долинск, построили домик.

И вот что писала она в одном из писем Богдану, старшему сыну: «О Нальчике пишу только голую правду. Это (гадательный) курорт в будущем, пока – грязная слобода со всеми свойственными такой слободе атрибутами, и в слободе жить, разумеется, отвратительно. Но в верстах трех-четыре от местечка чудесно и лечиться и жить. Воздух удивительный – ни слякоти, ни ветров. Вот я пишу и вижу в окошко ослепительное голубое небо, под окошком цветут гиацинты, распускаются нарциссы, фиалки усыпают везде траву, лесистые горы начинают зеленеть, вдали сияют снежные – и солнце, солнце, солнце, еще не жгучее, но такое животворное!

Внизу речка Нальчик, горная, сродни Терек, летит в берегах. Купаться в ней можно только сидя – неглубокая, – и, сидя, чувствуешь, что вдруг тебя двинет вперед, от камня, где приютился и откуда на тебя падает волна. Надо хвататься за камень, чтобы не утянуло дальше. Назавтра на месте, где вчера сидел, гряда камней, а где были камни, – крошечный бассейн. Ужасно жаль, что плавать нельзя, но купание все-таки, по моему мнению, превосходное.

...Я своими глазами увидела несколько больных, поникших, унылых, которые через месяц уходили бодро и благословляли Нальчик»⁵⁸.

Но прожила Мария Александровна в Нальчике недолго – в конце этого же, 1906 года сильно простыла и уже больше не поднялась. Ее слова, обращенные к мужу: «Если уже не суждено мне лежать рядом

с Тарасом Григорьевичем Шевченко, то похорони меня под этой грушей»⁵⁹, были исполнены, несмотря на противодействие местных властей: летом 1907 года она обрела вечный покой в долинской земле. Вначале на этом месте был установлен ажурный крест, в 1954 году его заменил высеченный из мрамора бюст, а впоследствии фигура писательницы была изваяна в полный рост. Сам дом, старинная мебель, личные вещи, многочисленные издания стали экспонатами дома-музея Марко Вовчок. Побывайте в нем – выдающаяся писательница двух народов – украинского и русского, переводчик, публицист, фольклорист Мария Александровна Вилинская достойна нашей памяти.

О последних днях Марко Вовчок рассказывает книга «Браслет Марии», автором которой является нальчикский литератор Александр Шепелев. Личность необычная, недооцененная при жизни, Александр Михайлович – автор множества художественных произведений, в основе которых реальные лица, события из истории Кабардино-Балкарии. Это и повести «Суровый горизонт» – о горняках Тырнауза и «Комиссар Видяйкин», название которой говорит само за себя. «Триптих о ледовом аде», в котором не только воссозданы эпизоды обороны Приэльбрусья в годы Великой Отечественной войны, но и достаточно убедительно показан мистицизм Гитлера, лежавший в основе водружения фашистского флага над Эльбрусом (подробнее об этом мы рассказали в главе «Джилы-су»). Да и в последней книге – авантурном романе «Алмазы маршала» действие разворачивается на курорте «Нальчик» в бархатный сезон 1993 года. Планировалось, что книга выйдет в издательстве «Эль-Фа», и поэтому в середине девяностых годов прошлого века мы часто общались с А. М. Шепелевым, тем более что знакомство наше, несмотря на разницу в возрасте, было и до этого долгим и добрым, товарищеским. Два десятка лет Александр Михайлович проработал в отделе культуры республиканской газеты, который возглавлял почти все это время журналист Николай Котляров. Сколько было сказано, сколько было выслушано, сколько выпито... Но при всем при этом редакция была и осталась для Шепелева лишь местом исполнения служебной повинности, позволявшим как-то жить, добывая средства на пропитание. И поэтому он постоянно рвался домой, к письменному столу, его главной сердечной привязанности, за которым и происходили встречи с Джеком Лондоном (о нем он издал сборник рассказов «Сын лунной долины») и написал роман «Одинокий волк», так и не увидевший свет), наполеоновским маршалом Иоахимом Мюратом, украинским гетманом Полуботком, Марко Вовчок и Митрофаном Алехиным...

Последняя фамилия в этом ряду кое-кому может показаться не совсем уместной, но это не совсем так. Имя Митрофана Васильевича Алехина (1857–1935) сохранилось в истории и как большого художника, и как активного последователя учения Льва Толстого о непротвлении злу, с приверженцами которого, как известно, царская охранка обращалась довольно жестко. Впрочем, обратимся к книге «Браслет Марии». Алехин – один из главных ее персонажей: «...сын богатого курского купца, он с детства пристрастился к рисованию, закончил с серебряной медалью Петербургскую Императорскую академию художеств (в 1883 году, получив звание классного художника. – Авт.), работал в штабе генерала Анненкова на строительстве Закаспийской железной дороги.

Познакомившись с учением великого писателя земли русской, Алехин порвал с художественной средой и начал кормиться делом рук своих: отбросил в сторону этюдник, принялся сапожничать и бондарничать, бродить по Руси. В Полтаве вместе с Иваном Буниным организовал земледельческую общину, а когда узнал о смерти отца, отказался от большого наследства в пользу бедствующих крестьян. Вскоре колония непротвленцев была разогнана царскими жандармами, а сам Алехин попал в тюрьму, отсидел срок и был отправлен в Кутаисскую губернию под негласный надзор полиции, затем в 1894 году перебрался в слободу Нальчик. Митрофан Васильевич пешком ходил в Ясную Поляну, повидался со Львом Николаевичем, после чего у них завязалась переписка. Алехин сообщал Толстому слободские новости, даже спорил о назначении искусства. Сохранилось более двадцати писем автора «Войны и мира» к далекому отшельнику-единоверцу...»⁶⁰.

«Что такое искусство?» – спрашивал Митрофан Алехин у Льва Толстого и сам отвечал на этот вопрос: «Искусство есть природная сущность человека. У животных есть сущность приспособляться. У человека, кроме этой сущности приспособления, есть высшая – одухотворяться и одухотворять...»⁶¹. Митрофан Алехин надолго пережил Марко Вовчок; сложились у него отношения и с новой властью – преподавал рисование в нальчикских школах, Ленинском учебном городке. Но в местных изобразительном и краеведческом музеях представлена лишь малая часть его работ из неполной сотни сохранившихся холстов, акварелей, набросков (большинство находятся в Кутаиси и Санкт-Петербургской академии художеств). Затерялась, к сожалению, могила художника. Так и не пришел к читателю воссозда-

ющий жизненный путь мастера кисти роман «Последний из ТОНЗы» (ныне эта аббревиатура, расшифровывающаяся как «Толстовское общество непротivления злу», мало кому известна). Вряд ли стоит уточнять, что автором этого романа является все тот же Александр Михайлович Шепелев, чей мощный писательский талант оказался не востребован обществом, не нашел в силу различных обстоятельств должного отклика у читателя. Печально, но даже в члены творческого союза Александр Шепелев так и не был избран, не нашлось ему места и в объемном библиографическом словаре «Писатели Кабардино-Балкарии» (Нальчик: Эль-Фа, 2003).

Он так мечтал, выйдя на пенсию, подольше посидеть за письменным столом, сказать то многое, что было известно ему одному, одухотворить признательного читателя своим словом. Не сложилось... Но, как писал наш общий друг Александр Виноградов, автор уникального венка сонетов «Цените жизни дар»: «Можно пристрастно говорить о книгах Шепелева, где не всегда узнаваема именно его интонация, но дар мощного писательского воображения не отметить нельзя, как и того, что по духу он писатель русский, по тематике – интернациональный, мастерски выписавший образы кабардинцев и балкарцев, грузин и украинцев...»⁶².

И уместны здесь строчки стихов из тонюсенькой, первой и последней, книжечки непутевого Саши Виноградова, ушедшего по причине извечной русской беды из жизни совсем молодым, практически вслед за Александром Михайловичем Шепелевым:

Легкой походкой шагай ты по всеям,
Если тебя одолеют невзгоды,
Грозы настигнут – скажи сам себе:
– Как драгоценны мгновенья и годы!
Ах, это счастье – ходить по земле!⁶³

...Вернемся к гостям Нальчика. Среди них и выдающийся русский певец Федор Шаляпин. В начале прошлого века он практически ежегодно приезжал на отдых на Кавминводы, летом 1917 года отдыхал в Кисловодске. В августе побывал и в Нальчике. О том, как это произошло, можно узнать из воспоминаний Исмаила Клишбиева: «...В реальном училище в Нальчике был кружок по эстетическому воспитанию молодежи, где ученики-реалисты знакомились с музыкой и живописью. В училище нашими преподавателями были высокообразованные люди, среди них – француженка Леонтина Зюэрис, которая жила на квартире в Долинске у Софьи Андреевны Закржевской.

Племянница Закржевской, гостившая в то время в Нальчике, училась в московской консерватории, готовилась стать певицей. Ядвига была знакома с Ф. И. Шаляпиным. И от нее летом 1917 года и узнали мы о пребывании знаменитого певца в Кисловодске. Члены кружка по эстетическому воспитанию решили пригласить его в слободу Нальчик»⁶⁴.

И. Б. Клишбиев (1896–1974) – воспитанник Нальчикского реального училища, имевший большие поэтические задатки, но чья судьба по причине дворянского происхождения Исмаила Бековича оказалась сломана репрессивными жерновами новой власти, оторвана от родной Кабардино-Балкарии, где его мало кто знает. Спасибо певцу Владимиру Кодзокову (1927–1992), записавшему воспоминания И. Б. Клишбиева, позволяющие восстановить то, чем занимался Федор Шаляпин в Нальчике.

В конце июля или в первых числах августа за певцом была послана тачанка. Приехал певец вместе со своим антрепренером И. Г. Дворициным. Остановились гости в доме Закржевской, где и прожили целую неделю. Известно, что в один из дней «ездил верхом на лошадях к монахам на Сарай-гору», в другой принял участие в импровизированном концерте. Владимир Кодзоков пишет, опираясь на впечатления Исмаила Клишбиева: «Шаляпин был в ударе, рассказывал об интересных случаях из своей жизни, о том времени, когда еще в 1893 году начал выступать на сцене Тифлисского оперного театра. «Вот за этими горами я начинал артистическую деятельность», – говорил певец, выразительно жестикулируя своими крупными руками. Одну за другой, по просьбе присутствующих, он исполнял оперные арии и народные песни. Бурная реакция темпераментных горцев не давала ему молчать. Он пел и пел по их просьбе... Затем Федор Иванович попросил спеть кабардинскую народную песню. «Ваша прекрасная природа мне очень нравится, шашлык – вещь великолепная, – заметил он, улыбаясь, – и песни тоже, наверное, хороши». Просьба великого певца была исполнена. Когда последние звуки песни смолкли, Шаляпин долго аплодировал и то и дело восклицал: «Чудная песня! Прямо за душу берет. Это в моем духе, мне нравятся минорные песни»⁶⁵.

Это, так сказать, опосредованная реакция певца, переданная спустя годы участником концерта. А вот и само шаляпинское слово. 10 августа 1917 года в письме своей дочери Ирине он сообщил следующее: «...На днях ездил верст за сто отсюда в местечко «Нальчик». Это очень красивое место – горы и степь... Степь Кабардинская и горы тоже

заселяют кабардинцы (кавказское племя – мусульмане). Эти кабардинцы, узнав о моем приезде, собрались компанией и устроили мне пикник – говорили речи, жарили на огне целого барана, танцевали, пели и делали джигитовку верхом на лошадях. Все это происходило в горах, из-за которых с одной стороны открывался вид на необозримую степь, а с другой – на снеговую цепь Кавказского хребта. Зрелище поистине величественное и замечательно красивое»⁶⁶.

Нальчик так понравился певцу, что он высказывал мысль о приобретении земли в районе Долинска с последующим строительством дачи. Октябрьская революция внесла в эти планы существенные коррективы. И теперь лишь мемориальная доска, установленная по инициативе Владимира Кодзокова, на одном из корпусов санатория «Эльбрус», возведенном на месте дома, где жил Ф. И. Шалапин, напоминает об этом.

...Спустя каких-то 16 лет (каких-то – в значении своей малости, но в корне переменявших все и вся в России), в октябре 1933 года, неподалеку от этих мест – в загородном доме Бетала Калмыкова, – около двух месяцев жил и работал Исак Бабель, автор «Конармии», писатель великий, чей стиль невозможно спутать ни с чьим другим. Именно ему Кабардино-Балкария обязана определениями «страна чудес», «жемчужина среди советских областей», страна, которая «первой дойдет до коммунизма». Нет сомнений, что не одни только успехи республики на пути социалистического строительства, о которых было поручено написать самобытному писателю, вызвали такой восторг, но и удивительная атмосфера Долинска. Бодрящая, светлая, восстанавливающая настроение и физическое здоровье, настраивающая на рабочий лад: «Живу месяца полтора в Кабардино-Балкарской области и житьем этим наслаждаюсь. ...Адрес мой впредь до изменения: Нальчик (Северный Кавказ). До востребования. ...Работаю много. Похоже, что ко мне вернулась «форма», какой не было несколько лет. Может, что и выйдет»⁶⁷.

Вышло то, что вышло. Судьба Бабеля трагична, да и не могла она быть иной в той эпохе... Арестованный 16 мая 1939 года по стандартному обвинению в «изменнической антисоветской деятельности», сам он, не чувствующий за собой никакой вины, считал арест следствием творческой бесплодности, «в результате которой в печати за последние годы не появилось ни одного достаточно значительного... произведения, что могло быть расценено как саботаж и нежелание

писать в советских условиях». В объяснениях «крушения попыток осилить настоящую советскую тему» нашлось место и командировке в нашу республику: «Я хотел написать о Кабарде и остановился на полдороге, потому что не сумел отделить жизнь маленькой советской республики от феодальных методов руководства Калмыкова»⁶⁸.

Но, скорее всего, Бабель, уже знавший к моменту своего ареста о претензиях к Калмыкову, написал эти слова под следовательскую диктовку. Право сделать такой вывод дают нам воспоминания писателя Владимира Канторовича, которые называются весьма симптоматично: «Бабель рассказывает о Бетале Калмыкове». Так вот, Канторович, будучи одним из слушателей утраченных произведений, предпринял поистине неблагодарную попытку – не только рассказать, «как писатель трудился над книгой о Бетале Калмыкове», но и «вообразить, как эти новеллы могли прозвучать в устах их творца»⁶⁹.

Итак, еще до начала вечера, который «открыл Всеволод Иванов, кто-то спросил Исаака Эммануиловича: правда ли, что он написал новую книгу – о Бетале Калмыкове? Бабель ответил неопределенным жестом. Можно было его расшифровать так: написал, но до завершения далеко!

...Новеллы, рассказанные Бабелем, и газетный очерк (вспоминающий предполагает, что к нему приложил руку Исаак Эммануилович. – Авт.) восприняты были нами, слушателями, как единое художественное целое, как доказательство, что замысел книги о герое, пленившем воображение писателя, существует не только в его воображении, но уже в какой-то мере – литературная реальность».

И дальше Канторович осуществляет попытку передать впечатление от рассказов Бабеля, воспроизводя по памяти два из них – «Разбойник Исмаил капитулирует» и «Бетал, Батырбек и погорельцы». И хоть «герой бабелевских новелл отнюдь не «зеркальное отображение» своего прототипа, исторического Бетала Калмыкова», бывшего в тридцатых годах «благодаря журналистам и литераторам особенно популярной фигурой в стране», но образ, встающий перед читателем, впечатляет. Перед нами «стойкий мечтатель и неутомимый борец за будущее», коему «не чужды ни противоречия, ни пережитки», у которого «властная натура» и «страсти кипят в... душе». Так что не все так однозначно и со свидетельскими показаниями Бабеля, и с определением личности Бетала Калмыкова, к которой мы еще обратимся чуть ниже. Кстати говоря, в цитированном нами сборнике о Бабеле есть воспоминания А. Н. Пирожковой, бывшей вместе с писателем в Ка-

бардино-Балкарии и давшей весьма колоритное описание Бетала Калмыкова, а также того, чем были заполнены дни писателя. Есть здесь и такие слова: «Бетал Калмыков был одним из тех людей, которые владели воображением Бабеля. Иногда он в раздумье произносил:

– Хочу понять: Бетал – что он такое?»

Как и такой факт: «Когда позже, кажется в 1936 году, Бетал снова приехал в Москву, Бабель мне сказал:

– Пойдите к Беталу в гостиницу и уговорите его показаться здесь врачу. Мне известно, что он болен, у него, по всей вероятности, язва желудка, а к врачу пойти не хочет. Быть может, вас он послушается...»⁷⁰.

...Теперь уже ясно, что нам никогда не прочитать новеллы Бабеля: все конфискованные у него рукописи – 24 папки! – были изъяты из материалов дела. Судьба их покрыта мраком. Как неизвестна и могила Бабеля: 27 января 1940 года он был расстрелян, кремирован, а прах его и сотен, тысяч убиенных свален в общую яму на кладбище, расположенном на территории бывшего Донского монастыря в самом центре Москвы. Всего через несколько дней, а именно 2 февраля, здесь же был кремирован и цитированный нами выше Михаил Кольцов...

Вскоре, весной 1936 года, в Нальчик по командировке газеты «Известия» приехал другой большой писатель, пронзительный, тончайший лирик, посвятивший свое творчество удивительному миру природы, – Михаил Пришвин. Отвечая на вопросы корреспондента газеты «Социалистическая Кабардино-Балкария», он также назвал республику «прекраснейшей в мире маленькой страной».

А в очерке, опубликованном в октябре 1936 года в газете «Известия», писал: «Сегодня было тихое морозное утро! Я любовался горами от первого легкого разлива света до тех пор, пока не стал свет белый, и день белый, и горы встали белые в славе.

Горы, горы! Два месяца я буду смотреть на вас с этого места, и каждый день по-разному вы будете играть мною, определяя на весь день мое настроение... Сегодня утром перед окном земля белая поднимается к небесам. На лесах туман рассек все черное белой полосой и оставил сверху черные зубчики леса, пилой своей пересекающие бок ближайшей горы с вечным снегом. Но гора эта закрывает еще более высокий Эльбрус.

...Лес чинаровый еще совсем голый, и деревья были как воткнутые стрелы великанов, будто бы обитавших внутри этих гор. Стрела к стреле перьями, как и надо, вверх.

Почки чинаровые, острые и длинные, как будто начинают пухнуть от этих жарких солнечных лучей. Будь наши березы под такими лучами, они, кажется, в один бы день вспыхнули яркой зеленью, а это, видно, как и дуб, тяжелые деревья. И понятно, почему они редко, как стрелы, сидят: очень ветвисты.

Вероятно, под ними летом будет сплошная тень. Видно, сейчас, пока еще голы чинары, и есть только время пожить весеннему цветочку.

Подснежников целые поля и фиалок тоже довольно, и обыкновенно их в желтой листве не сразу увидишь: сначала на ходу пахнет фиалками, а потом и обратишь на них внимание.

В южных лучах голубые подснежники напоминают самаркандские эмали на мечетях. И фиалки здесь не голубые, а синие»⁷¹.

Написанные в Нальчике новеллы впоследствии составили цикл, получивший название «Кавказские рассказы» («Желтая круча», «Саид», «Басни Крылова», «Рыцарь», «Мужество», «Гость»). Он небольшой, но, как пишут исследователи творчества Михаила Пришвина, знаковый для писателя⁷².

Пришвинские строчки чем-то переключаются со словами его современника – советского писателя Ивана Новикова (1877–1959), чьи романы об Александре Пушкине («Пушкин на Юге», «Пушкин в Михайловском») стали главным делом его жизни. Иван Новиков находился в Нальчике во второй половине 1941 года, будучи эвакуирован в столицу Кабардино-Балкарии вместе с другими известными деятелями культуры. Такими, как писатель В. В. Вересаев, композиторы С. С. Прокофьев, Н. Я. Мясковский, А. Б. Гольденвейзер, художники И. Э. Грабарь, В. С. Сварог, И. Н. Павлов, скульптор И. А. Менделевич, режиссеры и актеры В. И. Немирович-Данченко, В. И. Качалов, И. М. Москвин, М. М. Тарханов, О. Л. Книппер-Чехова.

Об их пребывании в Нальчике рассказывается в книге «Певцы мужества и братства». Вот что, в частности, писал Сергей Сергеевич Прокофьев, живший в гостинице «Нальчик»: «Небольшой городок, расположенный в предгорьях Кавказа, с чудесным парком... с цепью гор на горизонте, принял приветливо. Были созданы необходимые условия для работы». Ему вторит Александр Борисович Гольденвейзер: «Здесь прекрасная природа. Устроились мы в двух домах отдыха в 2 километрах от города, с которым мы соединены прекрасным парком, идущим вдоль реки Нальчик...» Восторгается Василий Иванович Качалов: «Воздух упоительнейший. Такая красота и покой вокруг. Аллеи роз тянутся на целые километры. Снежная цепь такой красоты,

длины и высоты, каких я нигде не видел. Прямо сон какой-то, от которого не хочется просыпаться».

Иван Николаевич Павлов приводит восклицание Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой: «...Какой изумительной красоты пейзаж!», уточняя, что «это было недалеко от санатория, где мы жили. Была осень. Белые домики, озаренные светом солнца, стояли в окружении кленов, как золото. Яркое синее небо, казалось, благословляло этот уголок природы и давало свои живописные рефлексy»⁷³.

Ну а теперь и новиковские строки – из его новеллы «Поздняя осень»: «...Чудесные грушевые сады, выросшие дико, заполняют собою всю эту долину, с трех сторон окаймленную горами...

Дни стоят ясные и золотые. Первая паутина легла на низких кустах. У нас на севере это поздняя осень, и здесь, но какая другая! Точно бы время замедлило ход в этом тихом затоне, и август еще не умирал, он вместе с людьми эвакуировался в мирные края.

И люди, попавшие в эту долину, в дом отдыха «Золото-платина», тоже под стать этому грушевому созревшему царству. И они в свое долгое лето, во всю свою солнечную жизнь также копили чудесную влагу искусства и, зачем не признаться, также порою теперь близки к тому, чтобы капнуть, упасть на вечно гостеприимную землю.

Звали еще прибывших сюда в соответствии с названием дома, где они поселились, да и в соответствии с истиной, по отношению к некоторым, «золотым фондом искусства», однако ж снаружи все были, несомненно, скорее серебряными, чем золотыми. Снежок откровенно и уже давно посыпал все эти маститые головы...

Когда, бывало, сидишь в этом затихшем саду и глядишь через кружево ветвей и листья на неизменные первозданные очертания снежной цепи вдаль, то становишься сам гармонически слитым со всем этим величием – кусочком бессмертной природы. Эти минуты законны всегда, в них человек обретает новую силу для совершения своих человеческих дел...»⁷⁴.

Вероятно, что санаторий «Золото-платина» – это тот, что впоследствии назывался «Металлург», а еще позже – «Нартан», сад которого осенью действительно представляет собой «созревшее царство» невероятно вкусных и ароматных плодов. Они, вобравшие в себя влагу июньских дождей, теплоту солнечных лучей, свежесть горных ветров, сладость и аромат пахучих трав, в октябре начинают обильно устилать все пространство сада. Гулко падают на траву, дорожки, разбрызгивая во все стороны сладчайший сок, словно плачут от людского к ним невнимания...

И еще несколько строк – из дневниковых записей писателя Ивана Новикова: «Долина сама чудесно красивая, уже по-осеннему зажженная яркими красками, но где потенистей – с зеленой еще свежее муравой, с трех сторон, настоящей подковой, замкнута горами, отсюда и название города – Нальчик: подкова.

Высоко над Треком скамьи по полукружью. Когда-то внизу играла музыка, и сейчас над музыкальной раковиной еще трепещут флажки. Но здесь теперь никого... Где-то налево под старыми липами вьется одинокий дымок. Война, тишина.

Все звуки, все шумы, все направление страсти – там, на фронтах. И мысли все там, где решаются судьбы страны, и оттого тишина эта, мир, царящие здесь, воспринимаются вовсе не мирно, а скорее болезненно, как отзывается в нас любое противоречие».

Тем не менее, несмотря на грохот пушек, музы не молчали. Пребывание в Нальчике, на земле Кабардино-Балкарии внесло национальный колорит в творчество гениальных мастеров. Композитор С. С. Прокофьев создает здесь струнный квартет на местные темы, пишет песни об артиллеристе М. Таубекове и танкисте Х. Деппуеве. Н. Я. Мясковский – 23-ю симфонию по фольклорным мотивам кабардинцев и балкарцев. А. Н. Александров завершает оперу «Бэла», в которой использует национальные мотивы титульных народов республики.

Художник Н. М. Чернышев пишет акварельные пейзажи «Зима в Нальчике», «Долина реки Нальчик», «Вечер в Нальчике». И. Э. Грабарь – «Парк в Нальчике». В. А. Сварог – серию этюдов, запечатлевших садик Свободы и улицу, ведущую к реке, Дом туриста, цветы на улицах города – «Розы», «Пионы»; картину, на которой изображена утопающая в зелени так называемая сталинская дача, расположенная в Затишье. Л. Е. Фейнберг создает серию рисунков по мотивам нартского эпоса, а скульптор И. А. Менделевич ваяет фигуру легендарного народного героя Андемиркана...

Впрочем, перечислять можно еще достаточно долго. Об этих страницах истории Нальчика подробно поведано как в книге «Певцы мужества и братства», так и в другой работе этого же автора – журналиста Ивана Владимировича Давыдова: «Летописцы огненных лет» (Нальчик: Эльбрус, 1976). Последняя – о пребывании советских писателей на нашей земле в годы Великой Отечественной войны. Есть в ней строки и о писательнице Галине Николаевой (ее мы уже цитировали выше), работавшей в 1943 году диетсестрой в одном из нальчикских эва-

когоспиталей и именно здесь сделавшей первые шаги в большую советскую литературу. Вот что можно узнать из рассказа «На кухне», относящегося к этим же сороковым годам: «...Высокие травы тянулись к дорожкам и путались под ногами. Яблони выгибали сучковатые ветви, и алыча роняла под ноги плотнокожие, янтарные ягоды.

Даль была голубой, и воздух зыбился и дрожал от солнца.

Вдалеке виднелись пологие холмы, сизые, с августовской редкой подпалиной на склонах, а над ними вставали снежные вершины. Вершины были так лучисты, нарисованы такими тонкими, летящими штрихами, что облака по сравнению с ними казались аляповатыми и грузными. Вершины излучали синеву и прохладу. И далекие и близкие, они словно плыли, растворяясь в голубизне, казалось, они вот-вот уплывут, исчезнут. Но стоило мигнуть, и вот они уже опять здесь, близко – тонкогранные, с отчетливыми лиловатыми тенями на сияющих белизной склонах.

...Здание (бывшего санатория) было полуразрушено, и от этого красота его стала еще величественнее и рельефнее. В пробоину стены виднелась колоннада круглого зала. Мраморный мальчик с дельфином казался еще живее от «шрама» на гладкой щеке.

По краям зияющих окон вились маленькие темно-красные розы на цепких стеблях, переплетаясь с лепными виноградными гроздьями карнизов. Красота здания торжествовала над разрушением и была такой же вечной, как небо, летящее над его крышей, как зелень, оплетающая его стены...»⁷⁵.

Теперь вполне логично и объяснимо, что именно в районе Долинска спустя многие годы будет выделено здание для республиканского Литературного музея.

Поэзия и проза Кабардино-Балкарии – это «чудесный самородок» Бекмурза Пачев (1854–1936), кабардинский мудрец и большой поэт, чье творчество исследователи называют переходным звеном от поэзии сказителей к письменной литературе. Уйдя от обидевших его людей, «в глубокой землянке, вырытой им в зарослях фруктового сада», в землянке, «пахнувшей сыростью, корнями обрубленных фруктовых деревьев и свежесушеной травой, Бекмурза создал свой собственный алфавит», написал стихи, которые положили начало кабардинской поэзии как таковой. Удивительно, но «любая тема, самая незначительная, к которой прикасались талант и перо Бекмурзы Пачева, становились... увлекательным, глубоким по смыслу и завершенным по форме стихотворением или поэтическим изречением»⁷⁶.

В столице республики есть улица, носящая имя поэта, в верхней части парка, на одной из аллей, установлен его бюст, а в Нартане, родном селении мудреца, пригороде Нальчика, сооружен памятник (автор обеих работ скульптор М. Тхакумашев). В 2004 году, в год 150-летия самородка, открыт дом-музей, являющийся филиалом Национального музея КБР.

Пачеву не везло с переводчиками. И хоть среди них были такие мастера слова, как С. Липкин, Н. Гребнев, А. Шпирт, А. Адалис, Д. Голубков, но время и идеология довлели над ними. Верится, что слово мудрого Бекмурзы, которого Сергей Бондарин назвал «великим поэтом», будет достойно представлено русскоязычному читателю, как и найден «золотой сундук» с его исчезнувшими в годы оккупации рукописями:

Друг, завет мой попомни:
Жизнь – это клад бесценный.
В могильной ямине темной
Ты станешь добычей тлена.
Но думать о кладбище вредно!
Живи достойно и честно,
Чтоб не уйти бесследно
С этой земли чудесной⁷⁷.

В Нальчике (на улице Максима Горького) есть мемориальный уголок и другого классика кабардинской литературы – квартира-музей Али Асхадовича Шогенцукова. (Подробнее о нем рассказано в главе «Баксанское ущелье.») Ему же в 1991 году установлен памятник (скульптор М. Тхакумашев) у одного из входов в Нальчикский парк, рядом с Кабардинским драматическим театром, носящим имя поэта, – «сидящая фигура приближена к растекающемуся людскому потоку, идущему к театру. С накинутым на плечи пальто, она решена в интимном лирическом ключе, на фоне театра, в окружении живых цветов»⁷⁸.

Памятник нашему современнику, Алиму Пшемаховичу Кешокову (1914–2001), установлен в 2009 году перед зданием городской администрации. Большой кабардинский писатель, народный поэт Кабардино-Балкарии, Герой Социалистического Труда, лауреат Госпремий РСФСР и СССР... Но главное не в званиях и регалиях – кто ныне помнит иных героев и лауреатов, чьи имена еще недавно звучали на всю страну? А имя Алима Кешокова, автора романов «Чудесное мгновение», «Зеленый полумесяц», «Вершины не спят», «Долина белых ягнят», «Сломанная подкова», «Сабля для эмира», «Грушевый цвет»,

«Восход луны», стихотворных сборников «Тавро», «Кубок неба», «Талисман», «Стихи-стрелы», останется в литературе многонациональной России. Ныне и улица, на которой установлен памятник поэту, носит имя Алима Кешокова.

Памятник другому большому поэту – Кайсыну Шуваевичу Кулиеву (1917–1985) возведен в Нальчике на проспекте, носящем его имя. Скульптор Михаил Тхакумашев, заложивший основы национального начала в изобразительном искусстве Кабардино-Балкарии, пронес работу над образом балкарского гения через всю свою творческую жизнь. Он создал «портрет Кулиева – вдохновенный и трепетный, выполненный в бронзе», памятник, представляющий собой полуфигуру в мраморе, установленную в доме-музее поэта, что в Чегеме Первом, а теперь и сам памятник, в котором «сохранил для нас и всех тех, кто придет после, живой, подвижный, обаятельный образ поэта»⁷⁹. (Подробнее о судьбе поэта рассказано в главе «Чегемское ущелье».)

Литературный музей, от которого оттолкнулся наш рассказ о тех, кем гордится республика, – это путешествие в творчество десятков поэтов и прозаиков, составляющих достойную свиту Бекмурзе, Али, Алим, Кязиму... Могила последнего в какой-то сотне шагов от самого музея – рядом с Мемориалом жертвам репрессий балкарского народа (8 марта 1944 г. – 28 марта 1957 г.). Случилось так, что именно здесь, в Долинске, мудрый Кязим Мечиев обрел свое пристанище – в 1999 году его останки были привезены из казахстанской чужбины и перезахоронены на родной земле*. (О трагической судьбе пророка и мыслителя из Шики рассказывается в главе «Хуламо-Безенгийское ущелье».) Остается только удивляться тому, какие замысловатые выкрутасы порой выделяет судьба. Классики двух столь разных литератур – украинской и балкарской, жившие в один и тот же исторический период, а в последние годы – на одной кавказской земле, в конечном итоге и свой последний приют нашли поблизости друг от друга.

Сам Мемориал – это не просто музей, это сконцентрированная народная боль, трагедия, которой нет и не может быть оправдания. Пройдитесь по его залам, взгляните на экспонаты – и живая история Балкарии предстанет перед вами. На многих стендах представлены фотографии, взятые из выпущенных нашим издательством трех фотоальбомов «Балкария: время и лица» – своеобразной фотолето-

* Церемония перезахоронения и все, что с ней было связано, подробно описана нами в кн.: Балкария: боль и гордость. Книга о мудром кузнеце Кязиме Мечиеве. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2003. С. 158–164.

писи, первый выпуск которой охватывает конец XIX – начало XX века, второй – 20–30-е годы XX века, третий – 50-е годы XX века.

Каждого, вглядывающегося в эти фотографии, ожидают поистине удивительные открытия – встреча с Балкарией, которая для большинства своего рода «terra incognita», то есть страна неизвестная. Документальное искусство – фотография – сумело сохранить правду того времени, о котором советская история высказалась однозначно: дикое, темное, отсталое. Глядя на фотографии балкарцев, видишь, сколько в их лицах выразительности, несуетности, сдержанной силы и достоинства. В них присутствует ее величество Духовность, что само по себе отрицает так называемые дикость, темноту, отсталость горцев.

Ландшафтное своеобразие Балкарии очень гармонично перекликается с видом аулов, кладкой стен, минаретом мечети, строгой одеждой. В портретной галерее мы видим особ княжеских родов, мусульманских шейхов, паломников, совершивших хадж в Мекку, рядовых скотоводов и охотников, множество детских лиц, чье дыхание жизни волнует спокойствием, величавостью и той неумолимой кратковременностью земного пребывания человека, что в совокупности равняется жизни вечной. Эти фотографии не предназначались для музеев – они были частью текущего дня, кусочком частного существования и способом ознакомления народов друг с другом, поскольку рассылались по почте в виде открыток. В виде открыток сделана и большая часть альбома, открыток, которые можно вырезать по линии перфорации и послать своим знакомым, дать весточку о себе, напомнив о малой родине. Сам альбом крепится на пружинном переплете, тоновая одноцветная печать (в начале века, напомним, фотографии были только черно-белые) передает малейшие детали пейзажа, выражение лиц героев снимков.

Балкария конца XIX – начала XX века предстает перед нами из работ полковника царской армии Вишнякова, составивших его знаменитый альбом, врученный «Ее императорскому величеству Государыне Императрице Марии Федоровне от верноподданных кабардинского и горского племен» в 1883 году и хранящийся ныне в Национальном музее КБР. Из его же фондов, а также из частных коллекций почерпнуты и другие фотографии, в большинстве своем датированные началом XX века. Всего в первом выпуске их 130.

Чуть меньше – во втором выпуске, воссоздающем 20–30-е годы XX века. На фотографиях той поры традиционные сабли и самодель-

ные яркие ковры-кийизы, женщины обрабатывают шерсть и ткнут пряжу, качая младенцев в люльках. Красоты природы и камни ничуть не изменились – глаз фотографа любит ими, он запечатлевает могильники, водопады, снежные вершины, пастушьи коши. И лица. Очень много лиц – перед нами жители аулов республики, от многих из которых остались лишь названия, моменты народных игр и обрядов, групповые снимки, где люди улыбаются... Они радуются, варят колхозную бузу или сидят у домашнего очага. Они не знают еще, что совсем скоро эта знакомая и кажущаяся такой прочной жизнь рухнет, мужчины и мальчики с этих фотографий уйдут на фронты священной войны и там погибнут, защищая Родину. А все балкарское население, по существу еще патриархальное, 8 марта 1944 года в одночасье вышлют в товарных вагонах в Казахстан и Среднюю Азию. Об этом произволе сталинского режима много написано, но никогда не вернешь жизнь погибшим, сломленным несправедливостью, не вдохнешь живой дух в навсегда остывшие очаги разрушенных аулов.

«Балкария: время и лица. Конец 50-х годов XX века» – заключительный из трех фотоальбомов. Основу его составили материалы, отразившие организованные в те годы Республиканским краеведческим музеем (ныне НМ КБР) экспедиции по балкарским селениям в целях изучения исторических памятников Балкарии. Первая такая экспедиция была проведена в 1958 году в Хуламо-Безенгийское ущелье. В следующем году были организованы поездки в Верхнюю Балкарию, археологическая экспедиция в Чегемское ущелье. За те 13 лет, что длилась вынужденная разлука гор и людей, первые постарели, а вторые стали мудрее. Сталинский геноцид не убил в балкарцах лучшее, что во все времена отличало горцев, – жизнелюбие, гостеприимство, величайшее трудолюбие, почти сыновью привязанность к земле, где родились они и где жили их предки. Балкарцы никогда не относились к тем людям, которые считали Родиной то место, где им хорошо. Они были убеждены, что хорошо им будет только там, где каждая круча, родник или склеп наполняли силой приобщенности к истории предков и оправдывали собственное предназначение в жизни. Как прекрасно понимал это Кайсын Кулиев, затеявший этнографическую экспедицию в родные горы. Он хорошо знал, что уцелело, а что невосвратимо разрушено временем безлюдья в некогда обжитых его народом ущельях. Следы этой ревизии, этого неравнодушного всматривания и изучения запечатлены на снимках. Они ужасают развалинами и более не подлежащими

восстановлению аулами. Но эти фотографии также и окрыляют, поскольку красноречиво свидетельствуют об интеллектуальной мощи предков, строивших башни, пробивающих лестницы в скалах, владеющих секретами террасного земледелия.

И теперь нам самое время заглянуть в Национальный музей КБР, расположенный на улице М. Горького, в той ее части, что за Музыкальным театром, где прерывается движение транспорта. Это сравнительно новое здание (в 2006 году – сорок лет со дня его открытия). А начинался музей в 1921 году, когда «представитель Кабарды предисполком Калмыков согласно желанию кабардинского народа 1 февраля с. г. возбудил ходатайство перед областным наробразом об открытии в Нальчике национального кабардинского этнографического и археологического музея. Заведующим наробразом и облисполкомом начинание это было встречено сочувственно и после некоторых заминок желание Кабарды удовлетворено с отпуском необходимых средств».

А уже вскоре сам Бетал Калмыков, в те годы председатель Кабардинского окрисполкома, обратился к населению округа: «В Нальчике, нашем уездном городе, учреждается национальный кабардинский музей. Сюда должны быть собраны все предметы, окружающие жизнь кабардинца, чтобы мир мог видеть жизнь и культуру нашего народа и по ним судить об умственном уровне его. Это будет первое культурное начинание нашего народа, первый шаг в его развитии, его самостоятельной жизни. Для успеха дела, для наглядного ознакомления с жизнью Кабарды долг каждого кабардинца прийти на помощь такому начинанию, для чего всякий, кто может, пусть передаст в музей имеющуюся у него старинную вещь, ненужные предметы орудий сельского хозяйства, посуды, утвари, украшений, образцы одежды, обуви, рукоделия, предметы труда, кустарного производства, детские игрушки и т. д. Ценные же предметы всякий может продать музею, и, таким образом, музей будет пополняться и процветать. Всякое приношение, всякий дар будет принят с благодарностью, а имена жертвователей будут заноситься в книгу на вечное время как первых сотрудников и создателей музея. Самая незначительная вещь из обихода кабардинца для музея будет иметь значение. А поэтому не нужно стесняться мысли, что вот у меня есть одна вещица, но она так незначительна, что совестно ее и сдавать. Для музея все нужно, интересно и важно... Музей – это наш показатель быта Кабарды, наша гордость. А потому мы все должны создать его на славу родного народа, на память грядущему поколению...»⁸⁰.

Не правда ли, глубоко эмоциональное обращение, весьма неожиданное в устах большевистского лидера. А все потому, что готовил его, без сомнения, первый директор музея, археолог и этнограф М. И. Ермоленко (1867–1939), приглашенный в Нальчик из Владикавказа, где он работал хранителем Терского областного музея. Макар Иванович с 1907-го по 1916 год жил в Кабарде, опубликовал в трудах Ставропольской ученой комиссии такие работы, как «О древних могильниках в Нальчикском округе» (1910), «Могилы седой старины Нальчикского округа Терской области» (1913), «Памятники древнего христианства на Кавказе» (1913) и целый ряд других. Забегая вперед, скажем, что именно М. И. Ермоленко является автором одного из первых путеводителей по нашей республике – он был издан в 1928 году экскурсионным обществом туристов при облоно и назывался «Путеводитель по Кабарде и Балкарии. Пособие туристам-экскурсантам с приложением очерка Н. Крыленко "На горных высотах"».

Беззаветно влюбленный в историю и археологию, на своей новой должности Макар Иванович проявил невероятный энтузиазм, развив поистине кипучую деятельность. Ему пришлось соединять «в себе и письмоводителя, и организатора, и заведующего, и препаратора, и ученого работника по четырем отделам музея (естественно-исторический, историко-культурный, народно-хозяйственный и социально-культурный, революционный. – Авт.) и часто рабочего по раскопке и разведке курганов, в поисках предметов древних насельников Кабарды, и в то же время я и сторож ценностей музея. Ни праздников, ни отдыха. Я работаю всегда с утра до позднего вечера: если не по канцелярии, то по раскопке, разведке, сбору материалов, этнографии и т. п., часто даже по целым дням голодный, т. к. не имею возможности возвратиться домой к обеду, я увлекаюсь делом и прихожу домой только вечером. Таким образом я собрал более 2000 экспонатов, из коих есть очень редкие и ценные предметы старины, достойные помещения в первоклассные столичные музеи...»⁸¹.

Что это именно так, отмечал и известный кавказовед Е. И. Крупнов: «Даже случайный материал, часто очень выразительный, собранный М. И. Ермоленко, представлял особую ценность тем, что сигнализировал о наличии ряда выдающихся памятников, огромное значение которых не вызывало никаких сомнений»⁸².

А вот что писал советский писатель Юрий Либединский, автор ряда романов об установлении Советской власти на Кавказе (фактический материал для своей знаменитой трилогии «Горы и люди»,

ныне основательно подзабытой, он собирал в наших местах), впервые побывавший в Кабардино-Балкарии в 1933 году и впоследствии посвятивший Нальчику и республике немало страниц: «Был там маленький музей, основанный замечательным человеком, русским интеллигентом, всю жизнь прожившим в Кабарде и собравшим в этом музее остатки кабардинской старины. Кажется, от него я узнал, что многие драгоценные экспонаты музея – золотые и серебряные монеты и украшения с самоцветными камнями – безвозмездно передавались музею крестьянами, когда они обнаруживали у себя на поле подобного рода клады»⁸³.

И еще одна цитата – слова Тимура Шаханова (о нем мы рассказали в главе «Чегемское ущелье»): «В Краеведческом музее Кабардино-Балкарии стараниями Ермоленко была создана удивительная экспозиция. С ее помощью Макар Иванович стремился наглядно подтвердить теорию Шоры Ногмова о египетском происхождении кабардинского народа. В этой экспозиции были представлены интересные предметы: сельскохозяйственные орудия, сорта культивировавшейся в регионе пшеницы и других агрокультур, тамги кабардинских князей и другие, не менее ценные с исторической и этнографической точки зрения, предметы»⁸⁴.

Именно в 20-е годы прошлого века фонды музея пополнились редкими видами холодного и огнестрельного оружия, оборонительными доспехами, уникальными книгами дореволюционного издания, картинами известных мастеров кисти, полученными из музеев Москвы и Ленинграда при непосредственном участии Назира Катханова, являвшегося представителем КБАО при Президиуме ВЦИК. Музеем было невероятно тесно в маленьком, непригодном помещении – он располагался в здании первой церковно-приходской школы, которая находилась в садике, где ныне возведен Танцзал. Не случайно Михаил Кольцов, побывавший в музее в 1932 году, писал: «Городской музей, интереснейшее собрание по истории материальной культуры Кавказа, с трудом вмещается в пятикомнатном приземистом домике (он мог бы развернуться в один из интереснейших музеев края). А ведь этот домик был самым большим и самым красивым в царской слободе Нальчик»⁸⁵.

В конце тридцатых годов музею были переданы здания по улице Советской, где и приобщились к его таинству, уже в конце пятидесятых, будучи еще в детсадовском возрасте, пишущие эти строки. То удивление от археологического отдела, в котором были представле-

ны материалы о происхождении человека, а в одном из залов «горел» кабардинский очаг, воссозданный в натуральную величину, до сих пор не угасло в памяти. Как и интерес к материальной культуре населяющих республику народов, возникший именно после того, первого посещения.

Пережил музей и фашистскую оккупацию, правда, расставшись с частью своих полотен: было изъято 10 картин, вместо которых остались расписки следующего содержания: «Местная комендатура сегодня (17 ноября 1942 года. – Авт.) получила для офицерской столовой из музея в Нальчике 5 картин Брюмера» и «Технический отдел подтверждает получение 5 картин из картинной галереи Нальчика. Брюмер: 1. Цветы. 2. Весна. 3. Лесопильня. 4. Вид из Нальчика. Фольтер: 5. Эльбрус»⁸⁶. Кто знает, может быть, эта немецкая педантичность когда-нибудь позволит картинам Брюмера и Фольтера вернуться в родные для них стены. Уж так хочется взглянуть на Нальчик и Эльбрус их глазами.

Строительство нового здания музея – заслуга прежде всего Тимборы Кубатиевича Мальбахова (1917–1999). Будучи избран в 1956 году первым секретарем Кабардино-Балкарского обкома КПСС, он почти тридцать лет не покидал капитанский мостик республики. Выдержал все – громы, молнии, наезды партконтроля, подметные письма, хулу и славу. Понятно, что стиль его руководства был авторитарным (а другим он и не мог быть в хрущевско-брежневскую эпоху). Но, в отличие от других руководителей регионов, авторитарность эта базировалась на незыблемом авторитете, богатейшем личном опыте, высочайшей эрудированности, невероятной работоспособности, неподдельном самопожертвовании. Когда-то один из авторов этих строк предоставлял место критикам Мальбахова на страницах редактируемого им журнала. Сегодня, вдумываясь в суть выдвигаемых прегрешений, вспоминая происходившее в последние десятилетия, видя творящееся повсеместно беззаконие, особенно отчетливо осознаешь, каким благом для республики оказался выбор на пост первого лица Т. К. Мальбахова, чья жизнь и деятельность нуждаются не в сиюминутных откликах, а в глубоком, всестороннем изучении, профессиональной биографической работе.

Так вот, здание музея было построено, несмотря на то, что возведение таких объектов в те годы не то что не приветствовалось, а запрещалось – узнай в Москве о таком самовольстве, не миновать даже всесильному первому секретарю строгача по партийной линии,

да еще с занесением. И когда корреспондент одной из газет в публикации, посвященной юбилею музея, недоумевает, что «строительство капитального здания почему-то происходило в обстановке секретности»⁸⁷, он просто по молодости не знает реалий тех лет. Тогда настоящей заботой о людях считалось строительство общежитий (именно под таким названием проходил музей в планах), а возведение очагов культуры виделось делом второстепенным.

Сегодня фонд Национального музея (его филиалами и отделами являются мемориальные дома-музеи Марко Вовчок и Кайсына Кулиева, квартира-музей Али Шогенцукова, Литературный музей, музей Оборона Приэльбрусья, музеи в городах Майский и Прохладный, селениях Кёнделен и Верхний Акбаш) насчитывает около 150 тысяч единиц хранения. 134 тысячи из них находятся в Национальном музее Нальчика⁸⁸.

Выше мы уже отмечали, что в двадцатые годы прошлого века краеведческий музей пополнился уникальными творениями мастеров кисти и резца, полученными из хранилищ Москвы и Ленинграда. Это не просто полотна, это не просто скульптуры и изделия из фарфора, это шедевры русского и зарубежного искусства XVII–XVIII веков. Одни имена чего стоят – Брюллов, Шишкин, Айвазовский, Куинджи, Рубо! А есть еще портреты и пейзажи Ф. Шубина, В. Боровиковского, С. Щедрина, Б. Филлера, Ф. Сычкова и целого ряда других.

Также в хранилище имеются изделия из фарфора – статуэтки, декоративные тарелки, вазы; предметы обихода – часы, канделябры, ларцы, секретер-бюро...

Эти шедевры и положили начало Кабардино-Балкарскому музею изобразительных искусств, открытому в 1960 году и расположенному на проспекте Ленина, в центре города. Классическое искусство – его основа, но главное в фондах – произведения художников и скульпторов республики, среди которых немало достойных мастеров, широко известных как в России, так и за ее пределами. Расскажем об одном из них – кабардинском художнике Мухадине Кишеве, ныне живущем в Испании, которому авторы этих строк посвятили две книги⁸⁹.

...Рано или поздно, говорят, природа свое возьмет. Так случилось и с художником Мухадином Кишевым. Во времена так называемого социалистического реализма он пользовался общеизвестным, легко узнаваемым, перекраивая на свой манер то, что называется общей памятью. Вершинным достижением такого подхода и явилась его знаменитая «Кабардинская свадьба». Бережное, трепетное отноше-

ние к национальному, родному, безусловное следование этнографической правде и бессознательное, может быть, желание запечатлеть уже не каждой семьей соблюдающийся обряд – эта работа вошла в тот ряд произведений искусства, которые признаны народными. В масштабах роста его личности это лишь миг, когда духовная энергия Мухадина, возросшая на национальной почве, показала силу дарования, присущую этому народу, именно в этот исторический момент. Миру явлены громкие творческие имена графиков – Германа Паштова, Заурбека Бгажнокова. Творческая интеллигенция очарована многогранным всеобъемлющим художником Мухамедом Киповым, который лучше других чувствовал время, его противоречивость и на себе испытал, каково живется тому, кто не идет с ним в ногу. Думая о судьбе Мухамеда, к несчастью, в прошлом времени, всегда вспоминается мысль из нобелевской речи поэта Иосифа Бродского, изгнанного из СССР в 1972 году: «...человек со вкусом, в частности литературным, менее восприимчив к повторам и ритмическим заклинаниям, свойственным любой форме политической демагогии... Чем богаче эстетический опыт индивидуума, чем тверже его вкус, тем четче его нравственный выбор, тем он свободнее – хотя, возможно, и не счастливее».

...Кишев сделал свой выбор в пользу всечеловеческой гуманности. Его картины не холодно-бездушные, они радуют глаз цветокомпозиционной гаммой, согревают душу. Желтая осыпь на одном из горных пейзажей манит теплотой солнечного света, детской радостью подбранного камешка, забрасываемого в воду или любую открывающуюся даль. Его «Каллы» объездили практически все выставки и были восторженно восприняты людьми, воспитанными в разных культурах. Кто-то видит в них символ непорочной красоты, для кого-то этот белый цветок служит признаком изысканного вкуса, а кому-то кажется только атрибутом похорон. Но все это никак не объясняет или, напротив, расшифровывает интерес публики к изображению десяти головок этого чистого, безупречного цветка в окружении жилистых толстых листьев, густая зелень которых может рассказать о жизнестойкости, о соединении воды и солнца. Желтая сердцевина цветка невольно заставляет вспомнить о скромной кувшинке, водяной лилии, вольно плавающей на поверхности таинственных водоемов... Оживают чувства зрителя, его память, его способность к эстетической оценке, не будничное, но более возвышенное отношение к тем богатствам, что нас окружают...

А «Мечеть в Кордове» своим цветовым решением соединяет будничное с духовным, историческое с мистическим, конфронтацию с компромиссом. Ничто и никто не помешает нам, зрителям, увидевшим желто-болотистую колонну, стоящую на бирюзово-синих и лишь изредка голубых плитах, разделенных густо-красными полосами, представить приходящих сюда людей. Молящих Всевышнего о ниспослании милости, просящих о помощи в каких-то конкретных своих мытарствах. Плотское греховное страдальчески наивное и исполненное надежды послание Богу уплотняется, группируется и поднимается ввысь, не только к своду храма, оно уходит так высоко, как это возможно представить. Знающие люди говорят, что Космос переполнен информацией такого рода, возмущен неспособностью землян учиться самостоятельно решать мирские проблемы. Однако ж храм есть то самое место, где даже неверующий человек (а религиозный тем более) испытывает невольный трепет и чувство общности с человечеством. Поток сознания из желто-болотистых оттенков принимает форму факела, затягивается голубовато-белой краской, прорезая фиолетовые своды. Христианские священники по большим праздникам облачаются в фиолетовые одежды, символизирующие их особенную связь с таинством Веры, духовное наполнение их общения с Создателем. И все горизонтальные, вертикальные красные линии и пятна на стенах свидетельствуют о страданиях, реальных и временами настолько тяжелых, что только молитва способна примирить с действительностью, снять с сердца камень, очиститься и найти силы снова жить. Витражи содержат, кажется, столько красок, сколько их есть в палитре художника или в самом нашем прекрасно-тяжелом мире.

Грамотный человек скажет, что в описании мечеть отсутствует, ведь она оформлена лаконично, строго, изысканно. Полы прикрыты коврами, всякого рода внутренняя художественная роспись отсутствует. Но незримо и постоянно присутствие Творца возле уверовавших, молящихся во имя Аллаха, Милостивого и Милосердного. Многогранный, глубоко содержательный 14-й хадис Пророка свидетельствует, что мусульмане не только славят Всевышнего, но и молят его о Рае, о прощении, ищут у него спасения... Тогда Он говорит: «...я уже простил их и одарил их всем, о чем они просили, и дал им убежище от того, от чего они искали спасения».

Нравственному чувству привольно и уютно у кишевской «Мечети в Кордове». Во-первых, святость наполняет ее духовное пространство. Во-вторых, история являет нам в данном случае уникальный пример

почти буквальной совместимости религий: католический храм встроено в мечеть, сохранившуюся на юге Испании после арабского владычества. В-третьих, единый Бог уже дал нам все, что имеет смысл, а Священные книги его говорят о спасительной необходимости подлинного братства на Земле. Многооттенковые зеленые цвета в этой испанской живописи Кишева сочетаются с красными и фиолетовыми, как ислам в нашем сознании с христианством, как мирная жизнь и дружеские отношения мусульман и православных в Кабардино-Балкарии.

...Живопись Мухадина Кишева последних лет стала, если так можно выразиться, более радостной. Пространство рисунка – более воздушным, а краски – светлее в оттенках. «Времена года» – из светлого, созданного в недавнее время. Четыре холста с серебристо-голубым свечением снега, изумрудной травой, красными клеверными головками, роскошными желто-багряными цветами осени. Все это лишь угадывается в спокойной гамме мелких цветных пятен, где ощущается безграничность природы, ее земных, водных и воздушных стихий. Простота замысла и исполнения очевидна, а сила впечатления от этой серии только возрастает, когда понимаешь, как были правы импрессионисты, говорившие, что «природа более цвет, чем линия». Когда вспоминаешь, что дети, ближе всего стоящие к естественности, к природе, рисуют мир именно светлыми красками.

...Кишев воплотил себя на свой, собственный лад. При этом мало говорит, все время добродушен и энергичен. Несомненно, он переделал кое-что в характере и освободился от многих условностей, сопровождавших его жизнь в Нальчике. Его тайной мечтой было абстрактное искусство – именно им он сейчас поглощен. Его душа и дух заняты исключительно отображением той красоты, которую находит в окружающем мире. Возможно, картины Кишева лишены изящества китайской и японской акварели. Однако он глубоко чувствует непрерывную изменчивость окружающего реального мира, даже некоторую его прозрачность, под которыми проглядывают символы. Их он переносит на бумагу или холст, повинувшись свойству художнического глаза одновременно видеть и внешние и внутренние образы предметов. Импульс может быть разной силы воздействия, неодинаковой длительности, неровной эмоциональной окрашенности, но при этом видно, что Кишев не избегает противоречий жизни, что он по сути своей все-таки диалектик, соединяющий контрасты в единое целое, которые и любит одинаково. Таковы, может быть, его «Дорожки мыслей», где есть радость, беззаботная радость ребенка, и печаль

взрослого, обремененного поверхностным и часто бессодержательным мышлением. Но там же явно просматриваются закодированные точки и тире – прорывы к интеллектуальным высотам, к прозрачной ясности духа, живущего отнюдь не по законам реального, а скорее идеального. Интуиция художника и подсознание тысяч и тысяч живших до него людей создают тот сплав безграничного желания понять окружающее и систематического экспериментального его исследования, который объясняет и многообразие тем, и многокрасочность жизни на его полотнах.

...Случай или судьба свели его с Жаклин Мосс, англичанкой, живущей в Испании. И эта незаурядная женщина, рожденная в протестантской семье и воспитанная в католической школе, дополнила и усилила в Мухадине этические постулаты, заложенные национальной религией адыгагъэ (иначе говоря – адыгством). Непреходящие ценности адыгства – человечность, почтительность, мудрость, мужество, честь – были ослаблены временем, влиянием атеизма и повсеместным насаждением советского образа жизни (содержащего в себе много хороших черт, но снижающего воздействие на личность национального нравственного опыта). Реалистическая же этика Жаклин, вобравшая католическое представление о сорботе человеческой воли и разума с Божественной энергией и благодатью и протестантское – о спасении человека личной волей, ставит духовные ценности выше материальных и на основании этого строит повседневную жизнь. Она высоко ценит способность человека к постоянному самосовершенствованию, поэтому не могла не заметить с первого знакомства с Кишевым его стремление познать новое. Это послужило первым мотивом дружбы. А много позже обнаружила общность моральных суждений адыгства и своих собственных. Например, адыгское «идуший в ногу со временем – благородный муж» полностью совпадает с ее англо-испанским отношением к людям, к Мухадину, которого неизменно называет «современный человек», «современный художник». Владея европейскими языками и свободно ориентируясь в мировых художественных течениях, она поддержала Кишева в желании заниматься абстракцией. Через свою галерею, через друзей и знакомых помогла сделать так, чтобы ее мир стал и его миром. Она признала существование его прошлого как данность, которую следовало узнать и определить к ней свое отношение. Древняя история, культура и земля адыгов стали естественной частью ее жизни.

...Если в музеях, о которых мы вели речь выше, немало экспонатов, свидетелей веков минувших, то среди городских памятников таких, к сожалению, нет. Можно лишь отметить надгробные мусульманские плиты, перенесенные с мест захоронений к входу в Национальный музей.

Похожие установлены и в садике Свободы (речь о нем впереди) – это надгробия первому кабардинскому просветителю Жабаги Казаноко и его жене (о нем мы рассказали в главе «Баксанское ущелье»). Вот что писал в конце 50-х годов прошлого века советский писатель Сергей Бондарин (он был близко знаком с Бекмурзой Пачевым, не раз бывал в Кабардино-Балкарии, что вылилось в теплые и искренние рассказы и очерки, сделал достоянием русскоязычного читателя роман Алима Кешокова «Вершины не спят»): «Несколько узких, позеленевших от древности камней стоит торчком, как мусульманские или скифские могильники среди яркого поля счастливых флоксов, умных роз и просто цветиков всех нарядов. Один из камней, высокий и узкий, как будто перехвачен в талии кавказским ремешком, другой – приземистый увалень. Два камня, как отец с сыном, как старший брат с меньшим, стоят среди выгона цветов. Арабские надписи вырезаны в камне. Узоры эти усилены карминовой краской, не поддавшейся времени...

Я не старался узнать, что именно написано на камнях. Хотелось думать, что сказанное на них – лучшее, что может сказать человек.

Наверно, так оно и есть.

Тут могила первого ученого-просветителя кабардинского народа Жабаги Казаноко, что значит «сын кузнеца» – современника Петра Великого, императриц Анны и Елизаветы...

...«И в саду, и в поле, и в могиле трудись для будущего», – любил говорить мудрец Казаноко.

Может быть, эти слова и высечены на его могиле. Не знаю»⁹⁰.

Сергей Бондарин не совсем точен – в садике Свободы нет захоронения Жабаги Казаноко (прах его остался там, где и был предан земле, – на кладбище не существующего ныне поселения между Чегемом и Баксаном. По другим сведениям – в районе сел. Кёнделен). Нет там и приведенных выше слов, которые к тому же не совсем точно отражают мысль мудреца. Кстати говоря, одно время здесь, на памятной доске, можно было прочитать изречение: «Человек и в малом, и в большом должен творить для грядущего», перевод которого (точнее было бы сказать – авторство) принадлежит кабардинскому драматургу

Аскерби Шортанову, посвятившему Ж. Казаноко ряд трудов. Изречение это было верным по сути, но исторически некорректным.

Смысл же приведенной эпитафии раскрыт во второй части монументального труда Леонида Лаврова (которому посвящено немало строк в нашей работе) «Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках». И гласит она следующее: «Обладатель этого – умерший, получивший прощение, аль-Хаджа Джабаги б. Казанук. Да помилует Всевышний Аллах их обоих! (?) [Прочтите] общую за его душу Фатиху! Дата: 1163 год. Работа Шихали»⁹¹.

Из этого следует – воспользуемся выводами Заура Налоева, большого кабардинского писателя и ученого, нашего современника, чье имя и труды останутся в истории, – что: а) Ж. Казаноко – не вымышленное лицо; б) он был состоятельным мусульманином и совершил паломничество в Мекку; в) был известной личностью; г) если дата на камне указывает на год смерти, а не на год установки памятника, то «обладатель» скончался по григорианскому календарю где-то между 11 декабря 1749-го и 20 ноября 1750 года»⁹².

А вот у входа в здание Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований (КБИГИ), что на улице Пушкина, можно увидеть копию чугунной плиты, отлитой на Луганском заводе в 1829 году в честь знаменитой экспедиции на Эльбрус генерала Эмануэля (подробно о ней рассказано в главе «Приэльбрусье: Джилы-су»). Подлинная плита (одна из двух – на русском и арабском языках) должна была быть установлена на скале, у которой герой Отечественной войны 1812 года разбил свой лагерь, но в силу разного рода причин этого не произошло. Получилось так, что «обе плиты на 80 лет застряли в Пятигорске. В начале 40-х годов XIX века их видели в коридоре Николаевских, ныне Лермонтовских ванн, затем в середине 50-х годов их перенесли в Елизаветинскую, ныне Академическую галерею. С 1860 года они помещались рядом с гротом Дианы в парке «Цветник», возможно, потому, что и сам грот, первоначально именовавшийся «Эльбрус», был устроен в память покорения Эльбруса в 1829 году. В начале XX века плиты висели на стене грота.

В 1909 году по настоянию начальника военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа генерала В. А. Потто обе плиты перевезли в г. Тифлис в Кавказский военно-исторический музей, так называемый храм «Славы». Взамен их в литейной мастерской «Подкумок» в Пятигорске отлили копии, которые теперь находятся в городском краеведческом музее...»⁹³.

А как же знаменитая плита оказалась в Нальчике? За это в первую очередь мы должны быть благодарны ученому-археологу П. Г. Акритасу, который в начале пятидесятых годов прошлого века занимался реконструкцией здания Кавказского военно-исторического музея, воочию видел реликвию, описал ее. В 1953 году он переехал в Нальчик, вскоре стал работать в секторе археологии научно-исследовательского института (тогда он назывался КБНИИ). Участвовал в многочисленных археологических экспедициях, сделал ряд научных открытий. О нем, описывая экспедицию 1959 года, тепло вспоминает Тимур Шаханов: «Панаит Георгиевич Акритас, 80-летний старик, был широко известен в научных кругах не только Кабардино-Балкарии, но и за ее пределами. По происхождению Акритас был греком, жил он раньше в Грузии и хорошо владел турецким языком»⁹⁴.

О местонахождении плиты П. Г. Акритас сообщил директору института К. Н. Керефову, впоследствии ректору КБГУ, известному ученому-селекционеру. Благодаря настойчивости Камбулата Наурузовича в 1954 году реликвия была доставлена в Нальчик, а спустя три года – в 1957-м, накануне празднования 400-летия присоединения Кабарды к России, установлена у институтского здания. Впоследствии с нее, как и ранее в Пятигорске, отлили две копии – одна из них заменила раритет у входа в институт, другая была установлена у въезда в поселок Верхний Баксан, у памятника Киллару Хаширову. Сам оригинал мемориальной плиты ныне хранится в краеведческом музее, ибо, как выяснилось впоследствии, именно он и был отлит в 1829 году на Луганском заводе.

Коль мы уже коснулись темы 400-летия присоединения Кабарды к России, расскажем об установленном на площади, носящей это название, памятнике «Навеки с Россией», точнее будет сказать о женщине, ставшей для многих олицетворением кабардинского народа. Дата и причина установки памятника выше названы, его создатели – московские зодчие (скульпторы С. О. Махтин и М. Ф. Листопад, архитектор В. К. Алторжевский). Во времена, которые ныне принято называть хрущевскими, о нем писали панегирики, вызывающие сегодня у многих лишь иронию. Процитируем один из них – из книги Дмитрия Трунова «Ущелья сокровищ»: «Меня особенно волновали те минуты, когда первые лучи солнца касались темно-красного полированного гранита, и он будто загорался внутренним светом, начинал расточительно разбрасывать зеркальные отблески. И уже не на граните, а на драго-

ценном камне стояло изваяние красавицы кабардинки, одной рукой сжавшей тугую косу, другой поднявшей свернутую в трубочку грамоту.

Маша – таким ласковым русским именем называют горожане девушку на пьедестале. Этот монумент – символ братства, вечной дружбы между русскими и кабардинцами. «Навеки с Россией» – написано золотом на пьедестале. А вокруг разостланы ковры цветов: голубые и розовые петунии, багряные циннии, карминные канны, совсем молоденькие голубые елочки. Ковры оторочены темно-зелеными помпончиками – шариками подстриженного самшита.

Монумент внушителен и вместе с тем воздушен. Внушителен потому, что значительна череда событий, породивших его. Воздушен потому, что дружба и братство – крылаты.

...Четыре барельефа по сторонам монумента. Каждый из них – вехи братства: кабардинские послы в Москве; московские послы в Кабарде; совместная борьба за Советскую власть; победы в социалистическом строительстве»⁹⁵.

Монумент действительно величествен, а сооружен – это понимаешь теперь, по прошествии почти полувека со дня его возведения, – на века. Многого вместило в эти годы, рядом местных историков оспаривается сам акт добровольного присоединения Кабарды к России, особенно в контексте Кавказской войны. Но тем не менее у коренных нальчан площадь Марии ассоциируется с чем-то дружественным и родным, а само это имя дорого и близко как кабардинцам, так и представителям других народов.

А женщина эта была на самом деле неординарной, что и подтверждают труды выдающихся русских историков и писателей. В «Полном собрании русских летописей» читаем: «Приехала к Москве из Пятигорских Черкас Кабардинского княже Темрюкова Айдаровича дочь княжна Кученей... А с княжюю же приехали ко царю и великому князю брат ее Темрюков же княжой сын Доманук-мурза да Бекбулат-царевич, Тахтамышев царевич родной брат; а Тахтамыш служит царю и великому князю; а за Бекбулатом Темрюкова же княжая дочь Алтынчач-царица; а Бекбулат-царевич приехал с сыном Саин-царевичем, приехали государю служить»⁹⁶.

Женитьба Ивана Грозного нашла широкое отражение в народном творчестве. У знаменитого собирателя и публикатора древних российских стихотворений Кириши Данилова:

В годы прежние,
Времена первоначальные,
При бывшем вольном царе

При Иване Васильевиче,
 Когда холост был государь,
 Царь Иван Васильевич,
 Поизволил он жениться.
 Берет он, царь-государь,
 Не у себя в каменной Москве,
 А берет он, царь-государь,
 В той Золотой Орде,
 У того Темрюка-царя,
 У Темрюка Степановича,
 Он Марью Темрюковну,
 Сестру Матрюкову,
 Купаву крымскую,
 Царицу благоверную.
 А и царского поезду
 Полторы было тысячи:
 Князи-бояра, могучие богатыри.
 Пятьсот донских казаков,
 Что ни лутчих добрых молодцов.
 Здравствует царь-государь
 Через реки быстрые,
 Через грязи смоленские,
 Через леса брынские,
 Он здравствует, царь-государь,
 В той Золотой Орде,
 У того Темрюка-царя,
 У Темрюка Степановича.
 Он понял, царь-государь,
 Царицу благоверную
 Марью Темрюковну,
 Сестру Матрюкову,
 И взял в провожатые за ней
 Триста татаринов,
 Четыреста бухаринов,
 Пятьсот черкашенинов
 И любимого шурина
 Матрюка Темрюковича,
 Молодого черкашенина...⁹⁷

Именно он, молодой черкес, брат царицы Мамстрюк, главный герой цитируемой нами песни, которая называется «Кострюк». Здесь необходим определенного рода комментарий. С новой царицей в Москву прибыли и два ее брата – Мамстрюк и Михаил, «из которых

второй остался при дворе и был у Грозного в большой немилости: известно, что он постоянно подвергался со стороны царя насмешкам и издевательствам и в конце концов был казнен (1571). Он, как полагают, и стал прототипом песенного Кострюка. Для более тесных сближений сюжета с исторической действительностью того времени оснований, по-видимому, нет; сюжет вымышлен...»⁹⁸.

А вот выдержка из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина: «Тогда Иоанн, уже решительно оставив мысль быть Сигизмундовым зятем, искал себе другой невесты, в землях азиатских, по примеру наших древних князей. Ему сказали, что один из знатнейших черкесских владетелей, Темгрюк, имеет прелестную дочь: царь хотел видеть ее в Москве, полюбил и велел учить Закону. Митрополит был ее восприемником от купели, дав ей христианское имя Мария. Брак совершился 21 августа 1561 года...

Второй брак Иоаннов не имел счастливых действий первого. Мария, одною красотою пленив супруга, не заменила Анастасии ни для его сердца, ни для государства, которое уже не могло с мыслию о царице соединять мысль о царской добродетели. Современники пишут, что сия княжна черкесская, дикая нравом, жестокая душою, еще более утверждала Иоанна в злых склонностях, не умев сохранить и любви его, скоро простывшей: ибо он уже вкусил опасную прелесть непостоянства и не знал стыда...»⁹⁹.

Другой не менее знаменитый историк, автор «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьев: «Еще будучи только 43 лет, в 1573 году, Иоанн говорил литовскому послу Гарабурде, что он уже стар. Действительно, такая страшная жизнь, какую вел Иоанн, такая страшная болезнь, которою страдал он, должны были состарить его преждевременно. Несчастливая война с Баторием, потеря Ливонии, унижение, претерпенное Иоанном, должны были также разрушительно подействовать на его здоровье. Наконец, сюда присоединилось невоздержание всякого рода, против чего не могло устоять и самое крепкое телосложение. Мы видели, что по смерти Анастасии Иоанн сватался к сестре польского короля, но сватовство это не имело успеха; Иоанн обратился в сторону противоположную, на Восток, и в 1561 году женился на дочери черкесского князя Темрюка, которой при крещении в Москве дали имя Марии. Выгода жениться не на русской, особенно при тогдашних обстоятельствах, и красота черкешенки могли прельстить Иоанна; но легко понять, что он мог выиграть в нравственном отношении от союза с дикаркою. Мария умерла в 1569 году...»¹⁰⁰.

У С. А. Белокурова, автора труда «Сношения России с Кавказом» (1889), читаем: «В 1561 году совершилось событие, которое еще более связало Московское государство с Кавказом и главным образом с Кабардинскими Черкесами: в этом году царь Иван IV вступил во второй брак с дочерью Кабардинского князя Темрюка Мариан. Документов, касающихся этого царского бракосочетания, сохранилось так мало, что мы не имеем даже чина этой свадьбы и издатель «Древней Российской Вивлиофики», поместив в XIII томе (2-е изд.) чины свадеб великих князей и царей, после чина свадьбы царя Ивана IV на Анастасии Романовой принужден был заявить: «...здесь по порядку следовало быть второй свадьбе царя и великого князя Ивана Васильевича, но описания этой свадьбы не отыскано». Мы даже не знаем точно, когда будущая царица приехала в Москву. О приезде братьев ее в летописи мы встречаем заметку, что в октябре 1558 года приехали из Кабарды «большого князя дети Темрюковы Булгерук да Салтанук мурза» (в крещении Михаил), но из этой заметки не видно, чтобы вместе с братьями приехала в Москву и Мариан Темрюковна, которая всего вероятнее приехала после них. Есть известие, что в то время «как царь и в(еликий) к(нязь) Иван Васильевич В(еликой) Р(оссии) сватал за себя в Черкасех царицу Марию Черкасскую, в ту пору Василий Иванов Меньшой Коробьин был в Черкасех от царя Ивана» и с известием о ходе дел присылал к царю Никиту Григ. Ржевского, Петра и Василия Биркиных. Но, к сожалению, настоящее известие этим и ограничивается.

В наказах русским послам, отправляющимся после свадьбы, мы встречаем статью – что должно отвечать «нечто вспросят о государственной радости». Посол так должен был говорить: «Божья воля сталася: у государя нашего царицы и великой княгини Настасии в животе не стало. И государь наш по многим землям посылал и сказали ему у большого князя Черкасского у Темрюка дочь, что ему государскому обычаю пригожа; и царь и великий князь посылал по нее и смотрел ее. И она ему государскому обычаю пригодилась, и государь и взял ее за себя: а Темрюка князя и землю Черкасскую пожаловал: велел ему себе служити...».

В Москве она была крещена в православную веру и получила имя Марии. Само бракосочетание было совершено вскоре после 20 августа 1561 года, о чем мы узнаем из записок английского посла к царю Ивану IV Дженкинсона. Он, приехав 20 августа в Москву, просил дьяка доложить царю об его прибытии. «Но его высочество, – пишет

Дженкинсон, – был занят великими делами: он готовился вступить в брак с княжнью Черкасскою Магометова закона и потому приказал, чтобы ни один иностранец будь то посол или кто-либо другой, не был допускаем». Дженкинсон сообщает далее несколько странное известие, что царь «кроме того, повелел, чтобы в продолжение трех дней, пока будет праздноваться это торжество, городские ворота оставались запертыми, и чтобы никто ни иноземец, ни русский (кроме некоторых лиц из его двора) не выходил во время сего торжества из своего дома; причина такого повеления неизвестна и по сей день».

Впоследствии ей пишет грамоты жена Тинахмета мирзы Ногайского Малхуруб – княгиня Черкасская, называя ее «Гуэщней», а царя зятем. Малхуруб также пишет черкешенкам в Крым большой царице Айме-Салтане и Хан-Сюере в августе 1564 г. Этим ограничиваются все те сведения, которые мы имеем относительно брака царя Ивана IV на княжне Черкасской Марии Темрюковне¹⁰¹.

Популярный писатель К. Валишевский в романе «Иван Грозный» резок и категоричен: «Второй раз Иван женился в 1561 г. на полудикой черкешенке Темрюковне, названной при крещении Марией. Умерла она в 1569 г. О ней ходила молва, что она была так же распущена по своим нравам, как и жестока по природе»¹⁰². Ему вторит С. Горский, автор книги «Жены Ивана Грозного»: «Внимание Иоанна было обращено на юную черкешенку Марию, дочь черкесского князя Темрюка. Один из новых любимцев царя, князь Вяземский сказал ему, что в Москву приехал черкесский князь Темрюк с дочерью «красоты неописанной». У Иоанна сладострастно загорелись глаза.

– Добудь мне ее! – воскликнул царь.

– Ну нет, государь, – ответил Вяземский. – Это даже тебе не под силу. Коли обидишь Темрюка, не миновать нам войны. А сам знаешь, что вся наша рать в Ливонии, на польской границе, да против татар стоит. Нельзя нам воевать с черкесами.

– А коли так, – решительно сказал Иоанн, – покажи мне эту княжну. Придется по нраву – женюсь на ней.

Темрюку передали желание царя видеть его во дворце с дочерью. Князь приехал. Дикая красота молодой черкешенки вскружила голову Иоанну. Мария стала невестой московского царя. Однако свадьбу пришлось отложить на целый год. Княжна совсем не говорила по-русски и даже не была крещена (имя Мария она получила при крещении). Бракосочетание состоялось 21 августа 1561 года.

Новая царица оказалась прямой противоположностью доброй Анастасии. Выросшая среди Кавказских гор, привыкшая к охоте и

опасностям, она жаждала бурной жизни. Тихая теремная жизнь ее не удовлетворяла. Мария охотно появлялась в столовой палате, с восторгом присутствовала на медвежьих травлях и даже, к ужасу бояр, с высоты Кремлевских стен наблюдала за публичными казнями. Она не только не удерживала Иоанна от кровавых расправ, но сама толкала его на них. Понятно, что бояре невзлюбили новую царицу. Старый любимец и советник Иоанна, боярин Адашев, однажды осмелился заметить царю, что не пристало Московской царице присутствовать на забавах и лазить на крепостные стены. На другой день Алексей Адашев был отправлен в ссылку. Иоанн не казнил его только потому, что у Адашева было слишком много друзей и казнь могла вызвать волнение. Но родственников Алексея Адашева царь не пощадил. Через несколько дней на Красной площади были казнены: брат Алексея Адашева, Данила, с двенадцатилетним сыном, его тесть Нуров, три брата его жены, Сартины, его племянник Шишкин с двумя детьми и племянница Марская с пятью сыновьями. Все они были обвинены в «злом умысле» против царицы. Нашлись услужливые свидетели, показавшие, что все эти лица грозились известить царицу. При обыске были найдены мешочки с какими-то травами.

Бояре ненавидели Марию, и она платила им тем же чувством. Чтобы прочнее привязать к себе царя, она потакала его склонностям к разврату. Она окружала себя самыми красивыми девушками и сама указывала на них Иоанну. Оргии стали происходить в теремах царицы, чего прежде никогда не было. Таким образом, после второго брака Иоанн стал вести еще более разнузданный образ жизни...

Мария приобрела огромное влияние на Иоанна. Она изучила его слабости и умело пользовалась ими. В значительной степени ей Русь обязана возникновением опричнины...

Она вспомнила свою юность и нередко носила национальный черкесский костюм, выгодно выставлявший ее фигуру, но резко отличавшийся от целомудренных одежд русской женщины XVI века. Слухи о том, что делается в царском дворце, распространялись среди населения Москвы и, как всегда в таких случаях, принимали легендарные формы»¹⁰³.

Вот такие невероятные страсти. Поистине дьявол в женской плоти, то бишь черкесском одеянии. Разыгралось писательское воображение автора бестселлера начала прошлого века. Впрочем, здесь видится уместным сказать несколько слов о самом Иване Грозном. Личности настолько неоднозначной, что и поныне историки никак не могут прийти к единому мнению, то ли этот исторический дея-

тель был воплощением государственной мудрости, то ли кровавым сумасшедшим. Инициатор созыва первого Земского собора, введения приказной системы центрального управления, поборник установления политических и торговых отношений с такими странами, как Англия, Нидерланды, Кахетинское царство, Бухарское ханство (в этом ряду и Кабарда), покоритель Казани, присоединивший к России Астраханское ханство и обративший свои взгляды на Сибирь...

Талантливый писатель, приложивший немало усилий для развития книгопечатанья, создания знаменитой библиотеки...

И свирепый тиран, на совести которого великое множество человеческих жизней, в том числе ближайших родственников и соратников, учреждение опричнины, ввергшей Россию во мглу... В дни жесточайшей расправы над Новгородом, жителей которого он обвинял в «великой измене», по его приказу «одни опричники бросали в Волхов связанных по рукам и ногам женщин и детей, а другие разъезжали по реке на лодке и топорами и рогатинами топили тех, кому удавалось всплыть»¹⁰⁴.

Жизнь человеческую ни в грош не ставил. Как-то ни с того ни с сего вылил на голову своему шуту миску горячих щей, а чтобы несчастный не нарушал криками царский покой, заколол его кинжалом. Любил наблюдать, как мучаются люди: спускал на них голодных медведей, сажал на кол... Сноху – царевну Елену избил так, что у нее случился выкидыш. Что стало с его сыном царевичем Иваном, вступившимся за жену, известно каждому – Грозный с такой силой приложился посохом к виску единственного наследника, что тот, впад в падучую, больше не поднялся.

Можно только догадываться, сколь тяжело пришлось Марии рядом с таким человеком. Современный историк Руслан Скрынников пишет: «Второй брак Грозного был скоропалительным. Не добившись успеха в Польше и Швеции, царские дипломаты привезли царю невесту из Кабарды. Невеста – княжна Кученей, дочь кабардинского князя Темир Гуки – была очень молода. Иван «смотрел» черкешенку на своем дворе и, как сказано в официальной летописи, «полубил ее». Кученей перешла в православие и приняла имя Мария. Три дня в Кремле продолжался брачный пир. Все это время жителям столицы и иностранцам под страхом наказания было запрещено покидать свои дворы. Власти боялись, как бы чернь не омрачила свадебного веселья. Все помнили о том, что произошло в столице после первой царской свадьбы.

Сначала Мария, не зная ни слова по-русски, не понимала того, что говорил ей муж. Но потом она выучила язык и даже подавала царю кое-какие советы (об учреждении стражи наподобие той, которая была у горских князей, и пр.). В браке с Марией Черкасской у царя родился сын Василий, но он умер младенцем. Темные слухи об отравлении Марии Грозным легендарны. Перед кончиной Мария ездила с мужем в Вологду и там заболела. Известия о «заговоре» в Новгороде принудили Ивана поспешить в Москву. Больную жену он доверил вести за собой боярину Басманову. Путь был труден и долг. Больную Марию привезли «по наказу» в Александровскую слободу, там она вскоре и умерла»¹⁰⁵.

И еще одна цитата – из романа-трилогии советского писателя Валентина Костылева, позволяющая на лирической ноте завершить тему взаимоотношений русского царя и кабардинской княжны: «В царицыной опочивальне тихо. Божница прикрыта пологом. Мария позаботилась! Иван Васильевич улыбнулся...

Осторожно, на носках приблизился к ложу супруги, прислушался к ее дыханию. Царица прекрасна. пышные черные косы, мягкие, как шелк, обвивали ее стан, будто шарфы. Тонка, подвижна, словно горная козочка. Глаза – вишенки.

Мария не похожа на русских женщин. Ей чужды покорливость, смирение, слепая подчиненность супругу. Домострой не для нее. В нежных, томных глазах ее наивная уверенность в своей красоте, избалованность, привычка к поклонению. Этого не могут, да и не хотят скрыть густые бархатные ресницы. Она требовательна и капризна; каждый вечер завешивает пологом иконы, ожидая ласк царя. Она постоянно недовольна тем, что он, Иван Васильевич, мало бывает с ней. Да, сегодня он ушел, не дослушав до конца ее упрёки. Он не в силах был возражать ей, – так властно сверкал ее взгляд, так гневно и вместе страстно звучал ее голос. Ему хотелось схватить ее, сжать в крепких, горячих объятьях... Блеск ее прекрасных глаз привел его в крайнее возбуждение... Страсть, неукротимая, бешеная, ударила в голову. Можно все забыть! И то, что ты царь, что ты муж, супруг, а не бесчестный любовник, тайно прокрившийся к чужому очагу. Смуглое, подвижное тело ее притягивало к себе... Оно создано для ласк и греха... Оно – стихия, безумие...»¹⁰⁶.

У Владимира Ворокова, плодовитого, зоркого кинорежиссера (по его документальным фильмам телезрителям России в основном и известна современная Кабардино-Балкария), самобытного писателя

(его книги «Цветные сны», «Мелодия старой скрипки», «Лица кавказской национальности» – свидетельство мастерства автора в создании малых литературных форм, а недавний роман «Прощающие да простят» красноречиво говорит и о силе эпического таланта) есть небольшая новелла «Гуашаней». А в ней эпизод о том, как автор побывал в царской усыпальнице в Архангельском соборе: «Спускаюсь по узким каменным ступенькам. В лицо пахнуло сыростью подземелья и вечностью. Кладбище саркофагов. Их много. Очень много. С трудом удалось отыскать среди каменных гробов ее, Марии Темрюковны, – российской царицы из Кабарды. «Это здесь», – сказал смотритель. Надпись, выбитая на крышке, подтверждала сказанное.

Крышка лопнула, образовав большой зазор: от годов ли? От страданий ли Гуашаней? Я дотронулся до камня, покрытого слоем пыли истории, хранящем тайну смерти Марии и разноречивую молву о ее жизни.

...Смотритель отодвинул камень веков. Череп, кости, обрывки истлевшего розового платья»¹⁰⁷.

Вот эти розовые лоскутки нас особенно поразили – через века они сохранили свой цвет, а вот лицо Марии, не запечатленное взглядом художника, навсегда ушло во мрак. Портреты ее, воссозданные со слов современников, не могут быть идентичными подлинной личности, ибо отражают взгляд живописца, скульптора. Это обобщенный образ кабардинки, но не сама Гуашаней. Лицо и фигуру Марии, установленной на площади, лепили с реального человека – знаменитой солистки 50–60-х годов прошлого века ансамбля «Кабардинка» Сони Шериевой, о чьем мастерстве, грациозности, павости (не знаем, правомерен ли такой неологизм) слагали легенды. Ее талант отмечали Галина Уланова, Игорь Моисеев. Она, «затянувшись поясом, танцевала даже во время декретного отпуска и вышла на сцену через десять дней после рождения дочери». В свои многие лета находящаяся в добром здравии, Соня Шериева может по-прежнему «проплыть» своим удивительным шагом, особенность которого в том, что «если другие танцуют на цыпочках, то она ступает полной стопой»¹⁰⁸, держа при этом корпус ровно...

А завершая рассказ о легендарной Марии, скажем, что в нашем издательстве вышла книга поэтессы Любы Балаговой «Гуашэнэ»¹⁰⁹ – это написанная на кабардинском языке поэма, в которой предлагается новая интерпретация взаимоотношений кабардинской княжны и русского царя. Героиня поэмы – цельная, сильная натура, с мнением которой Иоанн Грозный считается.

Говоря о памятниках, посвященных событиям давней истории, следует назвать еще один: мемориал жертвам Кавказской войны 1763–1864 годов. (Подробно о противостоянии России и Кавказа рассказано в главе «Баксанское ущелье».)

Решение об открытии памятника было принято еще в 1994 году – тогда в садике Свободы заложили камень, надпись на котором свидетельствовала о желании современников отдать долг памяти свободолюбивым предкам. Но только спустя десять лет это желание вылилось в величественный бронзовый монумент, правда, возведенный не на месте установочного камня, а чуть выше – прямо по центру пешеходного бульвара; памятник тем самым замкнул пространство сквера; он предшествует началу аллеи голубых елей.

Сам памятник «Дерево жизни на колесе истории» (скульптор А. Гучапшев, архитектор З. Матуев) вызвал немало споров, разнополюсных суждений, вплоть до самых резких. Трактовка же скульптора Арсена Гучапшева такова: «Дерево жизни – это символ развития, созидания, прогресса, память и связь поколений... Колесо истории – символ течения времени. Колесо характеризует движение, ветви дерева имеют определенный ритм. Они поднимаются все выше и выше. Количество ветвей не произвольно, а семь – счастливое число для адыгов. Близкое родство также исчисляется семью поколениями. ... Памятник посвящен чаяниям и помыслам тех, кто сражался и погиб. Они не думали о войне и ее ужасах. Они мечтали о достойной жизни, которую теряли. Они воевали за счастливую судьбу последующих поколений. Этот памятник не только символ будущего, но и показатель того, как мы относимся сегодня к этой войне. Прошло 140 лет. Если раньше участвовавшие в войне были врагами, то теперь это наши родственники, друзья, соседи. И не стоит путать целый народ с теми, кто был организатором и вдохновителем той войны. Для меня этот монумент – памятник всем жертвам Кавказской войны»¹¹⁰.

А вот строки из романа Наташи Смирновой «Средняя школа, или Задача на вычитание», также пока еще не пришедшего к читателю: «Дерево, выросшее на Колесе Истории – памятник, возведенный на пересечении основных нервных узлов города: грудная клетка, в которой когда-то трепетно билось живое сердце, и одновременно – безлиственное дерево, которое, пораженное какой-то страшной, иноприродной силой, больше никогда не зазеленеет».

Сегодня Дерево жизни, Дерево свободы, Дерево памяти – каждый волен называть его по-своему – неотъемлемая часть архитектурного

Нальчика, а садике Свободы оно, без сомнения, даровало вторую молодость. Да и само название, полученное в связи с установлением в республике Советской власти, обрело после этого новый, куда более глубокий смысл.

Каким был сквер в дореволюционные годы? Он был огорожен узорчатой кирпичной стеной, за которой находилась церковь – Симоновский собор. (В 1929 году его варварски разрушили, а спустя несколько десятилетий на этом месте построили Танцевальный зал Нальчикского парка культуры и отдыха.) На церковной площадке в ожидании пассажиров постоянно стояли линейки, брички, тачанки, один-два фаэтона, готовые везти нальчан и гостей города куда угодно, хоть и в Пятигорск. Публика медленно и чинно прогуливалась по аллее, по воскресным дням – под бравурную музыку: музыканты из духового оркестра воинской части располагались в узорчатой ротонде, возведенной в сквере. Названия в те годы он не имел.

И тут самое время вернуться к очерку Сергея Бондарина «Садик Свободы»: «...Почему вдруг взволновало меня это простодушное название? Неясно. Необъяснимо. Тут не та ли самая священная неясность, о которой говорил Гюго и которая выше наготы факта? Что навевает на душу милый, ничем как будто не примечательный садик среди милого городка у входа горного ущелья на Кабардинскую равнину?

...Солнечным утром, когда начинает манить тень, собираются в Садике свободы опрятные старики и рассаживаются на садовых скамейках, опираясь на свои старые палки. Тишина. Щебетанье. Детская разноголосица первого каравана из ближайшего детского сада.

Старики сидят часами, как у нас в Москве пенсионеры на Чистых прудах. Рядом играют дети. Дальше манят к себе в аллею пушистые на глаз голубые ели, высаженные при тех же князьях, а еще дальше, за городком, за парком с парашютной и телевизионной вышками, синее ближайшая гряда Кавказа. И совсем далеко – до них два дня пути верхом – в небе, в густеющем мареве, висят снежные вершины Дых-тау и Тихтингена, Петушиного гребня. Прозрачность и туманность теряют там свои границы.

А старики все еще сидят. Среди них есть и балкарцы, люди гор, для которых клекот орла был так же будничен, как для нас звонки трамвая, шум водопадов привычной, чем для иного горожанина шум автомобильного потока. Балкарца всегда отличишь по широкополой войлочной шляпе, по рыжим ноговицам. Не так давно забыли они о травке шаби, которую набивали в свои сырмятные чуйяки.

...Полдневный зной задушил запах цветов, но зато стал слышен сильнее запах нагретого гравия, смолы и клея от еловых и других стволов. Дорожки пустеют. Все недвижимо...

Я сказал все, что знаю о садике Свободы, куда я так люблю ходить, бывая в маленькой столице небольшого народа: душистое солнце, щебетанье птиц и детей, спокойные старики и вдали горы, горы...

В этой маленькой стране все на виду, почти все перед тобой – этот сад, этот парк, далекие горы, небо над ними и под небом люди, – все подобно древнегреческому театру в Эпидавре, где действию служила сама природа.

Не потому ли так ясно и радостно все происходящее на этой древней земле? Смотрите: действие было, оно совершилось – деревья, люди горы успокоено отдыхают»¹¹¹.

Вот такая идиллическая картина, в которой легко можно вычленим приметы реального времени. Балкарские старики – народ уже вернулся из депортации. Телевизионная вышка – в республике, следовательно, началось телевидение. То есть все говорит о конце пятидесятых годов прошлого века. И действительно, очерк писателя датирован 1959 годом. Сколько лет пробежало, а атмосфера в скверике почти такая же, как и полвека назад. Пригревшись под солнышком, о чем-то своем беседуют сидящие на скамейках пожилые люди. И весьма возможно, что кого-то именно из них и видел Сергей Бондарин. Улыбаются? Действительно, столетние старцы явление не частое даже в краю долгожителей. Но ведь не о старожилах мы ведем речь – о мальчишках и девчонках, чей смех слышал писатель. Ведь им, тогдашним детям, сегодня за пятьдесят, а большинству – ближе к шестидесяти...

Ребячий смех и гам по-прежнему неотъемлемая черта этого сквера – по утрам родители все так же ведут юную поросль в детский сад. И даже птицы – это особенно слышно по утрам – не покинули это благодатное место. А вот тишина теперь здесь редкий гость. От звонков, зовущих студентов медицинского факультета КБГУ на лекции, от музыки, доносящейся из окон Танцевального зала, от автомобильного шума и гудков (Советская улица одна из самых перегруженных – «пробковых») ей остается прятаться только в развалинах бывшего городского Дома пионеров...

А еще садик Свободы знаменит тем, что от него берет начало самая известная улица Нальчика – Кабардинская, бывшая Воронцов-

ская, она же Большая, она же Главная. Самая первая улица, которой немногим меньше лет, чем крепости Нальчик. Именно она задала направление Ермоловской, Елизаветинской, а затем и Бульварной, Базарной, Степной, разбитым параллельно главной улице; здесь происходили многие события, вписанные в биографию республики.

Какой была Воронцовская в начале прошлого века, можно узнать из воспоминаний старожилов. Вот что рассказывает Нина Николаевна Сухова: «Воронцовская – главная улица, была вымощена булыжником. ...В районе теперешнего кинотеатра «Победа» был малый базар: справа мясные и хлебные ларьки, слева персидские лавчонки с фруктами и различными сладостями, а в центре рынка – длинные, узкие столики с овощами, цветами и различными продуктами...»¹¹².

А таким запомнился Нальчик и его главная улица конца двадцатых годов прошлого века Солтану Цораеву: «На весь город было несколько больших домов в 2–3 этажа: Ленинский учебный городок, поликлиника № 1 (на углу улиц Советской и Нахушева), гастроном (на углу улицы Кабардинской и Советской).

Почти все жилые дома – частные, в основном турлучные или саманные, многие без фундамента, поэтому все время оседали в землю. На крыше – черепица или камыш. Кирпичных домов и домов с железной крышей почти не было. ...Окна были небольшие и на ночь закрывались только ставнями. ...Освещение в основном – керосиновое, а электрическое могло быть в учреждениях, на предприятиях. Отопление – печное, на что шли и дрова, и кукурузные кочерыжки, и подсолнечная шелуха, и кизяки. ...Воду обычно брали из речки: летом или рано утром, или поздно вечером, а зимой – в любое время суток. У некоторых – свой колодец. Было несколько будок, из которых наружу выходил водопроводный кран. В будке сидела женщина. Подходите к окошку, в щелку бросаете копеечную монету или специальный талончик примерно такого же достоинства – и женщина открывает кран и отпускает воды столько, за сколько вы уплатили. Кто близко жил – относили воду так, а кто далеко – на коромысле. ...В доме по Кабардинской показывали кино... все шли с большой охотой, чтобы увидеть живые картинки на стене. Около экрана сидела женщина и играла на пианино, пока продолжался кинофильм. Для детей мест не было, и пропускали их, кажется, так (без билетов). А сидели они прямо на полу, недалеко от экрана. В зале было шумно, все громко читали титры, разговаривали, смеялись»¹¹³.

Биограф – так назывался в те годы кинотеатр – вмещал около 50 зрителей, располагался он за малым базаром. И вполне объ-

яснимо, почему именно здесь, на месте бывшего базара, впоследствии был возведен кинотеатр «Победа». Здание самого биографа сохранилось и поныне. Впоследствии, уже в наши годы, в нем размещалась детская библиотека. Авторы этих строк, в свое время десятки раз приходя сюда за книгами, иногда ловили себя на ощущении, что в уставленных стеллажами комнатах звучат еле слышные, доносящиеся неизвестно откуда голоса, то и дело перебиваемые музыкальными аккордами. Очевидно, что они доносились из двух кинозалов «Победы» – малого и большого, где каждые два часа начинались новые сеансы. Но так хотелось верить, что низкие своды старого биографа впитали в себя речь нальчан, звуки разбитого пианино, смеющегося и плачущего под руками неумелого провинциального тапера...

А теперь о том, как Воронцовская улица стала Кабардинской. После установления новой власти – рано или поздно это должно было произойти – именам и образам сановных лиц предстояло остаться в прошлом; и Воронцов, бывший царский наместник на Кавказе, никак не мог стать исключением. Вот как описано это в художественной литературе писателем Александром Шепелевым: «Переименование произошло так. Сергей Миронович Киров приехал по приглашению Бетала Калмыкова в слободу Нальчик, которую тогда собирались преобразовать в город. Воронцовскую запрудил народ, говорливый, оживленный. Из селений и аулов на торжество приехали джигиты: серебрились газыри на черкесках, лица расцветали в улыбках. И трудно было отличить кабардинца от терского казака – одинаково одеты, разве что чубы у казаков посветлее.

На Воронцовской гремела медь духового оркестра. В мелодию вплетались тягучие звуки зурны и рассыпчатая дробь горского барабана. В исламее кружились пары, а чуть поодаль отплясывали трепака.

Под Кировым был великолепный игреневого масти иноходец. Рядом в седле Бетал Калмыков: крепко сбитая фигура, скуластое лицо в довольной улыбке. Все нравилось ему в этот ликующий день: и залитая до краев солнцем гомонливая улица, и высокое небо, а главное – рядом друг и соратник Киров.

– Главная улица слободы... Как она называется, Бетал?

– Воронцовская.

– Много в русской истории было Воронцовых. Хороших и плохих. Калмыков усмехнулся:

– Давно это было, рассказывают... Еще когда тут крепость стояла. Назвали улицу в честь генерал-фельдмаршала...

Киров оживился:

– А, в честь князя Михаила Семеновича Воронцова! Помню, читал... Он был участником войн с наполеоновской Францией, а потом главнокомандующим русскими войсками на Кавказе... Враждебно относился к Пушкину, служившему под его началом в Одессе. Словом, Бетал, Советская власть должна посмотреть...

Калмыков рассмеялся, пожал плечами:

– Действительно, генерал-фельдмаршал и – мы!

Сергей Миронович махнул рукой, как отрубил:

– Пусть отныне улица называется Кабардинской»¹¹⁴.

«Советская власть должна посмотреть...» Поистине знаковая фраза, и власть, естественно, посмотрела. Но на самом деле переименование происходило отнюдь не так, как это описал Александр Шепелев, чей очерк был опубликован в первом номере нового русскоязычного журнала «Эльбрус», который в те годы возглавил один из авторов этих строк. Больше того – временные и фактические неточности здесь нанизаны одна на другую, самая главная из которых: на месте С. М. Кирова находился другой герой Гражданской войны – С. М. Буденный, в то время командующий 1-й Конной армией. Впоследствии он сам рассказал об этом.

Как следует из воспоминаний главного кавалериста страны, утром 26 ноября 1921 года он, а также К. Е. Ворошилов, командующий войсками Северо-Кавказского военного округа, и А. С. Бубнов, член Реввоенсовета округа, выехали по железной дороге в Нальчик. Цель поездки – участие в Учредительном съезде Советов Кабардинской автономной области. 28 ноября Семен Михайлович выступил на съезде и после вечернего заседания «отправился в сопровождении большой группы делегатов» на отведенную квартиру: «Проходя по центральной улице, я заметил, что она называется Воронцовская.

– Это не годится, – сказал я рядом шагавшему со мной Б. Э. Калмыкову. – Теперь на Кавказе нет царских наместников, каким был князь Воронцов. Кавказ принадлежит ныне народу, а город Нальчик – трудящимся. Вот и надо назвать эту улицу по-новому, например, «Кабардинской».

Все одобрили мое предложение, а на следующий день, направляясь на очередное заседание съезда, мы заметили на многих домах свежевывструганные дощечки, на которых чернилами либо химическим карандашом было написано «Ул. Кабардинская»¹¹⁵.

Неточность, допущенную Александром Шепелевым, можно объяснить лишь одним – приводимые в диалоге исторические сведения он

мог вложить только в уста человека достаточно образованного, каким и был Сергей Миронович, получивший широкое образование, но не Семен Михайлович, толком не знавший к этому времени даже грамоты.

Вернемся к шепелевскому очерку: «Главное средоточие всей жизни (имеется в виду слободской. – Авт.) – улица Воронцовская, где стоят кирпичные магазины именитых купцов первой гильдии Зипалова и Шуйского, где можно услышать новости Российской империи, посудачить о базарных ценах.

Там, где сейчас берет начало улица имени пламенной революционерки Инессы Арманд, стояла тюрьма. Острожилка – так называлось это темное, зарешеченное заведение. ...А потом вместо тюрьмы выросло здание гостиницы.

...Хорошел с годами Нальчик. Вырастали новые здания, площади, скверы, новые улицы, красивые, широкие. Но Кабардинская оставалась центральной. Помню, до начала Великой Отечественной войны на ней, кроме исторических памятников – домика, где заседал первый Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, здания бывшего реального училища, в одном из залов которого была провозглашена Советская власть, были расположены хлебозавод, обозстроительный завод, выпускавший клепку для ободьев колес, и шорно-седельная фабрика...

В октябре сорок второго Нальчик оккупировали немцы. Комендант города майор Теодор Маннэ и шеф гестапо Иоганн Геринг лютовали, вселяя в сердца людей страх и ненависть, вызывая неистовое сопротивление «новому порядку»...

...В кинотеатре немцы с утра крутили фильмы «Индийская гробница», «Яшнапурский тигр» и свою хронику. Вход только для арийцев, даже румынских солдат не пускали. В один из дней отмечали так называемый праздник свободы...

Массивные колонны кинотеатра обернули черной материей, украшенной белым крестом-свастикой. Внизу, перед входом, на просторной площадке, поставили кресло, изъятые из реквизита русского театра. Две огромные каменные вазы наполнили ворохами цветов, опустошив оранжереи Долинска.

Полиции согнали на Кабардинскую женщин, стариков, детей. Маннэ прикатил на машине и торжественно прошествовал по ковровой дорожке. Ударил литавры, и звуки немецкого марша заполнили площадь, вознеслись к стилому куполу осеннего неба.

Теодор Маннэ сел, рядом замер Иоганн Геринг, ухмылистый и надменный. Начался грозный, вызывающий парад: гулом загудела

бульжная мостовая под кованой пятой егерей из дивизии «Эдельвейс». Следом прошли головорезы капитана Оберлендера, объединенные в карательный отряд «Бергман»...

Это сейчас, роюсь в архивах, я узнал и фамилию бывшего коменданта Нальчика, и то, что на территории Кабардино-Балкарии, в районе Эльбруса, действовали штурмовики-альпинисты из дивизии гитлеровского фельдмаршала барона фон Клейста. А когда проходил парад на Кабардинской, мне было неполных пятнадцать лет.

...Шестьдесят пять дней зверствовали в Нальчике немецко-фашистские оккупанты. Шестьдесят пять дней ночей и дней пыток, истязаний, расстрелов. На краю противотанкового рва было убито более шестисот человек.

Но вот наступил малоснежный январь 1943 года. Ленивый рассвет, спустившись с лесистых увалов, вполз на Кабардинскую. Полк майора Охманова с боем ворвался в Нальчик. Первым вошел в город батальон гвардии капитана Никина. В течение ночи советские воины полностью очистили от врага столицу Кабардино-Балкарии»¹¹⁶.

А вот каким увидел цитируемый нами автор кинотеатр «Победа» в первый день освобождения: «...В глазах отразился чудом уцелевший фасад – вход в Большой зал; на нем – две скульптуры: застывшие в исламее фигуры горца и горянки. ...Скульптурный джигит, прижав одну руку к газырям черкески, другой, поднятой вверх, сжимал древко, на котором струился, трепетал на ветру алый шелк Красного знамени»¹¹⁷.

Трудно представить, как удалось неизвестному советскому солдату взобраться на фасад и вложить в руку гордого джигита победное знамя. Но это не аллегория, так было...

Фасад с двумя застывшими фигурами да часть левой стены – вот и все, что осталось от здания кинотеатра. После войны его здание было восстановлено одним из первых.

...Уже на протяжении ряда лет, ежедневно из окон нашего офиса (издательство располагается как раз напротив кинотеатра «Победа») мы видим застывших в камне танцоров. Их фигуры, значительно превышающие человеческий рост, тем не менее не кажутся громоздкими и неуклюжими, наоборот, они грациозны и воздушны; порой кажется, что парень и девушка лишь на мгновение застыли над крышей старого кинотеатра, и вот-вот воспарят, взлетят как птицы, поплывут в танце. Лишь только зазвучат первые аккорды волшебной музыки... Но молчалив кинотеатр – уже много лет не крутят здесь кинофильмы, год от года ветшает, разрушается буквально на гла-

зах – нам это отчетливо видно – его здание. Еще величественное, еще гордое. Здание первого городского кинотеатра, возведенное, как свидетельствует памятная доска, еще в 1936 году (на самом деле оно было построено в 1939-м). Говорят, у города нет денег на его реконструкцию, говорят, что инвесторы не соглашаются на предлагаемые условия, много что говорят. Но умирает «Победа» – главное здание нашего детства, умирает, уходит в прошлое, как и сама улица Кабардинская. Когда-то в отношении ее были грандиозные планы. Предполагалось, что «на всех улочках, прилегающих к Кабардинской», будут возведены двухэтажные коттеджи, что на ней самой построят деревню для народных умельцев, которая «спустится по террасам от улицы Свободы почти до Вольноаульского моста», что останутся здесь и «домики под черепичными крышами» с «зелеными, утопающими в цветах двориками, со скамеечками возле ярких калиток, с булыжными мостовыми и фонарями под седую старину»¹¹⁸. К печали нашей общей из всего того, о чем писал более 15 лет назад кинорежиссер Владимир Вороков, не сбылось ничего. И его же словами: «...Сегодня стала тихой-тихой... Кабардинская. Покосилась вкривь и вкось. Приуныла. Погрустнела. Даже ласточки не вьют своих гнезд над окнами ее домов»¹¹⁹. И неужели это именно о ней писал Михаил Кольцов: «У Нальчика – стиль и достоинство, пусть самой крохотной, но столицы. Его центральная Кабардинская улица, залитая асфальтом, освещенная фонарями и витринами, по-московски деловита, оживленная без местечковой базарности...»¹²⁰.

Каждый день не раз и не два проходя по улице, давшей жизнь городу, перестаешь обращать внимание на то, как ветшают, дряхлеют, осыпаются одноэтажные домишки, безмолвные свидетели дней ушедших. И мемориальные доски, установленные на многих из них (с выцветшей, потемневшей от дождей краской, брызгами и пятнами от неаккуратной побелки), как молчаливый укор нашему безразличию, беспамятству, бессердечию.

Вот домик, с которого и начинается Кабардинская. В нем когда-то жил Назир Катханов (1891–1928), чье имя гремело на весь Северный Кавказ. Даты его жизни, трагическое, воистину сакральное число прожитых лет – 37, сами за себя говорят о том, какие испытания приготовила судьба этому незаурядному кабардинцу, подлинному герою Гражданской войны. Чья беззаветная храбрость, помноженная на истинную веру, плюс высочайшая для того времени образован-

ность (свободно владел арабским языком, был начитан, эрудирован, разбирался в искусстве) снискали ему уважение народа. Один его внешний вид свидетельствовал о благородстве и избранности: «Правильные черты лица, серо-голубые глаза, черные усы, прямой нос, каракулевая светло-коричневая папаха, застегнутый на все пуговиц-узелки с высоким воротником, черный атласный бешмет, серая суконная черкеска ниже колен, узкий ремень с серебряными украшениями, на котором висел револьвер и кинжал – все это делало Назыра романтическим, воинственным и красивым кабардинцем»¹²¹.

Этот портрет мы позаимствовали из книги «Назыр», написанной Керимом Катхановым. К сожалению, вышла она в самиздате, ограниченным тиражом, а поэтому не многим доступна. Относительно интересующего нас дома в книге говорится, что «квартира Катханова состояла из двух комнат, кухни и деревянной пристройки, напоминавшей сарай. Чтобы очутиться в квартире с улицы, надо было войти в сквозной (через весь дом) проход. Сверху дом напоминал букву «Г». Одна сторона дома выходила на Кабардинскую улицу. Другая – к спуску реки Нальчик. ...Рядом с этим домом стоял трехэтажный дом с балконами, в котором поселился Бетал Калмыков»¹²².

Вот и прозвучало это имя – в данном случае того человека, с чьей подачи прервалась жизнь Катханова. Вначале Назира обвинили в подготовке покушения на Калмыкова, а чуть позже ему, сидящему в тюрьме, вменили организацию так называемых Баксанских событий, участники которых выражали свое возмущение насильственной коллективизацией. И через две недели его расстреляли. Следствия и суда не было – статьи 58⁴ и 58¹¹ УК РСФСР уже начали пожирать свою обильную жатву. Противостояние Назира и Бетала закончилось. Репрессии в республике только начинались. Наше издательство приступило к подготовке книги о тех, кто пострадал от сталинского беззакония. Этот многотысячный список составит огромный фолиант, из которого видно, как практически под корень были вырублены в республике многие кабардинские и балкарские фамилии.

Что касается Калмыкова, то он, «участвуя в заседаниях «троек» НКВД Кабардино-Балкарской АССР в 30-е годы, подвел под расстрел более 3000 кабардинцев и балкарцев, которые только через 50 лет были реабилитированы посмертно, и процесс пересмотра уголовных дел 30–40-х годов продолжается»¹²³.

Одному из авторов этих строк довелось работать вместе с секретарем Президиума Верховного Совета КБАССР Фаиной Тембула-

товной Арсаевой, бывшей в свое время членом реабилитационной комиссии. Запомнились ее слова: после ознакомления с делами невинно загубленных жертв она не может равнодушно проходить мимо памятника верному ленинцу. Довелось нам читать и последнюю записку руководителя кабардино-балкарских большевиков, написанную уже в тюремной камере. Она, хранящаяся в частной коллекции, свидетельствует отнюдь не о твердости духа и высоте моральных принципов, а скорее наоборот. Воистину ирония судьбы: арестованный и расстрелянный в 1940 году Калмыков был обвинен в том, что в 1927 году «организовал и возглавил антисоветскую организационную связь с участниками правотроцкистской организации Бухарина, Енукидзе и др. Являясь руководителем филиала правотроцкистской организации в Кабардино-Балкарской АССР, вербовал в антисоветскую организацию других лиц»¹²⁴. Круг замкнулся: получилось так, что Бетал на год раньше, чем Назир, встал на тропу войны с вскормившей его Советской властью. Воистину иезуитская система поиска «врагов народа»...

Впрочем, мы отошли в сторону от темы нашего разговора – нынешнего состояния улицы Кабардинской. Домов, построенных в конце позапрошлого – начале прошлого века, на ней еще немало. В основном бывших купеческих. Но вот есть ли у них будущее? Архитектурной ценности ни один из них не представляет, а историческая, к сожалению, в понимании многих горожан соотносится с величественными помпезными зданиями. Но вот что удивительно – и до них у муниципальных властей руки не доходят. О кинотеатре «Победа» мы уже говорили. А буквально в двух шагах от него – на идущей параллельно Кабардинской улице Суворова за номером 2 находится самый старый в Кабардино-Балкарии дом. Во всяком случае, это утверждает мемориальная табличка, говорящая также о том, что «в этом здании в XIX веке находилось управление Центра Кавказской линии». Глядя на дом с колоннами, вернее будет сказать на то, что от него сегодня осталось, слезы сами наворачиваются на глаза. Обветшавший до крайнего предела и вот-вот готовый рухнуть, с забитыми крест-накрест окнами (в первые годы Советской власти в нем проживало семь семей), с колоннами, с которых обсыпалась штукатурка, обнажив изъеденные временем деревянные столбы, этот двухэтажный особняк с балконом – немой укор государству, которое, словами с той же мемориальной доски на фасаде, утверждает, что она его охраняет. Только вот как и от кого...

А как много знаменитых людей видел этот дом, какие важные события происходили в нем... Евгения Тютюнина, автор статьи «Дом Голицына», предполагает, что именно в нем мог проживать князь Владимир Сергеевич Голицын, ставший весной 1842 года начальником Центра Кавказской линии. Тот самый Голицын, который представил к награде за храбрость поручика Михаила Лермонтова и первым сообщил о его гибели, тот самый, кого современники называли «просвещенный правитель» и одновременно – «игрок, певец и фарсёр».

Но если и проживал он в доме с колоннами, как считает архивист Е. Тютюнина, то было это уже в сороковых годах – времени вторичного пребывания Голицына на Кавказе. А так как к этому моменту территория, прилегающая к укреплению, была вся застроена, то «понятно, что для собственного дома начальник Центра предпочел место, достаточно отдаленное и просторное. Напомню, что и доныне площадь перед этим зданием остается свободной от построек – здесь расположен сквер, известный нальчанам как «Детский парк». Вполне вероятно, что он, а также площадь за ним до речного берега составляли в свое время удобную усадьбу, центром которой становился особняк, напоминающий своей архитектурой господский дом в помещицьем имении, обычный в средней России, окруженный к тому же хозяйственными службами (домики существуют и поныне). Старожилы вспоминают, что действительно за домом, на месте нынешнего старого здания средней школы № 3, когда-то росли вековые деревья – очевидно, остатки старинного сада. Итак, дом с колоннами по адресу: улица Суворова, 2, принадлежал ли он князю Голицыну или другому богатому человеку – в свое время обращал на себя внимание любого приезжего да и занимал воображение многих нальчан – так нетипичен он был для общего стиля слободки. Может, потому и установили на нем мемориальную доску, которая теперь, кажется, выглядит самой прочной деталью обветшавшего строения»¹²⁵. Не в лучшем состоянии и двухэтажный особняк купца П. Г. Зипалова на пересечении Кабардинской и Ногмова (бывшей Почтовой). Видел он за свою жизнь всякое – жили в нем люди, располагались магазины, точки общепита; одно время на втором этаже звучала классическая музыка – здесь обитала филармония. Сегодня особняк, попавший, по слухам, опять в частные руки, в ожидании будущего, которое может вернуть ему прежний облик, но может так и не наступить.

И никак оно не наступит для знаменитого «Дома с цепями», «Дома с летящими воротами», «Дома с балконами на цепях»¹²⁶. Это назва-

ния газетных публикаций об особняке по улице Нахушева (до революции называвшейся Елизаветинской, после – Октябрьской), примыкающем к угловому зданию, выходящему на улицу Советскую. Этот дом принадлежал знаменитому балкарскому таубию Исламу (Дадашу) Балкарокову, личности и семейству которого Константин Чхеидзе посвятил немало строк (одна из глав так и называется «В гостях у Дадаша») в уже упоминаемой нами повести «Страна Прометей»...

Итак, 1918 год, отряд Заурбека Даутокова-Серебрякова (мы уже писали о нем выше) после победы над красными отрядами гордо въезжает в Нальчик: «В погожий сентябрьский день, когда улыбка осени прелестнее улыбки весны, когда, сознавая это, человек убеждается, что перед закатной красотой, властно и горделиво побеждающей сердце, безмолвно склоняется красота восходящая, Заурбек въезжал в столицу родного народа. Золотые слезы увядающих тополей и лип беззвучно спадали к ногам утомленных коней. Вдоль дороги, ведущей к середине города, выстроились делегации от кабардинского, русского, грузинского, балкарского и еврейского населения города. Учебные заведения вывели школьников и школьниц, одетых весело и нарядно. Какое-то музыкальное общество, лишившееся при коммунистах музыкальных инструментов, не растерялось и вышло встречать победителя с гитарами и балалайками, перевитыми лентами. Позади шпалер и в промежутках между ними яркими пятнами выделялись дамы и барышни, в праздничных платьях, с лицами, застывшими в улыбке, и не знающими усталости голосами: «Браво! Ура! Слава!» – кричали они, и крик этот вносил что-то стихийное в торжество этого дня...

– Взгляните на этот цветник! – сказал Юрий, обращаясь к Заурбеку. – Не знаете ли, кто это такие?

Заурбек повернул сосредоточенное лицо, которым владела одна-единственная мысль, содержание которой было ему неясно, посмотрел по направлению взгляда Юрия. И вот – внезапно, с такой быстротой, с какой освобождают луну летучие летние тучи, – с лица его сбегало выражение угрюмой думы, и оно озарилось улыбкой:

– О! – воскликнул Заурбек. – Тому, кто увидел Алтын-Чач, Даут-Хан и Фатимат, можно умереть спокойно! Вы видите перед собою лучшие из драгоценностей, которыми гордятся горы...

Алтын-Чач, Даут-Хан и Фатимат, чувствуя, что говорят о них, усердно посылали приветы разноцветными платками, бывшими в их руках. Потом Фатимат наклонилась к уху Даут-Хан и сказала ей что-то.

Даут-Хан обвила рукой голову Алтын-Чач и передала ей то, что услышала от Фатимат. И все трое оживленно обменялись мнениями, и по радостным лицам было видно, что мнения их согласны. Как раз в это мгновение голова Дины поравнялась с окном, из которого выглядывали девушки.

– Заурбек! – обратилась старшая из них, Алтын-Чач, вопреки всем обычаям: не может девушка обращаться к мужчине, да еще на улице, при чужих людях. Но было в ее голосе и жесте нечто, заставившее всех забыть об обычаях. – Заурбек! Подождите одну минуту!

И вот тот, кто не останавливал коня ни перед каким препятствием, тот, кто проехал, не задерживаясь мимо многочисленных делегаций, ибо считал, что слова этих делегаций стоят не дороже «адыге псытля», – этот человек остановил коня, едва услышав звук девичьего голоса...»¹²⁷.

И еще одна цитата из неповторимого Чхеидзе – все о тех же обитательницах дома с балконами на цепях: «Пусть душа моя будет подобна облаку, застывшему серебряной мечтой на фоне пламенеющего пурпура вечернего неба, когда я буду писать о них... Нет! Пусть душа моя обратится в камень, упавший с неба, и чудом – вновь вознесется к небу. Нет, нет... Пусть душа моя, рассеянная солнечным лучом, преобразится в ангела дня и ангела ночи. И пусть ангел дня поет мне мелодию, которую сложили бесчисленные херувимы, толпящиеся у Престола Владыки Вселенной. А ангел ночи пусть поведаст мне таинственные саги, полные тьмы и черных таинств, которые нашептывает Великий Соблазнитель – сатана.

Иначе я не в силах изобразить великолепие одного цветника, где цветут не цветы, но звезды. Иначе я не найду слов, чтобы хотя в отдаленной степени дать понять о красоте горских девушек, о красоте, которая возносит в заоблачные края...»¹²⁸

Что касается самого дома, то семья Балкароковых жила в нем с 1909 года. У каждого из княжеских детей была своя комната, имелись две гостиные, в которых устраивались танцы; на крыше располагалась летняя столовая, а так называемые балконы на самом деле служили подвесными основаниями для лимонных деревьев, выращиваемых в кадках. В той же «Газете Юга», откуда почерпнуты эти сведения, была еще одна статья на эту тему с весьма красноречивым названием – «Дома «дворянского происхождения». К ним относятся здания по улицам Свободы, 12 и 24, Красноармейская, 1, Советская, 39.

К сожалению, Константин Чхеидзе не оставил нам описания прекрасно видимого из дома Балкароковых, в котором он неоднократно

но бывал, здания бывшего Нальчикского реального училища. Это не только одно из самых импозантных архитектурных сооружений с огромными (зодчие называют их французскими) окнами, вернее было бы сказать – оконными витражами, в которых по утрам отражаются лучи восходящего солнца с одной стороны, а по вечерам закатного светила с другой, но и самое, если так выразиться, историческое здание. Оно знало «и белых, и красных, и немцев».

Относительно закладки самого здания, состоявшегося 13 июля 1911 года, скажем словами законоучителя училища М. Жукова, произнесшего в тот день следующее: «...Не могу умолчать о главных виновниках закладки этого грандиозного здания, кабардинском и горском народе, которые отпустили такую почтенную сумму на постройку его. ...Долгие годы копят они деньги, лелея заветную мечту построить на них здание среднеучебного заведения; ведь много у них было за это время и других нужд, и нужд неотложных, – однако ни на одну из них не тронули они своего капитала, как бы ни было это соблазнительно, а берегли его для нужд просвещения. ...Тот народ, который не щадит средства на образование, не может оставаться позади, а должен выдвинуться вперед и идти наравне с другими»¹²⁹.

В памятке (в советское время иначе как «письмо к потомкам» такое послание не называли), вложенной в герметически закрывающуюся банку, замурованную в одном из углов здания, говорилось, что «тринадцатого июля тысяча девятьсот одиннадцатого года ...заложено здание сие – главный корпус Нальчикского реального училища. Средства на постройку сего здания были даны кабардинским народом и горцами пяти обществ Нальчикского округа...». Торжественное открытие первого в Кабардино-Балкарии училища состоялось 20 октября 1913 года. Всех интересующихся его историей, выпускниками, среди которых были люди судеб удивительных, отсылаем к работам неутомимого архивиста Олега Опрышко, сделавшего потрясающе много по воссозданию подлинной истории титульных народов нашей республики.

Отметим, что означенное здание за свою более чем девяностолетнюю историю просветительской миссии оно практически не изменяло. В октябре 1920 года здесь размещалась школа-коммуна, в которой обучались дети бедняков – чуть более 50 мальчишек в возрасте от 7 до 14 лет. В январе 1924 года на его базе открылся знаменитый ЛУГ – Ленинский учебный городок, который называли кузницей кадров республики. Именно здесь была провозглашена Совет-

ская власть в Кабарде и Балкарии, а впоследствии проходили почти все мероприятия республиканского значения. Здесь выступала член ЦК РКП(б) Инесса Арманд, та самая пламенная революционерка, которую связывали с В. И. Лениным не только товарищеские, но и куда большие отношения. Здесь же, в Нальчике, в больнице, находившейся совсем неподалеку, она и умерла, заразившись холерой. Было это в 1920 году. Гроб с телом Инессы по личному указанию вождя был переправлен в Москву; улицу, на которой находилась больница, где она скончалась, назвали ее именем. Начинается эта улица как раз от здания бывшего реального училища. И вдвойне знаменательно то, что одно время именно здесь, в какой-то полусотне метров возвышался памятник вождю мирового пролетариата – Ильич, стоящий в полный рост на небольшом постаменте, куда-то звал, к кому-то обращался... Все были уверены, что к народу, к лучшей его части – большевикам; что вытянутая его рука была направлена в сторону, где пряталось светлое будущее. А может, не к нему, не к ним, и не указывал. А может, только к ней, любимой женщине, которую звал...

Когда началось строительство гостиницы «Нарт», памятник тот убрали – не вписывался он в архитектурное пространство, смотрел куда-то не туда, да и слишком мал был – прямо надо сказать, потерялся на фоне многоэтажной новостройки.

Впрочем, и у главного нальчикского Ильича судьба оказалась не лучше – величественный и монументальный, отлитый из бронзы и установленный на постамент из уральского гранита (авторы – скульптор А. И. Посядо, архитектор В. А. Артамонов), он был открыт у Дома Советов 5 июля 1957 года. Сама площадь с его установкой приобрела законченный архитектурный облик – с одной стороны чем-то похожее на океанский лайнер главное здание республики, с другой – монумент вождю, от которого радиальными лучами разбегались тенистые аллеи; за его спиной – каскад фонтанов. Памятник стал своего рода средоточием общественной жизни – по праздничным датам (1 Мая, 7 Ноября, ныне исчезнувших из календаря) перед ним устанавливали трибуну, на которую степенно и с достоинством всходили местные вожди, передовики производства, деятели науки и культуры, приветствующие демонстрантов. Разборную эту трибуну потом увозили во двор Дома Советов, и мы, дети, частенько залезали вовнутрь ее; мало того, одно время здесь даже был наш «штаб», который никому не мешал (такие вот спокойные, оказывается, были времена в середине шестидесятых). Да и в сам Дом Советов мог

свободно войти каждый. И возвращаясь из школы, мы, малолетки, считали обязательным заглянуть в это здание и прокатиться на лифте, на тот момент единственном в городе.

У памятника вождю октябрят принимали в пионеры – пронзительно-солнечный, волнующе-торжественный, светло-праздничный день этот навсегда в памяти авторов и многих тысяч нальчан. Именно сюда, к постаменту, возлагали цветы молодожены. Для одних это был ритуал, для других душевная потребность. Так было, и такими мы были... «Как молоды мы были, как искренно любили, как верили...»

А потом пришли перестройка, гласность, время перемен. Опьянение свободой, а вернее, вседозволенностью, вылилось в то, что все «пинки и шишки» первым принял на себя Ильич. Митинги начала девяностых живы в памяти многих, как и тот день, когда Ленин покинул место, выделенное ему, как всем нам казалось, на века. Подъемный кран, задрожавший на какое-то мгновение, довольно быстро справился с многотонной ношей и уложил низвергнутую фигуру вождя на длиннющий открытый «КамАЗ». Люди закричали, зааплодировали, засвистели, но далеко не все – у многих влажно блестели глаза... Заканчивалась советская эпоха. Не самая лучшая в истории государства нашего. Но и не самая худшая...

В начале нового тысячелетия по просьбе старых коммунистов, обратившихся к президенту республики, Ленин вернулся к Дому Советов (к тому времени переименованному волевым решением в Дом Правительства). Правда, не на свое прежнее место. В самом конце сквера, за аллеей с фонтанами, у проспекта Шогенцукова для него соорудили скромный постамент, на котором вождь весь не смог поместиться: часть его стопы находится в воздухе. Взгляд Ильича устремлен все в том же направлении – на Дом Правительства, где теперь заседают отнюдь не его сторонники, коими решаются задачи отнюдь не социалистического, а тем более коммунистического строительства. И поэтому никаких других чувств кроме иронии не вызывают слова, написанные об этом памятнике каких-то 25–30 лет назад: «Ленин всегда с нами. Его рука протянута к нам. Он видит наши успехи, достижения. Его твердую руку мы чувствуем постоянно, в каждом нашем деле – большом и малом»¹³⁰.

На бывшем месте Ильича долгое время располагался глобус земного шара. Прозрачный и невесомый, он, установленный волюнтаристским решением, выглядел чужеродным и несуразным на мощном гранитном постаменте. Создавалось впечатление, что глобус сам понимал: он незаслуженно и временно занял чужое место. Ассоциации

эти обоснованы тем, что в памяти авторов живы детские воспоминания, когда постамент вождю уже был сооружен, а сама скульптура еще не установлена, и место одно время занимала железобетонная круглая конструкция...

Впрочем, если говорить откровенно, памятники советского периода отнюдь не стали украшением города. Понятно, что над большинством из них тяготеют функциональная составляющая, тематическая заданность, помноженные на идеологические догмы и каноны.

И все же, все же... Мы не будем много говорить об обелисках, возведенных на местах захоронений, – тема особая, требующая прежде всего такта и соотношения со временем, когда они были сооружены. Может, поэтому обелиски, посвященные героям Гражданской и Великой Отечественной войн, практически неотличимы: речь идет о памятнике в сквере на привокзальной площади, где были погребены 20 бойцов из отряда Назира Катханова, и памятнике воинам, погибшим при освобождении Нальчика, в городском парке.

На последнем десятки имен павших при обороне и освобождении столицы республики от фашистских захватчиков. В официальных документах он называется мемориал «Вечный огонь славы». В повседневном обиходе – «Вечный огонь». По праздничным датам здесь особенно многолюдно: возлагаются венки, произносятся речи, салютуют павшим героям автоматчики. Но и по будням сюда действительно не зарастает народная тропа – постоянно на постаменте букеты цветов (особенно трогательно выглядят полевые – лютики, одуванчики, колокольчики, собранные детскими руками), люди вслушиваются в мелодию реквиема, подолгу задумчиво вглядываются в языки пламени, с гулом вырывающиеся из пятиконечной, сияющей золотом, звезды.

Просты и непритязательны памятники 37 борцам за Советскую власть в сосновой роще, что в пойме реки Нальчик (сооружен в 1932 году, реконструирован в 1967-м). Не вернувшимся с фронтов Великой Отечественной: студентам Кабардино-Балкарского педагогического института (у входа в университет), выпускникам медучилища (на улице М. Горького), медицинским работникам (на территории городской больницы), нальчанам (в сквере за Национальной библиотекой)...

О подвиге танкистов, освобождавших Нальчик, напоминает боевая железная машина «Т-34», вознесенная на пьедестал в сквере на углу улиц Ахохова и Пачева (у «зеленого рынка»). Трагической судьбе воинов 115-й кавалерийской дивизии – конники бесстрашно атаковали в Сальских степях, что под Ростовом, фашистские танки – памят-

ник у въезда в город с северной стороны (установлен в 1970 году, реконструирован в 2005-м), автором которого является скульптор М. Тхакумашев.

Героям-комсомольцам (еще одной общественной организации, к сожалению, канувшей в Лету) посвящен ансамбль в юго-западном районе Нальчика (скульптор Г. Бжеумихов, художник В. Абаев, архитектор Р. Гокадзе). Помнится, сколько противоречивых мнений вызвала в 1970 году установка массивной, сваренной из металла, двенадцатиметровой фигуры скорбящего молодого человека. Больше всего нареканий вызвала его обнаженность – общество оказалось не готово к восприятию подобного рода творений. Да и устремленная ввысь бетонная стела с надписью «Памяти павших героев будем достойны», призванная по замыслу авторов символизировать комсомольские свершения, казалась слишком тяжеловесной. Тем более вкуче с пятью, а потом и прибавившейся к ним шестой туфовыми глыбами, на которых изображены награды ВЛКСМ.

Памятник задумывался в честь комсомольцев, павших в борьбе за Советскую власть. Впоследствии его стали соотносить с героическими делами всех членов коммунистического союза молодежи. Ныне же он олицетворяет время, которое одни вспоминают с болью, другие с горечью, а третьи – молодые – вообще никак, ибо ничего о нем не знают. В обыденном же сознании нальчан, как бы ни обижались создатели этой металлической скульптуры, за ней прочно закрепилась имя героя французских фантастических боевиков – непобедимого, неуловимого, неповторимого Фантомаса.

Продолжим наше путешествие по улицам города. Как мы уже говорили выше, параллельно Кабардинской стремительно убегает вверх широкая и светлая бывшая Бульварная улица, получившая свое первоначальное название оттого, что посередине ее располагался достаточно широкий бульвар, поднятый над проезжей частью идущих по его бокам дорог с односторонним движением. По вечерам, особенно в весенние дни, когда высаженные на бульваре шаровидные акации наполняли воздух сладким ароматом, на лавочках, установленных под деревьями, не было свободных мест.

Так случилось, что улица эта, одно время считавшаяся главной в городе, чаще других меняла свое название. После революции она носила имя одного из руководителей крестьянских масс Хажумара Карашаева. Впоследствии, после войны, подняла – с республикан-

ского до всесоюзного – свой статус, получив имя Сталина. В связи с изменением партийного курса стала Республиканской, а в новейшее время – проспектом Шогенцукова.

Заканчивается он у привокзального сквера, который диагонально прорезает широкая, удобная для прогулок аллея. С правой ее стороны (с Шогенцукова) долгое время функционировал городской кинотеатр «Ударник», впоследствии переданный детям и получивший название «Юность» – к концу прошлого века (по причине устаревшей кинопроекторной техники и активного наступления видеомагнитофонов) окончательно захиревший, разрушавшийся буквально на глазах. В начале века нынешнего на этом месте на средства Арсена Канюкова было начато строительство городской соборной мечети, а ее торжественное открытие состоялось в 2004 году. Сегодня это удивительной красоты сооружение с воздушным, сияющим на солнце куполом и шпилями двух минаретов, способное одновременно принять до тысячи прихожан, пожалуй, самое неповторимое в архитектуре Нальчика.

На углу проспекта Шогенцукова и улицы Ногмова (бывшей Почтовой) чуть раньше – в 2002 году был введен в строй Государственный концертный зал – современный культурно-развлекательный комплекс. Его большой зал, рассчитанный на 450 мест, без сомнения, является лучшей концертной площадкой в Кабардино-Балкарии: ныне именно здесь проводится подавляющее большинство всевозможных конференций, симпозиумов, торжественных представлений и церемоний. Имеются еще два помещения на такое же количество мест – Камерный и кинозал «Форум». Просторные зеркальные холлы первого и второго этажей (их общая площадь составляет 830 м²) предназначены для проведения различных презентаций товаров и услуг, выставок-продаж, показов мод, танцевальных балов и вечеров. Есть здесь и зимний сад, целая сеть заведений питания и отдыха – ресторан «Премьера», клуб-кафе «Платинум», пивной бар «Канцлер»... У входа в ГКЗ, в своеобразной чаше, сооружен фонтан, на месте которого под Новый год устанавливается величественная зеленая красавица, переливающаяся многочисленными разноцветными гирляндами. Лучи прожекторов, установленные на крыше и устремленные в бездонное ночное небо, придают этому сооружению поистине волшебный, феерический вид.

Одним словом, у нальчан есть теперь место, где можно интересно и с пользой провести свободное время. В 1893 году на страницах

выходившей в Ставрополе газеты «Северный Кавказ» была опубликована серия статей, рассказывающих о жизни слободы Нальчик. (Многие приписывают их авторство знаменитому осетину Коста Хетагурову, с чем не согласна архивист Е. Тютюнина.) Вот что говорилось в одной из них: «Общественная повседневная жизнь в Нальчике, несмотря на весеннее время, по-прежнему скучна и однообразна. Все обыватели в свободное время, которого у них довольно, сильно скучают, потому что в Нальчике нет сколько-нибудь разумных развлечений. Что же остается делать? Читать? Но, во-первых, слобожане не особенно-то любят читать, а если и встречаются между ними любители чтения, то они дальше чтения довольно пустых романов Ксавье де Монтепена и приложений к «Родине» и не идут. Чтобы убить как-нибудь свободное время, простой люд идет в кабаки, где и напивается до «зеленого змия», а «интеллигенция» проводит время в местном клубе тоже около буфета, за бильярдом и картами. Иногда, правда, в этом клубе устраиваются танцевальные вечера. На этих вечерах, под фальшивые звуки никуда не годного моноплана, местная молодежь, обязательно «благородного» сословия, кружится до полного изнеможения, и всем все-таки бывает скучно. Помимо, так сказать, официального клуба в Нальчике есть несколько частных клубов, – это лавки в магазинах местных коммерсантов, где по вечерам собираются друзья-приятели, преимущественно старики, покурить (иные специально ходят только затем, чтобы покурить на чужой счет), расспросить о новостях, передать какую-нибудь сплетню. Ох, сплетни, сплетни! Кажется, нигде они так не распространены, как в Нальчике! Сплетничают все, от мала до велика, и надо отдать полную справедливость нам, слобожанам, что в искусстве изобретения сплетен и распространения их они дошли – особенно прекрасный пол – до совершенства, мало того, до виртуозности»¹³¹.

Во как... Не будем распространяться о любви к сплетням нынешнего поколения нальчан – порок, вероятнее всего, уйдет в небытие только с родом человеческим. Но вот что такое моноплан, наверное, стоит пояснить. Это вовсе не средство передвижения по воздуху (моноплан, с французского, самолет, имеющий одно крыло, расположенное по обе стороны фюзеляжа), а вид пианино... Что же касается Ксавье де Монтепена (1823–1902), то этот французский писатель, автор многочисленных мелодрам и остросюжетных романов, пользовался в России не меньшей популярностью, чем у себя на родине. Достаточно сказать, что в конце XIX века на русском языке вышло бо-

лее 60 его книг, среди самых известных из которых исторический роман «Искатель приключений». Затем наступил почти столетний таймаут, и лишь в начале девяностых годов прошлого века К. де Монтепен вернулся в новую Россию – кишиневское издательство «ЭЯ» (книжное пространство бывшего Союза к тому времени еще оставалось единым) замахнулось на 18-томное собрание его сочинений, оказавшееся волею случая в библиотеке авторов этих строк...

Особое место на улице Шогенцукова – ее пересечение с улицей Лермонтова. Особое потому, что здесь – по диагонали друг от друга – расположены сразу два неповторимых по своей архитектуре объекта: гостиницы «Нальчик» и «Турист». Правда, «Турист» гостиницей был только перед войной, когда и построили это светлое, ажурное здание с колоннадой – массивной, величественной, предваряющей вход; сверху возведен своего рода четырехугольный купол. Впоследствии, после восстановления (в годы оккупации здание было взорвано фашистами, остался только фасад) здесь была открыта турбаза, также называвшаяся «Нальчик», размещался нальчикский Дом туриста, а ныне, что весьма непродуктивно, одна из структур правоохранительных органов. Правда, в последнее время заходит речь об использовании означенного здания по его прямому назначению – в памяти нальчан, многих сотен и тысяч гостей республики оно по-прежнему ассоциируется в первую очередь с отдыхом, а отнюдь не законом. Ведь еще совсем недавно каждое утро можно было наблюдать, как люди с улыбками на лицах и рюкзаками за плечами отправлялись отсюда осматривать достопримечательные места республики. Как не знали устали высокие входные двери, ежедневно, ежечасно – ведь турбаза была своего рода перевалочным пунктом для туристов – принимая все новых и новых гостей со всех городов и весей необъятной страны. Как вырывались из открытых окон и плыли над парком гитарные переборы, веселые, задорные песни, бесшабашные речевки. И знамя, развевающееся над венчающей здание башенке со шпилем («шпильдомом» назвала турбазу Наталья Смирнова) звало в путешествие по «стране чудес», какой видел Кабардино-Балкарию Исаак Бабель.

А какой вид открывался отсюда! Вот что писал в середине прошлого века натуралист Георгий Подъяпольский, глядя с балкона нальчикского Дома туристов на городские окрестности: «На юг уходят зеленые горы. Далеко за ними маячат белые. Какое разнообразие очертаний! То более спокойных, то стремительных и живых. Какая масса хребтов, долин, поднятий и спадов. И вдруг мне кажется,

что передо мной не неподвижные массивы гор, а гигантские волны величайшего океана мира. Восходящее солнце, бросая на них свои лучи, непрерывно меняет угол освещенности, и свет и тени переливаются по склонам, долинам и падням, создавая иллюзию движения.

То чудится мне, словно этот темно-зеленый бархат накинута на хребты гор, а на спины лежащих великанов, которые то поднимаются, то опускаются под ним, подобно тому, как на подмостках старинных театров люди изображали морские волны. Бог знает, что только не приходит в голову при виде этих покрытых лесом гор, особенно когда лес по-весеннему свеж и зелен, когда весна в полном расцвете передает эстафету молодому лету.

И эти вечные горы, которые я вижу в течение многих лет, опять мне кажутся молодыми: кажется – опять они выглядят по-новому. Да, сколько бы раз вы ни глядели на них, вы всегда увидите в них что-то новое, что-то особенное. В них, как в волшебном зеркале, отражается и меняет их все, что происходит в природе – наступает ли утро, день, вечер, появятся ли облака или тучи, или откроется лазурное небо, они, горы, всегда другие, но всегда прекрасны. Когда их скроют облака, они отодвигаются и маячат в дымке, как мираж; когда их омоет дождь, они придвигаются ближе и выставляют напоказ каждую свою линию, каждый утес, каждую складку. Когда природа отдернет нависшие над ними тяжелые тучи, вы увидите дальние хребты, покрытые свежим снегом, который на рассвете бывает розовым, днем ослепительно белым, вечером синим, а в лунную ночь серебристым. Какие чудесные превращения! Какое богатство красок в этих горах! Они никогда не могут надоесть, никогда не примелькаются, никогда не могут быть одними и теми же!»¹³²

Столь же притягателен вид и с окруженных арочной колоннадой террас гостиницы «Нальчик». Возведенная в начале тридцатых годов прошлого века, она долгое время была одним из самых красивейших зданий города. Вот какой запомнил только что построенную гостиницу немецкий пролетарский писатель Бальдер Ольден, ныне практически забытый: «Потом я увидел гостиницу, белую, точно из мрамора, перед огромным парком, гостиницу на 80–100 номеров, с большим обеденным залом. Скатерти были белы, поблескивало стекло, а за нарядно накрытыми столами сидели серьезно и празднично, в горских одеждах, перепоясанные кинжалами, седобородые старейшины сел этой страны, съехавшиеся из далеких ущелий, чтобы обсудить очередные дела»¹³³.

Вероятнее всего, Б. Ольден стал свидетелем съезда народных сказителей Кабардино-Балкарии, проходившего как раз в 1934 году, участники которого (среди них был и герой нашей книги «Балкария: боль и гордость» Кязим Мечиев) жили в гостинице «Нальчик».

Кстати говоря, о самом городе немецкий писатель пишет, что Нальчик, «в мерцании луны и многочисленных электрических фонарей» напоминал ему «очаровательнейшие и изысканнейшие курорты Ривьеры или Южной Италии»; что, гуляя ночью «по громадному парку между серебряных голубых елей, благоуханных кустов и клумб, разделанных с большим искусством», он и его спутники теряли чувство реальности, вновь и вновь ощущая себя «на каком-нибудь изысканнейшем курорте Европы».

Ежегодно (с конца апреля, если он выдавался теплым, а чаще с мая) на террасах, венчающих фасад гостиницы и чем-то напоминающих капитанские рубки, выставлялись столики. Посетители ресторана сидели часами на свежем воздухе, играл оркестр, танцевали пары. Звуки волшебной музыки, разносимые порывами легкого теплого ветерка, были слышны в самых отдаленных уголках города. До сих пор в памяти одного из авторов этих строк жива картина, как, стоя под невесомыми арочными перекрытиями, опираясь на бело-снежную балюстраду, смотрят на родной город родители – оба во всем белом, нарядные и совсем молодые... А сам трехлетний мальчик ни в какую не соглашается подойти к этим столь непрочным на его взгляд столбикам, за которыми скрывается ночная бездна. Он жметя поближе к столику, где рядом с фужерами соседствует шахматная доска, и над очередным ходом задумался «коренастый, плотный мужчина с большими карими глазами и черной шапкой волос»¹³⁴.

Детская память, к сожалению, не сохранила образ этого человека, а был им удивительный кабардинский поэт Бетал Куашева (1920–1957), поэтому и приходится воспользоваться, описывая его, строками Заура Налоева. Но она сохранила другое: искреннюю боль отца, слезы на лице матери, только что узнавших о смерти Бетала. И произнесенные в тот праздничный Первомайский день пророческие слова: «Сегодня кабардинцы потеряли одного из самых больших своих поэтов!»

Трагически короткой – все те же 37 лет! – была его жизнь. Более четырех из них пришлось на годы Великой Отечественной, на скрижалях которой есть и строки, вписанные мужеством молодого кабардинца: именно он водрузил знамя над освобожденным белорусским городом Витебском. (К месту будет сказано, все военные

годы Бетал не расставался с книжкой стихов Али Шогенцукова, также нашедшего последнее пристанище в земле многострадальной Белоруссии, считал его своим учителем, и, возможно, даруй ему судьба чуть больше лет, превзошел бы своего учителя.)

Десять мирных лет – Б. Куашев был демобилизован из армии только в 1947 году – это годы творческого поиска и поэтического новаторства, множество стихов, поэм, сказок, отличавшихся нетрадиционностью образов и рифм. А еще «он был в такой же степени талантлив, как и добр. Бетал мог неожиданно для всех и даже для себя сымпровизировать остроумную эпиграмму или яркое стихотворение и столь же неожиданно подарить тысячу рублей старушке, потерявшей на базаре заработанный ею червонец. И кто знает, за что больше любили его люди – за талант или доброту? А может быть, для Бетала это было одно и то же? Люди никогда не удивлялись ни его необычной доброте, ни его взрывному остроумию, ни его яркой талантливости, считая, очевидно, что Бетал Куашев и не должен быть другим»¹³⁵.

Вот она, перед нами, единственная книжка на русском языке, вышедшая при жизни поэта. У нее символическое название – «Салам». Из своего далекого далека шлет всем нам, родному Нальчику свой поэтический привет незабвенный Бетал Куашев:

Ты стоишь в подкове гор,
В шумной зелени ветвей.
Я твоей красою горд,
Город юности моей.

Нальчик, светлый, молодой,
Я с тобою вместе рос.
Здесь с любимой над рекой
Я бродил до поздних звезд...

Далеко нас в тихий парк
Уводил аллея изгиб.
Помню смех и говор пар,
Шелест хвои, запах лип.

И потом я – где ни был, –
Видел лучше города,
Но по-прежнему любил,
Помнил город свой всегда.

Я влюбился с давних пор
В облик чистых площадей.
Я твоей красою горд,
Город юности моей.

Всем даю один совет:
Приезжайте посмотреть,
Как над Нальчиком рассвет
Зажигает неба треть.

Солнца выкатится диск –
На хребтах расплавит медь...
Край мой, Нальчик и Долинск
Приезжайте посмотреть!..

Здесь вас рады видеть часто,
Ждет с волнением гостей
Город отдыха и счастья,
Город юности моей¹³⁶.

...Как-то в мае, много-много лет спустя, нам удалось вновь побывать на одной из террас гостиницы «Нальчик». Летний ресторан уже давным-давно прекратил свое существование, столики убрали, на площадке, с облупившимися колоннами, было одиноко и неудобно... Но стоило только подойти к балюстраде, как вновь зазвучал оркестр, играющий волшебную музыку невозвратного прошлого – там, вдалеке, за Домом Советов, белой кипенью раскинулись цветущие фруктовые сады: пышные кроны яблоневых и сливовых деревьев, усыпанные лепестковой вязью, являли собой единое мозаичное панно – нежно-белое, с иссиня-черными земляными крапинками. Каштаны, разбежавшиеся по ближайшим от гостиницы улицам во все стороны, освещали город своими пирамидальными свечами.

Именно они, каштановые деревья, придают Нальчику особый, неповторимый облик – усыпанные белыми и розовыми гирляндами по весне, радующие густой тенистой зеленью летом, резной желтизной в октябре, когда асфальт под ними искрится от темно-коричневых, бликующих под осенним солнцем плодов... В детстве, возвращаясь из школы, мы набивали блестящими красавцами-каштанами полные карманы, портфели; использовали их для соревнований в меткости, оттачивании футбольного мастерства, и тогда возвращение домой из второй школы (она тоже одна из достопримечательностей про-

спекта Шогенцукова) совершалось столь быстро и незаметно, словно неведомая сила переносила нас по воздуху. Тем более что часть пути проходила по одной из двух лучевых аллей – ныне составляющие их деревья так разрослись, что образовали на двадцатиметровой высоте сплошной тенистый полог, – ведущих к площади у Дома Правительства, нынешней резиденции президента и правительства республики.

Удивительно, но даже сегодня, спустя более семьдесят лет с начала строительства, здание это по-прежнему поражает строгой выверенностью форм, функциональным многообразием, вписанностью в окружающий пейзаж. Этого многоглазого, более чем стометрового гиганта, изначально предназначенного быть местом пребывания республиканских вершителей законов и судеб, ни при каких условиях и обстоятельствах невозможно представить в иной, неруководящей, так сказать, роли. Уже одним своим видом он внушает уважение к власти. И чем ближе ты подходишь к зданию, уважение это лишь возрастает. Другой вопрос, многие ли из сидевших в этом доме достойны подобных чувств?..

Создается впечатление, что здание это сооружено в прямом смысле слова на века – его величественность и величавость уже сами по себе прозревают будущее, а не столько творят его умами своих обитателей. Проект Дома Советов разрабатывался в архитектурной мастерской Народного комиссариата тяжелой промышленности СССР, руководил которой крупный советский зодчий В. А. Веснин. В начале 1937 года, после того как в соответствии с новой Конституцией СССР Кабардино-Балкария стала автономной республикой, Виктор Александрович побывал в Нальчике, принимал активное участие в разработке данного проекта. Один из его непосредственных авторов – архитектор Сергей Маслих впоследствии вспоминал, что он «был рад, что вместе с нами, молодыми тогда архитекторами, находился такой знаток архитектуры, всеми нами уважаемый Виктор Александрович Веснин. Мы много раз при его участии обсуждали свои замыслы в правительстве республики, неоднократно беседовали с секретарем обкома партии Беталом Калмыковым. Общественность республики нам оказывала всемерную помощь. Все принципиальные вопросы проектирования были решены при самом деятельном участии Виктора Александровича. Он и в последующие годы интересовался строительством этого важного объекта»¹³⁷.

Завершилось строительство «основного административного здания» города уже после войны, в пятидесятых годах. Впоследствии с

торцов были пристроены дополнительные корпуса, логично вписавшиеся в общий архитектурный облик Дома Советов, остающийся все эти годы неизменным. Трудно поверить, что начиналось строительство на совершенно пустом месте – улица Степная, которой предстояло стать проспектом Ленина, и улицу-то не напоминала, столь вольготно чувствовали себя куры, козы, коровы, не вылезавшие из густых зарослей бурьяна. Свой будущий облик проспект стал приобретать только с начала пятидесятых годов, а в большей степени сформировался в первой половине шестидесятых, когда на нем уже были возведены основные жилые здания и общественные объекты. Среди первых – магазин «Детский мир», здания горкома партии (ныне в нем располагается парламент) и областного совета профсоюзов, гостиница «Россия» (ее возвели на месте бывшего базара), кинотеатр «Восток», чуть позже Музыкальный театр...

Сегодня главный городской проспект, словно стрела пронзающий город, вытянулся на несколько километров. Он практически идеально ровен, а поэтому почти весь обозрим с любой его точки, начиная с железнодорожного вокзала. Кстати говоря, открыт он был в 1913 году, спустя год как на станцию «Нальчик» прибыл первый поезд. И здесь мы вновь обратимся к книге Константина Чхеидзе «Страна Прометей». В главе «Маштай, сын Тенгиза» (описание дается через восприятие балкарского таубия Тенгиза Суншева) читаем: «Там, где когда-то проходили конские ристалища, возвышалось странное здание, имевшее два ряда окон. ...Странность этого здания увеличивалась по мере приближения к нему. Вот показались знакомые вышки. Это были семафоры. А рядом с кирпичным двухэтажным домом (железнодорожной станцией) проложены были бесконечные железные палки, на которых стояли разноцветные дома-вагоны»¹³⁸.

Входные двери той станции во многом напоминали нынешний вход; сам же облик вокзала (при отступлении фашисты оставили на его месте груды камней) разительно изменился – здание стало куполообразным, украсилось колоннадой, поддерживающей портик.

Привокзальная площадь, особенно после разбивки сквера по правую от нее (через улицу) сторону, приобрела еще большую перспективу и объемность. Помимо нее проспект соединяет еще три площади – 400-летия присоединения Кабарды к России (официально, хотя это исторически неверно, принято говорить Кабардино-Балкарии; в 2001 году даже торжественно отмечался несколько странный юбилей – 444-летие присоединения), площадь Согласия (так теперь

называется бывшая площадь Советов) и площадь Абхазии, что напротив республиканского стадиона. Последняя стала называться так после того, как отсюда в 1992 году начали отправляться отряды добровольцев, вставших на сторону родственного кабардинцам народа в военном конфликте между Грузией и Абхазией. (О его причинах и истоках рассказывает изданная нами книга: *Абхазские письма*. Нальчик: Эль-Фа, 1994.)

Саму площадь Абхазии как бы обрамляет целый ряд зданий – многоэтажка редакционно-издательского комплекса, универсам «Нальчик» и примыкающий к нему универсам, эффектная высотка, в которую так и не вселилась строившая ее налоговая полиция в силу спонтанной непредсказуемости решений власть предержащих структур.

Выше площади проспект начинает набирать высоту, словно разбегаются, чтобы как можно ближе подобраться к горной гряде, в которую он – глядящему от железнодорожного вокзала представляется именно так – непосредственно и упирается. Естественно, подобный скоростной спуск не мог остаться без внимания современных любителей острых ощущений (их называют, если не ошибаемся, стритрейсерами). Именно здесь они, насмотревшись зарубежных блокбастеров, устраивают проверку скоростных качеств своих железных коней. Что тут скажешь? Слова осуждения? Кто их услышит? Остается только обратиться к истории и тогда выяснится, что под луной, в том числе и нальчикской, действительно ничего не ново. Вчитаемся в строки поэта Коста Хетагурова, написанные, напомним, аж в 1893 году: «Ты вот, дружок, был прав, говоря, что в Нальчике, при существующей патриархальности обывательских нравов, возможно многое, допускаются бешеные скачки по главным улицам в то время, когда по ним взад и вперед снует народ, особенно дети.

В другом месте полиция, наверно, воспретила бы такие скачки, а у нас, наоборот, полиции до этого как будто и дела нет. Да, говоря правду, не всегда безопасно бывает остановить скачущую кавалькаду, потому что «амазонки» всегда сопровождает Амалат-Беки из местной кабардинской молодежи, которые, подобно средневековым рыцарям, никому не позволят безнаказанно «оскорбить» (какое же может быть оскорбление в замечании не скакать сломя голову по улице?) «свою» даму и всегда сумеют дерзкого отхлестать плетью...»¹³⁹.

Вообще, главный проспект Нальчика – место неповторимое во всех отношениях. Авторам этих строк он подарил множество встреч с интересными людьми... В школьные годы с итальянцем Джанни

Родари, чей знаменитый Чиполлино заговорил в начале шестидесятых годов на кабардинском языке, после чего всемирно известный детский писатель, мечта «обнять всех жителей Нальчика», в январе 1964 года приехал в республику и выступал в городском Дворце пионеров. В годы юности с певцами Юрием Гуляевым, Анатолием Королевым, актером Михаилом Водяным, композитором Дмитрием Кабалецким, космонавтом Алексеем Леоновым, чьи автографы остались на книгах и фотографиях.

Проспект – улица, которая позволяет заглянуть в... свое прошлое. Авторы со всей серьезностью заверяют, что им известно по крайней мере два подобных места – у одного из фонарей дневного света с правой стороны от входа в Дом Правительства и у парапета Детского мира. Надо только суметь выбрать момент, настроиться на такое путешествие – и тогда весьма возможно, что случится невероятное.

Места эти указал нам человек, за которым прочно закрепилась кличка Дурик. Так относились и мы к нему, пока однажды не вслушались в его быструю, не всегда понятную скороговорку, и вдруг уловили в ней слова и понятия, которых он в силу своего ума и познаний слышать ну никак не мог. Его путешествия в свое прошлое казались фантазией больного ребенка – доброго, чистого, славного, но все-таки нездорового. Казались до тех пор, пока как-то январским вечером, в снегопад, уступая настойчивым просьбам своего спутника, с которым и идти рядом при дневном свете казалось стыдным, мы не очутились под тем волшебным фонарем. Оказалось, что надо было долго-долго смотреть на снежный танец в круге света от фонаря и вспоминать себя, того, каким ты был много лет назад. И все? И это все, что нужно для путешествия через года?! Было жалко потраченного времени, себя – снежная влага проникла через ботинки; крепла мысль, что любить убогих людей нужно, но не до такой же степени...

И все-таки, уступая слезливым уговорам спутника, один из нас попытался поступить так, как ему предлагалось. Мельтешили, сталкивались друг с другом снежинки, падали на землю, а на смену им летели мириады им подобных. Движение это завораживало и усыпляло: так же падал снег год назад, десять, двадцать, тридцать лет... Вспомнилось, как в один из таких же вечеров один из нас шел именно здесь, по площади, шел вместе с отцом, шел за елочными игрушками, которые лежали на чердаке старого дома...

«Смотрите, смотрите туда!». Возглас чудика был так некстати, да и на что смотреть: по другой стороне проспекта медленно брели

двое – мужчина и мальчик. Обычные мужчина и мальчик. Но что-то такое до боли знакомое и родное увиделось в их фигурах, что неожиданно для самого себя один из нас в прямом смысле слова рванул через улицу. И лишь раз оглянулся, чтобы не попасть под машину...

А когда перебежал, вдруг осознал, что перед ним никого. Совершенно никого. Да и был ли кто? Осмотрелся по сторонам – ни справа, ни слева людей нет. И лишь черные следы на укутанном в белое покрывало асфальте быстро-быстро заносил снег. Четко видимые цепочки следов – больших и маленьких, обрывающихся неожиданно, словно те, кто их оставил, взмыли в небо...

Жил-был я, кажется, что жил...

Впрочем, мы несколько отвлеклись. Назовем еще несколько архитектурных объектов, построенных во второй половине прошлого века, без которых ныне нельзя представить облик современного Нальчика. Это городской рынок, что на улице Толстого. До момента, как он обрел свое нынешнее место, рынок менял его неоднократно. Вообще в начале прошлого века базаров как таковых в городе было два – большой и малый, последний называли также «утренним», «зеленым». «Большой базар», он же воскресный, собирался раз в неделю в степи, которая являла собой пространство между вокзалом и самим городом, первые домики которого располагались в те времена значительно выше, на уровне нынешней улицы Советской. Как вспоминает Иван Полищук, «на месте музтеатра, облсовпрофа и парламента, от бывшей Степной до СШ № 5, на ровной, заросшей травкой площади был воскресный базар... Особенно оживленно на нем было осенью, когда крестьяне, колхозы и совхозы привозили на продажу плоды своего труда»¹⁴⁰.

А вот какую живописную картину рисует Солтан Цораев: «Сюда приходили не только горожане, но и приезжали чуть ли не со всей республики. Масса людей: и млад, и стар. А продавалось все что угодно, как старое, так и новое, фабрично-заводское или кустарно-частное. Тут и мясомолочные продукты, и овощи, и фрукты, и бахчевые культуры, и одежда, и промтовары, и хозяйственные товары, и многие другие, начиная от игрушек и сладостей для детей, кончая домашней птицей, мелким и крупным рогатым скотом и лошадьми. Чего только не было – уму непостижимо! Кругом брочки с арбузами, дынями, овощами, фруктами, возы сена, дров, кукурузы... Продавцы кричат, заывают покупателей, восхваляя свой товар, обещая уступить дешево. Иной продавец и покупатель долго торгуются, не схо-

дясь в цене. Их окружает народ, высказывает свое мнение. Шум, крик, смех, звуки гармошки, струнных инструментов, детских дудок, свистков, барабанов и многого другого. Короче говоря, это был настоящий восточный базар, в полном смысле этого слова. Там же проходили всякие состязания молодежи в ловкости и силе: национальная борьба, перетягивание каната, лазание по скользкому столбу, чтобы достать с его макушки сапоги или еще какую-нибудь ценную вещь. Естественно, в таких местах собирались большие толпы: каждому было интересно все это увидеть и услышать лично. ...На базар многие ходили не только в целях купли-продажи, а просто так, чтобы узнать всякие новости, происходящие в городе, республике и в стране, или для развлечения»¹⁴¹. Бродячие циркачи, кочующие балаганы, в которых демонстрировали свое мастерство силачи, шпагоглотатели, пожиратели огня, также останавливались на этой площади.

Сохранилось несколько дореволюционных фотографий большого базара, часть из них воспроизведена нами в альбоме «Кабарда: время и лиц» (Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2004) – «Горцы. Продажа баранины», «Типы Кавказа. Горские евреи»... Запечатлел «Нальчикский базар» на одном из своих полотен художник Митрофан Алехин.

Функционировал большой базар вплоть до второй половины тридцатых годов прошлого века – в те годы здесь проводились всевозможные выставки, ярмарки, смотры и даже – не больше и не меньше – партийные пленумы... Вот что рассказывал об одном из таких мероприятий – смотре городского гужевого транспорта, призванного участвовать в колхозной посевной, – ростовский журналист Павел Максимов: «Громадная базарная площадь между вокзалом и городом представляет невиданный табор. Здесь все виды тягла и транспорта: вереницы повозок нальчикского колхоза, автобусы «Союзтранса», обозы всех городских организаций... – на смотр вышло все, что хоть в малейшей степени может быть использовано на посевном фронте.

Из города показывается группа. Останавливается на базарной площади, в голове табора. В группе – секретарь обкома и всем известные работники обкома и руководители областных и городских организаций: пленум в полном составе. Но сегодня пленум будет работать не в зале белого дома обкома, а в самой людской гуще – на базарной площади»¹⁴².

Что же касается малого базара, то он, как мы уже говорили, располагался перед войной в районе кинотеатра «Победа», торговали на нем преимущественно сами нальчане всем тем, что производили

на своих подворьях – мясом, овощами, фруктами... Работал он ежедневно, а одна из прилегающих улиц так и называлась – Мало-Базарная (ныне Грибоедова).

В последующие годы базар располагался на месте, где сегодня возведена гостиница «Россия», здание радиокомитета – между Степной и Базарной, нынешней Пушкина. В памяти авторов этих строк до сих пор живы многочисленные лавки и лавчонки, между которых приходилось в прямом смысле протискиваться. Так продолжалось до тех пор, пока в 1959 году и не был возведен комплекс зданий нового рынка, вход на который предвеляет многоколонная арка, в нишах которой установлены скульптуры, символизирующие плодородие нашей земли. Сегодня в городе великое множество всевозможных рынков, они имеются во всех микрорайонах – это современные торговые заведения, похожие один на другой. Но главным среди них был, есть и, вероятно, еще долго будет «зеленый рынок» – да, ему тесно, зажатому между улицами Пачева и Горького, да, он значительно сузил свои функциональные возможности, как и спектр предоставляемых услуг, но при всем при этом остался именно рынком, а не комплексом разномастных торговых павильонов. У «зеленого рынка» свой удивительный шарм, своя неповторимая аура, его нальчикский – выразимся так – вкус и запах не спутаешь ни с каким другим кавказским собратом.

Массивные колоннады, арки, портики характерны для фасадов многих зданий Нальчика, выстроенных в предвоенные и послевоенные годы. Вспомним хотя бы Дом работников партийного актива (в обиходе – партактив), что на углу проспекта Ленина и улицы Балкарской. Здания нынешних Парламента, «Детского мира» и Национальной библиотеки, до недавнего времени носившей имя Н. К. Крупской, курортной водогрязелечебницы, ныне не функционирующей, большинства санаторных корпусов.

Не исключение и Кабардино-Балкарский государственный университет: вход в храм науки покоится аж на девяти колоннах (семь внешних и две внутренние) и уступает в их количестве лишь одному Дому Правительства. Начинался университет с педагогического института, строительство учебного корпуса которого велось с 1932-го по первую половину 1937 года. (Институт как таковой был открыт 15 сентября 1932 года, но в связи с отсутствием в Нальчике подходящего помещения первое время размещался в Пятигорске.) Свой нынешний облик главное высшее учебное заведение республики

приобрело к 1945 году. Спустя 12 лет пединститут был преобразован в университет. Его первым ректором стал Хатута Мутович Бербеков. Неполных восемь лет проработал он на этом посту, а память о себе оставил добрую, немеркнувшую. О таких людях говорят – светоч. Он и был им: горел сам, зажигал других. И слова турецкого поэта Назыма Хикмета (сегодня практически забытого), обращенные к людям, призванным рассеять тьму, имели к Хатуте Мутовичу самое прямое отношение. Образованнейший, высокоэрудированный человек (большая редкость для представителей партийной верхушки тех лет, откуда и пришел в университет Бербеков), глубокий исследователь, самообытный ученый (его докторская диссертация, несмотря на свою идеологическую начинку, вызвала интерес многих зарубежных историков), умелый администратор (он привлек к работе КБГУ высококлассных специалистов со всей страны, создав им соответствующие условия для плодотворной деятельности) – таким был Хатута Мутович. Но при всем при этом он не был руководителем, оторванным от людей, недоступным, замкнутым, наоборот – общительным, непосредственным, искренним. Принимал участие в студенческих капутниках, не сдерживал эмоций на спортивных состязаниях, смело выходил в круг танцующей молодежи. Смерть ректора была нелепой, случайной, до боли обидной – вернувшись из Индии, в Москве он зашел к стоматологу. Укол новокаина оказался смертельным...

Короткая жизнь, яркая судьба, долгая память, воплощенная сегодня и в том, что университет, детище Хатуты Мутовича, носит с декабря 1996 года его имя.

Уже несколько лет мы собираем материал о Х. М. Бербекове; хочется верить, что когда-нибудь он выльется в книгу. Подобную той, какую удалось написать нам о другом ректоре – Владимире Калиметовиче Тлостанове (1931–1994)¹⁴³. Более десятилетия прошло со дня смерти этого человека, но обаяние его личности ничуть не потускнело. Течение времени только высвечивает зияющий провал, интеллектуальную и нравственную нишу, образовавшуюся с его уходом. Он был не только умным, энциклопедически образованным, не только талантливым организатором науки и воспитателем, но и просветителем. Просветителем не в смысле распространителя некоей, даже огромной, суммы знаний, а в принадлежности к европейскому просвещению, то есть взрослому состоянию человечества, способности обходиться без внешних авторитетов, мышлении своим умом.

В нем всегда была удивляющая многих молодая энергия, умножавшая его «усилие во времени», понимаемое некоторыми филосо-

фами как человеческая жизнь. У него был развитый, мощный интеллект, а потому его «усилие во времени» обеспечило ему внутреннюю свободу и ту степень независимости от внешних обстоятельств, которая была (и есть) недостижимо далека для абсолютного большинства нашего общества.

Он никогда не заблуждался относительно природы человека, наблюдая его вблизи, прислушиваясь к нему, ставя себя на его место и помогая всем тем, что было в его власти. Он не требовал ничего, что выходило бы за пределы понятия «мера». Ему самому был свойствен здоровый консерватизм, и он прекрасно понимал, как трудно внушить своим современникам такие чувства и мысли, которые расходились бы с их собственными чувствованиями и идеями. И он не ожидал, что все они легко пойдут за его новациями. Он предвидел и скрытую инертность, и скрытое и открытое сопротивление, нежелание изменять привычным стандартам мышления и поведения. Он выматывался, выжимался сам и расшевеливал других.

Сегодня можно с большой точностью сказать, что Тлостанов сделал для своего народа гораздо больше, чем принято считать. Лишь один момент. Он прекрасно говорил на родном языке, побуждая соплеменников к тому же. Будучи директором научно-исследовательского института, открыл тему изучения адыгэ хабзэ, которой никто тогда официально не занимался. Это было началом потока исследований и публикаций для многих, хорошо ныне известных ученых. Они стимулировали интерес к обычаям и традициям адыгов не только у кабардинцев, они позволили и остальным лучше понять культуру и духовный мир кабардинцев. Это естественно, ведь «адыгэ хабзэ с философских позиций – ...мировоззрение, мировосприятие, с психологических – состояние души, удовлетворенной чувством исполненного долга, а с житейских, бытовых – образ мышления, нравственная одухотворенность. Основные его ипостаси: адыгагэ – проявление всех лучших качеств адыга по отношению к другим и намыс – глубокое уважение старших и женщин, людей, а также собственного человеческого достоинства»¹⁴⁴.

Тлостанов открыто говорил, что «кабардинцы нужны кабардинцам» и старался, чтобы они учились в самых престижных вузах и аспирантурах, чтобы ввозили на родину интеллектуальный капитал, без которого современное существование народа перспектив не имеет. В концепцию регионального университетского образования при Тлостанове была заложена идея превращения КБГУ в ведущий

центр образования, науки и культуры республики. Там же провозглашался конечный (для того времени) результат реализации концепции – превращение университета в современный вуз, отвечающий мировым стандартам, конкурентоспособного относительно университетов ближнего и дальнего зарубежья. Ю. А. Жданов, деятельное и заинтересованное лицо перестройки университетского образования в Северо-Кавказском регионе, убежденно назвал имя Тлостанова первым среди ректоров, кому удалось тогда на самом деле превратить педагогический вуз в университет.

К чести Владимира Калиметовича, заботившегося о собственном этносе, он был интернационалистом. Многочисленные высказывания балкарцев подтверждают, что он неизменно поддерживал тягу к образованию молодых представителей вернувшегося из затяжной и вопиюще бесчеловечной высылки народа.

Тлостанов никогда не варился в собственном соку, а был как сосуд, где, переливаясь, сталкиваясь и соревнуясь, в осадок выпадали зерна истинной мудрости. Поэтому избежал провинциализма мышления с сопутствующими ему, провинциализму, иллюзиями прошлого и будущего. Владимир Тлостанов жил настоящим, совпал со своим временем и сумел в разные его периоды уловить то новое, что еще только витало в воздухе в качестве зарождающихся идей и веяний. Его ранняя смерть явилась для республики невосполнимой потерей.

...Есть у авторов этих строк мечта – в сквере, что по левую сторону от центрального входа в университет, открыть аллею ректоров. Установить на высоких постаментах бюсты тех, кто посвятил себя КБГУ без остатка: Х. М. Бербекова, К. Н. Керефова (ректором был с 1965-го по 1973 год), В. К. Тлостанова... Что для этого надо? Достаточно скромные материальные средства для отливки двух бюстов – Камбулата Наурузовича и Владимира Калиметовича (бюст Хатуты Муговича, такой же, как на его могиле на Нальчикском кладбище, изваян еще в 1965 году и до сих пор ждет своего часа), но самое главное – желание властных структур. В него-то все и упирается – неоднократные наши обращения (устные, письменные, посредством книги) так и не получили ответа. Мало того, в течение апреля 2001 года ровно тридцать раз (!) мы звонили с просьбой поставить под вступительной статьей в книге о Тлостанове подпись знаковой для республики личности. Держали до последнего печать первого листа книги, приуроченной к 70-летию ректора, но «добро» так и не получили. Да что говорить о книге – на доме, где жил Владимир Ка-

лиметович, до сих пор нет даже мемориальной доски... Избирательная память – первый шаг к полному забвению...

На главной артерии юго-западного района – проспекте Кулиева, который изначально назывался проспектом Мира, располагается оригинальное здание городского Дворца культуры, неоднократно в постсоветское время менявшего свою ведомственную принадлежность. Дворец – это большой развлекательный комплекс, место проведения концертов, театрализованных зрелищ, фестивалей, демонстрации кинофильмов. На площади перед ним сооружен памятник балкарскому классику (о нем мы уже писали выше и в главе «Чегемское ущелье»).

Раньше на территории, где ныне располагается Дворец, находился внушительный, десятиметровой высоты, курган. В детстве для одного из авторов этих строк, жившего по соседству, это было любимым местом мальчишеских игр в казаки-разбойники. Кто мог предполагать, что дети играли на погребении? В 1966 году, когда и началась расчистка места для будущего Дворца, выяснилось, что здесь располагается подкурганная гробница, датируемая III тысячелетием до н. э.

Известный ученый В. И. Марковин пишет, что исследования, проведенные здесь И. М. Чеченовым в 1968–1969 годах, «обнаруженная монументальная гробница, остатки захоронений, разнообразные предметы, ...значительный керамический материал из поселения, на юго-восточной окраине которого был возведен раскопанный им курган», позволили «говорить о большом археологическом открытии, научная значимость которого выходит далеко за пределы Центрального Предкавказья»¹⁴⁵.

И еще цитата из предисловия: «Особого внимания заслуживает тот факт, что Нальчикская гробница была сооружена из вторично использованных антропоморфных стел, ранее почти неизвестных в археологических памятниках Кавказа. Стелы находят аналогии среди древнейших каменных статуй, происходящих из южных областей Западной и Восточной Европы. Наибольшее же сходство они проявляют с антропоморфными изваяниями ямной и так называемой кемибинской культур Северного Причерноморья и Крыма.

...Представляются правомерными и предположения И. М. Чеченова о том, что древнейшие антропоморфные стелы южной Европы могут быть генетически связаны с миром средиземноморья.

...Видимо, прав автор, когда пишет, что строители дольменов Западного Кавказа сильно теснили носителей майкопской культуры

Прикубанья, а те, в свою очередь, вынуждены были занимать далеко не пустующие земли средней части Северного Кавказа. В процессе мирных контактов и военных столкновений носители древних культур всегда использовали изделия, созданные руками и друзей, и врагов. Строители Нальчикской гробницы, используя каменные стелы, взятые с еще более древних могил, может быть, именно этим фактом очень зримо утверждали свое право сильного над поверженным и покоренным населением»¹⁴⁶.

Среди предметов, найденных в гробнице, привлекает внимание необычайно больших размеров бронзовый котел, по некоторым признакам отличающийся от других металлических сосудов из погребальных памятников майкопской культуры Северного Кавказа, массивные золотые височные подвески с несмыкающимися концами, серебряный двулезвийный ножик, массивный бронзовый кинжал, фрагменты разнообразных сосудов с розовато-желтой, красно-охристой и красно-оранжевой поверхностью...

Эта небольшая, строго научная книжка Исмаила Магомедовича Чеченова читается, тем не менее, как археологический детектив. Из другой же монографической работы ученого – «Древности Кабардино-Балкарии», которую мы обильно цитировали ранее, можно узнать, что на территории нынешнего Нальчика, а также в его окрестностях найдены в прямом смысле десятки объектов, представляющих научный интерес. Это неолитическая стоянка (Агубековское поселение), селища, могильник, более десятка курганов (от ранней бронзы до позднего Средневековья), катакомбы (сарматский период, раннее Средневековье), городище (раннее Средневековье), церковь и часовни... В верхней части проспекта Ленина курганные группы расположены в районе республиканского телецентра и Ореховой рощи, на проспекте Шогенцукова рядом с мечетью, на выезде – в районе улиц Калинина и второго Промпроезда...

Вот мы и подошли к заключительной части нашего повествования – рассказу об окрестностях Нальчика. Они всегда пользовались особым вниманием гостей города, среди которых было немало самых высокопоставленных персон, в том числе и первых лиц, руководителей нашей страны. В находившемся когда-то за городской чертой районе Затишье, чье название у нальчан ассоциируется в первую очередь с расположенным здесь кладбищем, до сих пор сохранилась деревянная дача, на которой с июня по август 1921 года жил

И. В. Сталин, в то время народный комиссар по делам национальностей. Для его сподвижника и разоблачителя Н. С. Хрущева дача была выстроена в противоположной стороне – у въезда в Охотхозяйство, что на Белой речке. И если первая из них, несмотря на свой почти девяностолетний возраст и повсеместную деревянную одежду, находится в более-менее удовлетворительном состоянии – здесь до сих пор располагается одна из лабораторий КБГУ и даже имеется мемориальная доска, то вторая, построенная в начале шестидесятых годов в связи с приездом в кукурузоводческую Кабардино-Балкарию главного поборника этой культуры, представляет собой зрелище плачевное. Но вот что хотелось заметить – на фоне нынешних «рублевок» (и не только московской, но и местных) дачи эти не тянут даже на положение золушек.

Сложилось так, что они не стали и объектами обывательского интереса, не говоря уже о каком-то поклонении. Молча и тоскливо заканчивают свой век, пережив не только своих знаменитых постояльцев, но и саму советскую эпоху.

В окрестностях Нальчика много необычного, занимательного, неповторимого. Начнем с рукотворного объекта – расположенного в урочище Волчьих ворота, что за Долинском, Ботанического сада, созданного стараниями и руками в первую очередь ботаника-энтузиаста Юрия Ивановича Коса. Он обладал таким багажом знаний, что его смело можно было назвать человеком-энциклопедией. Интеллигент старой закалки, он столь душевно относился к окружающим (вспомним горьковское «милел к ним ласкою»), что превращал свое общение с людьми в ненавязчивое просвещение, бескорыстно даря каждому свои воистину неизмеримые познания. Мало того, рассказывая о чем-то, загорался, жестикулировал, словно сам от себя узнавал что-то архиважное. В пятидесятые годы этого фанатика ботаники в неизменной серой шляпе и черном пальто знал, без всякого преувеличения, весь город. Влюбленный в природу Кабардино-Балкарии, Юрий Иванович исходил республику вдоль и поперек, принося из своих походов (многие из них проходили спонтанно, без всякой подготовки – о чем-то вспомнил, сорвался с места и – за город) цветы для гербариев, отдельные экземпляры редких растений, луковички, побеги для последующей посадки в ботаническом саду. Случалось, в свой старый обтрепанный рюкзак он забывал положить кусок хлеба, но такого, чтобы там не оказались толстая общая тетрадь, ботанические сетка и совок, невозможно было даже представить.

Просматривая сводные ботанические труды, мы были поражены, как много в них ссылок на Ю. И. Коса. И это закономерно, ведь он обнаружил и описал не только новые виды растений, но и эндемики среди них. Эндемики (от греческого *endemos* – «местный», «туземный») – растения, распространенные только в определенной географической местности, в нашем случае Кабардино-Балкарии. В частности примулу, в одном случае оттенок цветков которой (примула лескенская), в другом внешний облик (примула адырсуевская) были отличны от известной ученым. Это касается и подснежников, резко отличающихся от описанных (кавказского и белоснежного), которым Юрий Иванович дал имена кабардинский, узколистый и Борткевича.

Всего же в ботаническом саду нальчикский подвижник собрал около 800 видов растений дикой флоры Кавказа. Откуда в скором времени многие из них перекочевали в Москву, «где руководством ВДНХ было решено соорудить альпинеум и под руководством Юрия Ивановича засадить в нем целую альпийскую горку кавказскими растениями, основную долю которых взяли из Кабардино-Балкарии»¹⁴⁷, а сам нальчикский оазис был внесен в список ботанических садов СССР.

Ю. И. Коса уже много лет нет с нами (он умер в марте 1961 года), а примула его все так же по весне распускает свои нежные фиолетовые и сиреневые лепестки, обрамленные, как короной, густыми пушистыми листьями. Одному из авторов этих строк они известны с детских лет. По той причине, что его двоюродная сестра Тамара Попова, учившаяся в 1957–1962 годах на биологическом отделении КБГУ и хорошо знавшая Юрия Ивановича, из многочисленных летних экспедиций привозила целые охапки всевозможных цветов. Разложенные для просушки по всему дому, они издавали столь чудесный аромат, что казалось – ты находишься на цветущем альпийском лугу. Сестра продолжила учебу в Ленинграде, в Нальчик не вернулась, но вся ее жизнь – научная и личная – оказалась связана с ботаникой, с флорой Кавказа. Она и ее супруг – «выдающийся российский ботаник-систематик Юрий Леонардович Меницкий» – стали одними из «лучших знатоков флоры этого узлового региона на рубежах Европы и Азии», занимались организацией работ по подготовке монументального труда «Критический конспект флоры Кавказа» – одной из важнейших флористических сводок на рубеже XX–XXI вв.». К сожалению, закавыченные слова взяты нами из некролога – Ю. Л. Меницкий, «в высшей степени оригинальный ученый и человек», автор «совершенно исключительной в русскоязычной ботанической лите-

ратуре монументальной монографии «Дубы Кавказа»¹⁴⁸, в 2001 году не вернулся из экспедиции на Северный Кавказ. Он умер в Нальчике, где и похоронен рядом со своим четырнадцатилетним сыном Ваней, участвовавшим вместе с родителями в одной из летних экспедиций и трагически погибшим.

В городе на Неве вышел трехтомный научный труд «Конспект флоры Кавказа» (Издательство Санкт-Петербургского университета), в котором отдано должное Ю. Л. Меницкому, названы его работы. Как и работы Ю. И. Коса...

...Если, миновав Ботанический сад, мы свернем вправо, то по верхней белореченской дороге попадем на карьеры цементного завода. Разработки известняка расположены примерно в двух километрах от заброшенного ныне завода, а вся дорога от города не займет более получаса.

Здесь, как и на стеновых обрывах речного русла, «хорошо видны пласты месторождения. Каждый такой пласт определяет отрезок времени жизни древнего моря. ...Около 100 миллионов лет тому назад» здесь «плескалось древнее море. Осаждавшиеся на морское дно в течение веков остатки моллюсков-иноцерамов и таких морских животных, как, например, морской еж, образовали эти слоистые известняки. Позднее же (около 60 миллионов лет тому назад), в период горообразования, это морское дно мощными подземными силами было приподнято до современного горизонта, что позволяет в разрезах, подобных белореченскому, видеть огромную толщу осадочного материала и примерно определить его возраст»¹⁴⁹.

...Если взглянуть внимательно в развалы известняков, то действительно можно увидеть множество морских ежей. Их панцири достаточно хорошо сохранились, встречаются даже абсолютно неповрежденные экземпляры. Особенно красивы те из них, чьи окаменевшие панцири украшены, как коронами, наплывами золотистых кристаллов пиритов. Поиск представителей животного мира далекого прошлого, исчезнувшего миллионы лет назад, настолько увлекает, затягивает, что в прямом смысле забываешь обо всем, теряешь времени счет. Белые горные отвесы слепят глаза, солнце светит здесь по-особому ярко, и неожиданно замечаешь, как буквально на глазах оголенные участки тела бронзовеют. Загар столь впечатляющ и насыщен, что остается только удивляться. Особенно ярко он проявляется у тех, кто ранее находился на солнце, уже напитав свою кожу энергией светила.

Получается, вот оно, место паломничества для желающих стать мгновенно такими, как героиня популярного шлагера «мулатка-шоколадка»? Так-то оно так, но есть одно «но» – как только вы отъезжаете от карьеров, кожа светлеет, а загар исчезает, словно его и не было. Право, не стоит переживать, потому что местными жителями замечено и другое – у многих людей, побывавших в карьерах, проходят простудные заболевания, особенно насморк, значительно меньше дают о себе знать застарелые недуги, улучшается общий тонус. Происходит своего рода зарядка организма. Солнечной энергией? Флюидами, исходящими из земли? Ответ нам неизвестен. Феномен карьеров всесторонне никто не изучал.

Белореченские места широко известны местному населению и приедем своими теплыми минеральными источниками, купание в которых способствует лечению суставов, мышц, заболеваний нервной системы, женских органов. Вода эта, по причине присутствия в ней сероводорода и азота, имеет специфический запах. Кроме того, она содержит соли калия, кальция, натрия, магния – из-за щелочей она отличается особой мягкостью. За последнее время количество сернистых источников уменьшилось – ранее эти выходы наблюдались на протяжении более километра по обе стороны реки. В начале 30-х годов прошлого века были пробурены дополнительные скважины, построено специальное здание – «Серные ванны»; лечение как таковое поставлено на профессиональную основу, прием процедур определяется врачами.

Миновав источники, а затем и кордон Нальчикского лесохозяйства, проехав несколько километров по достаточно накатанной дороге – она под силу любому внедорожнику, попадаем на один из полигонов ВГИ – Высокогорного геофизического института, призванного бороться с градообразующими облаками, которые несут бедствия сельскому хозяйству. Лучшие времена градобойцев остались в советском прошлом, но нас интересуют вовсе не они, а каньон реки Нальчик. Вид с площадки полигона открывается неповторимый – уходящая чуть ли не отвесно на сотни метров пропасть, несущая свои воды где-то внизу и кажущаяся с такой высоты серебряной ниточкой речушка, смыкающиеся вдалеке горные склоны, заросшие лесом, горный орел, разрезающий бесконечную небесную синь...

Площадка, представляющая собой что-то вроде качающегося балкона, укрепленного на массивных балках, зависших над бездной,

с примитивными перилами и без досок, служивших полом (их растащили в первую очередь), – своего рода экстрим для желающих проверить свои поджилки. Но куда больше адреналина можно получить, уйдя по тропинке вправо, затем спуститься вниз и под нависающими скалами добраться до пещер. Их здесь несколько, они достаточно известны и разведаны как московскими, так и доморощенными нальчикскими спелеологами. И для них особого интереса не представляют. Но нам, никогда так глубоко не забиравшимся под землю, все увиденное было внове и в диковинку. Вначале мы осмотрели достаточно просторный грот со всевозможными ответвлениями, уходящий на несколько десятков метров под скалу, стены которого облюбовали для своего жилья летучие мыши.

А потом, спустившись по склону еще ниже, оказались у сравнительно небольшого отверстия, из которого с шумом вырывался поток воды. Подойдя к этому месту, наш спутник Василий, оригинальнейшая и колоритная личность, электрик по профессии, а в свободное от нее время аквалангист, спелеолог, исследователь всего необычного (чего стоят фотографии его пребывания в экстремальных местах республики!), произнес весьма уместную в этих диких местах фразу: «Синьоры, мы пришли». Дело в том, что одно время Василий работал вместе с итальянцами и их галантные «синьор», «синьорина» так ему пришлись по душе, что заменили все другие формы обращения к незнакомым людям. И понятно: разве могут холодное «товарищ» или даже уважаемое «господин» соперничать с изысканным «синьор»?!

Ни «синьор», ни «синьорина», если честно, не могли понять, где же находится эта самая – в несколько десятков метров – пещера. Оказалось – в этой самой горе, войти в которую можно было только по пробитому водяным потоком руслу. Из своего безразмерного и невероятно тяжелого рюкзака (тяжесть его груза за все время пути Василий ни на кого не перенес) он один за другим извлек три прорезиненных комбинезона, достающих до самого горла и завязывающихся тесемками. Дальше началось не самое легкое – у одного из будущих спелеологов комбинезон ну никак не хотел налезать выше пояса и лишь спустя весьма немалое время, общими усилиями – в шесть рук, удалось буквально затолкнуть живот в это прокрустово «одевание». Но оказалось, что это еще не вся наша одежда – поверх резиновых комбинезонов мы натянули другие – такелажные, из кремовой хлопчатобумажной ткани (подарок все тех же итальянцев), дабы обезопасить первые, легкорвущиеся, от острых скальных вы-

ступов. На голову – оранжевые монтажные каски с закрепленными на них лампочками; через плечо – сумки с аккумуляторами. Даже не по пересеченной местности в этом корсете для всего тела передвижение было затруднительным, что уж говорить о подъеме по катящейся на тебя трехметровой водопадной струе. Василий поднялся первым, помог забраться и нам. Из проема значительно ниже человеческого роста неслась вода, тянуло пронзительным холодом, а свет фонарей никак не мог пробить черную мглу. Честно говоря, радости от предстоящего купания в ледяной воде не ощущалось, но назад отступать было уже поздно.

И мы пошли... Практически сразу попали в расщелину, в которой вода доходила почти до самой головы. А если к этому добавить, что внизу то и дело встречались песчаные зыбуны, в которые проваливались ноги, то вполне объяснимо, как вода находила себе путь в комбинезон. Проход то сужался до такой степени, что через него можно было пробираться лишь бочком, цепляя плечами стены, то расширялся на несколько метров, образуя своего рода раковины, то опускался так низко над водой, что приходилось двигаться на полусогнутых ногах, лишь наши головы, то и дело касками задевающие потолок, виднелись над водой. Неожиданно лаз стал уходить чуть ли не отвесно вверх, и, чтобы подняться, надо было на животе, цепляясь за скользкие холодные камни, ползти по ним, упираясь ногами в стены. О том, что будет, если не удержишься, думать не хотелось.

Наконец мы оказались в достаточно просторной галерее, где и остановились, пораженные открывшейся картиной. Нависающие высоко над головой каменные своды, шум падающего потока, лучи фонаря, отражающиеся в водяных бассейнах и пляшущие на стенах с носиками сталактитов, отбитых чьей-то варварской рукой ...

Происходящее казалось ирреальным, создавало чувство гнетущего одиночества, бесконечной оторванности от непостижимо далекого мира света и тепла. Василий рассказывал о пещере. Он с товарищами обследовал ее до конца, выбравшись с другой стороны. Но для этого нужны акваланги, так как кое-где вода заполняет все свободное пространство. Один из залов поражает воображение своей высотой и шириной, особенно в зимнее время, когда весь он буквально усыпан самой разнообразной формы и величины остроконечными сверкающими люстрами – сосульками. Есть места, где в ледяной купели водяных лагун плавают трупы непонятно как попавших сюда лосей, рысей, других животных. Вообще Василий экстремал еще

тот – в каньоне реки Нальчик он обследовал все пещеры, спускался по карстовым вертикальным штольням на глубину в несколько десятков метров, с аквалангом обследовал знаменитый провал, что на Голубых озерах... Где только не испытывал судьбу этот неунывающий балагур, и она подарила ему немало встреч с удивительным, таинственным, непознанным. После нашей спелеологической вылазки ломило ооченевшее, налившееся усталостью тело, набирала силу уверенность, что для подобного рода подвигов мы уже староваты. Но на реплику Василия: «Летом в пещерах делать нечего, красота не та... Может, выберемся зимой?» – голоса наши ответили в унисон: «Давайте!».

...Еще одно незабываемое путешествие по этим местам – на Сарай-гору, самую высокую вершину (1327 м) Лесистого хребта. Своей верхушкой, представляющей большое плато, она действительно чем-то напоминает крышу сарая. Как сообщает Г. Подъяпольский, «на географических картах название этой горы – Издара (на некоторых картах – Избора). Вся она покрыта листовным, высокоствольным, преимущественно буковым лесом, который уступает место полянам только на ее южных склонах и на самой вершине, откуда открывается замечательный вид на Скалистый, Боковой и Главный хребты...»¹⁵⁰.

В этих местах расположен интереснейший рукотворный памятник – «монастырь», вырубленный прямо в горе. Сколько слышали о нем в детстве, как мечтали побывать в его кельях, а удалось это сделать только совсем недавно...

Вот что пишет по интересующей нас теме Е. Кюль: «Одним из христианских памятников истории и архитектуры является Издаринский комплекс монастырей, расположенный ...в верховьях реки Хео (район горы Издары). Оба монастыря – мужской и женский – относятся к типу катакомбных. Четырехъярусные ряды келий, соединенных подземными галереями, вырублены в глинистых отложениях по обоим берегам реки. Издаринский монастырский комплекс напоминает знаменитый грузинский пещерный храмовый комплекс, построенный в царствование грузинской царицы Тамары...»¹⁵¹.

В «Путеводителе по Кабарде и Балкарии...», выпущенном в 1928 году, директор краеведческого музея М. И. Ермоленко писал: «Верстах в 16–18 от г. Нальчика расположена гора, называемая «Сарай-гора». Она видна даже из Нальчика в виде серокаменной, отвесно выдающейся на север скалы, покрытой лесом. Путь на нее из г. Нальчика – через дачи Долинские, реку Нальчик, сел. Хасанья (6 верст от Нальчика). От последнего идет колесная дорога на юго-

запад к подошве горы. Потом дорога идет вверх по склону, по лесу, а затем она там суживается до простой тропы и круто поднимается к самому концу хребта. Почти у него расположены пещеры в виде землянок и комнат, вырытые в массиве горы на северо-восток. Пещеры эти давние. В них, вероятно, жили отшельники-богомольцы; после... там была группа толстовцев, но распалась и разбрелась. Интересно осмотреть самые пещеры, родник у них и окружающую местность и подышать там кристаллически чистым горным воздухом»¹⁵².

Но выше мы не случайно взяли слово монастырь в кавычки. В обыденном сознании за нальчикским комплексом действительно прочно закрепилось данное определение. Напомним, что монашество (от греческого *monachos* – «живущий уединенно») – это посвящение себя религии и Богу, суть его в отказе от мирской жизни. Первые христианские монастыри возникли именно как поселения отшельников еще в III–IV веках н. э. в Египте. На Руси они появились значительно позднее – с принятием христианства и стали своего рода «центрами культуры»; после революции 1917 года были закрыты «как очаги религиозного дурмана и контрреволюции». Небольшие монастыри, расположенные в отдалении от городов, назывались «пэстынями». Еще более мелкие именовались скиты, киновии. Пещерный комплекс под Нальчиком не отвечал требованиям, предъявляемым к ним. И даже натуралист Георгий Подъяпольский, бывавший здесь неоднократно, место это иначе как «так называемый монастырь»¹⁵³ ни разу не называет. Действительно, кельи в горе Издара напоминают жилища затворников. «Боголюбезным безмолвником, пустынником, отшельником» был широко известный и почитаемый блаженный Серафим Саровский, затворник Задонского монастыря блаженный Георгий. Но еще в конце XIX века именно в те годы, когда появляются первые известия о нальчикском «монастыре», святитель Игнатий (Брянчанинов) писал: «В настоящее время в нашем отечестве отшельничество в безлюдной пустыне можно признать решительно невозможным, а затвор очень затруднительным, как более опасный и более несовместный чем когда-либо. В этом надо видеть волю Божию и покоряться ей. Если хочешь быть приятным Богу безмолвником, возлюби молчание и со всевозможным усилием приучись к нему. Не позволяй себе празднословия ни в церкви, ни в трапезе, ни в келии; не позволяй себе выходов из монастыря иначе, как по самой крайней нужде и на самое краткое время; не позволяй себе знакомства, особливо близкого, ни вне, ни внутри монастыря; не позволяй себе свободно-

го обращения, ни пагубного развлечения; веди себя как странник и пришлец и в монастыре, и в самой жизни...»¹⁵⁴.

Мы позволили себе столь обширную цитату, чтобы прояснить суть отшельничества, ибо во все времена были люди, выбирающие «из всех возможных жизненных путей тяжелейший», невзирающие при этом «на презрение общества, на прямую опасность попасть за решетку и даже лишиться самой жизни»¹⁵⁵.

О нальчикских отшельниках, которых считали сектантами, писали всякое, но в подавляющем числе случаев публикации эти носили негативный оттенок. В частности, в журнале «Живая старина» в заметке «"Святой старец" Михаил» сообщается о том, что зимой 1893/94 года в Нальчике появился некто Михаил Субботин, о котором говорили, что он провидец. И «вскоре несколько человек ушли из слободы в горы, вырыли там пещеру и начали вести «праведную жизнь», проводя дни и ночи в слезах и покаянии, «в умерщвлении плоти своей»¹⁵⁶. В народе их стали называть «Михаильцами-пещерниками». Находились «отшельники» в пещере до осени 1894 года, но, не поладив с местными жителями (речь идет о горцах), возвратились в слободу. Тогда они выбрали место более «удаленное от людского глаза», общими усилиями (в группу копателей входило около десяти человек) вырыли еще несколько пещер и устроили в ней обитель с кельями.

Правда, есть одно смущающее обстоятельство: в публикации говорится, что пещера находилась на берегу реки Урвань. Но скорее всего это неточность, так как в исторических документах и печатных источниках тех лет упоминаний об урванских скитах мы не встречали.

Как жили затворники? В «молениях и борениях»... Далеко не все выдерживали подобный путь к спасению. Ведь, говоря словами автора записок «В горах Кавказа», «люди, живущие на равнинах, не ведают тех трудностей, какие испытывают монахи-пустынники, вынужденные часто взбираться на горные перевалы с грузом за плечами. Они зачастую устают настолько, что все мышцы тела трясутся от чрезмерного переутомления. Расстояние в 14–15 км летним днем едва-едва удается преодолеть за 12–13 часов. Но тяжелее всего бывает, если в пути застигнет неожиданный дождь, особенно в осеннее время. Он вымочит всю одежду до последней нитки. Вода потечет с головы и плеч по всему телу, стекая в обувь. Но если даже и дождь перестанет, положение не облегчается. Стоит только слегка задеть кустик или деревце, как на путника изливаются новые потоки воды. К тому же по размокшей глинистой земле ноги скользят, словно по льду, по-

этому путешественники бесконечно спотыкаются и падают на спусках и подъемах, что беспредельно усугубляет и без того тяжелый путь»¹⁵⁷.

(Правда, к слову будет сказано, в памяти местных жителей отложился и тот факт, что отшельникам раз в неделю одна из слобожанок доставляла на ослике хлеб и другие продукты.)

Испытания холодом, уединением, недоеданием оказались не под силу многим, и кельи со временем стали пустеть. К 1907 году в «жилищах отшельников практически никого не осталось», а зимой «в Нальчикское слободское правление округа» был доставлен «неизвестный молодой человек лет 33–35 – худой, обросший черными волосами, в лохмотьях, через которые проглядывало изможденное тело... Поимка «пещерного человека», как окрестили его местные жители, вызвала большие толки среди обывателей. Большинство из них склонялось к мнению, что неизвестный – один из ушедших из «мира» в 1905 году и давший обет молчания»¹⁵⁸. В какой-то мере об этом свидетельствовало настоящее паломничество в тюрьму местных жителей, иначе как «святой», «приобщившийся к богу» заключенного не называвших...

До «монастырского комплекса» можно добраться несколькими путями (в том числе и самым апробированным – по гребню Сарай-горы за часов шесть–семь, что подразумевает ночевку). Мы направились сюда на военном грузовом «ЗИЛе» одного из жителей селения Хасанья. Не доезжая селения Герпегеж, свернули вправо и двинулись напрямик по ущелью Хео. То, по чему мы поехали, дорогой можно назвать, лишь обладая большим воображением – колея, петляющая из стороны в сторону, то уходящая резко вверх, то проложенная по самому краю обрыва, то идущая прямо по речному руслу. Десятки раз дорога пересекает речку, причем берег порой поднимается столь отвесно, что удивляешься, как это мотор машины, возмущившись столь непосильной нагрузкой, не заглох, а сама она не переворачивается от чуть ли не вертикального карабка, переваливаясь, как каракатица, с одного огромного валуна на другой, – своенравная и задиристая речка ворочает ими с места на место (но лишь после дождей, так как она родниковая и подпитывается только небесной влагой). То и дело уклоняясь от нависших над колеей веток деревьев, немилосердно хлещущих по лицам (ехали стоя в кузове, до побеления костяшек пальцев стискивая руками борт машины), 18 километров мы преодолевали почти два часа. Но среди каких красот пролегли эти километры! Снова обратимся к одному из очерков Георгия Подъяпольского, досконально знавшего реки республики и называв-

шего «Хео красивее всех. Она протекает среди лучших буковых лесов Кабардино-Балкарии, в глубокой живописной долине, прорезающей Меловой хребет на протяжении 20 километров. Местами над руслом, от самой воды, поднимаются белые, желтые, розовые отвесные стены, состоящие из известняков, песчаников и доломитов; они то сплошные и гладкие, как стены небоскребов, то слоистые, сложенные ровно и красиво. Словно выложены рукой человека. В стенах этих встречаются куполообразные ниши, напоминающие своды соборов, их венчают «башни», «шпили». Дно реки почти на всем ее протяжении представляет собой сплошную каменную плиту, по которой прозрачные волны с негромким шумом переливаются через крупные валуны, порожки, скаты, крутятся над ямами»¹⁵⁹.

А воистину девственный лес – могучие буки (для заготовки их древесины и пробита здесь дорожная колея), дикие груши и яблони, орешник, бересклет, шиповник, бузина, ярко-зеленые узорчатые пики папоротников чуть ли не с человеческий рост... И – опять не удержимся от цитаты – «группы высоких стройных чинар со светло-серыми стволами, а рядом – причудливое дерево – осокорь, вот кудрявый мелколистный клен, а здесь, на утесе, оригинальное дерево – хмелеграб, у которого соцветия словно сережки хмеля. Седостволовые грабы только что распустили листву; отцвела украшенная мелкими пушистыми листьями ветла. Подлесок составляют заросли малины, азалии, жимолости...»¹⁶⁰.

Царство растительности, напоенной живительным солнечным светом и теплом, буйство ярчайших красок, речные борта, уходящие круто вверх на десятки метров, – глаза не устают поражаться картинам, возникающим перед взором. А вот и сам «монастырь» – по правую сторону, на самом верху практически отвесной скалы зияют окна-провалы. Снизу они кажутся крошечными и чем-то напоминают ласточкины гнезда, только прилепили их не под крышей дома, а прямо на стене. До «окон» метров сто, не меньше.

Поднимаемся по пологому косогору и примерно через полчаса достигаем вершины. Теперь «монастырь» под нами, остается только войти в него. Но ведущая ко входу тропка практически разрушилась, обрывается над пустотой – надо пробираться по перекинутому с одной стороны на другую узкому стволу кем-то срубленного дерева. Преодолеваем и это препятствие и по узкому проходу, шириной не больше полуметра, уходящему куда-то в земную толщу, начинаем медленно, гуськом спускаться. Вспугнутые неожиданными гостями, летучие

мыши то и дело проносятся мимо, задевая лица своими размашистыми крыльями. Фонари освещают невысокие, практически в средний человеческий рост, своды – закругленные, со следами копоты.

Вот и первая келья – земляная комната площадью метра в четыре, с относительно ровным основанием, служащим полом; на высоте чуть выше пояса дыра в стене (одно из тех самых, видимых снизу, «окон»). Выглядываем в него – и дух захватывает от открывающейся перспективы: почти отвесно уходит вниз ровная скалистая поверхность, лишь спустя метров 60–70 переходящая в покатый, короткий склон, постоянно подмываемый бурливой речкой. Она и растущие по руслу деревья кажутся отсюда игрушечными. Голубой бесконечный простор предстает перед взором.

Вот еще одна келья, в ней имеется что-то вроде земляной лежанки. А эта комната, самая большая по размерам, вероятно, служила чем-то вроде трапезной – когда ее долбили, наткнулись на валун огромных размеров, с которым отшельникам было никак не справиться. Тогда его обкопали со всех сторон, углубив под ним пол и приложив кое-какие усилия для выравнивания верха: получился весьма удобный стол.

Все кельи – а они расположены на двух уровнях – соединяет петляющий из стороны в сторону, в одном месте упирающийся в тупик узкий коридор, в стенах которого выбито несколько мелких ниш. Протяженность его несколько десятков метров, замысел людей, сотворивших этот подземный комплекс, не всегда ясен (вероятнее всего, ходы рылись спонтанно, в зависимости от сил и возможностей копателей), но их старание, терпение и вера вызывают самое искреннее уважение. Эти же чувства владела Федором Шаляпиным, посетившим эти места, как мы уже говорили выше, летом 1917 года. В дальнейшем здесь побывали многие охотники до всего необычного – кое-кто испытывал себя, другие, скрывавшиеся от преследования властей, находили временный приют от непогоды.

В годы Великой Отечественной здесь прятались те, кого раньше было принято называть непримиримыми врагами Советской власти. Рассказывают, что одна из таких групп была окружена войсками НКВД. Чекисты, чтобы не рисковать людьми, «заперли» диверсантов взрывами, разрушив при этом часть подземных ходов. И будто бы все скрывавшиеся были уничтожены. Но людская молва говорит о другом – один из окруженных спасся, он прыгнул вниз и не разбился: его падение смягчила бурка, полы которой, раскрывшись, по-

служили чем-то вроде парашюта. Данная легенда имеет под собой основание: нам называли даже имя этого человека. Мало того, один из участников той операции (имя тоже известно) рассказывал, что вскоре – во время перехода государственной границы – «парашютист» был застрелен, вследствие чего и выяснилось, что ему удалось ускользнуть из чекистского окружения. Так это или нет, не столь важно, ведь подобные места буквально созданы для всевозможных легенд и мифов, да и само время способствовало им.

...Интересны и заманчивы практически все окрестности Нальчика – всего в нескольких километрах от города находятся так называемые «Красные поляны», расположенные на Лысой горе, – ее вершина действительно обезлесена. Местность эта так и называется – Сырт-Тала, что переводится с балкарского как «поляна на горе». Поляны, заросшие травой в человеческий рост и разнообразными цветами, окружены каймой леса, они прекрасное место для отдыха, тем более, что вид отсюда неповторимый. Особенно приковывает взор южный план – «можно различить три истока реки Нальчик: Казан-су, Элекан-су и Хари-су. На западе – пять следующих одна за другой от востока к западу шиханообразных вершин на лесистом горном кряже. Это так называемые Казаны»¹⁶¹, которые действительно очень похожи на большие котлы, опрокинутые вверх дном.

Если же повернуться лицом на север, то перед смотрящим во всем своем величии открываются широкие просторы знаменитой Кабардинской равнины. Но это уже другое путешествие.

А закончить нашу прогулку по Нальчику хочется стихотворными строчками Инны Кашежевой, одной из лучших кабардинских поэтесс, чей мощный, поразительной глубины и силы талант оказался, если говорить по большому счету, не востребован, недооценен современниками по достоинству. Последние сборники Кашежевой, воспевающие человеческое одиночество, – «Кони времени», «От второго лица», «Старинное дело» – свидетельствуют, как много мы все потеряли с трагически ранним, безжалостным уходом Инны Иналовны из жизни. Стихи эти не только о Нальчике:

Здесь судьба моя начата
С прапрадедовских пор.
Еще не было Нальчика
На фундаменте гор.

Не текли эти улицы,
Как живые ручьи, –
Ветры ухарски ухали,
Как на битве мечи.
И незвано-непрощено
С гор лавина ползла,
И Мария на площади
Просто камнем была,
На земле нераспаханной
И травы не росло...
Очень трудно рассказывать
Про такое родство.
Но не мертвой, а сонною
Эта область была:
Жизнь, как право особое,
Наконец обрела.
Не хотела спокойное
Продолжать бытие...
И сравнили с подковою
Кабардинцы ее.
И такое привычное
Светит заново нам
Прямо к сердцу прибитое
Это нежное – «наль»¹⁶².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кабанов А. С. Нальчик – столица советской Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1960.

² Кабанов А. С. Нальчик за десять лет. Нальчик, 1964; Шинкарев Н. А. Нальчик сегодня и завтра. Нальчик: Эльбрус, 1981.

³ Пеннер В. Я. Слово о Нальчике. Нальчик: Эльбрус, 1987; Пеннер В. Я., Пеннер Н. В. Нальчик глазами современников. Нальчик: Эль-Фа, 1993. В дальнейшем ссылки на это издание обозначаются: Нальчик глазами современников.

⁴ Бураев Р. А. Нальчик: Экономико-географический очерк. Нальчик: Эльбрус, 1985.

⁵ Лавров Л. И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX века // Балкария: страницы прошлого. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2005. С.48–49.

⁶ Чхеидзе К. А. Страна Прометея. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2004. С. 52–53.

- ⁷ *Кабанов А. С.* Нальчик – столица советской Кабардино-Балкарии. С. 4.
- ⁸ Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик: Эль-Фа, 2001. Т. 1. С. 51–89.
- ⁹ Цит. по: Нальчик глазами современников. С. 5.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Цит. по: *Тхамокова И. Х.* Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эль-Фа, 2000. С. 28.
- ¹² *Думанов Х. М.* Нальчику – 246 лет // Адыги. Нальчик, 1991. № 2. С. 154.
- ¹³ Год основания – 1724 // Горянка. 2004. № 36.
- ¹⁴ Нальчик глазами современников. С. 7–8.
- ¹⁵ Там же. С. 11–12.
- ¹⁶ Там же. С. 8.
- ¹⁷ Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. Тифлис, 1874. Т. 6. С. 873.
- ¹⁸ *Балгат Б. К.* Слобода Нальчик: (Отрывок из дневника туриста) // Живая старина. 1991. № 1. С. 146–147.
- ¹⁹ Цит. по: Нальчик глазами современников. С. 8.
- ²⁰ Там же. С. 49.
- ²¹ *Сухова Н. Н.* Революцией призванные. Нальчик: Эльбрус, 1977. С. 24–25.
- ²² Цит. по: История горских евреев Северного Кавказа в документах. Нальчик: Эль-Фа, 1999. С. 177–178.
- ²³ От Нальчика до Черка // Терские ведомости. 1869. 3 сентября. № 36.
- ²⁴ Вестник Европы. 1884. № 4. С. 543–544.
- ²⁵ Цит. по: История горских евреев Северного Кавказа в документах. Нальчик: Эль-Фа, 1999. С. 118.
- ²⁶ Кавказские горские евреи (Даг-чужуфут) // Кавказ. 1885. 22 марта. № 77.
- ²⁷ *Тютюнина Е.* Нальчик на рубеже веков // Горянка. 2004. № 36.
- ²⁸ *Эльчепаров А.* Александровка: (Слово о микрорайоне города Нальчика) // Горянка. 2003. № 35.
- ²⁹ *Бейтуганов С.* Кабарда и Ермолов. Нальчик: Эльбрус, 1993. С. 222, 223, 226, 228, 231.
- ³⁰ *Тютюнина Е.* Нальчик на рубеже веков // Горянка. 2004. № 36.
- ³¹ *Тютюнина Е.* По незнакомой слободе // Горянка. 2004. № 29.
- ³² *Сухова Н.* Революцией призванные. С. 22–24.
- ³³ *Кольцов М. Е.* Новый этикет // Огонек. 1933. № 10. 30 апреля. С. 3–8.
- ³⁴ *Полищук И.* Столица автономной республики // Горянка. 2004. № 34.
- ³⁵ *Кушхов А. Х., Ругузов И. А.* Нальчикский парк. Деревья и кустарники. Нальчик: Эльбрус, 1979. С. 5.
- ³⁶ Цит. по: Нальчик глазами современников. С. 20.
- ³⁷ Более подробно см.: *Тютюнина Е.* Атажукин сад // Кабардино-Балкарская правда. 1992. Авг.

- ³⁸ *Абрамов Я. В.* Кавказские горцы // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик: Эль-Фа, 2001. Т. 1. С. 319–320.
- ³⁹ *Кушхов А. Х., Ругузов И. А.* Нальчикский парк. Деревья и кустарники. С. 7–8.
- ⁴⁰ *Котляров Н.* Голубые ели // Одна судьба – одна дорога. Нальчик: Эльбрус, 1984. С. 299.
- ⁴¹ Знамя. 1967. № 9. С. 12–18.
- ⁴² Огонек. 1947. № 51. С. 25–26.
- ⁴³ *Шепелев А.* В ту далекую пору // Кабардино-Балкарская правда. 1980. 30 октября.
- ⁴⁴ Заметки архитектора // Социалистическая Кабардино-Балкария. 1935. 15 сентября.
- ⁴⁵ *Кушхов А. Х., Ругузов И. А.* Нальчикский парк. С. 11.
- ⁴⁶ *Хавпачев Х.* Профессиональная музыка Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1999. С. 113, 117.
- ⁴⁷ *Текуева М. А.* Исламское движение в Кабарде и Балкарии во время Гражданской войны на Тереке // Южнороссийское обозрение. 2002. Вып. 1.
- ⁴⁸ В «Сосруко» махсыма льется прямо из крана // Газета Юга. 2004. 10 июня.
- ⁴⁹ *Гугов Р. Х.* Бетал Калмыков. Штрихи к портрету // И жар души, и хлад ума. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2005. С. 203–330.
- ⁵⁰ *Сарахов А.* Остров ГУЛАГ. Майкоп, 2004.
- ⁵¹ *Кушхов А. Х., Ругузов И. А.* Нальчикский парк. С. 15.
- ⁵² Там же. С. 17.
- ⁵³ *Чхеидзе К. А.* Страна Прометея. С. 53–54.
- ⁵⁴ Слобода Нальчик // Казбек. 1896. 2, 4 января.
- ⁵⁵ *Балкаров М. И., Балкарова И. М.* Курорт Нальчик и нарзаны Эльбруса. Нальчик: Эльбрус, 1986. С. 3, 6.
- ⁵⁶ *Бураев Р. А.* Нальчик: Экономико-географический очерк. С. 12.
- ⁵⁷ *Грибоедов А. С.* Хищники на Чегеме: Сочинения в стихах. Л.: Сов. Писатель. Ленингр. отд-ние, 1987. С. 372–374.
- ⁵⁸ Цит. по: Нальчик глазами современников. С. 46–47.
- ⁵⁹ *Омельянов М. Я.* Марко Вовчок. Нальчик: Эльбрус, 1987. С. 14.
- ⁶⁰ *Шепелев А.* Браслет Марии. Нальчик: Эльбрус, 1988. С. 66–67; См. также: *Баскаев А.* Все начиналось с уроков рисования // Кабардино-Балкарская правда. 2005. 30 августа.
- ⁶¹ Цит. по: Нальчик глазами современников. С. 38.
- ⁶² *Виноградов А.* Если помнят тебя – значит жив // Секундная стрелка истории: Книга о газете «Кабардино-Балкарская правда». Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2001. С. 86.
- ⁶³ *Виноградов А.* Цените жизни дар: Венок сонетов. Ставрополь: Юрсит, 1998. С. 20.

- ⁶⁴ Цит. по: *Кодзоков В. К.* Певцы земли родной. Нальчик: Эльбрус, 1992. С. 82–83.
- ⁶⁵ *Кодзоков В. К.* Певцы земли родной. С. 83–84.
- ⁶⁶ *Шаляпин Ф. И.* Соч. М.: Искусство, 1976. Т. 1. С. 494.
- ⁶⁷ Цит. по: Нальчик глазами современников. С. 79–80.
- ⁶⁸ Цит. по: *Шенталинский В.* Рабы свободы: В литературных архивах КГБ // «Прошу меня выслушать...»: Досье Исаака Бабеля. М.: Парус, 1995. С. 29, 34.
- ⁶⁹ *Канторович В.* Бабель рассказывает о Бетале Калмыкове // Воспоминания о Бабеле. М.: Книжная палата, 1989. С. 179.
- ⁷⁰ *Пирожкова А. Н.* Годы, прошедшие рядом (1932–1939) // Воспоминания о Бабеле. С. 253, 254.
- ⁷¹ Нальчик глазами современников. С. 87–88.
- ⁷² *Пришвин М. М.* Собрание сочинений. М.: Худ. лит., 1983. Т. 4. С. 363–370, 716–717.
- ⁷³ *Давыдов И. В.* Певцы мужества и братства. Нальчик: Эльбрус, 1972. С. 43, 86, 103, 104.
- ⁷⁴ Цит. по: Нальчик глазами современников. С. 94–95.
- ⁷⁵ *Николаева Г. Н.* На кухне // Собр. соч.: В 3 т. М., 1973. Т. 3. С. 36, 38.
- ⁷⁶ *Теунов Х.* Чудесный самородок // *Пачев Б.* Верные слова. М.: Молодая гвардия, 1957. С. 8–9, 17.
- ⁷⁷ *Пачев Б.* Жизнь и смерть // Там же. С. 107.
- ⁷⁸ Михаил Тхакумашев. Каталог выставки. Нальчик: Эль-Фа, 1998. С. 5.
- ⁷⁹ Там же. С. 5
- ⁸⁰ Цит. по: *Аппаева Ж.* На память грядущему поколению // Кабардино-Балкарская правда. 2001. 1 февраля.
- ⁸¹ Цит. по: *Аппаева Ж.* На память грядущему поколению.
- ⁸² Цит. по: *Деппиева А. Б.* Из истории Национального музея КБР // Горянка. 2000. № 50.
- ⁸³ *Либединский Ю. Н.* Связь времен. М., 1962. С. 853–859.
- ⁸⁴ *Шаханов Т. Б.* Записки краеведа. Нальчик: Эльбрус, 2004. С. 13.
- ⁸⁵ *Кольцов М. Е.* Новый этикет. С. 3–8.
- ⁸⁶ Цит. по: *Деппиева А. Б.* Из истории Национального музея // Горянка. 2001. № 6.
- ⁸⁷ *Щербакова О.* Национальному музею КБР – 80 лет // Газета Юга. 2001. 11 января.
- ⁸⁸ *Емельяненко Н. И.* Из истории Национального музея // Горянка. 2001. № 16.
- ⁸⁹ *Котлярова М. А., Котляров В. Н.* Ладони протяни к огню души моей... Книга о Мухадине Кишеве и Жаклин Мосс. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2003. 304 с.; 2-е изд., доп. 2004. – 328 с.
- ⁹⁰ *Бондарин С. А.* Садик Свободы // Русские советские писатели о Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1988. С. 68–70.

- ⁹¹ Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 2. Надписи XVIII–XX вв. / Издание текстов, переводы, комментарии, статья и приложения Л. И. Лаврова. М.: Наука, 1968. С. 58.
- ⁹² Сказания о Жабаги Казаноко / Составление, подготовка текстов к печати, комментарии и приложения З. М. Налоева, А. М. Гугова; Вступительная статья З. М. Налоева. Нальчик: Эль-Фа, 2001. С. 6.
- ⁹³ *Польских Е.* // Советская молодежь. 1981. 3 декабря.
- ⁹⁴ *Шаханов Т. Б.* Записки краеведа. Нальчик: Эльбрус, 2004. С. 20.
- ⁹⁵ *Трунов Д.* Путешествие первое. Дорога на Эльбрус // Ущелья сокровищ: 4 путешествия по Северному Кавказу. М.: Советская Россия, 1963. С. 25–27.
- ⁹⁶ Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т.13, 1-я половина. С. 333.
- ⁹⁷ Русские исторические песни. Л.: Советский писатель, 1987. С. 58–59.
- ⁹⁸ Там же. С. 464.
- ⁹⁹ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Калуга: Золотая аллея, 1993. Т. 9–12. С. 16–17, 20.
- ¹⁰⁰ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 3. Т. 5–6. М.: Мысль, 1989. – 678 с.
- ¹⁰¹ Цит. по: *Сукунов Х. Х., Сукунова И. Х.* Черкешенка. Майкоп: РИПО «Адыгея», 1992. С. 27–28.
- ¹⁰² *Валишевский К.* Иван Грозный. М., 1989. С. 388.
- ¹⁰³ *Горский С.* Жены Иоанна Грозного. М., 1912.
- ¹⁰⁴ *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. М.: Наука, 1980. С. 150.
- ¹⁰⁵ *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. С. 208–209.
- ¹⁰⁶ *Костылев В. И.* Иван Грозный. Книга вторая: Море. Минск: Ураджай, 1987. С. 35
- ¹⁰⁷ *Вороков В.* Мелодия старой скрипки. Нальчик: Эль-Фа, 2002. С. 189–190.
- ¹⁰⁸ Соня Шериева: «Я родилась в «Кабардинке» // Газета Юга. 1997. № 17.
- ¹⁰⁹ *Бэлагы Л.* Гуащэнэ. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2005. – 160 с.
- ¹¹⁰ Древо жизни как символ созидания // Кабардино-Балкарская правда. 2004. 27 мая.
- ¹¹¹ *Бондарин С.* Гроздь винограда. М.: Советский писатель, 1964. С. 16, 17, 18.
- ¹¹² *Сухова Н. Н.* Революцией призванные. С. 23.
- ¹¹³ Цит. по: Нальчик глазами современников. С. 69, 77, 73–74.
- ¹¹⁴ *Шепелев А.* Главная улица // Эльбрус. 1988. С. 77–78.
- ¹¹⁵ Краеведческие записки Кабардино-Балкарского краеведческого музея. Нальчик, 1961. Вып. 1. С. 12–16.
- ¹¹⁶ *Шепелев А.* Главная улица. С. 78, 79–80, 81.
- ¹¹⁷ Там же. С. 81.
- ¹¹⁸ *Вороков В.* Улица детства // Кабардино-Балкарская правда. 1990. 2 марта.

- ¹¹⁹ *Вороков В.* Мелодия старой скрипки. Нальчик: Эль-Фа, 2002. С. 102.
- ¹²⁰ *Кольцов М.* Новый этикет // Огонек. 1933. 30 апреля.
- ¹²¹ *Катханов К.* Назыр. М., 1998. С. 11–12.
- ¹²² Там же. С. 49.
- ¹²³ Там же. С. 132.
- ¹²⁴ Там же.
- ¹²⁵ *Тютюнина Е.* Дом Голицына // Горянка. 2004. № 24.
- ¹²⁶ Дом с летящими воротами // Газета Юга. 2004. 8 апреля; Дом с балконами на цепях // Советская молодежь. 2004. 18 августа.
- ¹²⁷ *Чхеидзе К.* Страна Прометей. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2004. С. 227–230.
- ¹²⁸ Там же. С. 115.
- ¹²⁹ Торжество закладки здания для Нальчикского реального училища // Терские ведомости. 1911. 21 июля.
- ¹³⁰ *Тхагазитов М. Х.* Памятники революционной славы Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1977. С. 11.
- ¹³¹ Цит. по: Нальчик глазами современников. С. 34–35.
- ¹³² *Подъяпольский Г. Н.* Заметки натуралиста. Нальчик, 1963. С. 6–7.
- ¹³³ Социалистическая Кабардино-Балкария. 1934. 28 октября.
- ¹³⁴ *Налоев З. М.* Этюды по истории культуры адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1985. С. 258.
- ¹³⁵ Там же. С. 260–261.
- ¹³⁶ *Кушев Б.* Салам: Стихи и поэмы. Нальчик, 1955. С. 82–83.
- ¹³⁷ Цит. по: *Давыдов И. В.* Певцы мужества и братства. Нальчик: Эльбрус, 1972. С. 122–123.
- ¹³⁸ *Чхеидзе К.* Страна Прометей. С. 97.
- ¹³⁹ Цит. по: Нальчик глазами современников. С. 33.
- ¹⁴⁰ *Полищук И.* Столица автономной республики // Горянка. 2004. № 34.
- ¹⁴¹ Цит. по: Нальчик глазами современников. С. 72–73.
- ¹⁴² *Максимов П.* Люди и факты // Революция и горец. 1933. № 8. С. 41–56.
- ¹⁴³ *Котлярова М. А., Котляров В. Н.* Я тот, кто будет... Книга о ректоре Владимире Тлостанове. Нальчик: Полиграфсервис и Т., 2003.
- ¹⁴⁴ *Мафедзев С.* Адыги. Обычай, традиции (Адыгэ хабзэ). Нальчик: Эль-Фа, 2000. С. 11–12.
- ¹⁴⁵ *Чеченов И. М.* Нальчикская подкурганная гробница (III тыс. до н. э.). Нальчик: Эльбрус, 1973. С. 3.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 4.
- ¹⁴⁷ *Подъяпольский Г. Н.* По Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1988. С. 181.
- ¹⁴⁸ Памяти Юрия Леонардовича Меницкого (1937–2001) // Ботанический журнал. 2002. № 7. С. 145–151.
- ¹⁴⁹ *Подъяпольский Г. Н.* Достопримечательные места Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1977. С. 57–58.

- ¹⁵⁰ Там же. С. 68.
- ¹⁵¹ *Кюль Е. В.* Издаринский комплекс монастырей как памятник истории и архитектуры // VII Славянские чтения в Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 2004. С. 91–92.
- ¹⁵² *Ермоленко М. И.* Путеводитель по Кабарде и Балкарии: Пособие туристам-экскурсантам с приложением очерка Н. Крыленко «На горных высотах». Нальчик: Экскурсионное общество туристов при облоно, 1928. С. 25.
- ¹⁵³ *Подъяпольский Г. Н.* Жизнь в лесу. Нальчик: Эльбрус, 1987. С. 17.
- ¹⁵⁴ Цит. по: *Монах Меркурий.* В горах Кавказа: Записки современного пустынножителя. М.: Паломник, 1998. С. 5. Далее ссылки на это издание обозначаются: В горах Кавказа.
- ¹⁵⁵ В горах Кавказа... С. 4.
- ¹⁵⁶ «Святой старец» Михаил // Живая старина. 1991. № 1. С. 137.
- ¹⁵⁷ В горах Кавказа... С. 18–19.
- ¹⁵⁸ *Лечинкаев-Кахунский.* Пещерный человек // Живая старина. 1992. № 2. С. 141.
- ¹⁵⁹ *Подъяпольский Г. Н.* По Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1988. С. 149–150.
- ¹⁶⁰ Там же. С. 151–152.
- ¹⁶¹ *Подъяпольский Г. Н.* Достопримечательные места Кабардино-Балкарии. С. 75.
- ¹⁶² *Кашежева И.* Белый тур. Нальчик: Эльбрус. 1970. С. 50.

NALCHIK AND ITS VICINITIES

Coming to this or that town we are eager to see something unique, unusual, retaining in mind and soul. We are sure that your meeting with Nalchik will fill up your photo album and memory with vivid pictures, images and recollections.

Nalchik – the capital of Kabardino-Balkaria – is one of the most picturesque towns in the North Caucasus. As everything on the Earth, being founded one day (the dates differ but it took place at the beginning of the XVIII century) it grows up, becomes larger, changes according to time and Zeitgeist. It becomes more comfortable and modern. But it has one peculiar feature which makes it incomparable: this is its location. Nalchik is surrounded by mountains from three sides that reminds a natural horse-shoe symbolizing in folk thesaurus good luck and happiness. By the way, the former name of the pine grove in wonderful Nalchik park was “The Grove of Early Morning Joy”.

The fortification that afterwards turned into town Nalchik was located in the old part of the modern town occupying place on a steep precipitous left bank of the river. After the erection of the fortification the headquarters of the Kabardinian chasseur regiment moved there. In due course the house of the Caucasian Line Center head, the court, the archives, the cordon office, the church appeared there.

The town then had several districts, among them there were ones with the German (Alexandrovka) and Jew (Jewish settlement) population. The district situated on the right bank of the river should be mentioned particularly. It is the so called Volny (Free) Aul (mountain village). At first it was inhabited by the liberated serfs belonging formerly to the Adigs revolting against Russia. The liberation of the serfs became one of the main methods of Kabarda's administration. From that time Volny Aul turned into a kind of memorial set by general Ermolov – the governor of the Caucasus – to himself.

In fact, the remainder of the past nowadays is a famous Nalchik park, one of the most wonderful places in the town. It was laid out in 1847 as a garden and a rest place for the officers of the fortification as well as an example in horticulture for the local population. Hundreds of apple, pear, peach, cherry, plum, apricot grafts, a lot of grape stalks were brought for this aim from the Crimea and Georgia. In 1865 this garden and the adjoining land became the property of the Kabardinian noblemen Ataghukin getting the name of Ataghukin's Garden. A new life of this garden began in 1923 when it turned into a park in its today look.

Now it is one of the largest parks in the North Caucasus consisting of the regular and landscape parks. The first is made according to the exact plan: straight alleys, flowerbeds, even rows of trees planted in a certain scheme, fountains, summer houses, benches placed at an equal distance. The second part seems as natural as a true forest with its trees, bushes, lawns, glades, wild flowers and grass.

The front rows of trees along the central alley are maples, thuyas, pines. Besides, along such trees as limes, oaks, birch trees, elms, ash-trees there are beeches, willows, poplars, platans, hornbeams and so on. There are over 100 sorts of trees in the park: from Europe, Asia, the North and South America... The large world in a diminutive one.

There are several entries to the park. The main, built as a classical white portico, begins in fact some distance away – from the alley of blue fir trees. The fir tree entrance alley seems a long passage leading to the wide chambers of some magnificent palace. This sort of fir trees was selected by Ivan Kovtunenko – a great specialist in breeding new species of plants and flowers. Nowadays these beautiful trees decorate not only the streets of Nalchik but streets of many other towns and cities of Russia.

The central alley of the park is not only beautiful: wonderful flowers, bushes, trees. The flowers are chosen with such taste that seem to be woven on the canvas of the earth: tulips, roses, lilies, daisies, forget-me-nots, bluebells, daffodils... They follow each other making an impression of ever blooming park.

The Central alley seems to go up the very shining peaks of Dikh-Tau, Kashtan-Tau, Gyluchy making a kind of grand background for it. The alley is 1340 meters long and 9 meters wide. One of its main attractions is three picturesque flowerbeds set at the park crossroads. From spring to the late autumn they sparkle in the sun by variety of flower colors. They remind of an exquisite work of some jeweler.

To the left from the main alley the Lime tree alley takes its beginning. This part of the park is famous for its 150 years old trees, coming as messengers from the past. They were planted in 1851 when the park was laid out. The trees here, with their branches almost grown together, make a kind of a green tunnel. In rainy weather you can walk there without umbrella. The Lime tree alley follows the borders of the high river precipice. The river is rather meandering. And the alley repeats all its outlines. It leads to the highest point of the precipice on the slope of which there is an amphitheater (The Green Theater) – the concert hall in the open air built as organic part of the landscape. It looks especially wonderful in springtime when all the wild fruit trees (apples, cherries, pears) are in blossom.

The Lime tree alley is famous for several memorials beginning with that to the soldiers perished during the Great Patriotic War (1941–1945). The ever-

lasting flame at the foot of the austere obelisk, solemn and mournful sounds of the requiem by Mukhadin Balov commemorate their feat of arms. Two staircases lead us from that place below – to the pine grove at the bank of the river – to one more monument. It is the monument to the perished for the sake of the Revolution. High, thin, orderly pines look like a guard of honor here.

The next sight of the Lime tree alley is a calendar made of flowers. Days, months, years follow each other. Every morning a new Flora date, appeared as by magic, meets you there. Colored time – green-blue in spring, pink-orange in summer, yellow-crimson in autumn – is dependent in this park alley on the will and hands of man.

One of abrupt curves of the alley marks an original staircase leading to the decorative swimming-pool. It is made on the very ground where – in 1913 – the first bathing-place was built. An orderly colonnade, stone lion heads remind us of some fairy Southern land full of wonders. Just straight ahead there is one of the park lakes Trek with some cafes and restaurants around. White-snow buildings with glass roofs, gallery, fountain, bridges across canal, flower-beds as if invite you to enjoy the place itself and the surrounding views. The lake is encircled by great willows of amazing beauty. The pass around it is a wonderful walk. The lake is a favorite rest place of the townsmen.

The restaurant “Elbrus” is situated above the lake and the Green theater. It is the end of the Lime tree alley. The building of “Elbrus” is rather original being a complex of numerous external staircases, arches, open halls, terraces, balustrade. But the most impressive is the view from its second floor – a magnificent snow ridge on the blue and green background. It is just in front of your eyes and you realize what the beauty of the world is. A high blue sky, the sun, the purest air rich of the flower scent, the sound of a highland river flowing somewhere below make you happy.

The lake Trek is at the foot of the mountain Kizilovka (Cornel mountain). All around – a kingdom of limes, beeches, elms, hornbeams, ash-trees, hazels. And cornel bushes, of course. At the top of Kizilovka there is one more original construction. It is a gigantic stone head in helmet and stretched hand with a blazing torch. It seems growing out of the mountain as its natural completion. It is Sosruko – one of the most renowned Narts, the Adig epic heroes. It was he who brought back the fire stolen by monsters. This unusual construction is not only a symbol of powerful mythic protection of Nalchik but a restaurant as well known for its national cuisine. One more function of this place is a looking sight. From it you can see the whole town – a splendid panorama of Nalchik in the sea of verdure.

The third main alley of the park is called Komsomolskaya that reminds of those young men – the members of the Youth Communist League – who planted trees and laid out flower-beds of the future alley in 30–40-th years of the XX century. Its length is 2,5 km. It is the alley of maples and lime trees. It

begins from the hotel “Nalchik” and stretches up to the Kursaal in Dolinsk – the spa part of Nalchik. In a sense this alley with its atmosphere and green vaulted perspective is a classical place for walking, a favorite place for bicycle rides. It links two parts of the park – a regular and landscape ones. The border between them is a wonderful oak alley going from the Dolinsk entry columns down to the lake Trek.

The upper part of the park has some interesting places to visit. It's useless to enumerate everything we can see and visit there: a famous Nalchik zoo with a lot of species of rare animals and birds; an original tower in a national style for looking around; the lake Kurortnoe (Spa) with an unusual pine alley over it; a beer bar Bochka (Barrel), wild glades with thick grass and plenty of flowers even in autumn time... We'd better enjoy our walk with its main pleasure – rich Caucasian nature. Parks are often called the museums of nature. Nalchik park is one of the richest nature museums. According to specialists, it is ranked among the most famous botanical gardens of the Caucasus. It has over 160 species of plants. There are not only endemic trees and bushes but that from North America, Middle and Southern Europe, Japan, China, Korea, Siberia and Minor Asia.

One more, particular, natural resource of Nalchik is its famous mineral springs. They were discovered in 1893. Now 18 mineral springs are used for different medical prescriptions connected with treatment of heart, stomach and nervous diseases (mineral baths and drinking). To restore the motor capacity mud-cure is used. The therapeutic mud is taken from the Tambukan lake situated at the border line between Kabardino-Balkaria and Stavropol land. The most popular sanatoriums are “Nalchik”, “Leningrad”, “Blue fir trees” and others. Their area is finely planned to give you a time of your life. Flower-beds, fountains, shadowy alleys, summer houses rejoice your heart and eyes.

And now let's return downtown to make one more excursus to the past. It is high time to visit the National museum of Kabardino-Balkarian republic built in the center of Nalchik not far from the monument to Maria – the Circassian wife of the Russian tsar Ivan IV the Terrible. The museum was opened in 1921 and became one of the most interesting collections of history and culture in the North Caucasus. From that time it moved twice. The first two whereabouts were also in the town center but then it was the old, historic center around the park. Nowadays the museum collection contains about 150 thousand objects enclosing the history of Kabarda and Balkaria from the primeval time.

It's proper to mention here the Art museum situated in a bus stop from the National museum in Lenin street – the main street of the town. It was opened in 1960 to display classical and modern art – painting, sculpture and national decorative crafts. It stores the paintings by such famous artists of the XVIII–XIX centuries as F.Shubin, V.Borovikovsky, K.Bryullov, S.Tshedrin,

I.Aivazovsky, A.Kuingy and others. Its exhibitions present the evolution of art and acquaint visitors with modern trends in painting and sculpture. Many local painters are well known in Russia and abroad.

The National museum has several branches worth of visiting. They are the memorial museums devoted to Marko Vovchok, Kaysin Kuliev and Aly Shogentsuk; the Museum of literature in Nalchik and some museums in other towns and settlements of Kabardino-Balkaria. Visit them and you'll see the unique culture and particular interrelation of past and present, national and universal, local and common in the life of Kabardino-Balkaria.

The monument to Maria mentioned above was set to commemorate the important historical event – 400 years from the date of Kabarda' voluntary joining to Russia (1557). The official name of the monument is "United forever". It was made by Moscow sculptors S.Makhtin and M.Listopad. A grand figure of the Circassian beauty in a national costume is encircled by four bas-reliefs depicting the most important historical stages in the relations between Kabarda and Russia.

The monument to Maria is a center of a beautiful square – one of the squares decorating the main street of Nalchik. Just around this square there are some interesting places to visit: the Musical and Ballet theater, the National Library and a fine public garden with wonderful limes and fir-trees attracting a lot of townsmen by its shadowy alleys and flower aroma.

Speaking about the monuments commemorating historical events we should mention the monument "Life Tree Grown on the History Wheel". It is a memorial devoted to the victims of the Caucasian War (1763–1864). The memorial is made by the sculptor A.Guchapsh and architect Z.Matuy. According to one of the authors, Life Tree is a symbol of evolution and development. It means creation, progress, memory and link of generations. Wheel is a symbol of time duration. It means movement and rhythm. The number of the Tree branches – seven – is not occasional. It is a lucky number in the Adig numerology. The monument is not only a symbol of future but a sign of our attitude to this war. You should always tell the enemies from friends especially in such cases when the whole nation and its leaders and government are meant. To know the past and to be able to live at present is the general idea of the memorial.

Going on with our walk around Nalchik we reach now one more large square: in front of the House of Government – the residence of the president and its administration. This building was projected in Moscow (1937–1938) by one of the famous Russian architects – V.Vesnina. The construction was finished after the War (1941–1945) in 1950-s. The House of Government is characterized by classical forms and wonderful proportions. Being rather high (over 100 meters) and massive it nevertheless strikes by some lightness and grace. It overlooks a beautiful alley of fountains and public garden with wonderful trees leading right to the park.

Let's take a stroll along one more Nalchik street planted by chestnut trees. It is connecting the town with its spa part. This street is named after poet Aly Shogentsuk whose bronze figure is sitting deep in thought in front of the Kabardinian National dramatic theater situated at the entrance to the park. This street may be compared with a living room of Nalchik having everything for receiving and entertaining the town's guests: Concert Hall, casino, restaurants and cafes, theater, fountains and so on.

A particular place is a cross-roads of Shogentsuk and Lermontov Streets. Two of the most beautiful and famous buildings of the town are there at the opposite sides of the street. They are hotels "Nalchik" and "Tourist" perfectly planned and built. Their forms, decorated columns, rows of arches look splendid. Having no explicit, obvious stylized features recalling mountains in our imagination they seem their symbols: the play of volumes, of regular and smooth lines, the correlation of forms, height and foot are seen like that of the mountains'. The vicinities are lost in the foliage of chestnut-trees. They are magically beautiful in spring and autumn, in exquisite blooming and in special yellowness, with candle flowers and shining brown chestnuts.

In 2004 a new beautiful mosque was opened in the public garden at the railway station. It is situated between Lenin and Shogentsuk Streets and is clearly seen from the station square. Everybody coming to Nalchik by train can admire two high minarets and the original building of the mosque with its huge dome looking like a refined combination of classical and modern constructive details.

The old Orthodox church is not far from here. And you have a rear opportunity to find yourself at the cross-roads of East and West listening to the simultaneous singing of muezzin and bells' ringing.

The vicinities of Nalchik keep a lot of unusual and interesting. For example, you can see there... the signs of the prehistoric sea!.. Going along the road to one of the town's suburb Belaya Rechka (White River) you get to the quarry of the old cement works. About 100 million years ago there was an ancient sea. Afterwards, 60 million years ago, the sea bottom was risen up to the modern horizon by mighty underground powers. Nowadays we can see plenty of primeval sea animals' remnants there. The most often met species is the ammonites – the extinct mollusks. Their shells are perfectly preserved. Especially beautiful are those which petrified tests are decorated by crystals of pyrites.

These places are well known by their hot mineral springs. They can cure hurting muscles, joints, different nervous diseases and so on. At the beginning of 1930-s a special clinic "Sulfuric Baths" was opened there.

Over the springs, at some kilometers further on there is a range of the hail-beating service. A stunning view to the canyon of the river Nalchik unfolds from the range ground: a deep abyss, the thin silver thread of the river, the closing up mountain wooded slopes, an eagle in the blue sky high above the earth...

If to go to the right - down a winding pass – you'll get to the caves popular with local and Moscow pathfinders. Among the caves' attractions there are grottos, galleries, underground springs and halls. One of them strikes your imagination by its size and decorations. It is especially magic in winter when it is covered all over with the chandeliers of glimmering icicles.

This place is famous as well for the so called monastery built just in the rock. It belongs to the catacomb type. All the cells are situated at two levels. The monastery was inhabited by hermits. They lived there up to 1894 (1907?) in complete recluse. Nowadays it's quite difficult to separate the truth about them from captive legends. But the pleasure of looking out from the cell windows is unforgettable: the boundless blue space takes your breath away.

The place itself is worth seeing. It is the picturesque upper reaches of the river Kheo. This river is considered the most beautiful among the rivers of Kabardino-Balkaria. It flows amidst the best beech woods in a deep nice valley cutting the Chalk ridge. From time to time perpendicular walls of limestone, sandstone and dolomite – white, yellow, pink – rise above the riverbed. They look like handmade. Sometimes they are alike vaults of cathedrals, towers and spikes.

As for the forest it is truly virgin – a real fairy land of nature. Beeches, wild pears and apple trees, maples, white willows, hornbeams... Brakes of hazel, dogrose, elder, huge fern; thickets of raspberry, honeysuckle, azalea... A dream or reality?

"Red glades", Bald mountain, Sirt-Tala (Mountain glade)... Three sources of the river Nalchik – Kazan-su, Elekan-su, Khary-su... Kazans (cauldrons) – five peaks following each other from the East to the West... Wide spaciousness of the Kabardinian plane... We can't enumerate all the places of interest awaiting for you here. Perhaps, you'd better simply begin your journey in the vicinities of Nalchik. It's high time to start. Bon voyage!..

КАБАРДИНСКАЯ РАВНИНА

КАБАРДИНСКАЯ РАВНИНА:

это стоит увидеть

Древний город Джулат

Мало-Кабардинская оросительная система

Аушигерские горячие источники

Голубые берега речки Хео

Кызбурунские городища

Окрестности Каменномоста:

лечебный источник,

карстовые озера,

стоянка древнего человека

Кабардинская равнина! Именно она принимает все основные реки республики и их многочисленные притоки. Ее просторы, плодородные земли, дающие обильные урожаи, цветущие сады, тенистые леса, волшебные поляны воспеты в стихах и прозе. Эти удивительные места – практически ровные – предназначены для спокойной, сытой, благодушной жизни. Но именно поэтому видели они в своей истории немало битв, сражений, завоевательских походов. Земля эта обильно полита человеческой кровью, речные долины впитали людскую боль и горечь...

Равнина, как сообщает учебник географии, «имеет незначительный уклон, направленный на северо-восток», большая часть ее поверхности «не достигает высоты 450 м; 450-метровая горизонталь проходит с северо-запада на юго-восток, огибая холмистые предгорья, через села Куба и Куба-Таба, город Баксан, поселок Чегем Второй, северо-восточную окраину Нальчика, села Псыгансу, Аргудан, Старый Лескен, Урух. От этой линии равнина плавно понижается к северо-востоку, достигая в междуречье Малки и Терека 170–180 м. ...Кабардинская равнина разделяется рекой Терек на две части: Большую Кабарду на левом берегу Терека и Малую Кабарду на правом»¹. Ныне это деление достаточно условно, но в недалеком прошлом оно имело серьезное значение. Мало того, отразилось на ментальности местных жителей, даже сегодня дает себя знать проявлениями невольного соперничества, а то и прямого противопоставления. Правда, ныне чаще всего на шуточном уровне.

У известного кавказоведа Г. А. Кокиева читаем: «...Приблизительной датой распада Кабарды на Большую и Малую следует считать середину XVI в.», что подтверждает «письменный документ, ...в котором говорится, что с появлением кабардинцев на берегах Терека «в половине XVI в. ...разошлись они по случившейся между ими ссоре, поселились порознь и стали именоваться по старшинству сих князей Большою и Малою Кабардою. Большою Кабардою та часть народа сего, которая с большим братом заняла места под поселение при реке Баксане, а Меньшею та, при реке Терек, где расположился селением меньший брат с подвластною ему частью». И далее: «В дальнейшем население Малой Кабарды стало занимать и всю равнину, лежащую к востоку от Терека. Во всяком случае, из сохранившихся старых карт видно, что в XVIII в. территория расселения кабардинского народа доходила на востоке почти до берегов Каспийского моря. Это и понятно: кабардинцы, как скотоводческий народ, нужда-

лись в широких, пока мало населенных, северокавказских степях, по которым, перегоняя свои стада, действительно доходили до устьев Терека. По этим же просторам были разбросаны хутора и кочевья кабардинцев, располагавшиеся преимущественно по течением больших северокавказских рек»².

Процитированный нами Георгий Александрович Кокиев (1896–1954) – «историк от бога, интеллигент, неутомимый труженик, творец новых знаний, обладавший неординарным взглядом на многие вопросы кавказской истории»³. Совсем недавно в Нальчике вышел монументальный – в фолианте более 900 страниц! – сборник его статей и документов, который так и называется – «История Кабардино-Балкарии в трудах Г. А. Кокиева» (Эль-Фа, 2005). В него вошло более 30 работ, в том числе такие крупные, как «Краткий исторический очерк Кабарды», «Некоторые сведения из древней истории кабардинского народа», «Шора Бекмурзович Ногмов – выдающийся кабардинский историк и просветитель». Нелишне будет напомнить, что Георгий Александрович – по национальности осетин и его вклад в историческую науку Осетии еще более весом. Изучение истории родного народа и ставшего ему не менее родным кабардинского стало главным жизненным подвигом Г. А. Кокиева. Но, к месту будет сказано, что именно он в сороковых годах прошлого века ввел в научный оборот понятие «горские народы Северо-Восточного Кавказа» после того, как упоминание депортированных народов стало невозможным.

Историк и археолог, этнограф и фольклорист, а еще – поэт, писатель, драматург, журналист. «Хадизат» – так называется его очерк о трагической любви кабардинки и осетина, «повторивших в начале XX века трагическую судьбу шекспировских Ромео и Джульетты». Достойна восхищения степень талантливости этого человека, как и глубочайшего сожаления постигшая его судьба – в 1950 году «выдающийся историк-кавказовед, гордость и украшение отечественного кавказоведения, главная для того времени фигура советского кабардиноведения и осетиноведения был осужден постановлением особого совещания при МГБ СССР «за антисоветскую агитацию и незаконное хранение огнестрельного оружия» к 8 годам лишения свободы с содержанием в исправительно-трудовом лагере»⁴, где и умер спустя четыре года.

В обращении ученого из заключения, адресованном всесильному Берия, он писал: «Скажу без преувеличения, что за 4 года – с 1944

по 1948 год – в Кабарде и Осетии мною проделана такая научно-исследовательская работа, какая не была проделана в указанных республиках за все последние 24 года». Обратитесь к труду «История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева» – и вы увидите, что это действительно так...

Вернемся к названиям Большая и Малая Кабарда. Грузинский поэт-романтик Григол Орбелиани (1800–1883), находившийся на службе в российской армии, в 1831 году был командирован из Грузии в Россию. В пути он вел дневник, который озаглавил «Путешествие мое от Тифлиса до Петербурга». Вот что он пишет по интересующему нас поводу: «От Владикавказа начинается Кабардинская земля. Кабарда делится на две части – Большую и Малую. Их делит р. Терек, по правой стороне которой – Малая Кабарда, граничащая с Чечней, а на севере с Моздоком; по левой же стороне Терека – Большая Кабарда, простирающаяся до горы Эльбрус и граничащая на западе с Карачаем, на севере с р. Малкой, до слияния ее с р. Терекком. Большую Кабарду украшают широко раскинутые поля, множество малых рек и леса»⁵.

А вот что можно узнать из Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, вышедшего в 1894 году: «Кабарда (Большая и Малая) — в западной части Терской области; занимает 8616 кв. км. Большая К. входит в состав Нальчикского округа, а Малая К. – в состав Сунженского отдела. Большая К. начинается от верховьев реки Малки и доходит по Джинальскому хребту до соединения р. Малки с р. Терекком; с Ю. она граничит с Черными и Кабардинскими горами, а с В. – переходит через линию Ростово-Владикавказской ж. д., достигает пределов Малой К. Малая К. находится в угле, образуемом течением р. Терека; прежде она достигала до устьев р. Сунжи».

И далее: «К. населяют Большую и Малую Кабарду, куда они, по преданиям, в незапамятные времена переселились с вост. берегов Черного моря под предводительством некоего Кабарды Тамбиева. Предания К. упоминают и об императоре Юстиниане, распространившем среди них христианскую веру, которая господствовала в Кабарде до начала XVIII в. Русские очень рано столкнулись с этим наиболее могущественным племенем Предкавказья. Народные предания К. говорят о походе на Тмутаракань, где княжил в то время сын св. Владимира – Мстислав, о единоборстве его с кабардинским богатырем Редеду...».

И еще чуть ниже: «Кабарда была и поныне еще остается для горцев школою хорошего тона и манер. Все горцы Сев. Кавказа, а за ними и казаки, заимствовали у К. форму одежды, вооружение, посадку на коне и т. п.». В этом контексте хочется процитировать барона К. Ф. Сталю, автора интереснейшего труда «Этнографический очерк черкесского народа», написанного в 1846–1848 годах: «Кавказские горцы в физиологическом отношении принадлежат к прекраснейшей части из народов белого или так называемого кавказского поколения. Но из всех горских народов черкесы отличаются самым благороднейшим обликом и физической красотой. Много народов прошло через Дарьяльское ущелье, много завоевателей промелькнуло на Кавказе, но до появления здесь русских ни один народ не сделал настойчивой попытки завоевать горы, ни один народ не утвердился в горах, и потому горские народы остались чисты от всякой примеси. Здесь, в Кавказских горах, вы можете изучить первообраз белого поколения в самом его самородке. Не быв никогда завоеванными, горцы сохранили свои первобытные нравы, и тысячелетия проходили, оставляя общество горское в одном и том же неизменном положении...»⁶

Данная глава называется «Кабардинская равнина», но в процессе подготовки текста мы поняли, что в той или иной степени придется выйти за означенные географические пределы, дабы рассказать о памятниках и достопримечательностях, находящихся как будто не в этой местности, но тем не менее тесно и неразрывно примыкающих к ней. Сделав эту необходимую преамбулу, двинемся к развалинам древнего средневекового города, что располагался на высоком правом берегу реки Терек и назывался Джулат. Сегодня мало что осталось от некогда обширного поселения, протянувшегося почти на три с половиной километра по возвышенности, северная оконечность которой была окружена мощными валами и рвами, видимыми и ныне. А ведь здесь жили тысячи людей, о чем свидетельствуют археологические раскопки, позволившие восстановить подлинную историю Джулата. Сведения об этом городище встречаются в средневековых рукописях. Гавриил Ионе и Олег Опрышко, авторы книги «Памятники рассказывают», пишут: «В сочинении «Дербенд-Наме» («История Дербенда») указывается, что это поселение уже во втором веке мусульманского летоисчисления (VIII в. нашего летоисчисления) было очень большим и богатым и имело своего градоначальника Дзулата. Именем его и стали называть городище. Даже в XIV в. после мон-

голо-татарского нашествия, говорит нам Шериф-Эд-Дин в «Истории Тимура», Джулат продолжал оставаться богатым и оживленным городом с многотысячным населением. Из того же источника известно, что под стенами города произошла знаменитая битва среднеазиатского эмира Тимура с ханом Золотой Орды Тохтамышем.

В конце XIV в. Тимур, пройдя через «Дербентские ворота», из Закавказья вышел на Северный Кавказ. Тохтамыш с войском выступил ему навстречу. Тимур, переправившись через реку Сунжу, стал здесь лагерем, ожидая хана. Однако недостаток продовольствия и корма для лошадей заставил Тимура перейти Терек и двинуться к Джулату, где, как указывает далее Шериф-Эд-Дин, армия эмира нашла для себя все необходимое.

15 апреля 1395 г. к Джулату подошел Тохтамыш. В тот же день началась битва, в которой Тохтамыш был разбит и с остатками армии спасся бегством. Воины Тимура разграбили и сожгли Джулат. С тех пор как населенный пункт он прекратил свое существование»⁷.

А теперь на мгновение представьте, какой величины это был город, какими продовольственными запасами обладал, если многочисленная армия Тимура смогла найти здесь «все необходимое». В очень часто встречающихся при раскопках земляных ямах, служивших погребями, жители хранили мясо, зерно. Сами они обитали в полуземлянках, жилищах, сооруженных из обмазанного глиной плетня; встречались и кирпичные сооружения, о чем мы скажем ниже. «Одно из таких жилищ настолько хорошо сохранилось, что по нему нетрудно представить себе, какого типа дома строились в XIV в. В материковой глине на склоне возвышенности была вырыта яма глубиной до метра. По остаткам деревянных столбов удалось установить, что они стояли врытыми по углам ямы для поддержания крыши и крепления стен. Жилище состояло из одной комнаты и хозяйственной пристройки, отделенной от жилой части глинобитной стеной»⁸.

Раскопки показывают, что это был не столько город-воин, как город-труженик. Здесь жили мастера-ремесленники, чьи изделия, в первую очередь гончарные, составляющие большинство находок, и сегодня вызывают неподдельное восхищение. Изящные, оригинальной формы, покрытые глазурью и украшенные орнаментами, всевозможные сосуды для питья, горлышки которых выполнены в виде птичьих голов. Огромные – до полутора метров высотой и более метра в диаметре! – емкости (так называемые пифосы) для хранения воды, вина, зерна.

О мастерстве оружейников можно судить опосредованно – по костяным пластинкам, шедшим на изготовление рукояток для холодного оружия. А о строительных способностях зодчих – глядя на развалины знаменитой джулатской мечети. В записках Иоганна Антона Гильденштедта «Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг.», уникального письменного источника по истории, исторической географии, этнографии, археологии, экономике региона, составивших, по оценкам специалистов, «целую эпоху» отечественного кавказоведения, имеется доскональное описание татартупской мечети. (Татартуп – еще один город на Тереке, который иногда называют Верхним Джулатом, так как в описываемые времена «это были два города с единой культурой и, по-видимому, однородным населением»⁹.)

Ориентируясь на его описание, можно узнать, что собой представляла джулатская мечеть. Итак, «строение, имеющее 28 шагов в длину и 14 в ширину; длинные стены стоят (в направлении) на юг и север; северная длинная и западная короткая стены еще целы; от южной осталась только половина и западной совсем нет; стены в высоту достигают 14 футов, выстроены из булыжников и кирпичей; крыша, от которой сейчас ничего больше не видно, была, должно быть, плоской. В середине длинной южной стены имеется площадка, которая почти на один фут глубиной выступает в западной короткой, близко от угла с северной стеной имеется низкий вход; в северной длинной есть четыре и в западной короткой есть две овальные, криво идущие через стену щели для пропускания света. Это строение несомненно является магометанской церковью или мечетью; так как площадка, обращенная на юг, является тем местом, где обычно стоит священник или мулла, не напротив площадки, а всегда сбоку, как и здесь, вход. К этому же подходит еще и то, что меньше чем в трех шагах от западной стены стоит высокая башня, с которой мулла обычно созывает народ на молитву.

...Башня, построенная из кирпичей в виде цилиндра, достигающая около 9 сажень в высоту, так как в ее внутреннем пространстве, достигающем 3 сажень, имеется 75 ступеней, (причем) каждая из них достигает 20 дюймов в высоту. Постаментом этой башни является четырехугольник; каждая сторона его толщиной около двух сажень и высотой приблизительно в полторы сажени. Затем башня полностью цилиндрическая до высоты в 7 сажень, около 12 футов в поперечнике; остальная верхняя часть уже приблизительно на 3 фута. У подножья суженой части имеется отверстие на юг и обход вокруг

выступающей нижней части башни. Верхняя часть башни открытая и такого же размера, как и вся башня. Вся башня построена из очень прочного кирпича и прочно связывающей известки; на внутренних ступенях лежат дубовые доски; нет только последних десяти, и также камни этих ступеней распались; больше ничего не разрушилось в этой правильно выстроенной башне. Нижний вход (выходит) на восток, напротив двери в мечеть»¹⁰.

На месте Джулата побывавший здесь в начале XIX века академик Г.-Ю. Клапрот увидел только двенадцатиметровую башню минарета с винтовой лестницей, состоящей из 75 ступеней. Археологические раскопки нашего времени позволили установить, что «здание мечети, вероятно, было самым массивным и выдающимся сооружением города. ...Находясь у развалин минарета, невозможно было даже представить себе, что рядом с ним, под землей, покоятся руины громадного сооружения. ...Фундамент мечети сложен из обтесанных каменных глыб... Стены мечети шириной до метра возводились из кирпича... квадратной формы, характерной для средневековья. Внутри стены были оштукатурены и выбелены. Остатки штукатурки видны и сейчас. Частично сохранился пол, выложенный из кирпичных плиток.

Четыре ряда колонн (по двенадцать в каждом в длину здания) поддерживали кровлю мечети. От колонн остались лишь круглые каменные базы, служившие для них основанием.

К мечети был пристроен минарет. С него муэдзин призывал горожан к молитве. Высота башни достигала тогда 30–35 м. Даже сейчас, по сохранившимся внутри башни нишам для ступеней, можно представить крутизну винтовой лестницы, поднимающейся кверху. ...Судя по размерам мечети и ее положению, можно предполагать, что она являлась в свое время если не крупнейшей, то, по крайней мере, одной из самых монументальных в районе Центрального Кавказа. ... Вполне возможно, что именно эту мечеть и имел в виду арабский дипломат и историк Ибн-Батута, когда в 1324 г. записал, что в предгорьях Северного Кавказа стоит соборная мечеть»¹¹. Напомним, что мы процитировали книгу, написанную по итогам раскопок 1962 года. Картина дня сегодняшнего разочарует многих: о былом величии напоминают лишь остатки фундамента да фрагменты стен, выложенных из кирпича. Сами кирпичи представляют собой квадратные (23x23 см) пятисантиметровой толщины плиты, каждая весом более четырех килограммов. Они розоватого цвета с сединой от раствора, не совсем ровные, с вкраплениями от неразмешанных глиняных ка-

тушек и следами, чем-то напоминающими разрезы. Прочность у них невероятная – молотком стучи, не отобьешь: средневековый кирпич несколько грубоват, но обжигали его так, чтобы он служил многим поколениям. Впрочем, и он не устоял от ударов современных варваров – тут и там в траве видны части, половинки, а то и целые пластины. Говорят, что кое-кто из местных жителей сподобился построить из него даже какие-то постройки, сделав тем самым прошлое фундаментом своего настоящего. Будет ли оно таким же прочным, вот вопрос...

Покидая Джулат, где и сегодня страницы давней истории может прочитать каждый, где не надо даже представлять, как жили наши предки – прошлое само открывает окна во времена Средневековья, мы прихватили с собой один из отбитых кем-то осколков мечети. Кирпич этот – кто знает, может, именно его касались руки железного Тамерлана – вызывает у всех впервые видящих его множество вопросов, начиная от удивления его формой и кончая неверием в дату обжига. Но заметили одно: взявшие его в руки на какое-то мгновение замолкают. словно неведомая сила, вложенная древними мастерами в свое изделие, переливается в нас, живущих сегодня...

Джулат, уже как будто изученный, еще хранит немало тайн. К сожалению, археологи основательно подзабыли сюда дорогу, ничего не было сделано и властями для консервации, не говоря уже о реставрации этого единственного в своем роде памятника на территории нашей республики. А ведь здесь можно было бы открыть потрясающий музей под открытым небом, изучая прошлое не по книжным страницам, а живую, к нему прикасаясь и ощущая.

Кабардинская земля в этих местах предстает перед нами во всем своем великолепии, которое еще больше подчеркивает разлившийся на сотни метров вширь Терек. Расположенное поблизости головное сооружение Мало-Кабардинской оросительной системы – это тоже своего рода памятник, но уже советского времени. Строилась она практически вручную с 1924-го по 1929 год – трехсотметровая плотина, еще более длинный (417 м) туннель, разводные оросительные каналы были возведены с помощью кирок и лопат. И само собой – небывалого энтузиазма.

Спокойно и величественно несет здесь свои воды Терек, великодушно и бескорыстно делится ими с магистральным каналом оросительной системы, белоснежные сооружения которой, окруженные пирамидальными тополями, словно возведены не какие-то непол-

ных 80 лет, а многие века назад. Отдых здесь – одно удовольствие: речной ветерок спасает от летней жары, деревья дарят прохладную тень, а река поделится (если соблаговолит, конечно) своими обитателями – костистыми рыбешками. Разжигай костер, нанизывай рыбку на сломанную веточку и вдыхай обжигающий ноздри аромат.

...Расположенные менее чем в 30 километрах от Нальчика, в месте, где река Хео впадает в Черек, аушигерские горячие источники – еще одно место паломничества туристов. И это вполне закономерно – народная молва приписывает их воде поистине чудодейственную силу: ее применяют внутрь и наружно, количество больных, избавившихся здесь от хворей, никто никогда не считал, но оно составляет многие и многие тысячи. А к болезням этим относятся заболевания кожи, центральной нервной системы, женской половой сферы, периферических кровеносных сосудов, нарушения обмена веществ, острые послеинфекционные явления и множество других. После принятия горячих ванн происходит ускоренное заживление травм, улучшается самочувствие, жизненный тонус.

Впрочем, подробнее мы расскажем об этом чуть ниже. А пока несколько штрихов из истории открытия аушигерского источника. В 1964 году поисковая бригада приступила к поискам нефти в долине Черекского ущелья. Бурили скважину за скважиной, причем почти на километровую глубину, а черным золотом и не пахло. Уже планировали приостановить поиски, когда в дело вмешалось провидение – работник местного хозяйства случайно провалился в одну из засыпанных скважин. Вытащив его, увидели, что земля ушла на несколько метров вниз, мало того, яма значительно расширилась в своих размерах. Буровики решили продолжить поиски, и вскоре из скважины вырвался фонтан горячей (до 50 градусов) минерализованной, солоноватой воды. Нефть в месте, где Хео впадает в Черек, так и не нашли, а вот источник не заглушили, и вода продолжала изливаться на радость местным жителям.

Вполне объяснимо, что уже в скором времени здесь появились первые, выкопанные прямо в земле, ванны, а вскоре и что-то вроде бассейна. Весть о том, что аушигерская вода снимает всевозможные боли, что неходячие после принятия нескольких процедур уходят отсюда самостоятельно, разнеслась вначале по республике, а потом и по Северному Кавказу. В восьмидесятых годах прошлого века сюда частенько стали наведываться отдыхающие на здравницах

Кавказских Минеральных Вод. Уезжали они в большинстве своем довольные, разнося по городам и весям тогда еще необъятной страны весть о целебной силе аушигерского источника.

Так продолжалось двадцать лет, пока автотранспортники республики не построили здесь профилакторий. В годы перестройки он перестал функционировать, а без хозяйского глаза и рук – ветшать буквально на глазах. Сегодня нужны большие капитальные вложения, чтобы вернуть его к жизни – термальные воды всю потрудились над стенами бассейна, люди над всем остальным, имеющим мало-мальскую ценность. Зато набирала силу частная инициатива – располагавшийся поблизости так называемый «дикий» бассейн был обнесен оградой, территорию немного обустроили, за въезд на нее машин и вход людей стали брать деньги. И основной поток наслышанных о чудодейственных теплых источниках хлынул, понятное дело, сюда. Но люди предоставлены здесь сами себе, каждый самостоятельно определяет продолжительность пребывания в горячей воде, количество купаний и температуру (у трубы она самая высокая), и понятно, что кому-то эти купания на пользу, а кому-то и во вред. Все чаще приходится слышать, что аушигерские процедуры ухудшили состояние больного, что кому-то еле удалось сбить давление, резко повысившееся после горячих ванн, а кто-то и в больницу попал. И это только сведения из круга людей, с кем общаются авторы.

Понятно, что все должно быть в меру, но кто устанавливал эту самую «меру» для нашего человека? Практически бесплатная лечебная процедура, воодушевление от обилия минеральной воды, изливающейся постоянно из горла трубы, возможность перекусить шашлычками под рюмочку-другую – как тут не захмелеть и в прямом, и в переносном смысле. И вместо выздоровления приобрести болезнь. А ведь вода эта создана для человеческой пользы.

Специалисты Пятигорского научно-исследовательского института курортологии и физиотерапии еще в 1968 году сделали ее полный физико-химический анализ, из которого явствует: аушигерская вода имеет хлоридно-натриевый состав без специфических компонентов, слабощелочную реакцию, она слабоминерализована, растворенные в ней органические соединения не достигают токсических концентраций. И – внимание: «Может быть использована как бальнеологическая вода для ванн и лечебных бассейнов при условии ее охлаждения до 38 °С»¹². Последующие анализы подтвердили, что «минеральная вода характеризуется как борная, маломинерализованная,

хлоридно-натриевого состава слабощелочной реакции», представляет собой «прозрачную жидкость без цвета, запаха, слегка солоноватого вкуса», не образует осадка, не обладает радиоактивностью, а поэтому «может быть рекомендована для внутреннего приема с лечебными целями, для налива в бутылки и для различных внутривидовых нужд, таких, как промывание желудка, кишечника, гинекологических орошений...»¹³.

Для питья аушигерскую воду можно употреблять больным с хроническими заболеваниями печени и желчевыводящих путей, кишечника с нарушением его моторной функции, гастритами, нарушениями обмена веществ – ожирением, подагрой, легкими формами сахарного диабета.

Значительно шире спектр наружного применения. Это в первую очередь заболевания опорно-двигательного аппарата – различные полиартриты, посттравматические поражения, спондилез, остеохондрозы различной локализации. Заболевания центральной и периферической нервной системы – полиневриты, нервно-вегетативные и ангионевротические расстройства, острые явления после инфекции (пиелонефрит, энцефалит, меолит). Вода также полезна для тех, кто страдает хроническими заболеваниями периферических кровеносных сосудов, воспалительными заболеваниями женской половой сферы, псориазом, нейродермитом. Теперь вам понятно, почему сюда ни при каких условиях не зарастет народная тропа.

Но самое интересное то, что аушигерский источник не единственное лечебное чудо этих мест. Если свернуть от дороги не влево, а вправо и немного пройти вверх по берегу речки, то взору откроются голубые отвесные пласты. Блестящие на солнце, то и дело сочащиеся родничками, невероятно скользкие у самой поверхности воды. Это голубая глина, запасы которой в этих местах поражают, как и ее лечебные свойства. О глине, являющейся панацеей от многих болезней, известно с давних пор: ею успешно лечили различные хвори древние лекари. Немало у этого природного лекарства поклонников и в наше время. Среди них – популярная целительница Валентина Травинка, так и назвавшая одну из своих многочисленных работ – «Голубая целительница глина»¹⁴. Почитайте ее – и станет ясно: лекарства не нужны, глиной можно вылечить абсолютно все. Впрочем, проще привести названия глав этой работы, говорящие сами за себя: «Как я расправилась с воспалением легких», «Берегись, подагра!», «Чтобы стать красивой, белолицею», «И псориаз сдается, ура!», «Чтобы зубки не боле-

ли, ушки лучше слышали, а глазки яснее видели...» и даже – «Чтобы головка лучше думала...». Ну а в конец – венец голубого чудодейства: «Господин рак пасует!» Не больше и не меньше. Экзальтированность автора, так сказать, зашкаливает.

Впрочем, чем черт не шутит, если, как говорят американцы, рак бывает даже от соплей, то почему бы его (рак, естественно) глиной не вылечить. Ну а в том, что польза от голубой глины при лечении заболеваний опорно-двигательного аппарата есть, и немалая, может убедиться практически каждый. Необходимы лишь терпение и пунктуальность. И само собой, наличие глины. Благо в этих местах ее можно заготавливать в неограниченном количестве. Главное – выбрать нужный пласт. В этом помогут металлические рамочки, если вы умеете ими пользоваться (что, кстати, доступно каждому), а на худой конец обыкновенная металлическая гайка на нитке. Крутится она в этих местах как заведенный волчок, отклоняется в сторону держащего нитку почти повсеместно, а значит, перед вами то, что надо. Следует только брать глину не с поверхности, а из глубины, тем более что особого труда это не составляет – природное снадобье залегают здесь пластами, которые легко поднимаются лопатой.

Помнить надо и том, что глину перед употреблением следует просушить на солнце. Потом раскрошить и залить водой, желательно природной или дистиллированной. На следующий день она набухнет, станет мягкой и податливой, прямо липнущей к рукам. Теперь можно начинать и само лечение. Боли в коленях? Сделайте марлевую аппликацию, обмотайте больное место чем-то теплым и часа на два прилягте. Если вы все сделали правильно, если глина энергетически сильная, то уже через несколько минут она даст о себе знать – колени начнут буквально «крутить», жечь как бы изнутри. Это глина начинает вытягивать соли, которых у каждого из нас в организме предостаточно. Поэтому надо быть готовым к тому, что одной-двумя процедурами отделаться, если хочешь вылечиться, не получится. Нужно их проделать десятком, а то и больше. Во всяком случае, пишущие эти строки проверили сие на личном опыте.

Помогает, на самом деле помогает голубая целительница при суставных болях. И кожу лица разглаживает, убирая морщины. Что тоже весьма просто: на куске марли вырезаются отверстия для глаз, носа, рта, накладывается глина толщиной где-то с палец; полученную маску – на лицо на пару часов. Женщины, сделайте – и не пожалеете: ничуть не хуже дорогостоящих кремов и мазей действует!

Кстати говоря, аушигерские глины – источник доходов для наших доморощенных лекарей: по осени заготавливают они ее бочками, а потом всю зиму врачуют страждущих и самое главное – весьма эффективно. А ведь сеанс такого лечения по цене не уступает массажу. Господа, экономьте деньги – заготавливайте глину сами!

В последнее время, особенно в летние месяцы, на берегах Хео настоящее паломничество. Люди раздеваются чуть ли не догола, намазываются от пяток до головы глиной и часами лежат на солнце. Особым шиком считается смывать глиняную коросту в аушигерском источнике. Удастся это немногим – перемещаться в «индейском одеянии» решается не каждый. Есть ли от подобного лечения польза, не знаем, но слышали о другом. Буквально в нескольких сотнях метрах вверх по течению реки имеется еще один источник. Местные жители называют его бериевским, рассказывая, что перед войной всесильный Лаврентий Павлович будто бы побывал в этих местах, лечил какие-то свои болячки. К его приезду источник был благоустроен, а после отъезда засыпан. Так это или не так, сказать сегодня трудно, но то, что источник был, подтверждают многие аушигерцы.

Мы уже писали в главе «Нальчик и его окрестности» о реке Хео, но, право, она заслуживает куда большего. Сколько необычных камней в этих местах! Многие напоминают черепахи панцири, в другие природа «впаяла» мелких обитателей когда-то плескавшегося здесь моря. А если уж очень повезет, найдете древних моллюсков, которым десятки миллионов лет. Здесь же, на Хео, мы увидели камень с... кабардинским орнаментом. Только вот вопрос, природа здесь потрудилась или руки человеческие?

...Еще одно короткое путешествие в прошлое – к кызбурунским холмам, получившим свое название от близости к селению Кызбурун III, переименованного в девяностые годы прошлого века в Дугулубгей (в серии «Города и селения КБР: история малой родины» наше издательство еще успело выпустить книгу под таким названием¹⁵), а ныне слившегося с городом Баксаном.

Даже сегодня эти заросшие травостоем, кустарником и деревьями три холма, опоясанные полусыпанными земляными рвами и валами, внушают уважение, что уж говорить о том, когда они составляли единый – мощный и достаточно сложный – оборонительный комплекс, подступы к которому предваряли сторожевые посты, возведенные по углам городищ. Понятно, что их строители (городища

являются памятниками эпохи раннего Средневековья, то есть периода IV–XIII веков) умело использовали особенности рельефа местности, но сколько земли перелопатить вручную им пришлось, чтобы сделать вершины холмов плоскими, вырыть рвы и подвести к ним воду, насыпать валы, дабы стали крепости столь неприступными.

Городища неоднократно обследовались, особых находок не было сделано, найдены лишь фрагменты пифосов (такие же, как на Джулате) – «с налепными рельефными валиками, днища с клеймами исключительно аланского типа»¹⁶. Тем не менее городища не дают покоя «черным» археологам – то тут, то там видны следы варварских раскопок, местное население поделится слухами о невероятных находках: изделиях из золота, серебра и т. д. Но выдумки здесь куда больше, чем правды.

Хотя надо быть честными: огромное количество находок, сделанных на Кабардинской равнине, исчезло безвозвратно. И у этой поистине черной традиции многолетние корни. Вот лишь одно из свидетельств, приведенных Н. А. Нарышкиным, побывавшим в наших местах в 1867 году: «Кабардинец Шарданов, сопутствовавший г. Фирковичу в 1848 году, умер несколько лет тому назад. В последние годы своей жизни он очень пристрастился к археологическим изысканиям и к раскопкам, хотя, по-видимому, цель у него была далеко не научная. Я узнал, что около семи лет тому назад он разрыл один курган на местности, называемой Кишпек (в 15 верстах от Нальчика) и на довольно значительной глубине нашел правильно сложенный из обтесанного камня склеп, внутренность которого имела вид квадратной комнаты. Спустившись в него, он нашел два скелета, лежавших рядом на выложенном плитами полу. У каждого из них в головах находился камень с надписью красными буквами на неизвестном языке. Возле скелетов находилось несколько маленьких глиняных кувшинов, которые были тогда же разбиты Шардановым, в надежде найти в них что-нибудь драгоценное, но вместо того они оказались наполненными чем-то вроде золы. На одном из скелетов Шарданов нашел две серьги или подвески из чистого золота, весом в несколько полумпериалов. Не найдя ничего более драгоценного в склепе, он не счел нужным скрывать от посторонних о своей находке и даже дал знать об этом в укрепление Нальчик ближайшему своему начальству. К сожалению, меры, принятые для более подробного осмотра склепа, были несвоевременны. Когда назначенные для этого лица прибыли на место, то нашли его до половины засыпанным,

кости от скелетов разбросаны, а главное – надписи на камнях были совершенно стертые и уничтожены...»¹⁷.

Следы подобного, воистину преступного отношения к прошлому можно видеть и рядом с одним из кызбурунских городищ. Еще совсем недавно здесь располагалось небольшое мусульманское кладбище с искусно сделанными надгробиями. Надписи на арабском языке свидетельствовали, что представителей кабардинской знати здесь хоронили начиная примерно с XVIII века. Ныне величественные надгробия (высота некоторых достигает трех метров) наклонились к земле, повалены, заросли травой, мало того, с каждым годом их становится все меньше. Остается только догадываться, для каких целей и где можно использовать надгробные плиты предков, когда-то ходивших по этой земле...

...Один из самых необычных памятников, найденных когда-либо в Кабарде, – «каменный истукан», как его называли русские и европейские путешественники. Он стоял справа от дороги Нальчик – Пятигорск, у нынешнего селения Этоко. Вот что, в частности, писал Семен Броневский, автор книги «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе», вышедшей, напомним, в 1823 году: «Между Бештовыми горами на полугоре Тёмир-Кубшаки при ручье Етака стоит каменный поясной истукан вышиною в 8 футов, 8 дюймов, называемый кабардинцами Дука-Бех, с надписью, коея буквы имеют сходство с греческими или славянскими, и с разными изображениями людей и зверей, высеченными на подножии онаго. Надписи никто не мог разобрать и кому воздвигнут сей памятник также неизвестно. По некоторым изображениям догадываются только, что рыцарь Дука-Бех был христианин»¹⁸.

В 1840-х годах Шора Ногмов в своем труде «История адыгейского народа» попытался дать ответ на эти вопросы. А вот как он описывает самого истукана: «Памятник этот представляет молодого человека в шитой шапочке и в платье, похожем по покрою на нынешний бешмет с продольной строчкой. Застегнут он четырьмя четверугольными застежками и подпоясан кожаным узким поясом, прошитым посредине ниже лифа; платье идет складками. Ноги не сделаны, но нижняя часть представляет столб с греческой надписью на передней стороне и множеством фигур, представляющих людей на охоте за зверьями, воинские игры пеших и конных людей и с правой стороны колчан с стрелами, ниже пояса статуи, а с левой – сабля с рукояткой наподобие грузинской и лук в футляре. В этой греческой надписи можно многое разобрать и между прочим имя Баксана...»¹⁹.

Что это за «множество фигур», можно узнать из уже цитированной нами выше книги «Памятники рассказывают»: «Ниже подписи, спереди изображены три человеческие фигуры. Одна из них держит чашу, другая из сосуда, стоящего рядом, черпает воду, третья стоит на колене с чашей в руке. Под фигурами высечены два всадника, сражающиеся на копьях. С обратной стороны пьедестала – фигура человека, стреляющего из лука в оленя; ниже ее – два человека, стреляющие друг в друга из лука. На левой узкой боковой стороне статуи, у пояса, – человек с поднятой саблей в правой руке, в левой он держит цепь с пятиглавым змеем. Под ним – человек с палицей на плече. Справа высечены олень и собака»²⁰.

У Шоры Ногмова есть и объяснение, кому и за что был поставлен памятник. Приводим его в интерпретации автора книги «Очерки этнографии Кавказа», известного ученого и государственного деятеля России (он был министром народного просвещения) Е. П. Ковалевского (1792–1867): «В половине IV столетия от Р. Х. на реке Баксане, протекающей по Кабарде, жил князь Дауо; у которого было восемь сыновей; из них старший Баксан, знаменитый нарт (витязь), со всеми братьями и 80 нартами был убит в жестоком сражении с гутами (готами, по мнению автора). По этому случаю была сложена в честь Баксана песня и совершаются ежегодно игрища народные в память его. Сестра убитых братьев перенесла трупы их в Кабарду, похоронила их с честью на берегу реки Этоко и воздвигла на могиле их памятник, существующий и поныне». Далее Е. П. Ковалевский опровергает версию кабардинского летописца, переносящего имя «антов со славян на адыгов». Предлагает Шоре Ногмову «для убеждения нас в том, что под ним покоится именно прах героя Божа, или Боксана, что он действительно погиб в сражении с готами, предводимыми Винитаром, и погребен своей сестрой в IV столетии... снять и предъявить верный снимок (facsimile) с надписи...»²¹.

Не факсимиле, а сам памятник стараниями А. Фирковича вскоре был доставлен в Пятигорск и установлен у так называемого «Цветника». Впоследствии он был перевезен в Москву и передан в хранилища Исторического музея. В 1886 году академик В. В. Латышев предложил свой перевод начального текста: «Успокоился раб божий Георгий Грек ...130 года 12 марта» (т. е. XII век) и на этом остановился, заявив, что ему «удалось разобрать в этой надписи далеко не все» и что, «быть может, другим посчастливится более нашего в ее разборе».

В 1947 году профессор Г. Ф. Турчанинов предложил расшифровку этокской надписи с позиции адыгского языка, то есть народа, которому памятник принадлежал, и дал такую интерпретацию перевода: «Текст... показывает, что Бек является сыном Кануко, который, в свою очередь, был сыном Туко. Иначе Кануко Бек был отцом, а Туко – дедом. Надпись выполнена сыном некоего Маремуко»²².

И сегодня мнение ученых по поводу Этокского памятника неоднозначно, и это дает повод для самых невероятных гипотез. К одной из них авторы этих строк имели отношение, так как готовили к печати книгу, на которую сослались выше: «Адыго-кабардино-черкесы и тайна Этокского памятника». Ее автор А. Ж. Кафоев.

...Имена отважных летчиков братьев Кафоевых вписаны в историю Великой Отечественной войны – Магомед сгорел в воздухе, защищая Москву, Владимир погиб в небе над Финским заливом, а артиллерист Рамазан сложил голову, защищая Тамань. Единственный из братьев Арсен, удостоенный двух орденов Красного Знамени, остался жив. Представляли его и к самой высокой награде, но подвиг воина пришлось на то время, когда готовилась депортация отдельных северокавказских народов, судьбу которых лишь чудом не разделили кабардинцы.

Арсен Кафоев никогда не интересовался, почему представление осталось без ответа. Главным для него было сознание, что он способен на поступки, продиктованные его волей, его мужеством, его целеустремленностью. Он был хозяином самого себя, хозяином в воздухе. Он видел перед собой врага, сразу понимал его характер и мгновенно вырабатывал тактику боя. На земле слова затеяют, искажают, камуфлируют истинную суть человека, а здесь другие законы. Та независимость и широта взглядов, которые Кафоеву подарило небо, большинству из нас не присущи. Всю жизнь он искал открытого боя, открытой научной полемики в частности. «Я не хочу ни суда наполовину, ни предубежденных судей», – написал он в 1999 году в предисловии к своей книге «Адыго-кабардино-черкесы и тайна Этокского памятника», посвященной памяти погибших братьев.

Почему суд? Кафоев, опираясь на сведения Шоры Ногмова, дерзнул пересмотреть некоторые устоявшиеся взгляды в кавказоведении. Он сделал попытку прочесть надпись на памятнике Дука-Бек по-адыгски, датировав его 375 годом. Тогда происхождение многих терминов, имеющих отношение к происхождению кабардинцев, например, «адыгэ», «нарт», «касог», «алан», «черкес» имеет не этниче-

ский характер, а выражает отношения племен. Отсюда же следует, что адыго-кабардино-черкесы с первых веков нашей эры были знакомы античным авторам, которых Арсен Жебраилович знал назубок, и упоминаемы ими как «анты». Кафоевское прочтение Этокского памятника укореняет адыгов на местах их нынешнего проживания не с XI века, как принято в сегодняшней науке, а с IV. В кавказоведении это означает не только пересмотр традиционной историко-географической карты расселения народов, но и изменение подходов к многочисленным историческим проблемам нашего региона. Дешифровав по-своему этокскую надпись, Кафоев дал понять, что народными песнями и историческими преданиями не следует пренебрегать, а дорожить ими, как древними памятниками народа. На это обстоятельство в книге Кафоева особое внимание обратил доктор исторических наук Ахмат Мусукаев: не фольклорный источник «Повесть о Баксане, сыне Дауове» «подтверждает слова надписи, а, наоборот, содержание текста памятника в данном случае служит основой информации».

Однако историки не торопятся с публичным обсуждением и рассмотрением всерьез гипотезы Кафоева. Мотивация проста – по образованию он экономист. Действительно, Арсен Жебраилович закончил соответствующий факультет и аспирантуру МГУ и сорок лет преподавал эту общественную дисциплину студентам госуниверситета, но до того учился на филологическом и историческом факультетах Кабардино-Балкарского пединститута. Со второго курса МГУ с присущей ему одержимостью по рекомендации своих профессоров целеустремленно занимался проблемами происхождения северокавказских народов, изучая античные источники и архивные рукописи. Так, в начале 50-х годов он познакомился с Этокским памятником, стал горячим поклонником «Истории адыгейского народа» Шоры Ногмова, а в 1963 году в Нальчике выпустил книгу «Адыгские памятники». Спустя год по этой теме защитил кандидатскую диссертацию по истории. Уже в этой работе он датирует Этокский памятник Дукабек V веком, а впоследствии делает его старше еще на сто лет, апеллируя к событиям антско-готской войны.

Словом, идефикс – идея, всецело увлекшая все помыслы и интересы ученого человека со студенческих времен на всю отведенную ему жизнь. То, что стало делом всей его жизни, рано или поздно будет объектом пристального внимания исторической науки: откроются малоизвестные или вовсе неизвестные страницы прошлого, вырастут другие поколения исследователей старины, появятся фи-

нансовые средства на археологические раскопки... Хрестоматийный пример: «Илиада» Гомера две тысячи лет считалась литературным памятником, а одержимый мечтатель Генрих Шлиман взял да и отыскал Трою. Легенда стала историей.

В последние годы жизни Арсена Жебраиловича мы тесно общались с ним, не уставая поражаться тому, как упорно бывший бесстрашный летчик сражался с атакующими его организм болезнями, как не падал духом, как не сомневался, что его слово будет услышано. Философы утверждают, что в будущем нет ничего, чего не было бы в прошлом. Именно будущее решит, был ли прав Кафоев – человек, нарушавший все законы перспективы, крупным планом видевший то, что отстоит от нас на многие столетия назад.

А вот версия о происхождении Этокского памятника пятигорчанина Александра Асова, уверенного в том, что именно на Северном Кавказе вершилась ранняя русская история (мы уже говорили об этом в главе «Джилы-су»), экстравагантна, если не сказать больше. Ей целиком посвящена восьмая глава «Сказание о Бусе Белояре» его занимательной книги о Древней Руси. Согласно ей, «великий князь Русколани Бус из рода Белояров (295–368 гг. н.э.)», родившийся «в граде Кияр (Сар-град) в Пятигорье», чья власть «распространялась от Алтая, Загроса до Кавказа и Днепра», «укреплял Русь, которая вела войны с гуннами»; воевал он и «с готами-арианцами (древними германцами), предводитель которых «Германарех повел свой народ завоевывать мир». Данное предложение специально построено нами из заковыченных фрагментов, дабы отвести обвинения от фальсификации истории посредством мифологических событий. Согласно Асову, Германарех личностью был прелюбопытнейшей – прожил 110 лет, мало того, в этом возрасте решил вступить в династический брак с сестрой Буса по имени Лебедь, а когда выяснилось, что его сын Рандвер эту самую Лебедь полюбил, повесил его, а саму невестку бросил под копыта коней. Погибель свою этот «великий полководец, ...захвативший после долгих войн почти всю Восточную Европу», нашел от меча Буса и его брата Златогора. Но и сам Бус прожил после этого недолго – его «и семьдесят иных князей распяли на крестах» воины Амала Винитария, преемника Германареха. Все сказанное выше видится необходимой преамбулой к тому, что будет сказано ниже. Цитируем дословно: «По кавказскому преданию, на родину тело Буса и иных князей привезли восемь пар волов. Жена

Буса повелела насыпать над их могилой курган на берегу реки Этоко (приток Подкумка) и воздвигла на кургане памятник, сделанный греческими мастерами («хотя памятник ниже его, но сходство с ним уязвило мое сердце...» – пела она, согласно легенде). Она же, дабы увековечить память Буса, повелела переименовать реку Альтуд в Баксан (реку Буса).

По преданию (балкарскому и болгарскому, т. е. богумильскому), Бус, как и Иисус, затем воскрес и вошел на Фаф-гору (Эльбрус). И отныне он в Ирии, в небесном царстве у трона Всевышнего.

На земле же памятником Бусу остался монумент. И он стоял на древнем кургане на реке Этоко много лет, и прохожие могли прочесть древнюю надпись на нем, пока не забылся древний язык и древняя письменность»²³.

Все это написано вполне серьезно, с многочисленными ссылками на источники IV–VI веков нашей эры – знаменитую «Книгу Велеса», церковника Иоанна Златоуста, готского летописца Иордана, римского поэта Децилл Маги Авзония... История, так сказать, творится на наших глазах: акценты смещаются, мифические герои определяются в конкретном времени, выдуманные координаты становятся реальными. Уверены: даже небезызвестный Фоменко с его новой трактовкой мирового летоисчисления позавидовал бы воображению пятигорчанина. Впрочем, не будем больше иронизировать – ведь, тем не менее, и эта версия имеет право быть. Вероятно, точку в данном вопросе расставят только далекие потомки наши, которым – чем черт не шутит! – возможно, удастся прогуляться по прошлому. По местам, где – тут нет никакого преувеличения – писались и страницы мировой истории...

Вообще зольская земля, на которой был установлен знаменитый Дука-Бек, одна из самых насыщенных достопримечательностями и необычными объектами.

В пещерах, что вблизи селения Каменноостского, жили люди еще со времен палеолита. Во всяком случае, в этом не сомневаются археологи из Сибирского отделения РАН, занятые поисками памятников каменного века и уже нашедшие одно из орудий труда древнего человека – камень с признаками искусственного расщепления²⁴.

Удивительные каменные артефакты, которые показал нам житель этого же селения Арсен Бишенов, – зримо-реальное путешествие в прошлое нашей планеты.

Два карстовых каменных озера по левую сторону Малки (от Каменноостского это менее чем в двух километрах) поражают своей практически идеально круглой формой. С высоты их невольно ассоциируешь с человеческими глазами – голубая бездонность завораживает и затягивает в свою воронку-омут. В отличие от провалов Голубых озер, которым по своему происхождению зольские аналогичны, в последних водится рыба.

Есть поблизости от того же селения лечебный источник, вода из которого, как утверждают местные жители, способствует повышению остроты зрения, эффективно улучшает общее самочувствие. Еще большей славой пользуется чудодейственная вода из источника, что невдалеке от поселка Залукокоаже – она также полезна для глаз, а кроме того, при регулярном приеме весьма успешно излечивает легочные заболевания. Людской молве, приводящей сюда множество страждущих, можно верить и потому, что сравнительно недалеко от этих мест расположена знаменитая Долина нарзанов со своими многочисленными минеральными источниками.

Впрочем, это уже достаточно далеко от Кабардинской равнины. Вернемся на нее. Места эти красивы во все времена года, но особенно во второй половине мая – начале июня, когда на травянистых участках холмов, неудобий, придорожных участков, то есть мест, не тронутых руками человека, начинают распускаться полевые цветы. Это переливающееся всеми оттенками синих, желтых, красных, оранжевых цветов салатно-зеленое море соотносимо с волшебным сном, райскими кущами, живущими в нашем воображении. Чего тут только нет! Белоснежные соцветия ромашек и мохнатые, представляющие собой густой колос, сиреневые тимофеевки, всех оттенков голубого и синего колокольчики и васильки, розово-белые корзинки лабазников и золотисто-оранжевые солнышки девясила, карминово-красные буквицы и скромные, словно не уверенные в себе герани... Гордая, распускающая один за другим свои нежнейшие бутоны хатьма, соперничающая с ней мальва, застенчивый небесно-голубой цикорий... Жаль, что наши ботанические познания столь скудны, так и хочется перечислить все составляющие этого пестрого полотна, словно купающегося в густом, насыщенном, вязком, как патока, чудесном аромате...

А рядом растение, приученное человеком: ровными шеренгами потянулись к небу кукурузные стебли – главного злака Кабардинской

равнины. Для народа эта культура особая, не второй хлеб, а просто хлеб, главная пища, кормилица в повседневности и спасительница в трудные времена. Одна из древнейших зерновых культур (считается, что ей более десяти тысяч лет), кукуруза была привезена в Европу Колумбом в конце XV века и с этого времени начала свое победное шествие. Португальцы завезли ее в страны Азии, отсюда она попала в Крым, населенный тогда татарами, от которых, вероятно, и узнали о ней в XVIII веке адыги, назвавшие злак «нартыху» (нартское, или богатырское, зерно). «Из кукурузной муки изготовляли пластэ – пасту, мамалыгу, мэжаджэ – хлеб, хьатыкъ – печенье, халву, шалам – лепешки. С целью длительного сохранения из поджаренной кукурузной муки делали хьэкьурт, для пищи в походе его смешивали с молотой сушеной грушей и добавляли в эту смесь мед. Кроме того, хьэкьурт ели, перемешав с кислым молоком. Его также разбавляли водой или молоком»²⁵.

В истории разведения кукурузы в Кабардино-Балкарии советской были свои взлеты и падения, триумф и забвение. Ярым поборником этой культуры являлся Никита Хрущев, бывавший в наших краях, проливший на передовиков возделывания «царицы полей» щедрый дождь звезд, орденов, званий. Впрочем, если говорить по большому счету, наград заслуженных – семенной фонд Советского Союза кукурузой на зерно в значительной мере пополняла именно наша республика.

Сегодня отношение к кукурузе иное: значительно поредели ее джунгли, достигающие порой трехметровой высоты, уменьшились урожаи. Тем не менее кукуруза была и будет главной кабардинской культурой. Обжигают и дымящиеся, нежные, растворяющиеся во рту зерна сваренных молодых початков, сладковатых, несмотря на щедрую приправу солью, – лакомство из лакомств! Горячий чурек что пирожное – воздушен, ароматен, сладок... Помнится, как восхищенно его вкушал (именно так!) герой одной из наших книг – художник Мухадин Кишев. Живущий в Испании, часто бывающий на самых престижных приемах, знакомый с изысками лучших европейских поваров. Но, как сам признался, не знавший ничего вкуснее кукурузного чурека...

Кабардинская равнина, кабардинская кукуруза и не меньшее чудо – кабардинская лошадь... Востребованная воинами (чего стоит один только факт, что генералиссимус Александр Суворов для своего легендарного перехода через Альпы использовал именно эту

породу), воспетая литераторами (множество поэтических строк посвятили стройноногим красавцам выдающиеся стихотворцы России), ценимая и нежно холимая крестьянами, для которых она и тяговая сила, и транспортное средство, и верный помощник при пастьбе скота, и надежный друг в самых непростых ситуациях...

Собирая материал для этой книги, мы не раз прибегали к помощи лошадей кабардинской породы и не уставали удивляться, сколь неприхотливы и выносливы они. По таким немислимым высям и отвесным кручам взбирались эти бесстрашные животные, так бережно несли своих неумелых седоков, что не то что кнутом стегать, даже прищпоривать их казалось верхом издевательства.

В нашем творческом трио есть настоящий любитель лошадей кабардинской породы – это художник, дизайнер издательства, который не пропустит ни одного момента, чтобы не навести объектив своей камеры на пасущихся красавцев. И вот что интересно – сделанные ею кадры всегда получаются не похожими друг на друга, практически каждый оригинален и необычен. Впрочем, чему тут удивляться – ведь самобытна, уникальна и неповторима сама порода. И поэтому лошади присутствуют в каждом из альбомов серии «Кабардино-Балкария: природная жемчужина». Это отнюдь не повторение и тем более не отсутствие снимков (каждое изобразительное издание вмещает не более десятой части имеющегося материала), а нечто совсем другое – любовное отношение к братьям нашим меньшим, гордость за предков, в прямом смысле создавших кабардинскую лошадь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Буряев Р. А., Емузова Л. З. География Кабардино-Балкарской Республики. Нальчик: Книга, 1998. С. 24.

² Распад Кабарды на Большую и Малую и установившиеся отношения с соседними народами // История Кабардино-Балкарии в трудах Г. А. Кокиева. Нальчик: Эль-Фа, 2005. С. 200.

³ Гаппоев Т. Т., Тотоев Ф. В. Величие и трагизм профессора истории // Книга памяти жертв политических репрессий РСО-Алания. Владикавказ: Иростон, 2000. Т. 1. С. 43.

⁴ Там же. С. 47–48.

⁵ Орбелиани Г. Путешествие мое из Тифлиса до Петербурга // Археолого-этнографический сборник. Нальчик: Эльбрус, 1974. Вып. 1. С. 230.

⁶ *Сталь К. Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик: Эль-Фа, 2001. С. 218.

⁷ *Ионе Г., Опрышко О.* Памятники рассказывают. Нальчик: КБКИ, 1963. С. 87.

⁸ Там же. С. 89.

⁹ Там же. С. 92.

¹⁰ *Гильденштедт И. А.* Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. // Ручкопись книги, подготовленной учеными Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН / Перевод Т. К. Шафрановской; Комментарии и общая редакция Ю. Ю. Карпова. С. 388–389.

¹¹ *Ионе Г., Опрышко О.* Памятники рассказывают. С. 90–91.

¹² Цит. по: Прошлое, настоящее и будущее термального источника «Аушигер» // Природа Черекского района Кабардино-Балкарской Республики и ее охрана. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2005. С. 14.

¹³ Там же. С. 14, 15, 16.

¹⁴ *Травинка В.* Избранное. СПб.: Питер, 1998. Т. 1. С. 249–376.

¹⁵ *Гогуюкова О. Х., Карданов А. Т.* Дугулубгей. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2005.

¹⁶ *Чеченов И. М.* Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1969. С. 60.

¹⁷ *Нарышкин Н. А.* Отчет об экспедиции в Балкарию и Кабарду // Балкария: страницы прошлого. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2005. С. 22.

¹⁸ *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Нальчик: Эль-Фа, 1999. С. 129–130.

¹⁹ *Ногмов Ш. Б.* История адыгейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 82.

²⁰ *Ионе Г., Опрышко О.* Памятники рассказывают. С. 85.

²¹ *Е. П. Ковалевский.* Очерки этнографии Кавказа // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. Нальчик: Эльфа, 2004. С. 280, 282.

²² Цит. по: *Кафоев А. Ж.* Адыго-кабардино-черкесы и тайна Этокского памятника. Нальчик: Эль-Фа, 1999, С. 16, 17.

²³ *Асов А.* Русколань: Древняя Русь. М.: Вече, 2004. С. 105.

²⁴ В Кабардино-Балкарии ищут следы древнего человека // Кабардино-Балкарская правда. 2004. 27 июля.

²⁵ Цит. по: История медицины Кабардинского округа. С.48.

KABARDINIAN PLAIN

Kabardino-Balkaria is mainly considered a mountainous land. It's true of course. But it is quite impossible without its plains, especially without a famous Kabardinian Plain with its fertile land, shady forests, capricious rivers, blooming gardens and fantastic glades. It is divided into two parts by the river Terek. They are called correspondingly Major (Bolshaya) Kabarda and Minor (Malaya) Kabarda.

Being a kind of cross-roads of History the Kabardinian Plain is a peculiar combination of nature and culture, past and present, everlasting and modern. And there is no better way to begin the travel about it as to go to the ruins of the ancient town Julat situated in the old days on the high right bank of the river Terek. It was an extensive settling stretched for 3,5 kilometers. The northern extremity of the height on which it was situated was surrounded by large ramparts and moats clearly seen today. Its population reached several thousands. It got its name after the town governor Dzulat. A famous battle between Timur (emir from the Middle Asia) and Tokhtamish (khan of the Golden Hord) took place just near Julat.

The archeological excavations show that Julat was not only the town of warriors but of craftsmen as well. The pottery of skilled workmen and the work of armourers really delight us today. As for the architects' skill we can judge about it by the ruins of the renowned Julat mosque. As it has been revealed the building of the mosque was probably the most grand and impressive in the town. It was built on a stone basement of improbably durable bricks. Four rows of columns (12 from each side) supported the roof. The mosque minaret (30–35 meters high) had a steep spiral staircase. The mosque of Julat was one of the largest in the North Caucasus. Unfortunately, nowadays we can see only the remnants of the former grandeur: the remains of the basement and some fragments of walls.

Julat today is a kind of door to the Past. It is still keeping a lot of mysteries not only to the archeologists but to everybody who is ready to start the most thrilling adventure – to the palpable and invisible, imaginary and material enigma of Time.

Kabardinian land in this place reveals all its splendour which is particularly emphasized by the wide flood of the river Terek. The Minor Kabarda Irrigating Complex situated there – a monument to the Soviet time – is one more impressive construction. 300 meters dam, 417 meters tunnel, the irrigating canals' separation system were built with picks and spades in 1924–1929.

The Terek flows there especially quietly and solemnly. The Lombardy poplars planted around the white constructions of the Irrigating Complex as if inviting you to have a rest there...

The next place of pilgrimage is the so called Aushiger hot springs considered to be really magic because of their water that can cure a lot of ailments. The springs are not far from Nalchik (about 30 km), at the place where the river Kheo is flowing into Cherek river. These springs were found in 1964 when drilling technicians tried to find oil there. From that time many people go there to take healing baths.

But the springs are not the only wonder of this place. One more surprising thing here is a famous blue clay known for its medical and cosmetic effect. It's a true masterpiece of nature, a real thing to amaze. As all other natural means of recovering it once more assures us of unprecedented power of the so called vital energy spread in water, air, sun, earth. The Aushiger springs found some 50 years ago prove that not all the treasures of our land have been discovered. Perhaps, we'll have an opportunity to witness new surprising results of nature's phenomena.

We should mention the abundance of unusual stones, pebble and shingle littering the Kheo river bed. Sometimes it's impossible to define what they are like. Many of them have the portraits of the ancient sea animals. Some resemble tortoise shell. As was mentioned in the album "Nalchik and its vicinities" the sea waves splashed there millions years ago. Again and again during our journey we are able to face the Time itself in its constant transformations.

Now in our travel to the past we get to the Kizburun Hills – the ancient settlement near Kizburun. These three hills overgrown today with grass, shrubbery and trees, girdled with earthen ditches and ramparts call forth a sort of respect to the builders of the fortification. They could perfectly take into consideration the character of the relief to make the fortress unassailable.

This fortification goes back to IV–XIII centuries AD. As for the finds of material culture they are rather scarce. Among them there are only the fragments of the pottery resembling those from Julat. They are defined as Alan type. Unfortunately, the most part of the finds have disappeared completely. We can only imagine now what we should have got.

One of the most unusual monuments found ever in Kabarda is the stone idol. It stood near the settlement Etoko, to the right of the road Nalchik – Pyatigorsk. It was called Duka-Bekh. It's upper part was a representation of man up to the waist. The lower part of the idol had some carved drawings (figures of men – on foot and astride, scenes of hunting, warlike competitions) and an enigmatic inscription. The letters reminded the letters of Slavonic or Greek alphabet. Nobody could decipher the inscription. But the idol was considered to be the image of some Christian warrior.

There are some versions connected with this monument. According to one of the most interesting that stone idol refers to the Kabardinian nobleman

Daou who lived in the IX century AD. He had eight sons. The eldest – Baksan, a renowned Nart (an epic hero) – was killed in the cruel battle together with all his brothers and 80 more warriors. This event was glorified in a folk song and was commemorated by annual folk contest. The only sister of Baksan and his brothers buried them with honor at the bank of the river Etoko. It was she who set the stone idol at their grave.

At the end of the XIX century the monument was sent to Pyatigorsk and placed at the Tsvetnik (Alley of flowers). Later on it was brought to Moscow to the Museum of History.

Zolsky district where Duka-Bekh was set in the old past is one of the most famous for numerous sights and unusual things. For example, people lived in the caves not far from the settlement Kamenny Most (Stone Bridge) already in Paleolithic time. In two kilometers from this settlement to the left of the river Malka there are two ideally round lakes reminding of blue human eyes. They are rather deep. But in contradistinction to the fabulous Blue lakes (Cherek canyon) they are abundant with fish. There is, of course, a healing spring to make your eyes keen. There are some more springs in the vicinity known for their unusual qualities. Not far from here there is a famous Narzan (a mineral water) Valley.

The Kabardinian Plain is beautiful in any season. But it is amazingly wonderful in May and June when it is flooded with flowers. They are of different hues and colors, of various kinds and sorts. A subtle aroma, viscous like syrup. A feast for eyes. Chamomiles, bluebells, clovers, orchids, cornflowers, buttercups, mallows, flowers of azalea... And close by there are regular rows of maize stalks – the main kind of cereals in our republic. Being one of the oldest growing cereals, the maize is ranked particular among the natives. It is may be called their bread in the exact sense of the word. The local name of maize is nartikhu – the grain of heroes.

Speaking about the Kabardinian Plain we should especially mention one more wonder of the land. It is a Kabardinian horse. The horses of this breed are widely known in our county and abroad. It is the horse of warrior and farmer. This horse is strong, fast, hardy and undemanding not to speak about its beauty. By the way, the great Russian commander Alexander Suvorov had a Kabardinian horse during his legendary passing over the Alps.

We think that it's next to impossible to find a more attractive and appealing picture like that of a mare and its foal. Looking at these beautiful and noble animals we feel some strange and stirring emotions recalling in our memory and soul human's true link with Nature.

Coming to the end of our journey around the Country of Elbrus we'd like to wish you to see everything yourself. We invite you to visit our wonderful land – the land of splendid mountains and tumultuary highland rivers, nice green plains and rich forests. The land old and young. The unique part of the Earth.

ОГЛАВЛЕНИЕ

...Завершая рассказ о достопримечательностях Кабардино-Балкарии, жемчужины Кавказа, мы хотели бы еще раз уточнить: наш труд вовсе не путеводитель – туристических маршрутов как таковых в работе нет (хотя привязка к местности, естественно, присутствует), а поэтому ориентироваться в поисках описанных объектов, пользуясь только книгой, в определенных случаях будет весьма затруднительно.

Мы пытались описать именно путешествие. Совершенное пишушими эти строки, в которое они приглашают читателя. Путешествие, спутниками в котором были книги – прочитанные авторами, изданные ими и ими же написанные. Путешествие в прошлое и настоящее, которое видится нам занимательным. Хочется верить – таким оно и станет для любознательного читателя.

Удивительнейший уголок планеты Земля	5
The marvelous corner of our planet.	11
Баксанское ущелье	13
Baksan canyon	61
Приэльбрусье...	65
The national park of Elbrus.	94
Приэльбрусье: Джилы-су	99
Gili-Su – the wonder of nature	131
Чегемское ущелье	135
Chegem canyon	166
Хуламо-Безенгийское ущелье	171
Khulam-Bezengy canyon	201
Черекское ущелье	205
Chereck canyon	236
Нальчик и его окрестности	241
Nalchik and its vicinities	396
Кабардинская равнина	403
Kabardinian plain	431

ББК 63.3 (2Р-6КБ)
К 73

Котляровы М. и В.

К 73 Живописная Кабардино-Балкария: Занимательное путешествие с авторами и героями книг по республике, которую называют жемчужиной Кавказа. – Нальчик: ООО «Полиграфсервис и Т», 2011. 2-е изд., испр. – 416 с. + вкл. 32 с.

ISBN 978-5-93680-396-3

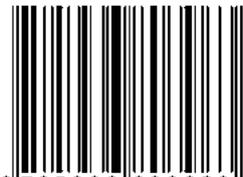
Литературно-художественное издание

Мария и Виктор Котляровы

ЖИВОПИСНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ
Занимательное путешествие с авторами и героями книг по республике, которую называют жемчужиной Кавказа

2-е издание, исправленное

ISBN 978-5-93680-396-3

9 785936 803963

Лицензия ИД № 00003 от 27.08.99

Сдано в набор 05.11.11. Подписано в печать 19.11.11.

Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Прагматика.

Усл. печ. л. 24,17 +1,86 вкл. Тираж 500 экз.

Издательство М. и В. Котляровых («Полиграфсервис и Т»)

360051, г. Нальчик, ул. Кабардинская, 19

Тел./факс.: (8662) 42-62-09 e-mail: elbrus@mail.ru www.elbruss.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО МАРИИ И ВИКТОРА КОТЛЯРОВЫХ

360051, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Кабардинская, 19
(вход с ул. Грибоедова). Тел./факс: (8662) 42-62-02. e-mail: elbrus@mail.ru www.elbruss.ru

КНИГИ, ФОТОАЛЬБОМЫ, БУКЛЕТЫ:

история, краеведение, этнография, орография народов Кавказа

СЕРИЯ
«КАВКАЗ»

Включает в себя работы по истории, этнологии, географии народов Кавказа, вышедшие до 1917 года и впоследствии не переиздававшиеся. Тома не нумерованы, оформлены серийно (формат 70x100^{1/16}, ламинированный переплет); первый выпуск вышел в 2007 г., остальные – в 2010 г.

Выпуск I. Географические объекты и названия

Знаменитый указатель Д. Д. Пагирева 1913 г., включающий в себя все географические названия и объекты Кавказа с указанием долготы и широты.

Адаптирован к современным условиям. 436 с.

Выпуск II. История, народы, обычаи

Переиздание (уточненное) знаменитого 9-го тома «Кавказ» серии «Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении». Печать двухцветная, сотни фотографий. 432 с.

Выпуск III. Европейские дневники XIII–XVIII веков

Новые переводы нарративных (описательных) источников о горах Кавказа. Среди 47 авторов: Горсей, Витсен, Брус, Эллис, Штедер, Фальк, Сегюр, Паллас. 304 с.

Выпуск IV. Адаты горских народов

Адаты балкарцев, ингушей, кабардинцев, карачаевцев, кумыков, народов Дагестана, осетин, черкесов, чеченцев, собранные Ф. И. Леонтовичем и А. В. Комаровым. 384 с.

Выпуск V. Культы, легенды, предания

Исследовательские работы русских этнологов – Василия Швецова, Евгения Вейденбаума, Григория Чурсина, Всеволода Миллера – представлены семью работами, среди которых «Кавказские амазонки», «Кавказские предания о великанах, прикованных к горам», «Кавказские сказания о циклопах». 320 с.

Выпуск VI. Край гордой красоты

Переиздание (уточненное) знаменитого сборника «Покоренный Кавказ». Печать двухцветная, сотни фотографий. 560 с.

Выпуск VII. Закон и обычай

Знаменитая работа этнолога М. М. Ковалевского «Закон и обычай на Кавказе». 384 с.

Выпуск VIII. Племена, нравы, язык

Исследовательские работы знаменитых ученых и путешественников, среди которых: Иоганн Антон Гюльденштедт, Адриан Бальби, Г. Кастильон, Н. Данилевский, Карл Сталь, Адольф Берже, Дмитрий Анучин, Николай Карлгоф, Готфрид Мерцбахер и др. 352 с.

В следующих выпусках: **«Очерки Кавказа. Картины кавказской жизни, природы и истории»** Е. Л. Маркова; **«Народы Кавказа», «История завоевания Кавказа»** П. И. Ковалевского.

РОДНОЙ ЛАНДШАФТ

С 2004 года издательство работает над созданием художественно-документальной фотолетописи о природной жемчужине, какой является Кабардино-Балкария. В рамках проекта «Родной ландшафт» вышло около трех десятков авторских изданий – буклеты, путеводители, комплекты открыток, фотоальбомы.

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ: ПРИРОДНАЯ ЖЕМЧУЖИНА

Комплект из восьми большеформатных фотоальбомов: «Приэльбрусье», «Приэльбрусье: Джилы-су», «Чегемское ущелье», «Хуламо-Безенгийское ущелье», «Черекское ущелье», «Баксанское ущелье», «Нальчик и его окрестности», «Кабардинская равнина» – вобравших в себя тексты Марии и Виктора Котляровых и сотни оригинальных фотографий Жанны Шогеновой. На снимках – достопримечательности, природные и исторические памятники, флора и фауна, турбазы и базы отдыха, знаковые места неповторимого уголка Кавказа.

Составной частью альбомов являются тематические вкладыши, включающие в себя материалы об обычаях и традициях титульных народов Кабардино-Балкарии.

Подписи к фотографиям, предисловие и резюме основного текста переведены на английский язык; публикуются карты описываемых местностей, топографический словарь, библиографические сведения.

2005–2008 гг. Формат 200 x 290, переплет, 160 с., цв. ил., мелованная бумага

НЕОБЪЯСНИМОЕ. НЕПОЗНАННОЕ. НЕВЕРОЯТНОЕ ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ. ЗАБЫТОЕ. ЗАГАДОЧНОЕ

Первые два тома новой серии книг, в которых литераторы Мария и Виктор Котляровы и фотограф Жанна Шогенова рассказывают об удивительных явлениях и событиях, происходивших на заповедной земле Кабардино-Балкарии. Каждое издание содержит более 30 материалов о таинственных, не находящих однозначного объяснения фактах, проиллюстрированных многочисленными фотографиями. Истории эти выглядят фантастическими, но грань между реальным и выдуманным авторы не переходят, предоставляя читателю самому сделать выбор – поверить сказанному или просто иронически улыбнуться.

2008 г. Формат 175 x 250, переплет, 264 с., цв. ил., мелованная бумага

2009 г. Формат 175 x 250, переплет, 336 с., цв. ил., мелованная бумага

НАРОДЫ КАВКАЗА: ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ГЕОГРАФИЯ

Издательство приступило к выпуску серии, не имеющей аналогов в российском книгоиздательстве, – сборникам текстов и фотодокументов о народах Кавказа. Вышли в свет первые два тома «Балкария – страна гор и ущелий. Этнос, экскурс, орография», где Мария и Виктор Котляровы выступают составителями,

авторами проекта, предисловий, комментариев. В томах представлено более чем шестьдесят авторов трудов о стране гор и ущелий, написанных почти за четыре столетия. Приводятся сведения об источниках, откуда взяты труды, данные об авторах, времени написания ими очерков, заметок, исследований. На каждом развороте воспроизведены фотографии, в подавляющем большинстве дореволюционные; общее их количество превышает 500, причем многие, почерпнутые у частных лиц, публикуются впервые.

Двухцветная печать позволила придать черно-белым снимкам особую историческую достоверность; как патина со временем покрывает бронзу, так и здесь темно-зеленый цвет наложил особый оттенок на документальные свидетельства прошедшего времени.

Общий объем двухтомника – 120 п. л.

2009 г. Формат 200 x 290, переплет, 520 с. в каждом томе

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ: ЖЕМЧУЖИНА КАВКАЗА

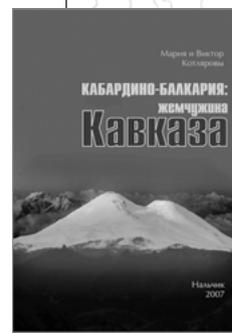
Уникальная по объему и содержанию работа литераторов Марии и Виктора Котляровых и фотографа Жанны Шогеновой, построенная как путешествие по республике, – это рассказ о древних крепостях, могильниках, наскальных рисунках, археологических находках, встречах с необычными явлениями и фактами, этнографических моментах быта, людях, знаковых для кабардинцев и балкарцев.

Уникальность книги придать публикуемые в приложении многочисленные высказывания об истории, обычаях и традициях, одежде и быте титульных народов республики европейских путешественников начиная с XIII века, сведения, почерпнутые из работ русских исследователей, военных, журналистов.

В издание включены сотни оригинальных фотографий и репродукций – перед читателем зримо встает история Кабардино-Балкарии, отраженная в картах многовековой давности, миниатюрах из древнерусских летописей, гравюрах европейских и русских художников, фотографиях и почтовых открытках конца XIX – начала XX века.

Все высказывания снабжены ссылками на первоисточники, дается расшифровка географических и топонимических названий, каждая глава книги имеет краткое резюме на английском языке.

2007 г. Формат 200 x 290, переплет, 720 с., в т. ч. 168 с. цв. ил.

Мария и Виктор Котляровы – журналисты, литераторы, издатели – в Кабардино-Балкарии и за ее пределами известны своими работами, посвященными истории, этнологии титульных народов КБР. Сегодня в их творческом багаже более 50 авторских книг, в том числе: «Ты создал мир. И он велик. Книга о поэте Али Шогенцукове» (2000), «Я тот, кто будет... Книга о ректоре Владимире Тлостанове» (2001), «Ладони протяжи к огню души моей... Книга о художнике Мухадине Кишеве» (2002), «Адыги: сердца и судьбы» (2002), «Балкария: боль и гордость. Книга о мудром кузнеце Кязиме Мечиеве» (2003), «Живописная Кабардино-Балкария» (2006), «Неповторимый Нальчик» (2006), «Кабардино-Балкария: жемчужина Кавказа» (2007), «Необъяснимое. Непознанное. Невероятное» (2008), «Занимательное. Забытое. Загадочное» (2009). Издательской деятельностью занимаются около 20 лет – первые книги были выпущены в 1992 году в созданном ими центре «Эль-Фа». За семь лет увидело свет более трехсот названий, в том числе около тридцати в серии «Кавказский литературно-исторический Олимп» (КЛИО).

С 1999 года учредители – Мария и Виктор Котляровы – зарегистрировали новое издательство, получившее название «Полиграфсервис и Т» и начавшее работу в рамках объединенной редакции регионального журнала «Эльбрус» – независимого альманаха, имеющего российскую аккредитацию. С 2006 года книги стали выходить под маркой «Издательство М. и В. Котляровых».

Восемьсот книг увидело свет за это время. Большинство их оформила **Жанна Шогенова** – профессиональный дизайнер, фотограф, художник. Несомненным свидетельством ее мастерства являются альбомы, составившие серию из восьми томов «Кабардино-Балкария: природная жемчужина», в которую вошло более полутора тысяч авторских снимков.

Плодотворными для мастера стали последние годы – увидели свет красочные альбомы «Кабардино-Балкария: сердце Кавказа», «Живая связь времен: декоративно-прикладное искусство Кабардино-Балкарии», фотоиздания «Необъяснимое. Непознанное. Невероятное», «Занимательное. Забытое. Загадочное», первые тома многотомной серии «Народы Кавказа: история, география, этнография».

Оценивая деятельность издателей, Сергей Степашин, председатель Счетной палаты РФ, являющийся также президентом Российского книжного союза, назвал их патриотами, чье благородное научное подвижничество способствует взаимопроникновению культур, сближению народов Северного Кавказа и России.